

730
471

Уроки
истории

НЕОПРОВЕРЖИМЫ

Уроки истории **НЕОПРОВЕРЖИМЫ**

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора
полковника
А. А. СТРОКОВА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА · 1964

«Некоторые современные империалистические деятели, — говорил в докладе о 45-й годовщине Советских Вооруженных Сил Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, — с раздражением вспоминают наши напоминания о прошлом. Но что поделаешь? Страниц правды из истории не вычеркнешь!»

Настоящая книга — это еще одно напоминание об уроках минувшей войны. Измышлениям буржуазных фальсификаторов, всячески пытающихся в наши дни умалить значение всемирно-исторических побед Советской Армии и одновременно реабилитировать гитлеровский генералитет за многочисленные поражения, в ней противопоставлены действительные факты истории. Напоминая о прошедшем, они служат хорошим предупреждением всем тем, кто вынашивает планы новой войны против Советского Союза и стран социалистического лагеря.

Книга написана коллективом авторов под руководством доктора исторических наук, профессора полковника А. А. Строкова.

Введение написано доктором исторических наук, профессором полковником **А. А. Строковым**; главы первая и четвертая — кандидатом исторических наук, доцентом полковником запаса **Н. Т. Царевым**; глава вторая — кандидатом военных наук, доцентом полковником **Д. М. Проэктором**; глава третья — кандидатом исторических наук, доцентом капитаном 1 ранга **В. Н. Багровым**; глава пятая — кандидатом исторических наук, доцентом полковником запаса **А. Д. Ульяновым**; главы шестая и седьмая — кандидатом военных наук, доцентом полковником **В. А. Секистовым**; глава восьмая — полковником **Б. Г. Соловьевым**; глава девятая — кандидатом военных наук, доцентом полковником **В. А. Мацуленко**; главы десятая и одиннадцатая — кандидатом исторических наук, доцентом полковником запаса **С. Т. Мажоровым**; глава двенадцатая — кандидатом исторических наук, доцентом капитаном 1 ранга **И. И. Марковым**; глава тринадцатая — кандидатом исторических наук подполковником **Е. Г. Вераксой**; глава четырнадцатая — кандидатом исторических наук подполковником запаса **А. Н. Мерцаловым**.

ВВЕДЕНИЕ

В Великой Отечественной войне советский народ и его Вооруженные Силы, руководимые Коммунистической партией, одержали блестящую победу над фашистской Германией и империалистической Японией. Молодой, полный жизненных сил строй социализма обеспечил решительное и непрерывное ведение активной вооруженной борьбы, постоянное наращивание сил и средств и наступательных ударов в ходе необычайно напряженной и тяжелой четырехлетней войны.

В Великой Отечественной войне советская военная наука, разработанная на основе теории марксизма-ленинизма, в условиях нового, передового социально-экономического и политического строя и базирующаяся на справедливой политике Коммунистической партии, показала свое полное превосходство над военной наукой империалистических государств. Постоянно обогащаемая опытом ведения войны, она являлась материальной силой в руках советских командных кадров. Способность в ходе войны глубоко и всесторонне обобщать боевой опыт, совершенствовать существующие и находить более действенные способы и формы борьбы — замечательная черта наших военных кадров.

Советская Армия вышла из войны, вопреки надеждам империалистов, самой сильной и закаленной армией, обладающей передовыми способами ведения военных действий.

* * *

Победоносные действия Советской Армии получили высокую оценку многих зарубежных политических, военных и общественных деятелей. Отдельные признания, относящиеся к военно-экономической мощи Советского

Союза, к боевым качествам армии, к политическому и военному руководству и к большим битвам и сражениям, выигранным советскими войсками, можно найти и в трудах бывших немецко-фашистских генералов, на себе испытавших в ходе войны удары советских войск на фронте и партизанских отрядов в тылу.

Уже в самом начале войны, во время успешного продвижения немецко-фашистских полчищ в глубь нашей страны, в зарубежной печати все шире отмечалось возрастающее с каждым днем сопротивление Советской Армии. Это же вынуждены были признать и наши враги. «Убедительным было упорство противника, — признает гитлеровский генерал Типпельскирх, — поражало количество танков, участвовавших в контратаках. Это был противник со стальной волей, который безжалостно, но и не без знания оперативного искусства бросал свои войска в бой»¹. Немецко-фашистских генералов удивляло, что русские держались с «неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали. Этим они выигрывали время и стягивали для контрударов из глубины страны все новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось»².

Гитлеровское командование, ослепленное быстрыми и легкими победами над армиями Польши, Франции и других европейских стран, было твердо убеждено в том, что удастся повторить «блицкриг» и в войне против СССР. Однако вскоре оно вынуждено было признать, что «план Барбаросса», составленный в надежде победить Советский Союз в быстротечной войне, провалился.

Уже 21 августа, через два месяца после нападения на СССР, последовала директива гитлеровского командования, из которой видно, что противник был вынужден отказаться от идеи немедленного захвата Москвы и усилия своих войск направил на захват Ленинграда, Крыма и Донбасса. Но 2 октября 1941 г. он снова предпринял наступление на Москву. И опять, несмотря на огромное напряжение и потери, оно закончилось провалом. Более того, гитлеровским войскам под натиском развернувшегося контрнаступления советских войск

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., Изд-во иностранной литературы, 1956, стр. 180.

² Там же, стр. 190.

пришлось отступать от советской столицы. В битве под Москвой Советские Вооруженные Силы нанесли первое крупное поражение немецко-фашистской армии, развеяв миф о ее непобедимости. Русские, заявил в то время Черчилль, которого трудно заподозрить в симпатиях к нашей стране, «первые развеяли гитлеровскую легенду» о всеисилии вермахта. Один из видных участников похода Гитлера на Москву генерал Блюментрит с горечью записал в дневнике, что «Московская битва принесла немецким войскам первое крупное поражение во второй мировой войне. Это означало конец блицкрига, который обеспечил Гитлеру и его вооруженным силам такие выдающиеся победы в Польше, Франции и на Балканах»¹.

Многочисленные отклики во всех странах земного шара получила победа Советских Вооруженных Сил у стен волжской твердыни, где советские войска с большим искусством окружили и уничтожили крупную группировку противника. Битва на Волге явилась одной из славных побед на пути к полному разгрому гитлеровской военной машины. Коренной перелом в борьбе с врагом, начавшийся еще в сражении под Москвой, теперь определился особенно четко. Бывший начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Цейтцлер признавал, что «Сталинградское сражение действительно оказалось поворотным пунктом всей войны»².

В битве под Курском советские войска ликвидировали последнюю попытку противника осуществить большое летнее наступление. Немецко-фашистское командование вынуждено было отказаться от наступательной стратегии и перейти к обороне на всем советско-германском фронте. Войска противника после Курской битвы все время откатывались на Запад. В результате провала наступления под Курском «инициатива на Восточном фронте, — писал Гудериан, — окончательно перешла к противнику. С этого времени немецкая армия постоянно отступала»³.

Зарубежные военные и политические деятели, а также генералы немецко-фашистской армии не ожидали,

¹ Рожовые решения. М., Воениздат, 1958, стр. 64.

² Там же, стр. 209.

³ Итоги второй мировой войны. Сборник статей. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 130.

что развернувшееся наступление советских войск будет проходить в таких быстрых темпах и масштабах, невиданных в истории войн. Они не предполагали, что советское командование «обладает высокими способностями в области стратегии»¹.

Военные деятели Третьей империи возлагали надежды на истощение советского наступления. Однако удары следовали с нарастающей силой. Советские войска продолжали наступление. На южном крыле советско-германского фронта за полтора года, с ноября 1942 г. по апрель 1944 г., они продвинулись на 1000—1500 километров, при этом была только одна трехмесячная пауза с апреля до июля 1943 г. «Боеспособность... русских войск постоянно возрастала», — вынужден засвидетельствовать генерал Бутлар; противник имел «возможность высвобождать для армии все новые контингенты... формировать и обучать все новые и новые соединения», а русские заводы выпускали огромное количество вооружения, которое отличалось большой простотой конструкции². Немецко-фашистский фельдмаршал Манштейн, командуя группой армий на советско-германском фронте, с ненавистью вспоминает: «Мы встретили поистине гидру, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали две новые»³.

В 1944—1945 гг. наша армия громила врага на Правобережной Украине, в Белоруссии, Восточной Пруссии и Польше. В завершающей Берлинской операции советские войска нанесли небывалый по силе удар по врагу. Здесь они в короткий срок окружили, расчленили и уничтожили крупную группировку противника. При этом они успешно форсировали такие серьезные водные преграды, как Одер и Нейсе, умело использовали кюстринский плацдарм, осуществили глубокий маневр танковыми соединениями во фланг и тыл вражеской группировки, показали образцы ведения боевых действий в самом Берлине, превращенном вражеским командованием в исключительно сильный узел обороны. «Без успешных действий Красной Армии, — заявлял в докладе военному министру начальник штаба армии США генерал Мар-

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 133.

² См. Мировая война. 1939—1945 годы. Сборник статей. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 217.

³ Erich v. M a n s t e i n. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 509.

шалл, — американские войска были бы не в состоянии противостоять агрессору и война была бы перенесена на американский континент»¹. Невероятную стойкость советского солдата, его высокие морально-боевые качества, его бесстрашие и твердость, безграничную способность переносить лишения и трудности не могут не признать и генералы вермахта.

* * *

Вскоре после окончания второй мировой войны международная реакция во главе с американским империализмом — главным оплотом реакции и международным жандармом — повела подготовку к новой мировой войне.

Готовясь к войне против СССР и других стран социалистического лагеря, агрессивные империалистические круги развернули широкую идеологическую борьбу против Советского Союза, отведя особое место в этой борьбе фальсификации истории второй мировой войны, извращению роли советского народа и его Вооруженных Сил во второй мировой войне. На политическую арену были вытаснены гитлеровские генералы. В США, Англии и Западной Германии стали появляться объемные описания и мемуары американских и английских военных деятелей и военных историков: Брэдли, Монтгомери, Кларка, Фуллера, Лиддела Гарта и др., а также гитлеровских генералов: Типпельскирха, Герлицца, Гудериана, Манштейна, Кессельринга, Меллентина, Бутлара, Мантейфеля, Цейтцлера, Вестфала, Блюментрита и др.

Вследствие политики американского империализма — ремилитаризации и включения Западной Германии в агрессивный Североатлантический блок (НАТО), западногерманские реакционные, преваншистские элементы, пришедшие к власти, вновь повели усиленную подготовку страны к войне. В целях подготовки к новой мировой войне и восстановления военного престижа бывшей Третьей империи и ее вооруженных сил популяризируется немецко-фашистский генералитет.

¹ The war Reports of George C. Marshall, H. K. Arnold, Ernest S. King. New York, 1947, p. 149.

Многочисленные труды, написанные бывшими гитлеровскими генералами, проникнуты реваншистским, милитаристским духом, восхвалением действий немецко-фашистских вооруженных сил и их генералитета во второй мировой войне¹, стремлением снять ответственность с гитлеровской армии за невиданные в истории войн зверства над советскими гражданами и населением захваченных государств.

В своих трудах по истории второй мировой войны гитлеровские генералы и их английские и американские коллеги стремятся умалить роль и значение СССР в разгроме гитлеровских полчищ и вопреки истине приписать главную роль в победе над гитлеровской Германией США и Англии. Они фальсифицируют решающую роль Советской Армии в достижении победы над фашистским государством и роль проведенных ею больших операций, раздувают значение военных действий западных держав в Северной Африке, в Средиземном море и т. п., выдвигают ложный тезис о решающей роли англо-американской авиации. Гитлеровский генерал Мантейфель пишет: «Своей военной техникой Америка решила и исход второй мировой войны...»². Решающей якобы роли западных армий в разгроме гитлеровской Германии посвящена книга «Стратегические решения», изданная в 1959 г. отделом военной истории армии США³.

Одной из широко распространенных версий, с помощью которых буржуазные военные идеологи пытаются извратить характер вооруженной борьбы на советско-германском фронте, принизить роль Советских Вооруженных Сил и советское военное искусство и обелить германский генералитет, является версия о том, что в поражениях фашистских войск виноват только Гитлер, допустивший политические и военные ошибки.

¹ «Наши армии Восточного фронта, — объявляет в «Роковых решениях» Цейтцлер, — попали в критическое положение не по своей вине. Они воевали блестяще» (стр. 158).

² Итоги второй мировой войны, стр. 607. Решающим фактором поражения Германии, старается уверить западногерманский автор многих трудов по истории второй мировой войны Ганс Якобсен, было то, что с 1942 г. «Германия уступает в воздухе» и что с 1943 г. центр тяжести ведения войны «перемещается с суши на сторону воздушной стратегии». Переоценка роли американско-английской авиации дается в мемуарах английского генерала Исмея «The Memoirs of General the Lord Ismay». London, 1960, pp. 306, 382.

³ Command Decisions, New York, 1959, p. 480.

Такую версию особенно настойчиво пропагандируют бывшие гитлеровские фельдмаршалы и генералы, выступающие ныне в качестве «историков» второй мировой войны. Они всячески пытаются отмежевать генеральный штаб и генералитет немецко-фашистской армии от Гитлера и нацистской партии, скрыть свою приверженность Гитлеру и единомыслие с ним и переложить на него всю ответственность за подготовку и ведение войны, за разгром немецко-фашистских войск на советско-германском фронте.

Если в начале войны с СССР высший генералитет находился якобы в скрытой оппозиции к политике и военному руководству Гитлера, то в дальнейшем «значительную часть нашей деятельности», уверяет гитлеровский фельдмаршал Манштейн, «занимала борьба с Гитлером». Блюментрит пишет, что главнокомандующий сухопутными силами Германии Браухич и его начальник штаба Гальдер отговаривали Гитлера от войны с Россией, но в то же время он признает: «Многие из наших руководителей сильно недооценили нового противника». Блюментрит объясняет это тем, что гитлеровские военачальники не знали ни русского народа, ни тем более русского солдата. «Некоторые наши военачальники... не имели ни малейшего представления о географических условиях России и стойкости русского солдата...»¹. С этим, в общем, нельзя не согласиться. Однако, что касается предостережений, исходивших от генерального штаба, то документы свидетельствуют о противоположном: немецкий генеральный штаб несет полную ответственность за подготовку и развязывание войны, за поражение Германии. В дневнике, составленном Гальдером, есть запись, сделанная им за год до войны — 22 июня 1940 г., которая гласит: «Русская проблема должна быть разрешена наступлением»². Стратегический план «молниеносной войны» — тоже продукт немецкого генерального штаба. Тот же Гальдер в своем дневнике записал:

¹ Роковые решения, стр. 64.

² Подобные убеждения в то время разделяли руководящие военные лица не только Германии, но также США и Англии — вынужден признать историк Запада Ганс Якобсен в книге «Вторая мировая война в хронике и документах. 1939—1945». (H. A. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959, S. 471).

«Следует как можно быстрее разгромить Россию». Немцы были убеждены, говорит Гудериан, что «подобно кампаниям в Польше и Франции, война на Востоке будет также молниеносной»¹.

Бывшие гитлеровские военачальники пытаются снять с себя ответственность не только за авантюристический характер военной стратегии фашистской Германии, но и за провал операций немецко-фашистских войск, обвиняя в этом того же Гитлера. Они утверждают, что, когда Гитлер после снятия Браухича стал одновременно верховным главнокомандующим и главнокомандующим сухопутными силами², он все больше и больше вмешивался в оперативное и тактическое руководство сухопутными войсками и, не являясь военным специалистом, мешал и просто запрещал проводить нужные и разумные операции своим фельдмаршалам и генералам, являвшимся якобы лучшими в мире знатоками и практиками военного искусства.

Факты, приводимые немецкими авторами мемуаров, свидетельствуют, что решения и приказы гитлеровского верховного командования выражали взгляды и волю руководителей вермахта, а не одного Гитлера. Это косвенно подтверждает генерал Цейтцлер, сменивший в январе 1942 г. Гальдера на посту начальника штаба сухопутных войск и ныне выставляющий себя оппозиционером Гитлера.

Вот, например, как произошло принятие решения о 330-тысячной группировке Паулюса, окруженной у берегов Волги. Явившись к Гитлеру, генерал Цейтцлер заявил: «Так как операция по деблокированию 6-й армии не может состояться, необходимо отдать этой армии приказ с боем выйти из окружения. Это нужно сделать немедленно, пока еще не поздно». Гитлер возражал, но затем вызвал руководителей главного штаба вооруженных сил Кейтеля и Иодля. Кейтель сказал твердо, что Волгу оставлять нельзя. Иодль также высказался за неременное удержание позиций на Волге. Только тогда Гитлер, указав, что Кейтель и Иодль

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 117.

² Главнокомандующий сухопутными силами и генеральный штаб сухопутных сил Германии занимались исключительно Восточным фронтом.

старше Цейтцлера по чину, подтвердил согласованное с военным руководством вермахта прежнее решение. И тем не менее генерал Гудериан отмечает, что последовавшая затем катастрофа вызвана упрямством одного Гитлера.

Приведем еще факт. Бывший командующий группой армий на Курской дуге фельдмаршал Манштейн пишет, что немецкая армия «смогла бы разбить русских под Курском, но невежество Гитлера в стратегии не позволило усилить наступавшие войска». А кто же разрабатывал эту операцию? Известно, что тот же Цейтцлер, не без одобрения Манштейна, составил план наступления и окружения советских войск под Курском.

Напрасно стараются бывшие гитлеровские фельдмаршалы и генералы. Даже не все их новые заокеанские хозяева верят им. «Мнение Гитлера, — высказывается американский военный историк С. Маршалл в предисловии к американскому изданию книги «Роковые решения», — было решающим в военном совете лишь потому, что большинство профессиональных военных поддерживало его и соглашалось с его решениями. Наиболее рискованные решения Гитлер принимал отнюдь не против воли большинства немецких военных руководителей — многие из них разделяли его взгляды до конца»¹.

Итак, нелепа, архивздорна в своей основе попытка отделить Гитлера от генералитета. Гитлер и гитлеровские военачальники представляют одну клику преступников, развязавших войну и принесших неисчислимые бедствия человечеству².

¹ Роковые решения, стр. 31.

Американские военные идеологи, направляющие пропаганду новой агрессии против Советского Союза, не всегда были довольны приемами фальсификации своих немецких коллег, их умением «тонко излагать». Американский военный журнал «Милитэри ревью», рецензируя изданную в США книгу «Фатальные решения» (Fatal Decisions, Edited by S. Freidin and W. Richardson. New York, 1956), указывал на не слишком «тонкую попытку освободить германскую армию от ответственности за поражение» («Military Review» November, 1956, p. 112).

² Герт Буххайт, автор книги «Гитлер как полководец» (G. Buchheit. Hitler als Feldherr. Die Zerstörung einer Legende. Rastatt (Baden), 1958), много страниц отводит показу Гитлера как психически неуравновешенного человека. Его авантюризм в политике и невежество в военном деле являлись причиной, мешавшей якобы разумному немецкому генералитету выиграть удачно начатую войну.

Многие буржуазные авторы книг по истории второй мировой войны не скупятся на краски в стремлении показать, что немецко-фашистские войска потерпели поражение будто бы не потому, что Советская Армия превосходила их по боевому мастерству и героизму, а потому, что у нее были такие «союзники», как распутица, суровая зима, огромное пространство и т. п.

«С полным основанием можно считать, — заявляет английский буржуазный военный писатель Фуллер, — что не сопротивление русских, как бы велико оно ни было, а грязь, в которой застрял германский транспорт за линией фронта, спасла Москву»¹. Бывший гитлеровский генерал Меллентин уверяет, что осенняя распутица и ранняя зима остановили в 1941 г. наступление гитлеровских войск, остановили именно тогда, «когда уже вдали виднелись башни Кремля»². К поражению немецко-фашистские войска, по словам Гудериана, привели русская зима, недостаток дорог с твердым покрытием, сильные повреждения железнодорожного полотна, а также «паразиты и мухи», вызывавшие «самые разнообразные болезни».

Выходит, что немецко-фашистским войскам, их фельдмаршалам и генералам мешал не только Гитлер. Им мешали климат и географические условия. Не будь «дурного» климата и «плохих» географических условий, они одержали бы победу.

Беспочвенность подобных утверждений очевидна. Климатические условия для обеих сторон были одинаковыми. Советские войска вели оборонительные и наступательные боевые действия в тех же климатических условиях, в каких находились немецко-фашистские захватчики. Дороги для обеих сторон были также одинаковыми. И не распутица и не мороз, а героизм советских людей, руководимых Коммунистической партией, спас Москву от гитлеровского нашествия. Морозы и снежные метели не помешали советским войскам в

¹ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., Изд-во иностранной литературы, 1956, стр. 168.

² Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 290.

конце 1941 и начале 1942 г. разгромить и отбросить немецко-фашистские полчища на запад от Москвы почти на 400 километров.

Климатические и географические условия не были и не могли быть причиной поражения немецких захватчиков. Гитлеровское командование, немецко-фашистский генеральный штаб планировали «скоротечную» войну, рассчитывали на «молниеносную» победу, а поэтому не подготовили свои войска в материально-техническом отношении к длительным действиям на Восточном фронте. Это — наглядное свидетельство грубого просчета в подготовке войны, шаблонного подхода к стратегии. В действиях гитлеровских фельдмаршалов и генералов явно выражен авантюризм, который не мог не привести фашистскую Германию к катастрофе, к поражению в войне с Советским Союзом.

Наряду с климатической и географической «теорией», которые, по мнению реакционных буржуазных авторов, должны объяснить поражения германских полчищ, активно пропагандируется теория численного превосходства Советской Армии. Искажаются количественный состав группировок воюющих сторон, невероятно преувеличиваются при этом силы советских и преуменьшаются силы гитлеровских войск. Успех контрнаступления советских войск под Москвой, заявляет Типпельскирх в своей книге «История второй мировой войны», объясняется их «двадцатикратным превосходством». «Подавляющим» было якобы превосходство советских войск в силах и в битве на Волге, и в сражении под Курском, и в других операциях.

Что можно сказать по этому поводу? К началу контрнаступления советских войск под Москвой преимущество в силах на Западном направлении по-прежнему оставалось на стороне врага. По количеству людей противник превосходил наши войска в 1,1 раза, по артиллерии — в 1,8 раза, по танкам — в 1,4 раза. Только в самолетах Советская Армия на всем Западном направлении имела двойное превосходство¹. Значит, не может быть и речи о том, что в Московском сражении советские войска

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2. М., Воениздат, 1961, стр. 274, 275.

превосходили немецко-фашистские войска. Отсутствие превосходства явилось причиной того, что ряд операций Советской Армии зимой 1942 г. оказался незавершенным.

К началу нашего контрнаступления в битве на Волге общие силы сторон были примерно равны. Однако советское командование, в результате искусно проведенных перегруппировок, сумело создать на направлениях главных ударов значительное превосходство¹.

Что касается Курской битвы, то успех советских войск был обеспечен здесь не «подавляющим» их численным превосходством, а главным образом тем, что советское командование, вскрыв замыслы врага, хорошо использовало тщательно подготовленную оборону для изматывания и истощения сил противника, правильно определило время перехода в решительное контрнаступление и умело его осуществило. В то же время немецко-фашистское командование, планируя наступление на Курской дуге, не только не смогло раскрыть характер группировки и замысел советских войск, но и добиться оперативной внезапности.

Умение раскрыть замысел немецко-фашистского командования и своевременно принять соответствующие меры, сообразно сложившейся обстановке, — характерная черта советского военного искусства. В 1944 и 1945 гг. Советская Армия провела ряд успешных наступательных операций большого масштаба, и все они, как правило, были внезапными для противника. Так, летом 1944 г. немецко-фашистское командование предположало, что основное наступление советских войск состоится на Украине, а фактически главный удар был нанесен в Белоруссии. Зимой же 1945 г. фашистское командование вовсе не ожидало одновременного наступления советских войск, которое было предпринято ими на 1200-километровом фронте — от Балтийского моря и до Карпат.

¹ В сборнике статей западногерманских авторов «Решающие сражения второй мировой войны» (Entscheidungsschlachten des zweiten Weltkrieges. Frankfurt am Main, 1960) уже несколько поиному, чем, например, у Типпельскирха, освещается соотношение сил в боях под Москвой и в битве на Волге. Но и в этом случае авторы сборника далеки от действительности.

Такие наступательные операции наших войск осуществлялись благодаря необходимым материальным и моральным возможностям. Коммунистическая партия сумела мобилизовать в ходе войны большие силы и средства. Советская Армия опиралась на преимущества социалистической системы, на несметные природные ресурсы страны и на безграничный энтузиазм тружеников тыла. Ее перевес в силах и средствах особенно заметно обозначился лишь во второй половине войны, когда в полной мере были развернуты тигантские возможности нашей страны. И если гитлеровские фельдмаршалы и генералы не только не учли климатических условий Советского Союза, но и его материальных сил и средств, то это их просчет.

Стратегическое искусство, если оно действительно высокое, обязательно учитывает все плюсы и минусы в ведении войны, все факторы, которые могут влиять на ход военных действий. Стратегия немецко-фашистских войск допустила серьезнейшие просчеты, оказалась не на высоте требований современной войны.

Особую злобу немецко-фашистские стратеги изливают на народных мстителей — партизан. Партизанское движение как форма борьбы народа против иностранных захватчиков известна издавна. Но, невзирая на это, они обвиняют советское командование в организации и руководстве партизанским движением на том основании, что эта форма борьбы якобы является незаконной. Фашистские захватчики не довольны тем, что на борьбу с ними на оккупированной территории решительно поднялись массы народа¹. Действительно, гитлеровцы не ожидали, что со стороны СССР война примет всенародный характер и что им придется вести ожесточенную борьбу не только на фронте, но и в тылу. Но об этом просчете они умалчивают. Им важно другое. Представляя партизан бандитами, они в то же время беззастенчиво пытаются оправдать ужасные зверства, которые чинила гитлеровская армия над советскими гражданами, выискивают всяческие уловки для оправдания применявшейся немецко-фашистскими войсками «тактики выжженной земли».

¹ См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 501.

Военные историки и теоретики империализма немало потрудились над тем, чтобы очернить деятельность наших военачальников, их умение управлять войсками, их боевое мастерство. Советское военное искусство они показывают в большинстве случаев отсталым, несовременным и даже... негуманным.

«Русские наступательные операции, — пишет Типпельскирх, — проводились по стандартной схеме». Миддельдорф в книге «Тактика в русской кампании» даже изобрел формулу, по которой будто бы действовали советские войска, — непрерывные повторения захлебнувшихся атак («тактика парового молота»). Фельдмаршал Манштейн старается уверить своих читателей в том, что советские командиры водили пехоту в атаку почти в сомкнутых строях, не обращая внимания на большие потери. Не желая отстать в нелепом обвинении советского офицера, американский генерал Брэдли в своей книге «Записки солдата» договорился до того, что якобы американский лейтенант обладал большей инициативой, чем командир советской дивизии.

Передовой характер советского военного искусства полностью подтвержден всем ходом войны. Это глубоко творческое военное искусство, нерушимый принцип которого — добиваться решительной победы над противником при наименьших затратах сил и средств. Постоянно обогащаемое опытом вооруженной борьбы, советское военное искусство явилось могучей силой в руках наших командных кадров и всей армии в борьбе за разгром немецко-фашистских войск.

Наращивание силы ударов, смелые и искусные маневры войск позволяли развивать наступление на большую глубину, расчленять, окружать и уничтожать противника по частям. Окружение и уничтожение крупных вражеских группировок противника, как наиболее решительную форму борьбы, советское командование превратило в обычную форму военных действий. Операции на окружение, такие, как в битве на Волге, Корсунь-Шевченковская, Белорусская, Яско-Кишиневская, Восточно-Пруская, Берлинская и другие, служат образцами военного искусства.

Стремление советского командования к наиболее результативной форме борьбы американский автор книги

«Как воюет Россия» объявляет шаблоном. Он пытается убедить в отсутствии у советского командования разнообразных творческих решений в силу «одержимости идеей окружения...»¹.

Сокрушающие удары советских войск по врагу убедительно свидетельствуют не только об их боевой мощи, но также об искусном применении нашими командными кадрами различных способов и форм вооруженной борьбы.

В процессе борьбы оборонительные и наступательные действия советских войск непрерывно совершенствовались. В обороне наших воинов отличала железная стойкость, стремительность, активность, решительность. Советские командиры владели искусством массирования сил и средств в соответствии с поставленной задачей сохранения и правильного использования резервов, создания высоких артиллерийских и танковых плотностей. Наши войска широко применяли систему последовательных и одновременных ударов.

Опыт войны свидетельствует о том, что наша победа над сильнейшим врагом была достигнута благодаря правильному развитию всех видов вооруженных сил и родов войск, искусной организации их взаимодействия, мастерскому применению разнообразных способов и форм вооруженной борьбы, эффективному использованию разнообразной и могучей боевой техники. Неразрывное единство теории и практики — самое существенное в развитии советского военного искусства.

Некоторые буржуазные военные теоретики и историки не прочь время от времени кивнуть в сторону морально-боевых качеств Советской Армии и ее военного искусства. Английский военный писатель Лиддел Гарт в книге «Стратегия» допускает и такие выражения, как «русские умело нанесли удары», имея в виду контрастование советских войск в битве на Волге.

Однако эти и подобные им высказывания отнюдь не меняют общей тенденции буржуазных военных историков и теоретиков умалить, принизить и извратить советское военное искусство, затмить боевую славу наших Вооруженных Сил.

¹ R. Garthoff. How Russia Makes War. Soviet Military Doctrine. London, 1954, p. 116.

Нетрудно понять, что в этом особенно отличаются бывшие гитлеровские военачальники. Они преследуют цель — возвеличить поверженный в прах немецко-фашистский вермахт, представить западногерманского солдата как «защитника западного мира от большевизма», помочь агрессивным . американо-английским кругам в подготовке новой войны.

В 1961 г. западногерманские военные историки предприняли попытку дискредитировать в целом советскую историографию по Великой Отечественной войне¹.

Что касается попыток некоторых буржуазных авторов в США и Англии показать советское военное искусство ниже военного искусства американо-английских войск (например, заявление Фуллера о том, что «война на Востоке оставалась более примитивной, нежели на Западе»²), то они отменяются при первом же соприкосновении с действительностью. Мы далеки от того, чтобы принижать военное искусство американо-английских войск, но тот факт, что оно не прошло такой суровой и всесторонней проверки, как советское военное искусство, является неоспоримым. Военные действия в Северной

¹ См. стр. 97 предисловия к немецкому изданию книги Б. С. Тельпуховского «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.» (Die Sowjetische Geschichte des Grossen Vaterländischen Krieges 1941—1945, von B. S. Telpuchowski, Herausgegeben und kritisch erläutert von Andreas Hillgruber und Hans-Adolf Jacobsen. Frankfurt am Main, 1961).

² О военной стратегии и вообще о военном искусстве английских и американских войск много спорят и взаимно обвиняют друг друга английские и американские военные деятели. Так, в книге «Триумф на Западе» (Triumph in the West 1943—1946. London. 1959, pp. 284, 285—369), представляющей собой второй том воспоминаний бывшего начальника английского генерального штаба и председателя группы начальников штабов Алан Брука, подвергается критическому разбору деятельность Эйзенхауэра по форсированию американскими войсками Нижнего Рейна и боев на «линии Зигфрида», а также во время контрнаступления немцев в Арденнах в декабре 1944 г. и выдвигаются разные оправдания неудач английских войск Монтгомери, а их победы всемерно раздуваются.

Преувеличение роли Англии и некоторые разногласия в подготовке и ведении операций между английскими и американскими военными деятелями можно найти в мемуарах генерала Исмея — бывшего начальника штаба министра обороны У. Черчилля и его представителя в группе начальников штабов (The Memoirs of General the Lord Ismay. London, 1960, pp. 286, 317, 318, 348).

Африке имели местный, локальный характер и не оказали того влияния на ход войны в целом, какое приписывается им западными историками¹. Бесспорно, важным событием была высадка американско-английских войск на побережье Северной Франции. Командование американско-английских войск показало высокий уровень технической и организационной подготовки операций крупного масштаба. Но не секрет, что американско-английские войска не встретили ожидавшегося сопротивления в момент высадки и в процессе военных действий на территории Северной Франции. Было бы нелепо умалять действительное значение советско-американско-английской коалиции в ходе второй мировой войны или не отдавать должного мужеству солдат наших союзников. Однако неоспоримо и то, что боевые действия на Западе имели второстепенное значение по сравнению с советско-германским фронтом.

* * *

Работы немецко-фашистских генералов носят откровенно империалистический, шовинистический и реваншистский характер, их политическая направленность — возвеличить немецкий вермахт, выставить его «защитником западного мира от большевизма», помочь агрессивным кругам в подготовке и развязывании новой мировой войны. Они подчеркивают, что «функция центра мира и защитного вала против наступающего Востока, которая еще со времен Великого переселения народов принадлежала Европе, отнята теперь у нее историей и передана Америке»². Америка ввиду этого должна «направить все свои усилия на создание еще большего напряжения сил, почти не уступающего напряжению военного времени...»³. Гитлеровские генералы, предлагая свои услуги американским империалистам, уверяют их в том, что «в 1939—1945 годах вермахт совершил выдающиеся подвиги...»⁴ и на немцев можно рассчиты-

¹ См., например, книгу G. Buchheit. Hitler als Feldherr. Die Zerstörung einer Legende. S. 327, в которой события в Северной Африке оцениваются как имевшие большее значение и последствия для всего хода войны, чем сражение у стен города-героя на Волге.

² Итоги второй мировой войны, стр. 609.

³ Там же.

⁴ Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 295.

вать как на весьма внушительную, может быть даже решающую, сухопутную силу. При этом они убеждают своих заокеанских покровителей в том, что «немецкий солдат по своим традициям и по своему воспитанию никогда не был революционером»¹. Немцы всегда рвались на Восток. «Война на Западе (вторая мировая. — А. С.), — оправдываются немецко-фашистские генералы, — никогда не была популярной в Германии. Ее воспринимали как несчастье, в которое Германия попала абсолютно помимо ее воли»².

Русские, предупреждают они, стали исключительно сильны. Например, Меллентин пришел к выводу, что одним из главных преимуществ России «явится ее способность выдержать огромные разрушения и кровопролитные бои, а также возможность предъявить необыкновенно тяжелые требования к населению и действующей армии»³. Но все же, тешит себя надеждой гитлеровский генерал, «успехи немецких солдат в России убедительно показывают, что русских можно победить»⁴. Советскому народу подобные воинственные призывы давно знакомы. Будущим подражателям походов на Россию не следует забывать уроки этих походов.

Наша победа в минувшей войне — ярчайшее свидетельство высокого боевого мастерства Советских Вооруженных Сил, прочно опирающихся на единодушную горячую поддержку советского народа. «Кое-кто хотел бы замолчать или принизить значение этой победы, — говорил Н. С. Хрущев. — Но никому не удастся вычеркнуть из памяти народов, из истории великий подвиг советского народа! Не только наши современники, но и грядущие поколения будут всегда свято чтить память героических борцов, которые в смертельных битвах разгромили фашистские полчища, будут чтить память тех, кто спас светлое будущее человечества»⁵. Победы нашего народа и его воинов не померкнут в веках.

¹ Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 274.

² Итоги второй мировой войны, стр. 572.

³ Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 243.

⁴ Там же, стр. 251.

⁵ Н. С. Хрущев. Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. М., Госполитиздат, 1957, стр. 8.

После второй мировой войны произошли коренные изменения в соотношении сил на международной арене. В Программе КПСС и в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в ноябре 1960 г., содержится развернутая марксистско-ленинская характеристика нашей эпохи, главная отличительная черта которой состоит в том, что мировая социалистическая система превратилась в решающий фактор развития человеческого общества.

В начале XX века капитализм был единственной и всеохватывающей системой. Это была «эпоха империализма, войн и революций». В настоящее время империализм существует в новых, особых исторических условиях. Это уже не всеохватывающая система. Многие страны вышли из орбиты капитализма и образовали систему социализма. В Германии возникло первое в немецкой истории рабоче-крестьянское государство — ГДР.

Главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества в современную эпоху определяет уже не империализм, а мировая социалистическая система, все прогрессивные силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества. «В настоящее время мировая социалистическая система, — заявил на XXII съезде Н. С. Хрущев, — могущественнее стран империализма и в военном отношении»¹.

Мировая капиталистическая система охвачена глубоким процессом упадка и разложения. Ныне мировой капитализм вступил в новый, третий этап общего кризиса, важнейшая особенность которого состоит в том, что он развернулся не в связи с мировой войной². Но вместе с тем нельзя забывать, что империализм еще располагает большой силой, в его руках находится сильная милитаристская машина, а его неотъемлемой чертой всегда являлась агрессия.

«Основной вопрос современности, — говорится в Программе КПСС, — вопрос о войне и мире. Единственный

¹ Н. С. Хрущев. Заключительное слово на XXII съезде КПСС 27 октября 1961 г. М., Госполитиздат, 1961, стр. 18.

² См. Материалы XXII съезда КПСС. М., Госполитиздат, 1961, стр. 337.

источник военной опасности — империализм. Империалистический лагерь готовит самое страшное преступление против человечества — мировую термоядерную войну...»¹. Пока сохраняется империализм, будет оставаться и почва для агрессивных войн. Главную силу агрессии и войны представляет собой американский империализм. Поддерживая реакционные диктаторские режимы, прогнившие монархии, выступая против демократических революционных преобразований, развязывая агрессию против народов, борющихся за свою независимость, он тем самым выполняет роль мирового жандарма. Монополистическая буржуазия США — главный оплот международной реакции. Она взяла на себя роль «спасителя капитализма».

Американский империализм при участии империалистов Англии, Франции и Западной Германии вовлек многие страны в военные блоки — НАТО, СЕНТО, СЕАТО и другие, опутал весь так называемый «свободный мир», т. е. зависимые от него капиталистические страны, сетью своих военных баз, направленных прежде всего против социалистических стран. Усиливается угроза делу мира, исходящая от западногерманского империализма. Бундесвер является ударной силой империалистов в Европе в борьбе против СССР, всех стран социалистического лагеря².

Мировые войны и экономические кризисы, милитаризм и политические потрясения ускорили перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический. Сила монополий соединяется с силой государства в единый механизм; государство становится комитетом по управлению делами монополистической буржуазии. Государственно-монополистический капитализм неслыханно усиливает милитаризм. Империалистические государства превращаются в милитаристские, военно-полицейские государства; милитаризация пронизывает жизнь буржуазного общества³.

Идейным знаменем империалистической пропаганды против СССР и других социалистических стран является антикоммунизм. Военная история — это область

¹ Материалы XXII съезда КПСС, стр. 362.

² См. Л. П. Макаров, И. Ф. Голованов. Бонн — очаг агрессии и реванша. М., Воениздат, 1962, стр. 70.

³ См. Материалы XXII съезда КПСС, стр. 340.

острейшей идеологической борьбы. Международная реакция, возглавляемая США, ведет широкую пропагандистскую борьбу против Советского Союза, отводя особое место в этой борьбе военной истории, фальсификации роли Советского Союза и его Вооруженных Сил во второй мировой войне. Она стремится принизить решающую роль советского народа в войне, ослабить тем самым великую историческую миссию СССР, его влияние на ход событий и международный авторитет.

Народы должны соблюдать бдительность. Империализм уже обрушил на человечество две опустошительные мировые войны. Замышляемая империалистами новая мировая война в условиях применения ракетно-ядерного оружия грозит человечеству небывалыми жертвами и разрушениями.

Укрепление Вооруженных Сил и обороноспособности Советского Союза — священный долг всего советского народа. Интернациональной обязанностью Советского Союза является обеспечение вместе с другими социалистическими странами надежной защиты интересов и безопасности всего социалистического лагеря.

В последние годы боеспособность Советских Вооруженных Сил благодаря заботам Коммунистической партии поднялась на новую высоту. Вооруженные Силы СССР полностью отвечают требованиям современной войны и готовы в любую минуту с честью выполнить свой священный долг — нанести сокрушительный удар любому врагу, который осмелится посягнуть на советскую Родину. «До тех пор, пока не будет осуществлено разоружение, — указывает Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, — социалистическое содружество должно всегда иметь превосходство над империалистами в своих вооруженных силах. Мы будем заставлять империалистов помнить, что если они развяжут войну, чтобы силой оружия решать вопрос, по какому пути развиваться человечеству — по пути капитализма или по пути социализма, — то это будет последняя война, в которой империализм будет окончательно разгромлен»¹.

¹ «Правда», 3 апреля 1963 г.

Глава первая

ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Замалчивание в буржуазной литературе истинных причин и характера войны

За последние годы буржуазные военные идеологи наводнили книжный рынок литературой, направленной против Советского Союза и прогрессивных сил мира. В США, Англии, Франции и Западной Германии издано много книг, в которых в искаженном виде представлены причины и характер второй мировой войны. Нужно отметить, что этой темы касаются в той или иной степени почти все авторы книг по современной истории, даже если они ведут речь об отдельных, частных вопросах. О второй мировой войне очень часто пишут газеты и журналы в странах капиталистического Запада. Не отстают от них буржуазные пропагандисты радио и телевидения, а также церковь и другие организации. Поэтому совершенно ясна та острота, которую приобрела в настоящее время эта проблема в общем плане борьбы на идеологическом фронте.

Буржуазные военные идеологи и политики старательно замалчивают вопрос об истинных причинах и характере второй мировой войны, настойчиво внушают народным массам свои взгляды, искажающие действительность. В связи с этим целесообразно рассмотреть вопрос о действительных причинах и характере второй мировой войны, определить и вскрыть основные измышления буржуазной фальсификации.

Марксизм-ленинизм рассматривает войну как конкретное общественно-историческое явление. В. И. Ленин указывал, что «война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяя только форму действия»¹. В Программе КПСС указывается, что для империалистических государств дипломатия была и остается инструментом навязывания своей воли другим народам, орудием подготовки войн².

Таким образом, из этих ленинских указаний вытекает, что раз война является продолжением политики, а сама политика представляет собой концентрированное выражение экономики, то причины войны вытекают из экономических условий классово-антагонистического общества. Характер политики определяют классы, выражающие в ней свои коренные интересы. Каждый класс имеет свои интересы, цели и, следовательно, осуществляет свою классовую политику. Вот почему В. И. Ленин указывал, что политика есть отношение между классами³. Буржуазные идеологи замалчивают классовый характер политики своих правительств и то положение, что войны порождает капиталистическая система мирового хозяйства.

А это означает, что они отрицают единственно научные основы анализа причин и характера второй мировой войны и стоят на позициях идеализма и метафизики. Этот антинаучный характер буржуазной методологии обычно прикрывается объективизмом, который служит для обмана читателей.

В буржуазной военно-исторической литературе в искаженном свете представлены противоречия между самими империалистическими странами. Причины этих противоречий коренились в экономических отношениях.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 364.

² См. Материалы XXII съезда КПСС, стр. 361.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 205.

Накануне второй мировой войны разворачивалась ожесточенная борьба между империалистическими странами за передел уже поделенного мира, за колонии и рынки сбыта.

Неравномерность экономического и политического развития капиталистических стран в период империализма приобрела особо острый характер. Накануне второй мировой войны далеко шагнули в своем развитии Германия, Италия и Япония. Эти страны добивались завоевания новых рынков сбыта и колоний, находившихся в руках англо-французских империалистов. Речь шла о переделе насильственным путем колоний и полуколоний, об изгнании из колоний англо-французских империалистов и замене их колонизаторами фашистской Германии и Италии, а также империалистической Японии. Германские империалисты открыто добивались мирового господства. Англо-французские империалисты не собирались добровольно уступать своих позиций новым претендентам на мировое господство. Империалисты США также рассчитывали завоевать мировое господство, но надеялись сначала столкнуть между собой своих противников, а затем, когда они будут обескровлены и обессилены, выступить и продиктовать свою волю.

Вооруженный конфликт внутри капиталистического мира назревал постепенно. Период между первой и второй мировыми войнами заполнен большим количеством так называемых колониальных экспедиций, локальных войн и других военных конфликтов. Среди агрессивных действий империалистов важными событиями на пути к мировому вооруженному конфликту были: война итальянских фашистов против Абиссинии, интервенция германских и итальянских фашистов в Испании, а также интервенция японских империалистов в Китае. Это было своего рода прелюдией, составившей период вползания капиталистического мира во вторую мировую войну.

Империалистическая борьба разворачивалась в своеобразных условиях раскола мира на две системы: капиталистическую и социалистическую. Правящие классы Англии, Франции и США надеялись разрешить империалистические противоречия за счет Советского Союза, направив на него фашистскую коалицию.

Таким образом, на базе противоречий между империалистическими державами назревал вооруженный конфликт мирового характера. Причины его коренились в самой капиталистической системе. Готовилась несправедливая по своему характеру война с обеих сторон. Главная ее причина заключалась в антагонизме между сильнейшими капиталистическими хищниками.

Буржуазные военные идеологи совершенно замалчивают вопрос об обострении борьбы между колониями и метрополиями как одну из причин второй мировой войны. А ведь противоречия между колонизаторами и поработченными народами особенно обострились накануне второй мировой войны. Резко усилился колониальный гнет, вызывавший отпор со стороны угнетенных. Великая Октябрьская социалистическая революция дала невиданный толчок развитию национально-освободительного движения. Колониальные и полуколониальные народы Китая, Индии, стран Дальнего и Ближнего Востока стремились сбросить колониальное ярмо и усилили борьбу за национальную независимость.

В Китае все шире разгоралось пламя гражданской войны, направленной против иноземных поработителей и внутренних сил реакции, поддерживавших иноземцев. Во главе патриотических сил выступала Коммунистическая партия Китая. Развертывалась также национально-освободительная борьба народов Индонезии, Индии, Индокитая. И в этих странах также шел процесс консолидации патриотических сил, формировались, укреплялись и развертывали антиимпериалистическую борьбу молодые коммунистические и рабочие партии. Колонизаторам в этих условиях становилось все труднее удерживать господство над огромными ранее захваченными территориями. Прогрессивные силы грозили изгнать империалистов из колоний и подорвать их могущество.

Империалисты стремились развязать войну против колониальных народов, чтобы задушить национально-освободительное движение и поправить свои дела в колониях. Буржуазные политики колониальных держав рассчитывали в ходе войны подорвать национально-освободительное движение в колониях, отколоть от него эксплуататорскую верхушку и прочно закрепиться на своих позициях.

Таким образом, обострение противоречий между колониями и метрополиями явилось одной из причин назревавшей второй мировой войны. По своему характеру борьба империалистов за сохранение колониального господства носила несправедливый характер, а освободительная борьба народов колониальных стран за свое освобождение была справедливой, прогрессивной.

Буржуазные военные идеологи замалчивают также вопрос об обострении противоречий между трудом и капиталом. Развитие капитализма в период 1918—1939 гг. было связано с необычным усилением наступления капитала на трудовой народ и ростом выступлений трудящихся против эксплуататоров. В Германии, где ширилась борьба рабочего класса против капиталистического гнета, буржуазия оказалась не в состоянии господствовать при помощи методов буржуазной демократии и призвала к власти фашистов, установив открытую военно-террористическую диктатуру. Такие же явления обусловили создание фашистского режима в Италии. Не менее напряженным было положение во Франции. Буржуазия здесь была настолько перепугана выступлениями рабочего класса в 1934—1936 гг., что предпочла идти на прямое предательство национальных интересов и измену своей стране, только бы удушить прогрессивные силы внутри государства.

В создавшихся условиях реакция видела выход из обострившихся до предела классовых противоречий только в войне. Правящие круги главнейших капиталистических стран надеялись использовать обстановку военного времени, для того чтобы подавить рабочее революционное движение, а наиболее активную его часть — коммунистов и идущие за ними массы физически истребить в ходе вооруженной борьбы. Путь этот не новый. Накануне первой мировой войны буржуазия действовала такими же методами.

Одновременно капиталисты надеялись нажиться на военных поставках. Пример американских монополий, разжиревших на военных заказах в 1914—1918 гг., оказался заразительным и не давал покоя английским, французским и германским монополистам.

Таким образом, обострение противоречий между классом капиталистов и трудящимися массами явля-

лось также важной причиной назревания вооруженного конфликта.

Наряду с этими тремя группами противоречий, присущих капиталистическому миру и приведших в своем развитии ко второй мировой войне, существовало еще противоречие между миром капитализма и единственной в то время страной социализма. Это противоречие имело своеобразный, принципиально иной характер, поскольку оно обуславливалось противоположностью двух социальных систем. Социалистической системе война чужда по самой ее природе. Интересы строительства социализма требовали (как требуют и теперь) мира для успешного осуществления грандиозных планов развития экономики, культуры и науки. Поэтому с первых дней своего существования Советская страна стала знаменосцем мира, а Коммунистическая партия и Советское правительство настойчиво и систематически боролись за укрепление мира, стремились создать систему коллективной безопасности и организовать единый фронт государств и народов против агрессивных сил фашизма и войны.

Однако правительства Англии и Франции не пошли на создание системы коллективной безопасности в Европе. Они добивались международной изоляции Советского Союза, рассчитывая направить фашистскую агрессию гитлеровцев на Восток, против советского народа. Это была всем известная мюнхенская политика. В такой обстановке Советское правительство вынуждено было принять предложение Германии и заключить в августе 1939 г. договор о ненападении.

Прогрессивная, справедливая политика первого в мире социалистического государства была направлена на предотвращение войны.

Однако эту прогрессивную политику Советского государства пытаются опорочить буржуазные фальсификаторы истории. В большинстве своем они избегают рассмотрения вопроса о развязывании войны фашистским блоком и мюнхенской политике Англии, Франции и США, обычно замалчивают всю предысторию второй мировой войны, процесс вползания капиталистического мира в эту войну. Все это делается для того, чтобы обелить политику империалистов, приведшую ко второй мировой войне. Правда, некоторые из них пытаются осве-

щать отдельные события кануна второй мировой войны, но они рассматривают их в отрыве от политики господствующих классов важнейших капиталистических государств.

В. И. Ленин учил: чтобы определить характер войны, нужно определить характер политики. «Надо изучить политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистская, т. е. защищающая интересы финансового капитала, прабящая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть империалистская война. Если политика была национально-освободительная, т. е. выражавшая массовое движение против национального гнета, то война, вытекающая из такой политики, есть национально-освободительная война»¹. Применение ко второй мировой войне это ленинское указание об изучении политики государств задолго до войны означает необходимость детального изучения политики империалистических государств за период 1918—1939 гг. Однако буржуазным фальсификаторам такое изучение крайне невыгодно, так как оно раскрывает реакционный, антинародный характер политики империалистов США, Англии, Франции, с одной стороны, Германии, Италии и Японии — с другой.

Коммунистическая партия Советского Союза еще задолго до войны разоблачала реакционный характер политики важнейших империалистических государств и их агрессивные действия. Она указала на два очага войны. Первый очаг войны на Дальнем Востоке возник в зоне Тихого океана и Китая.

В 1931 г. японские милитаристы спровоцировали вооруженный конфликт в Китае и захватили Маньчжурию. Американское и английское правительства не препятствовали агрессии Японии в Китае, хотя эта агрессия и подрывала англо-американские позиции. Правящие круги в Лондоне и Вашингтоне надеялись, что японские войска в дальнейшем нанесут удар по Советскому Союзу. Это была своеобразная мюнхенская политика попустительства агрессии и прямой помощи японским милитаристам.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 21.

Американские монополии снабжали Японию важнейшими видами стратегического сырья. Государственный секретарь США того времени Стимсон прямо указывал: «Если кто-то спланировал «взрыв» в Маньчжурии с таким расчетом, чтобы быть свободным от вмешательства всего остального мира, то он, несомненно, удачно выбрал момент»¹.

В 1937 г. Япония захватила Пекин, Шанхай, оккупировала значительные районы Центрального Китая. Было видно, что японская агрессия в Китае преследовала далеко идущие цели — порабощение всего китайского народа, создание базы для удара по Советскому Союзу и захвата важнейших районов в бассейне Тихого океана.

Второй очаг войны образовался в центре Европы.

Наиболее агрессивные империалистические государства — фашистская Германия и Италия стремились выйти из трудностей кризиса путем войны, за счет порабощения слабых народов. Италия в 1935 г. напала на Абиссинию и поработила ее. В следующем году фашисты Германии и Италии развернули в широких масштабах интервенцию против испанского народа. Залив кровью Испанию, они добились установления в стране фашистского режима Франко, а также укрепили свои позиции в бассейне Средиземного моря. Вслед за этим при поддержке мюнхенцев Англии, Франции и США германские фашисты поработили Австрию и Чехословакию.

Все эти акты фашистской агрессии наносили прямой ущерб интересам Англии, Франции и США. Однако правящие круги этих стран поощряли фашистов, предавали интересы своих народов. Все делалось для того, чтобы натравить фашистов на СССР.

В результате усиления агрессии Японии, Германии и Италии разрастались очаги войны как на Дальнем Востоке, так и в Европе. Правящие круги Англии, США и Франции, подталкивая агрессоров, способствовали расширению этих очагов и превращению их в мировую войну. Так развивался процесс перерастания локальных войн во вторую мировую войну. Локальные войны

¹ Генри Л. С т и м с о н. Дальневосточный кризис. М., Соцэкгиз, 1938, стр. 5.

приобрели к началу 1939 г. огромный размах. Это было отмечено в документах Коммунистической партии Советского Союза, братских коммунистических партий и Коммунистического Интернационала. В отчетном докладе ЦК XVIII съезду ВКП(б) особо отмечалось, что война создала новую обстановку между странами, она втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения, распространив сферу своего действия на промадную территорию, от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара.

Решающий шаг на пути превращения локальных войн во вторую мировую войну империалисты сделали в 1939 г. 1 сентября фашистская Германия напала на Польшу и в короткие сроки захватила эту страну. 3 сентября Англия и Франция объявили войну гитлеровской Германии, затем провели мобилизацию вооруженных сил и осуществили стратегическое развертывание их. Однако англо-французские политики все еще надеялись толкнуть фашистскую Германию на войну против СССР. Более того, они сами пытались ввязаться в войну против Страны Советов, подготовив десант на севере во время советско-финляндской войны и планируя удар авиацией по бакинским нефтепромыслам.

Ко времени нападения на СССР гитлеровская Германия разгромила французскую армию, нанесла поражение английским войскам на европейском континенте и захватила основные страны Западной Европы.

Таким образом, характер начавшейся второй мировой войны определялся империалистической, захватнической политикой фашистской Германии и Италии, а также империалистической политикой Англии и Франции. Это была схватка двух коалиций крупных капиталистических держав. По своему происхождению она была империалистической. Однако уже в это время велась и освободительная борьба народов Чехословакии, Польши, Югославии, Франции и других стран, ставших жертвами агрессии. Продолжалась борьба китайского народа против японских завоевателей. Эта борьба носила справедливый характер, но она еще не достигла такого размаха, чтобы решающим образом повлиять на определение характера войны.

В 1941 г. гитлеровская Германия напала на Советский Союз. В этот период завершился процесс перера-

стания войны против гитлеровской Германии, Италии и Японии в войну справедливую, освободительную. Советский народ с самого начала выступил против гитлеровской агрессии, имея целью не только спасение своей страны от порабощения, но и освобождение народов от гитлеровского ига. Отечественная война советского народа носила справедливый, освободительный характер. Борьба советского народа против гитлеровской Германии активизировала освободительное движение народов оккупированных стран против фашистских завоевателей. В этих условиях правящие круги Англии и США вынуждены были пойти на создание антигитлеровской коалиции и включиться в общий фронт борьбы против фашистской агрессии. Война со стороны антигитлеровской коалиции носила справедливый, освободительный характер.

Вывод из всего сказанного очевиден. Буржуазные авторы не собираются признавать исторических фактов. Они умалчивают о том, что еще накануне нападения фашистской Германии на Польшу в 1939 г. были налицо две тенденции, определявшиеся двумя группами противоречий. Одна группа противоречий внутри капиталистического мира порождала тенденцию к развязыванию войны между самими империалистическими странами, войны империалистической, несправедливой. Другая группа противоречий между миром капитализма и миром социализма порождала тенденцию к развязыванию войны против СССР со стороны наиболее агрессивных стран Европы и Азии. Причем под фашистское знамя антикоммунизма готовы были встать Англия, Франция и США, но они опасались усиления гитлеровской Германии и потери своих позиций. Наиболее цинично и откровенно эту политику выразил Трумэн через день после нападения Германии на СССР в 1941 г.: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии и, таким образом, пусть они убивают как можно больше»¹.

Обе эти тенденции переплетались между собой, действовали одновременно и порождали весьма сложную международную обстановку. Практически же наиболее

¹ Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., Госполитиздат, 1952, стр. 67—68.

остро проявилась в международных отношениях первая тенденция, несмотря на всю напряженность противоречий между капитализмом и страной социализма. Резкие противоречия между империалистическими странами помешали созданию антисоветского блока с участием Англии, Франции и США. Вместо войны против СССР империалисты пошли на вооруженный конфликт между собой.

Так обстоит дело с действительными причинами и характером второй мировой войны.

Искажение исторической действительности в трудах идеологов империализма

Для того чтобы скрыть от народных масс преступную деятельность империалистов в период между двумя мировыми войнами, буржуазные историки обычно начинают описание событий второй мировой войны с нападения фашистской Германии на Польшу в 1939 г. Так, Типпельскирх свою «Историю второй мировой войны» начинает, по существу, только с нападения на Польшу, замалчивая интервенцию в Испании и изображая агрессию против Чехословакии как «мирное разрешение судетской проблемы на совещании в Мюнхене»¹. «Книга чести германских вооруженных сил» начинается специальной статьей Дитмара «Польская кампания»². Манштейн свои мемуары «Утерянные победы» открывает главой «Польская кампания. Гитлер отдает приказ о разработке развертывания для наступления на Польшу».

Английская официальная история второй мировой войны «Большая стратегия» идет по тому же пути. В ней самым тщательным образом обходится период вползания капиталистического мира во вторую мировую войну, ее экономические и политические причины. Несколькими иную по форме позицию занимает Фуллер. В его книге «Вторая мировая война 1939—1945 гг.» первая глава названа «Предвоенная обстановка». В ней даже есть раздел «Непосредственные причины войны»³. Но об агрессивной политике гитлеровской Германии и пособ-

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 5.

² См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 13.

³ См. Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 29.

ничестве мюнхенцев Фуллер не говорит ни слова. Периода вползания в войну в его истории нет. Для Фуллера все происходило просто: «1 сентября 1939 г., спустя ровно 20 лет с того дня, когда державы-победительницы сняли запрещение на торговлю с вражескими странами, Германия отбросила запрещение на войну»¹. Подобная трактовка событий слишком упрощенная. Дело в том, что германские милитаристы отбросили запрещение на войну не в 1939 г., а в 1919 г., когда только что подписали Версальский мирный договор. С приходом же к власти гитлеровцев они отбросили и всякие официальные формальности, объявив подготовку к войне и открытую агрессию основой своей политики. А соотечественники Фуллера, прежде всего английское правительство, не только не требовали от фашистов «запрещения на войну», но и сами помогали гитлеровским войскам расправляться с испанскими демократами и народами Австрии и Чехословакии.

Фуллер, помимо своего желания, приоткрывает завесу империалистической политики правящих кругов Англии и Франции в первые месяцы так называемой «странной войны» в Западной Европе. Он прямо говорит, что в сентябре 1939 г. ни английская, ни французская армии, по существу, не воевали, отдав Польшу на произвол фашистов. «Сильнейшая армия в мире (имеется в виду французская армия. — *Н. Ц.*), перед которой находились не больше 26 дивизий противника, бездействовала, укрывшись за сталью и бетоном, в то время как враг стирал с лица земли мужественного до донкихотства союзника...

К 11 октября 1939 г. численность британских вооруженных сил во Франции достигла 158 тыс. Только 9 декабря они понесли первую жертву (был убит один капитан). К рождеству было убито еще два человека, а общие французские потери армии, флота и авиации к этому времени составили 1433 человека»². В это же время (осенью и зимой 1939—1940 г.) английское и французское правительства готовили удар против СССР.

Фуллер и его сторонники приукрашивают факты предыстории второй мировой войны, тщательно обходят

¹ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 67.

² Там же, стр. 78.

вопрос о ее причинах и характере. Что касается событий военной истории 1939—1945 гг., то оценка дается с позиций идеализма и буржуазного объективизма. Авторы множества книг объясняют причины второй мировой войны действиями и решениями отдельных личностей, маскируют роль класса капиталистов в подготовке войны. Такой подход к историческим событиям приводит буржуазных историков к подмене вопроса о причинах войны другим вопросом — о непосредственных виновниках развязывания вооруженного конфликта между главнейшими странами капиталистического мира.

Все фальсификаторы истории выступают под флагом антикоммунизма, причем многие из них не скрывают этого.

Немецко-фашистские генералы не могут простить Советскому Союзу того, что он сыграл решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и ее союзников. Они разжигают реваншистские настроения и ведут активную подготовку к новой войне. Реакционные круги США, Англии и Франции не могут примириться с возросшим авторитетом СССР и ростом сил социализма в результате победы над фашизмом во второй мировой войне. Они создали военные блоки для борьбы против сил социализма и прогресса. Поэтому и те и другие преднамеренно искажают факты истории. Однако было бы неправильным не видеть разницы между отдельными группами фальсификаторов истории второй мировой войны. Бывшие гитлеровские генералы и политики прилагают большие усилия для оправдания захватнических походов фашистской армии по странам Европы и Африки. Англо-американским военным историкам приходится объяснять своим читателям, как это Англия и США, находившиеся в годы войны в лагере антигитлеровской коалиции и участвовавшие в разгроме гитлеровской армии, теперь блокируются в НАТО с бывшими фашистами. Однако эти различия между двумя группами буржуазных историков не носят принципиального характера. Во всем основном они сходятся. Практически единым фронтом выступают они и в вопросе о причинах и характере второй мировой войны.

Наиболее распространена у них версия, согласно которой главным виновником и, по их мнению, основной

причиной войны был Адольф Гитлер. Конечно, нет никакого основания снимать вину с Гитлера за его агрессивную деятельность по развязыванию второй мировой войны. Но ведь он действовал как ставленник германских монополистов.

Зарубежные исследователи стремятся снять вину за возникновение войны с германских монополий и всех милитаристов Германии. Они ни слова не говорят о деятельности Круппа, Маннесмана, Флика и других, нажившихся на подготовке к войне. Эти деятели теперь пригодились для возрождения вермахта и укрепления сил НАТО. Буржуазные историки старательно оберегают авторитет монополистов и скрывают их милитаристскую деятельность.

В 1947 г. в Западной Германии вышла в свет книга Герхарда Риттера, в которой прямо написано: «Разве не бессмысленно, что один человек сумел привести Европу к чудовищному варварству, пережитому нами, что он по своей воле зажег пожар, охвативший буквально весь мир, и что никто не смог помешать ему в этом?»¹.

Таким образом, все дело у Риттера сведено к виновности одного Гитлера. В этом он видит причину второй мировой войны, о характере которой ничего не говорится. Выходит, по своей воле Гитлер зажег пожар, охвативший весь мир. А если бы не было Гитлера, то не было бы и второй мировой войны. К такому выводу приводит Риттер своих читателей. Здесь воля фашистского руководителя представлена как решающая причина возникновения второй мировой войны. А что направляло волю Гитлера, какие классы стояли за его спиной, в чьих интересах он действовал, — до всего этого Риттеру нет дела. Ему нужно свалить вину на одного Гитлера, а господствующие классы германского империализма взять под защиту.

На аналогичных позициях стоят и другие буржуазные авторы. Бывшие гитлеровские генералы действуют таким же образом. Разница только в том, что они прямо не говорят о виновности своего бывшего фюрера, как

¹ Gerhard Ritter. Geschichte als Bildungsmacht. Stuttgart, 1947, S. 24.

это делает Риттер, а свои рассуждения преподносят в завуалированном виде. Генерал-лейтенант Зигфрид Вестфаль повествует о развитии политических событий накануне нападения на Польшу в 1939 г., а затем, сообщив, что 1 сентября началась война, оценивает это событие как роковое решение Гитлера. «Гитлер и Геринг, очевидно, тоже чувствовали, что Рубикон перейден и принято первое роковое решение. В своей речи в рейхстаге 1 сентября Гитлер клялся, что он вернется победителем или не вернется совсем»¹. При этом Вестфаль тут же пытается оправдывать это так называемое «роковое решение» ссылкой на жестокие условия Версальского договора 1919 г., которые якобы и создали напряженную обстановку. В своих попытках и обвинить и в то же время обелить Гитлера Вестфаль не одинок. У него много последователей не только среди бывших фашистских генералов. Есть немало таких и среди англо-американских авторов истории второй мировой войны.

Манштейн в своей книге «Утерянные победы» также стремится внушить своим читателям мысль о единоличном решении Гитлера начать войну против Польши, что будто бы и явилось причиной второй мировой войны. По его словам, Гитлер был преисполнен фанатической решимости разрешить все оставшиеся территориальные проблемы, которые возникли перед Германией в результате первой мировой войны и Версальского мирного договора 1919 г. От Манштейна не отстают генерал Типпельскирх. Он прямо утверждает, что «Версаль бросил в почву дурное семя. Из этого семени выросли все аргументы будущего немецкого диктатора, которые понадобились ему, чтобы своей демагогией увлечь за собой разочарованный немецкий народ»².

Как Манштейн, так и Типпельскирх стараются запутать читателей, свести все дело к воле Гитлера и тяжелым для Германии последствиям Версаля. Но ведь сам Версальский мирный договор был порожден империалистической войной и захватнической политикой держав Антанты и США. Ведь это ядовитое семя выросло на

¹ Роковые решения, стр. 35.

² К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 570.

империалистической почве, для осуждения которой у бывших фашистских генералов не находится слов. Германские милитаристы умышленно забывают напомнить своим читателям, что победа кайзеровской Германии в первой мировой войне принесла бы не менее грабительский мир побежденным. Совершая экскурсы в область истории первой мировой войны, бывшие фашистские генералы упускают из виду грабительский Брестский мир, не менее, а еще более, разорительный для советского народа, чем Версаль для Германии. Кстати, генерал Гоффман действовал в Бресте несколько не лучше, чем Клемансо в Версале, на которого обычно сваливают вину за жестокие условия мирного договора стран Антанты с Германией. Как видно, причина войны в глубоких империалистических противоречиях.

К тому же версия о территориальных спорах, вытекавших из Версальского мирного договора, как о причине, из-за которой Гитлер решился на войну, опровергается материалами Нюрнбергского процесса. В документах приводится запись совещания от 23 мая 1939 г. На этом совещании Гитлер сказал: «Данциг вовсе не является предметом спора. Вопрос заключается в том, чтобы расширить наше жизненное пространство на Востоке, обеспечить наши продовольственные ресурсы и решить проблему Балтики»¹. А уже непосредственно перед началом войны 22 августа 1939 г. Гитлер на совещании заявил: «Для того чтобы объяснить начало войны, я дам повод пропагандистского характера; неважно, — правдоподобен ли этот повод; победителя потом не будут спрашивать, сказал ли он правду. При развязывании войны имеет значение не право, а победа»². Из этих высказываний Гитлера видно, что разговоры о борьбе фашистов против несправедливостей Версальской системы были всего лишь ширмой, прикрывающей империалистическую политику борьбы за мировое господство. Говоря о единоличной ответственности Гитлера за развязывание войны, бывшие фашистские генералы такими приемами пытаются доказать, что гитлеровский генеральный штаб и весь генералитет не повинен в раз-

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в семи томах, т. V. М., Госюриздат, 1960, стр. 66.

² Там же, стр. 69.

вязывании войны. Во многих работах по истории второй мировой войны германские милитаристы вообще не упоминают о роли фашистского генерального штаба в подготовке и развязывании второй мировой войны.

Важно отметить, что германским милитаристам уже второй раз в истории приходится предпринимать невероятные усилия для реабилитации своего генерального штаба. Они имеют в этом деле большой опыт. Следует сказать, что и после первой мировой войны фальсификацией подобного рода занимались бывшие кайзеровские генералы.

В 1920 г. сподвижник Шлиффена генерал Ганс Куль издал книгу «Германский генеральный штаб и его роль в подготовке и ведении мировой войны». Во введении автор прямо указывал, что книга предназначена для защиты кайзеровского генерального штаба «от возведенных на него обвинений». Куль пытался доказывать, что «поруганный милитаризм был в сущности только упорной работой генерального штаба»¹. И если бы кайзеровская Германия выиграла войну, то никто и не осуждал бы генеральный штаб за милитаризм, заключает Куль.

Используя опыт Куля, Гренера, Людендорфа, бывшие фашистские генералы идут по стопам своих предшественников-милитаристов и проявляют еще большую активность в защите генерального штаба как кайзеровской, так и гитлеровской Германии. После второй мировой войны вышла большая работа Вальтера Гёрлитца «Германский генеральный штаб». В 1957 г. появилась книга В. Эрфурта «История германского генерального штаба». Авторы книг интересуют больше всего вопрос о том, как спасти военно-теоретическое наследие германских милитаристов и реабилитировать генеральный штаб, генеральские и офицерские кадры, дважды провалившиеся на агрессивных войнах. Эти кадры понадобились теперь для подготовки новой войны, создания вермахта, укрепления НАТО. Поэтому западногерманские авторы книг по истории второй мировой войны стараются во что бы то ни стало как-то отделить Гитлера от

¹ Г. Куль. Германский генеральный штаб и его роль в подготовке и ведении мировой войны. М., Воениздат, 1936, стр. 121.

генерального штаба, доказать, что все военные вопросы решал Гитлер, а генеральный штаб тут ни при чем. Везде действовал Гитлер, а генералы выполняли только свой солдатский долг.

Таков лейтмотив милитаристской пропаганды бывших гитлеровцев.

Генерал Гудериан, так же как и Типпельскирх, пытается отмежеваться от своего бывшего фюрера и свалить на него всю вину за развязывание войны. Гудериан доказывает, что после нападения на Польшу «настроение армии было подавленным... С тяжелым сердцем мы начали войну, и не было ни одного генерала, который бы ратовал за нее»¹.

Однако бывшим фашистским генералам не уйти от ответственности за развязывание второй мировой войны. Начиная захватнические походы, генеральный штаб, руководящие кадры фашистской армии были заодно с Гитлером. Они поддерживали Гитлера. Они являлись инициаторами и авторами многочисленных завоевательных планов². В пылу откровенности фашистский генерал Дитмар признавал, что «после окончания Польской кампании всем стало совершенно очевидно, что победить Германию с помощью военной силы западным державам не удастся. Если в начале войны многие зарубежные деятели еще строили свои планы и теории на некоторых ставших известными политических трениях внутри самой Германии и прежде всего на противоречиях между нацистской партией и армией, полагая, что немецкий народ питает сильное отвращение ко всякой войне, то теперь подобного рода расчеты стали абсолютно беспредметными»³.

Как видно, противоречий между Гитлером и генералитетом Дитмар не отмечает. Более того, он подчеркивает особые дарования своего фюрера по части вовлечения германского народа в войну, над чем трудились и фашистские генералы. Фашистский генеральный штаб выполнял роль организатора захватнических войн

¹ Heinz Guderian. *Erinnerungen eines Soldaten*. Heidelberg, 1951, S. 63.

² См. Б. Мюллер-Гиллебранд. *Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг.* М., Изд-во иностранной литературы, 1958.

³ *Мировая война. 1939—1945 годы*, стр. 19.

в угоду германским монополиям. Это подтверждается документами, опубликованными за последнее время в советской печати¹. Директивы фашистского генерального штаба начисто опровергают версию о непричастности военного руководства гитлеровской Германии к развязыванию второй мировой войны. Об этом же говорят записи в дневнике начальника генерального штаба фашистской Германии Гальдера².

Характерно, что западногерманские исследователи истории второй мировой войны совершенно замалчивают вопрос о виновности англо-американских и французских империалистов в развязывании войны, об их провокационной деятельности и подталкивании фашистов к войне. Эта же линия проводится и англо-американскими военными историками. Наиболее четко она выражена английскими военными историками Фуллером и Батлером.

Касаясь причин второй мировой войны, Фуллер пытается свалить вину за возникновение вооруженного конфликта на первобытные инстинкты человека и оправдать империализм. Он указывает, что «под грохот орудийного салюта была погребена первая мировая война и зачата вторая. Хотя при изучении главных причин последней, впрочем, как и первой, видно, что нити тянутся через паровые двигатели и баржи к инстинктам первобытного человека, однако непосредственной причиной ее был Версальский договор». И чтобы не было никаких сомнений, Фуллер добавляет: «...Гитлер вызвал войну 1939—1945 гг., равным образом нет никакого сомнения и в том, кто и что вызвали к жизни Гитлера. Это — Клемансо, бесконтрольный, но все контролирующий председатель мирной конференции, и его шедевр — Версальский договор».

На рассвете 1 сентября 1939 г. вновь раздался грохот орудий, на этот раз возвещавший похороны второго Версальского договора и рождение второй мировой войны»³.

¹ См. Документы фашистского генерального штаба. «Военно-исторический журнал», 1959, № 1, 2, 3 и 6.

² «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, 7 и 10.

³ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 30, 37.

Линия Фуллера предельно ясна. Причина второй мировой войны заключается в ошибках авторов Версальского мирного договора 1919 г. и в Гитлере. Непосредственные виновники войны — Клемансо и Гитлер. На этой основе реабилитируется империалистическая политика как фашистской Германии, так и англо-французских и американских империалистов, которая привела ко второй мировой войне.

Недалеко от Фуллера ушел английский военный историк Дж. Батлер. Во втором томе английской официальной истории второй мировой войны Батлер утверждает: «Что же касается причины возникновения или цели войны, то их все себе отчетливо представляли. Причиной являлись агрессивные действия нацистской Германии и покушение ее на независимость и свободу других народов, причем против одних стран эти агрессивные действия были уже осуществлены, а против других Гитлер явно угрожал осуществить их»¹.

Батлер связывает агрессивные действия с именем Гитлера. Империалистическая политика Англии, Франции и США не осуждается.

Англо-американская историография также проявляет заинтересованность в том, чтобы обелить германский генеральный штаб. В настоящее время в штабе НАТО вместе с английскими, французскими и американскими заседают и бывшие фашистские генералы. Они командуют английскими, американскими и французскими войсками. Не случайно же на Нюрнбергском процессе главных военных преступников представители Англии, США и Франции отвергли предложение СССР — признать преступной организацией бывший фашистский генеральный штаб.

Таковы наиболее распространенные приемы буржуазной фальсификации причин возникновения второй мировой войны. Все преимущественно сводится к воле Гитлера, которая якобы была направлена на уничтожение тяжелых для Германии последствий Версальского мирного договора 1919 г. Об империалистической политике

¹ Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., Изд-во иностранной литературы, 1959, стр. 24.

борьбы за мировое господство не говорится ни слова. Действительные социально-экономические причины возникновения второй мировой войны остаются вне поля зрения. Факты и события начала второй мировой войны подаются с позиций буржуазного объективизма, который в данном случае служит целям оправдания германского милитаризма и империалистов Англии, Франции и США. В конечном счете все это направлено на оправдание подготовки новой мировой войны.

Другая группа буржуазных историков пытается обвинить в возникновении войны кроме Гитлера еще и Советское правительство, его внешнюю политику. В этом направлении открыто выражена тенденция антикоммунизма. Среди этой группы выступают видные деятели Англии и США, старающиеся обелить свою политику накануне возникновения второй мировой войны. Американские официальные круги и Черчилль стараются свалить вину за возникновение войны на СССР. Государственный департамент США при участии министерств иностранных дел Англии и Франции в 1948 г. издал сборник так называемых документов «Нацистско-советские отношения в 1939—1941 гг.». В этом сборнике документы приводятся не полностью, а в выдержках, которые, по мнению составителей, должны доказать, что якобы причиной второй мировой войны был советско-германский договор от 23 августа 1939 г. Издатели сборника пытаются внушить широким народным массам, что Советский Союз и Германия в 1939 г. поделили сферы влияния и тем толкнули человечество в пучину войны.

Англо-американским и французским империалистам очень хотелось бы снять с себя вину за развязывание второй мировой войны, поэтому они стараются обвинить Советский Союз.

Составителям сборника так называемых документов нет никакого дела до событий, предшествовавших сентябрю 1939 г. Они начинают описание с документов, относящихся по времени к 23 августа 1939 г. Читателям внушается тем самым мысль, что политика США, Англии и Франции не провоцировала фашистов на войну в Испании, Абиссинии. Выходит, мюнхенцы не виноваты и в своем пособничестве гитлеровцам в период их агрессии против Австрии, Чехословакии и Польши.

Они берутся под защиту и изображаются миротворцами.

В послевоенные годы вышел труд Черчилля «Вторая мировая война», в котором он стремится уверить, что Россия проводила якобы политику сговора с Германией за счет Польши. Он пытается переложить на СССР ответственность за срыв переговоров с Англией и Францией. Между тем эти переговоры были сорваны в 1939 г. по вине правящих кругов Англии и Франции. Английское правительство гарантировало помощь со своей стороны Польше в случае нападения на нее гитлеровской Германии. Однако когда гитлеровская Германия напала на панскую Польшу, английское правительство ничего не сделало для оказания польской армии обещанной помощи. Даже Фуллер осуждает своих политиков за предательство по отношению к Польше. Черчилль стремится выгородить свое правительство и переложить вину за возникновение войны на Советский Союз.

Таково второе направление в трактовке причин второй мировой войны.

Третья группа буржуазных фальсификаторов в качестве основной причины второй мировой войны выдвигает так называемую угрозу большевизма. Следует сразу же подчеркнуть, что это — возрождение фашистской версии кануна второй мировой войны. Еще тогда германские фашисты вместе с фашистами Италии и империалистами Японии выдвинули в качестве предлога для подготовки агрессии так называемую угрозу большевизма. Эта версия служила оправданием для создания «Антикоминтерновского пакта», заключенного 25 ноября 1936 г. в Берлине между Германией и Японией. 6 ноября 1937 г. к этому пакту присоединилась Италия. Образовавшийся блок агрессоров в качестве маскировки широко рекламировал цели борьбы против Коминтерна. Фактически же германские фашисты под знамя антикоммунизма собирали все реакционные силы для завоевания мирового господства. И все же маскировка не помогла, завоеватели потерпели поражение. Однако эта деятельность снова возрождается теперь, после разгрома фашизма.

Бывшие гитлеровские генералы пытаются доказывать, что если бы Гитлер не начал войны против Совет-

ского Союза, то Советский Союз сам напал бы на Германию и тогда создалась бы угроза победы коммунизма во всей Европе. Например, Типпельскирх указывает, что Гитлер считал невозможным вступить в решающую схватку с Англией, имея за спиной «такого опасного соседа», как Советский Союз. Англия не представляла в 1941 г. опасности, США могли оказать ей помощь не раньше как через два года. «А до того времени можно было свободно ликвидировать угрозу с тыла на востоке»¹.

Так, для оправдания вероломства фашистской Германии по отношению к Советскому Союзу была пушена в ход легенда об угрозе со стороны Советского Союза, которая якобы и вынуждала Гитлера предпринять поход против СССР. Оправдывая фашистов, на подобную точку зрения стал и Лиддел Гарт. Он утверждает, что выжидать Гитлеру было невыгодно, — Германия поставила бы себя под опасный удар в спину со стороны России, так как Гитлер якобы чувствовал, что договор с Советским Союзом не обеспечил бы нейтралитета на длительное время. «Страх побуждал Гитлера вынудить Францию к заключению мира путем быстрого перехода в наступление. Он считал, что, если Франция выйдет из войны, Англия будет вынуждена пойти с ним на сделку»².

Из этого заключения Лиддела Гарта читателю предоставлено сделать вывод, что Гитлер с перепугу двинул свои полчища на Париж и поработил Францию в 1940 г. И далее, перепугавшись большевизма, он начал войну против Страны Советов. Вот домыслы, которыми опутывает своих читателей буржуазная пропаганда. Ведь даже заместитель Геббельса Фриче на Нюрнбергском процессе прямо заявил, что никаких оснований к тому, чтобы обвинить Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у фашистов не было³. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер в своем дневнике в октябре 1940 г. записал, что невероятно, чтобы Россия выступила против Герма-

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 106.

² Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 318.

³ См. Нюрнбергский процесс, т. V, стр. 569.

нии¹. Типпельскирх также признает, что трезвые политики «в Кремле не могли замышлять наступления на Германию»². Далее он добавляет, что в период 1940—1941 гг. изменения политики русских по отношению к Германии ожидать не следовало. Типпельскирх пишет о том, что Советский Союз стремился точно выполнять свои обязательства по торговому соглашению. Таким образом, он опровергает свои же вымыслы об угрозе со стороны СССР.

Однако, несмотря на все это, легенда о превентивной войне со стороны гитлеровской Германии до настоящего времени повторяется в буржуазной печати. Особо усердствуют в этом направлении германские милитаристы. В советской печати сообщалось, что в связи с 20-й годовщиной нападения фашистской Германии на Польшу бывший министр обороны ФРГ Штраус 2 сентября 1959 г. опубликовал в бюллетене ведомства печати и информации при правительстве ФРГ статью, в которой он грубо фальсифицировал историю второй мировой войны. Штраус доказывал, что гитлеровцы вынуждены были начать войну, и для немцев она явилась особым уроком. Следствием уроков второй мировой войны Штраус считал вступление ФРГ в НАТО и требовал дальнейшего вооружения бундесвера атомным оружием и ракетами³.

Бывшие фашисты все более активно начинают оправдывать Гитлера и агрессивную политику германских империалистов. Если в первые годы после поражения фашистской армии большинство из них обвиняло Гитлера за развязанную войну, то в настоящее время все больше появляется книг и статей, в которых реваншисты начинают поднимать на щит Гитлера за его антикоммунизм.

Бывшие фашисты утверждают ныне, что их армия выступала в войне в роли освободительницы и что сама война со стороны фашистской армии носила якобы освободительный характер⁴.

Как видно из всего рассмотренного, вопрос о причинах и характере второй мировой войны в настоящее

¹ См. «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 70.

² К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 174.

³ См. «Красная звезда», 4 сентября 1959 г.

⁴ См. Итоги второй мировой войны, стр. 507.

время освещается как в марксистской, так и в буржуазной литературе. Большая острота этого вопроса, его политическое значение для современности /определяют ожесточенный характер борьбы между прогрессивными силами, вскрывающими истинные причины и характер второй мировой войны, и реакционными силами, фальсифицирующими историю. Первое направление отражает пролетарскую, марксистско-ленинскую идеологию, второе — буржуазную идеологию агрессивного империализма. Между ними развертывается ожесточенная борьба.

Исходя из марксистско-ленинской теории, Коммунистическая партия Советского Союза, Коминтерн и братские коммунистические партии еще задолго до войны вскрыли упрощенность ее возникновения и показали основные противоречия капитализма в период общего кризиса. Были вскрыты также причины назревавшей войны и ее характер. Еще до второй мировой войны коммунисты разоблачали агрессоров, выступали в защиту абиссинского, китайского, испанского и чешского народов, поддерживали их освободительную, справедливую войну.

Когда разразилась вторая мировая война, Коминтерн определил ее характер и наметил тактику коммунистических партий в создавшейся обстановке. К 22-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции было опубликовано специальное воззвание Исполкома Коминтерна¹. В нем, в частности, была дана оценка затеянной правительствами капиталистических стран второй мировой войне. «Уже свыше двух лет, — говорилось в воззвании, — японские империалисты терзают Китай, борющийся за свою независимость. Война идет в самом центре Европы. Правящие классы Англии, Франции и Германии ведут войну за мировое господство. Эта война есть продолжение многолетней империалистической тяжбы в лагере капитализма»². Коммунистический Интернационал призывал трудящихся к борьбе против империалистической войны, на поддержку Советского Союза — оплота мира, свободы и социализма.

На основе учета конкретной обстановки коммуни-

¹ См. «Коммунистический Интернационал», 1939, № 8—9, стр. 3—8.

² Там же, стр. 3—4.

стические партии различных стран вырабатывали свою тактику, защищали интересы трудящихся. В период борьбы против гитлеровских завоевателей и их союзников коммунисты были в первых рядах освободительного движения народов.

После второй мировой войны позиции социализма и демократии укрепились. Социализм вышел за пределы одной страны, и теперь под его знаменами строят новую жизнь более миллиарда трудящихся. Братские коммунистические и рабочие партии учитывают опыт второй мировой войны, помнят о причинах ее возникновения и делают все от них зависящее, чтобы пресечь попытки агрессивных кругов империализма разжечь пожар новой войны.

Буржуазные военные деятели извращали и извращают исторические события, в ложном свете изображают причины и характер второй мировой войны. Для этого широко практикуется метод буржуазного объективизма, прикрывающий военную идеологию эксплуататоров.

Политические цели буржуазных фальсификаторов заключаются в подготовке новой войны против СССР и стран социализма. Вот почему истинные причины и характер второй мировой войны либо замалчиваются, либо извращаются. Из всех выдвигаемых причин второй мировой войны за последнее время все большее внимание империалистов привлекает теория превентивной войны.

Современные реакционные политики и военные деятели широко используют миф об «угрозе коммунизма». На этом мифе пытаются играть американские империалисты и оправдывать свою политику «с позиции силы», политику «сдерживания» и «отбрасывания коммунизма». Они вместе с германскими милитаристами стараются оправдать Гитлера, его антикоммунизм. Изображая мифическую угрозу коммунизма, апологеты империализма возводят превентивную войну в ранг необходимой и оправданной закономерности.

Таким образом, вопрос о причинах и характере второй мировой войны — это не только область идеологической борьбы, но и острый вопрос политики. Правильное его решение помогает показать народам истинную агрессивную сущность современного империализма.

Глава вторая

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ — ПЕРИОД ЛЕГКИХ УСПЕХОВ ГИТЛЕРОВЦЕВ

О событиях в Польше осенью 1939 г.

Годы наивысших военных успехов гитлеровских вооруженных сил — 1939-й и 1940-й — и поныне вызывают преклонение апологетов германского милитаризма. Вот когда, уверяют они, раскрылись непревзойденные качества генерального штаба! «Польский поход» и «западная кампания», по единодушному мнению буржуазных историков, — лучшие образцы германского искусства вождения войск.

Применительно к проблемам первого периода второй мировой войны (1 сентября 1939 г. — 21 июня 1941 г.) ведущие тенденции западногерманской историографии состоят в том, чтобы:

1. Представить нападение гитлеровского вермахта на Польшу и на государства Западной Европы как политически вполне оправданные или же как акты, совершенные Гитлером вопреки воле генералов.

2. Подчеркнуть безупречность воинского мастерства германской армии и ее руководителей.

Большинство западногерманских авторов объявляет причиною нападения фашистской Германии на Польшу в сентябре 1939 г. стремление нацистского руководства «исправить ошибки Версаля», вернуть третьему рейху «исконно германский» город Данциг и узаконить связь через «польский коридор» между внутренними областями империи и Восточной Пруссией. Эти намерения фашистской Германии объявляются вполне правомерными

и разумными, и, таким образом, косвенно война со стороны Гитлера признается справедливой.

Именно в таком духе преподносит вопрос о причинах войны Форман — автор сравнительно недавно вышедшего в ФРГ самого капитального в буржуазной военной литературе труда по истории германо-польской войны¹. На многих страницах, ссылаясь на примеры, начиная с XVIII столетия, он обосновывает «естественное право» фашистской Германии на земли «польского коридора» и на Данциг, направляя таким путем читателя на мысль, будто германское нападение на Польшу было вызвано только лишь стремлением вернуть «несправедливо отобранное».

Типпельскирх считает причиной войны «несговорчивость поляков» в деле «разумного разрешения», проблемы «данцигского коридора» и Данцига и опрометчивую политику в этом вопросе англичан².

Меллентин пишет о «вполне уместных претензиях» Германии на Данциг — «истинно немецкий город» как о причине, приведшей к мировому конфликту³.

Подобные широко распространенные взгляды целиком повторяют аргументацию работ, вышедших еще в фашистском рейхе, таких, как P. Göldner „Der Feldzug in Polen, 1939“ (Berlin 1939); E. Kabisch „Deutsche Siegeszug in Polen“ (Stuttgart, 1940); P. Supf „Luftwaffe Schlagt zu“ (Berlin, 1939), и др.

Таким образом, традиционная точка зрения, которая перешла из предвоенной официальной версии фашистской пропаганды и дипломатии в апологетическую литературу Германии 1939—1945 гг., усвоена современной западногерманской историографией и преподносится как истинная причина войны.

Однако объективное рассмотрение исторической действительности не оставляет камня на камне от этой версии. Факты говорят, что такая позиция извращает историю. Действительная причина германо-польской войны

¹ См. N. Vogmann. Der Feldzug 1939 in Polen. Weisenburg, 1958.

² См. К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 9.

³ См. Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 19.

коренится не в «проблеме Данцига», а в давних планах германского империализма, который нападением на Польшу надеялся осуществить свои намерения по «колониализации Востока», порабощению народов Восточной Европы, по расширению «жизненного пространства» за счет Польши, а затем — Советского Союза.

Оккупация Польши представляла собой первый этап «восточного плана». Его второй этап — удар из покоренной Польши по Советскому Союзу.

Германские милитаристы полностью разделяли замыслы Гитлера. Они были наиболее ревностными носителями идеи уничтожения польского государства. «В глазах прусско-германских милитаристов поляки всегда были неполноценным народом, годным в лучшем случае лишь для того, чтобы поставлять беззащитных батраков в имения помещиков, а в прежние века — пушечное мясо для прусских полков»¹. Потерю Германией в результате первой мировой войны некоторых территорий на Востоке германские милитаристы считали чисто временной и постоянно готовились к реваншу. После захвата польская территория должна была стать центром «восточной политики» фашизма.

Другим побудительным мотивом агрессии было стремление германских монополий захватить польские промышленные и сырьевые ресурсы, прежде всего Верхнюю Силезию, ее угольные и цинковые месторождения, ее заводы. Об этом промышленные магнаты, например Тиссен, мечтали еще с начала 20-х гг.

Вторжение в Польшу было необходимо Гитлеру и для того, чтобы отобрать у Англии и Франции их опорный пункт в Восточной Европе. Политикой «умиротворения» гитлеровской Германии английские и французские правящие круги развязывали ей руки для наступления на Советский Союз. Правительство Чемберлена и Далады декларировали об отпоре агрессору и о защите малых стран. В действительности же они готовили сделку с Гитлером против Советского Союза за счет тех государств Восточной и Юго-Восточной Европы, которым, не скупясь, давали в 1939 г. гарантии. В декабре

¹ Н. Helmert. Die militärische Aggression. September 1939. Berlin, 1959, S. 83.

1938 г. французский посол в Берлине Ноэль писал в Париж, выражая точку зрения, весьма характерную для западной дипломатии того времени: «Мне кажется, что уже можно распознать целенаправленность крупного предприятия немцев. Овладение Центральной Европой... создание Великой Украины под немецким верховным господством... Для этой цели необходимо покорить Румынию, убедить Польшу, Советская Россия должна быть лишена собственности... В милитаристских кругах уже говорят о походе на Кавказ вплоть до Баку»¹. Английский посол в третьем рейхе Гендерсон заявил в марте 1939 г.: «Неплохо, чтобы произошел «Дранг нах Остен»; «Дранга нах Вестен» не произойдет до тех пор, пока Гитлеру не будут преграждать путей на восток»².

Из других причин, определивших направление агрессии против Польши, следует отметить, что гитлеровские заправила, осуществляя план установления европейской и мировой гегемонии, стремились поглощать страны Европы последовательно, начиная с тех, которые они считали более слабыми, использовать для пропагандистских поводов агрессии наличие в этих странах немецких меньшинств. Поэтому после Рейнской области, Австрии, Чехословакии и Мемельской области наступила очередь Польши.

Война была нужна гитлеровцам еще и по тем соображениям, что проводившаяся в течение ряда лет интенсивная милитаризация германской экономики, свертывание промышленности народного потребления неизбежно подвели Германию, хотя и позже других капиталистических стран, к экономическому кризису. Вложенные в военную экономику огромные средства должны были реализоваться путем ограбления других стран. Лишь таким путем по замыслам фашистов казалось возможным «поправить» дела рейха.

Таковы были главные причины, определившие гитлеровскую агрессию против Польши.

Отсюда становится вполне очевидным, что нападение на Польшу было не результатом отказа польского правительства удовлетворить «справедливые требования Гер-

¹ Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Herausgegeben von M. Freund, Bd. I. München, 1953, S. 359, 361.

² Там же, стр. 379.

Маний» в отношении Данцига или «разрешить несправедливости Версальской системы на Востоке», как в один голос твердят ныне западногерманские историки. Причины германской агрессии лежат глубже, они коренятся в давних планах германского империализма. Агрессия против Польши была разбойничьим актом гитлеровского фашизма, направленным на уничтожение польского государства и порабощение народов Польши.

Почти все, за самым малым исключением, авторы трудов по истории событий сентября 1939 г., вышедших в Западной Германии, изображают ход вооруженной борьбы в Польше как сплошной триумф немецко-фашистского вермахта. В работе Г. Рооса, посвященной двадцатилетию с момента начала германо-польской войны, говорится: «Поход в Польшу представлял собой в целом только осуществление германских оперативных планов»¹. Так же оценивает ход борьбы Типпельскирх, заявляющий, что война развивалась «точно по заранее намеченному плану»². Дитмар пишет о том, что немецкое командование смогло мастерски, «гладко провести небывалое по своим масштабам концентрическое наступление»³.

Конечно, было бы неправильно недооценивать успешность действий германских армий в сентябре 1939 г. Но прежде всего необходимо трезво смотреть на реальное соотношение сил воюющих сторон. Разве кто-нибудь может усомниться в том, что гитлеровский вермахт многократно превосходил польские вооруженные силы в численности и оснащении войск, в методах и выучке? Немецкое превосходство в танках было выражено соотношением 15 : 1, а в авиации — 4,4 : 1⁴. И тем не менее польская армия нашла в себе силы, чтобы несколько раз срывать планы германского командования.

Гитлеровцы не смогли выполнить первоначальный замысел окружения польской армии западнее Вислы. Это признал главнокомандующий германскими сухопутными силами Браухич в директиве от 6 сентября 1939 г.⁵ Вме-

¹ «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1959, № 9, S. 494.

² К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 28.

³ Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 20.

⁴ См. *Sesia naukowa poświęcona wojnie Wyzwoleńczej narodu polskiego 1939—1945*. Warszawa, 1959, str. 139.

⁵ См. N. V o r m a n n. Der Feldzug 1939 in Polen, S. 95, 96.

сто одной запланированной стратегической операции с целью окружения польской армии в западных районах страны германское верховное командование было вынуждено провести две — в Западной и Восточной Польше. Польская армия смогла частью сил выйти из-под германского удара и тем заставила ОКВ наспех готовить новую операцию. Каждая группа армий провела также по две операции и, кроме того, по нескольку армейских операций. Германские военно-воздушные силы не смогли парализовать мобилизационные перевозки польской армии и уничтожить польскую авиацию в первые дни войны. Использование авиации было далеко не всегда умелым, распыление ее сил представляло собой крупный недостаток руководства. Польское сопротивление оказалось реальной силой, и поход вермахта в Польшу, какими бы ослепительными для гитлеровской военщины ни казались его внешние успехи, не был простой военной прогулкой.

Приведем в подтверждение еще некоторые факты. В западноевропейской исторической литературе давно распространяется точка зрения, будто в первый день войны германская авиация в результате внезапного нападения уничтожила польские ВВС на аэродромах. Справедливо ли такое утверждение? На рассвете 1 сентября 1-й немецко-фашистский воздушный флот смог поднять в воздух лишь незначительную часть самолетов. В 4 часа 30 минут был нанесен первый удар. Объектом служили мост и казармы в пограничном городе «польского коридора» Тчев (Диршау). «Операция в районе Диршау, по-видимому, не удалась. Воздушный налет, очевидно, не дал эффективных результатов»¹, — подвел итог этому удару в своем дневнике утром 1 сентября Гальдер.

На южном участке фронта соединения 4-го воздушно-флота атаковали аэродромы в Катовицах, но польских самолетов там не оказалось, и немцы ограничились поджогом ангаров. Первые удары не дали ожидаемых результатов. Распыленность воздушных атак по множеству целей, потеря внезапности ограничили эффект авиацион-

¹ F. H a l d e r. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabs des Heeres 1939—1942. Stuttgart, 1962, B. I. Запись от 1.9.1939 г.

ного наступления. Часть польских стационарных аэродромов была повреждена, но авиация успела главными силами своевременно перебазироваться на запасные аэродромы. Попытка застигнуть польские ВВС врасплох, говорилось в официальном отчете штаба германских ВВС об этом дне военных действий, не удалась, во всяком случае, она была достигнута не в той мере, как было намечено. У противника оказалось время, чтобы провести как активные мероприятия — подготовка истребительной, зенитной обороны, так и пассивные — перемещение соединений на запасные аэродромы. Вследствие раздробленности боевых действий собственных ВВС не было возможности атаковать вражеские авиабазы одновременно. Следовательно, гитлеровское командование само считало, что первый удар авиации не принес того эффекта, который ожидался от него согласно планам.

Господство в воздухе было захвачено германской авиацией в последующие дни благодаря количественному и техническому превосходству немецких самолетов над польскими.

Сухопутные силы также действовали далеко не всегда столь успешно, как изображают современные западногерманские апологеты вермахта. Вот один из примеров.

На рассвете 1 сентября 10-я немецко-фашистская армия нанесла удар 16-м моторизованным корпусом (1-я и 4-я танковые дивизии) в районе Мокра. Польская Волинская кавалерийская бригада утром дважды отбила немецкие атаки. На поле боя осталось 12 немецких танков¹. Около полудня немецкие части вновь перешли в атаку без разведки, густыми построениями. 4-я танковая дивизия попала под артиллерийский огонь и потеряла 20 легких танков. Во второй половине дня 4-я танковая дивизия возобновила атаки на позиции Волинской бригады. Компактная масса немецких танков и мотопехоты при поддержке огня шести батарей атаковала польские 12-й и 21-й уланские полки в районе Клобуцка. Командир польской кавалерийской бригады организовал контратаку. В боевых порядках гитлеровцев произошло замешательство. Танки, находившиеся сзади, продолжали двигаться вперед, в то время как головные стали по-

¹ См. *Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej*, t. I, cz. II, Londyn, 1951, str. 157.

ворачивать назад. Дело дошло даже до взаимного обстрела. Немецкие танки отступили. По утверждению польского командующего армией «Лодзь» генерала Румеля, на поле боя осталось до 150 немецких танков и бронетранспортеров¹.

Итак, гитлеровские войска не только наступали, но и отступали. Допускались ошибки в использовании танков на поле боя, на марше. Соппротивление польских солдат оказывало влияние на первоначальные замыслы германского генералитета.

Несмотря на конечные результаты этой явно неравной борьбы, несмотря на дезорганизацию польского фронта и тяжелый урон, польская армия, как уже отмечалось, не позволила гитлеровскому командованию полностью осуществить свой стратегический замысел — окружить польские соединения западнее Вислы². На северном и крайнем южном флангах польские войска 4—5 сентября, выйдя из-под ударов, заставили гитлеровское командование отказаться от охватывающего маневра и заменить его обычным фронтальным вытеснением. Здесь в полной мере сказались недостатки исходного германского оперативного плана. Уже 5—6 сентября немецкое руководство оказалось вынужденным начать новую стратегическую операцию.

В изображении хода германо-польской войны ни один из современных западногерманских авторов не упоминает о героической обороне поляками своей столицы. Еще бы, ведь защита Варшавы польскими трудящимися в течение 20 суток полностью спутала карты гитлеровского командования на центральных участках фронта. Признать провал расчетов генералитета вермахта у стен Варшавы — значит расстаться с традиционным утверждением, будто война в Польше продолжалась только 18 суток (1—18 сентября). Фальсификаторы закрывают глаза на то, что Варшава, обороняемая народом, прекратила сопротивление только 28 сентября, в то время как германское командование планировало взять ее с ходу,

¹ См. Julius R ó m m e l. *Za honor i ojczyznę*. Warszawa, 1958, str. 49.

² Этот замысел был сформулирован в «Белом плане» — плане войны против Польши.

а 8 сентября даже поторошилось оповестить весь мир о падении польской столицы¹.

Необычайная для тех условий стойкость обороны Варшавы объяснялась участием в ней трудящихся масс, прежде всего героического варшавского пролетариата. Активная борьба народа — рабочих, солдат, трудовой интеллигенции — придала обороне столицы характер национально-освободительной борьбы. В первых рядах защитников Варшавы выступали польские коммунисты и представители левых социалистов. Вырываясь из тюрем, брошенных охраной, коммунисты вступали в отряды добровольцев и личным примером увлекали трудящихся Варшавы на самоотверженную борьбу. По призыву мэра Старжинского тысячи варшавян пошли на строительство баррикад и противотанковых заграждений. Были созданы отряды Красного Креста, пункты первой помощи, пожарные и санитарные отряды. Организовался столичный комитет общественной взаимопомощи. 5 сентября на совместной конференции руководства ППС и командования обороны Варшавы было принято важное решение о создании рабочих батальонов обороны Варшавы, которые предназначались главным образом для саперных работ. Первоначально было сформировано шесть рот. Рабочие батальоны впоследствии сыграли выдающуюся роль в ходе борьбы за столицу. Из них создавались боевые, строительные, диверсионные группы, которые выполняли наиболее сложные и опасные задания: проводили ночные нападения на вражеские отряды в окрестностях города, на штабы, бронемшины, танки и т. п. В одном из таких батальонов сражался Владислав Гомулка.

Народные массы защищали в Варшаве и на других участках борьбы не прогнившую государственную систему, а национальную свободу, честь и независимость своей родной земли. В период обороны Варшавы, Вестерплатте, Модлина на первый план стали выдвигаться польские традиции национально-освободительной войны, порождавшие высокий моральный подъем. Польская столица боролась так героически против гитлеровцев именно по-

¹ Командующий 10-й немецко-фашистской армией генерал Рейхенау сообщил 8 сентября 1939 г. в ОКХ: «4-я танковая дивизия в соответствии с приказом очистила западную часть Варшавы». Гитлеровское радио передало это сообщение в эфир (Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 941, л. 25).

тому, что ее защищал народ во главе с варшавским пролетариатом.

Этого не хотят видеть и признавать современные идеологи гитлеровского вермахта из ФРГ, выступающие с апологетикой его «подвигов» в минувшей войне. Они не желают замечать, что сопротивление и активная борьба народных масс — важнейший, решающий фактор вооруженной борьбы. Замыкаясь в традиционных схемах «чистого военного искусства», они отрицают роль народного сопротивления как под Варшавой, так и в других районах в 1939 г. и в последующие годы. И поэтому такими узкими, однобокими, в конечном счете фальсифицированными выглядят многие их военно-исторические изыскания!

Очень многие буржуазные авторы стремятся представить поражение буржуазно-помещичьей Польши в 1939 г. не как результат гитлеровской агрессии, а как следствие «раздела Польши» при участии Советского Союза. Они доходят до того, что пытаются приравнять миролюбивую советскую политику к политике фашистской Германии. Например, Курт Ассман в своем объемном труде о второй мировой войне отводит описанию германо-польской войны только 5,5 страницы. Из них 4 — «активному участию советских войск в войне против Польши»¹. Типпельскирх, Гёрлиц и другие авторы высказывают мысли, свидетельствующие, что они стоят на позициях признания теории «раздела Польши».

Такая оценка действий Советского Союза не отвечает исторической действительности.

Освободительный поход Красной Армии начался 17 сентября 1939 г. в условиях распада польского государства, бегства польского правительства за границу. Он был вызван двумя причинами: 1) необходимостью взять под защиту украинцев и белорусов, проживающих в Польше и брошенных на произвол судьбы; 2) необходимостью остановить гитлеровские армии в их беспрепятственном движении к границам Советского Союза и создать основы будущего Восточного фронта против гитлеровской агрессии.

Вступив на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, советские войска защитили мирное на-

¹ Kurt A s s m a n. Deutsche Schicksalsjahre. Wiesbaden, 1951, S. 113—118.

селение от произвола польской реакции, чинившей в условиях общего распада государства насилия над «меньшинствами» — украинцами и белорусами, спасли их от угрозы порабощения гитлеровцами. Населению была оказана материальная помощь. Выдвижение границ СССР на запад явилось серьезным вкладом в укрепление безопасности не только советского народа, но и всех народов, которые вступили в борьбу против фашизма и которым еще предстояло вступить в нее. Решающее событие второй мировой войны — Великая Отечественная война началась в менее выгодных для Гитлера условиях, чем это могло бы случиться, если бы Красная Армия не выступила 17 сентября 1939 г. и не остановила агрессора вдалеке от советской границы.

Даже в капиталистическом мире отдельные государственные деятели понимают необходимость этого шага Советского правительства. Вот что пишет о нем Черчилль: «...Для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии (имеется в виду линия, достигнутая советскими войсками в результате их марша. — Д. П.). Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...»¹.

Вторжение в Западную Европу летом 1940 г.

Гитлеровская агрессия против стран Западной Европы в годы второй мировой войны принесла тяжкие бедствия народам Франции, Англии, Бельгии, Норвегии, Голландии, Люксембурга, Дании.

Обширная западногерманская историческая литература, комментируя события 1940 г., стремится убедить мировое общественное мнение, и прежде всего нынешних союзников ФРГ по НАТО, что германский генеральный штаб и весь генералитет не имели желаний нападать на Францию, Англию, Бельгию и Голландию и что если это нападение все же состоялось, то оно произошло, вопреки действительным намерениям генералов, лишь благодаря злой воле Гитлера и желанию Англии и Франции воевать

¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. I, Boston, 1948, p. 407.

с Германией. Особенно ясно эта точка зрения выражена в работах Гёрлитца, Манштейна, Эрфурта, Буххайта, Гудериана, Лоссберга. Чтобы подкрепить ее, западногерманские авторы стараются доказать, будто подготовка к вторжению на Запад была начата германским генеральным штабом лишь после окончания похода в Польшу, когда стала очевидной невозможность мирного соглашения с Англией и Францией. Де Йонг, голландский историк прогерманской ориентации, взявший на себя неблагодарную миссию реабилитации абвера, пишет: «Насколько известно, до 1938 года немецкие штабы не разработали ни одного конкретного плана агрессии»¹.

Западногерманские неофашисты стремятся сделать все возможное, чтобы, с одной стороны, заставить своих новых партнеров поверить в легенду искоренения нацизма в ФРГ, а с другой — сделать так, чтобы из памяти руководителей и общественности стран Запада не улетучились воспоминания о периоде наивысших военных успехов Германии, о молниеносных военных победах над теми странами, лидеры которых ищут сегодня дружбы с недавним агрессором. Это еще один путь, которым идут западногерманские милитаристы, чтобы занять место ведущей военной силы «западного мира» в Европе. Именно поэтому на рубеже 50-х и 60-х гг. в Западной Германии появилось так много литературы, посвященной успехам германского оружия на Западе во второй мировой войне.

В 1960 г. в ФРГ вышел обширный сборник документов о разгроме гитлеровской Германией Франции, Бельгии и Голландии². Он прекрасно издан и открывается большой фотографией, на которой изображено подписание акта о капитуляции Бельгии 27 мая 1940 г. За столом сидит вконец растерянный, напуганный начальник штаба бельгийской армии. Он подавлен случившимся, своей тяжелой миссией и чувствует полную беспомощность под наглым и откровенно презрительным взглядом развалившегося перед ним на стуле гитлеровского генерала Рейхенау, личного друга фюрера и командующего

¹ Л. де Йонг. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., Изд-во иностранной литературы, 1958, стр. 287.

² См. *Dokumente zum Westfeldzug 1940*. Hrsg. von H. A. Jacobsen. Göttingen—Berlin—Frankfurt a. M., 1960.

6-й армией. Поодаль стоят германские штабные офицеры — воплощенное высокомерие по отношению к побежденному и его стране.

Фотография, открывающая книгу, изданную не в 1940, а в 1960 г., и не ведомством Геббельса, а издательством ФРГ, удивительно ярко выражает направленность большинства работ (монографий, сборников) западно-германской литературы о первом периоде второй мировой войны. Главное, чтобы страны Западной Европы не забыли о военных возможностях Германии, которая их побеждала, а теперь в лице ФРГ будет защищать, если получит удовлетворение своим требованиям: вооружение и реванш! Таков подтекст этой фотографии...

Подчеркивая и всячески выпячивая имевшие будто бы место расхождения между генералами и Гитлером, такие авторы, как Манштейн, Гёрлиц, Эрфурт, Якобсен и др., пытаются доказать, что генеральный штаб вопреки Гитлеру якобы в 1940 г. не только не хотел продолжения войны с Францией и Англией, но даже стремился к заключению мира на Западе. Гёрлиц, например, старается убедить читателя, будто противоречия между Гитлером и генеральным штабом по вопросу о войне или мире на Западе привели осенью 1939 г. к «генеральскому путчу». Манштейн, излагая намерения генерального штаба, приписывает генералу Браухичу план умышленного оттягивания сроков начала военных действий на Западе, чтобы весной 1940 г. приступить к переговорам с Англией и Францией. «Генерал-полковник, очевидно, надеялся, что при проявлении доброй воли в то время ему в дальнейшем удастся отговорить Гитлера от его плана. Он, по видимому, считал также, что состояние погоды практически сделает невозможным проведение наступления поздней осенью или зимой. Если бы ввиду этого удалось отложить решение до весны, возможно, нашлись бы пути для окончания войны путем политических переговоров»¹. Фельдмаршал фон Лееб утверждал после войны, что оттяжка сроков начала нападения на Францию произошла благодаря усилиям его, Лееба, а также генералов Бока и Гальдера и что они надеялись, что за этот период удастся договориться с Англией и Францией по дипломатическим каналам. Предлоги же выдвигались

¹ Erich v. M^an s t e i n. Verlorene Siege, S. 73.

чисто военного характера — погода, состояние дорог и т. п.¹.

Так ли все это было, как пишут ныне рьяные адвокаты германского генерального штаба?

Подготовка к войне против Франции и Англии составляла одно из главных направлений гитлеровской политики до и после 1933 г. Идея реванша за поражение в войне 1914—1918 гг. сложилась в милитаристских и националистических кругах Германии вскоре после капитуляции 1918 г. и вполне оформилась к середине 20-х гг. Еще за 15 лет до начала второй мировой войны был открыто поставлен вопрос об отвоевании территорий на Западе и разгроме Франции. Эти планы задолго до прихода к власти Гитлера настойчиво пропагандировались военно-националистическими кругами, которые вскоре стали главной движущей силой государства и сделали свои взгляды государственной доктриной.

В мае 1935 г. министр рейхсвера генерал Бломберг издал директиву под названием «Шулюнг» о ведении войны против юго-восточных и западных соседей Германии. После оккупации Чехословакии и Австрии германские войска, переброшенные по железным дорогам, совместно с войсками, обороняющимися на западных границах, должны будут перейти в наступление против Франции. Операцию предусматривалось осуществить с молниеносной быстротой.

Осенью того же года верховное командование разработало стратегический план под названием «вариант Красный»², который исходил из возможности ведения войны против Франции, Польши и Чехословакии силами четырех армейских объединений, из которых три предназначались для военных действий на Западе. Используя внутренние операционные линии, генеральный штаб предполагал обеспечить своевременное усиление главного фронта — прежде всего Западного — резервами ОКХ из внутренних районов, а также вновь мобилизуемыми соединениями. Агрессивный характер как первого, так и второго планов не вызывает сомнений: именно на основе этих планов состоялось в начале марта 1936 г. германское вторжение в демилитаризованную Рейнскую зону.

¹ См. Fall 12. Berlin, 1960, S. 128—130.

² ЦГАОР, ф. 7021, оп. 148, д. 234, лл. 58, 59.

По мере роста наступательной мощи вермахта увеличивалась агрессивность и решительность планов войны против западных держав. Директива «О единой подготовке к войне» от 24 октября 1937 г. включала разработку плана войны против Франции и Бельгии («вариант Красный») и против Чехословакии («вариант Зеленый») при сосредоточении основных усилий на Западе. В 1938 г. планирование войны против Англии и Франции стало убыстряться.

18 февраля 1938 г. в период подготовки к захвату Австрии Геринг поставил задачу 3-му воздушному флоту, базировавшемуся в Западной Германии, подготовить наступление против Франции, а 2-му воздушному флоту — против Англии с направлением главного удара на Лондон и на воздушные базы в Восточной Англии. При этом Голландия рассматривалась как наиболее выгодный исходный плацдарм для германских военно-воздушных сил. Авиационное командование приходило к выводу о необходимости для ведения воздушной войны против Англии оккупировать территории Голландии и Бельгии. Об этом, в частности, со всей определенностью заявил командующий 2-м воздушным флотом генерал Фельми в письме Герингу от 22 сентября 1938 г.

В ноябре того же года план был уточнен: одним из объектов авиационного наступления был намечен английский торговый флот. Однако главной своей тяжестью (30 эскадр из 58) воздушное наступление нацеливалось против метрополии.

Весной 1939 г. при 2-м воздушном флоте был создан специальный штаб под руководством генерала Гайслера, который стал заниматься исключительно вопросами подготовки войны против Англии. Одновременно разработку планов подобного рода производил штаб военно-морских сил¹.

Таким образом, еще до начала второй мировой войны гитлеровцы подготавливали агрессию против западных держав. После начала войны подготовка вторжения во Францию, Бельгию и Голландию становится непосредственной практической задачей гитлеровской стратегии. Оборонительная стратегия на Западе в период военных действий в Польше была временным явлением, вызван-

¹ См. «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1960, № 1; 1956, № 2.

ным необходимостью сосредоточить на сравнительно короткий срок максимум сил на Востоке.

Представители главного командования сухопутных сил, безусловно, не сомневались в необходимости продолжать войну. Но генералы Браухич, Гальдер, Бок, Штюльпнагель и некоторые другие, которым были хорошо известны слабые места в оснащении и подготовке армии, возражали против немедленного выступления на Западе. Они хотели лучше, основательнее подготовиться к вторжению.

Стремление группы высших генералов сухопутных сил отложить начало наступления, чтобы лучше его подготовить, стало после войны изображаться многими западногерманскими историками как «оппозиция генералов Гитлеру». Но для подобных утверждений нет оснований. Генералы были полностью убеждены в правильности решения фюрера сокрушить Францию и Англию. Они лишь опасались поспешности в принятии решений, хотели более серьезно продумать и подготовить новый военный шаг.

Руководство генерального штаба составило первый расчет о сосредоточении сил против западных государств 10 сентября 1939 г. — в разгар польской кампании. Еще до отдачи Гитлером 7 октября 1939 г. первого приказа о наступлении главное командование сухопутных сил по своей инициативе отдало приказ вновь создаваемой с 10 октября группе армий «Б» провести все приготовления для немедленного вторжения на голландскую и бельгийскую территории, если политическое положение этого потребует¹. На совещании Гальдера с Браухичем 29 сентября 1939 г. оба, как свидетельствует дневник Гальдера, пришли к выводу: «Если в политической игре создан действительно прочный фундамент, следует рискнуть». И далее: «Бельгия имеет уязвимый фронт. Мы застанем ее врасплох. Следует исходить из готовности армии на случай нарушения нейтралитета»².

5 октября 1939 г., с полного согласия генерального штаба, началась переброска из Польши на Запад штаба группы армий «Север», а также штабов 4-й и 6-й армий,

¹ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 192, л. 93.

² F. Halder. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabs des Heeres 1939—1942. В. I. Запись от 29.9. 1939 г.

что знаменовало собой первый шаг в подготовке стратегического развертывания для наступления на Францию, Голландию и Бельгию. 7 октября Браухич отдал приказ генералу Боку вступить в командование на Западе группой армий «Б», причем ему указывалось «провести все подготовительные мероприятия к быстрейшему вторжению в голландскую и бельгийскую области, если этого потребует политическое положение». И когда 10 октября 1939 г. Гитлер на совещании в имперской канцелярии огласил высшим генералам составленную им «памятную записку», в которой требовал подготовиться к наступлению на Западе в самое ближайшее время, генералы приступили к делу. 11 октября Гальдер записывает в дневнике: «Начата разработка операции на Западе; будет закончена к 8.11, так что сосредоточение можно будет окончить к 15.11»¹. В записи от 17 октября говорится: «Следует как можно скорее наступать». На многочисленных совещаниях с Гитлером осенью 1939 г., где он высказывал мысли о решительных действиях на Западе, представители генерального штаба не противопоставили решениям Гитлера какой-либо принципиально иной точки зрения; они лишь старались наилучшим образом осуществлять мысли и предначертания своего фюрера.

Германский генеральный штаб в целом был един с Гитлером. Попытки изобразить многих фашистских генералов решительными противниками нападения на Францию, Бельгию и Голландию не соответствуют исторической действительности.

Посмотрим теперь, как изображаются в работах буржуазных историков военные действия на Западе в мае — июне 1940 г.

Известно, что нападение гитлеровских армий на Францию, Бельгию и Голландию, начавшееся 10 мая 1940 г., принесло немцам крупный успех. Голландия капитулировала перед Германией на 5-й день, Бельгия — на 18-й, а Франция вынуждена была подписать перемирие через 44 дня после начала германского наступления.

Столь быстрый и крупный успех дал повод многим буржуазным, прежде всего западногерманским, исследо-

¹ F. Halder. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabs des Heeres 1939—1942. В. I. Запись от 11.10.1939 г.

вателям вплоть до сегодняшнего дня говорить о «необычайно высоком» искусстве германского генерального штаба, обеспечившем молниеносную победу в «классическом стиле». Эта, по выражению Фуллера, «удивительная кампания, наиболее поучительная из всех кампаний минувшей войны», и поныне служит, в интерпретации западногерманских исследователей, примером для подтверждения тезиса о «непревзойденном мастерстве» вермахта.

Но чтобы иметь основание выдвигать тезис о «непревзойденном мастерстве», нужно, по меньшей мере, рассматривать действия обеих воюющих сторон, а не только германской стороны.

Между тем ни в одной из работ западногерманских авторов не делается попытки серьезно изучить события «с обеих сторон линии фронта», дать социальный анализ причин катастрофы французской армии. Западногерманские авторы, как правило, не изучают внутреннее состояние и характер действий французской и английской армий и, конечно, не связывают причин успеха «блицкрига» в 1940 г. на Западе с фактами, характеризующими рабочее движение во Франции, политику французской реакции, внутреннюю слабость французской армии.

Французская буржуазия подорвала силы национального сопротивления Франции, до предела облегчила германскому фашизму осуществление его агрессивных планов. Перед гитлеровским вермахтом в мае 1940 г. находились не могущественные, как некогда, французские вооруженные силы, а устаревший, ослабленный изнутри военный организм, неспособный противостоять современным методам ведения войны. Стратегические планы союзников представляли собой творение реакционной политики в сочетании с устаревшей стратегической концепцией.

В то время, когда германские штабы занимались напряженными поисками наилучших вариантов вторжения во Францию, когда германские заводы круглосуточно готовили новое оружие для ее сокрушения, когда в Германии поспешно формировались десятки новых дивизий для оккупации и удушения Франции, — люди, вершившие судьбами французской нации, ослабили активную подготовку к борьбе с действительным врагом и переключили усилия и энергию на подготовку военного нападения на Советский Союз. Они хотели показать Гитлеру пример

своей решимостью. Они предполагали быть первыми в развязывании «похода против большевизма» и одним ударом нанести огромный ущерб СССР. Но результатом тяжелейшего политического и военного просчета буржуазии, мюнхенцев и антикоммунистов была катастрофа Франции и ее союзников.

В период, когда гитлеровские штабы заканчивали разработку окончательного плана вторжения во Францию — плана удара через Арденны к побережью Ла-Манша, французские штабы занимались планированием авиационного наступления на кавказские нефтяные источники Советского Союза.

19 января 1940 г. французский премьер Даладье направил главнокомандующему генералу Гамелену, командующему авиацией Вюильмену, генералу Коэльцу и адмиралу Дарлану письмо следующего содержания: «Прошу генерала Гамелена и адмирала Дарлана разработать памятную записку о возможном вторжении с целью уничтожения русских месторождений нефти». Далее рассматривались три наиболее вероятных пути осуществления интервенции в СССР с юга. Вторым из этих вариантов являлось «прямое вторжение на Кавказ»¹.

И это было написано в день, когда на немецкой стороне шла деятельная подготовка к разгрому Франции. Гальдер записал 19 января 1940 г. в своем дневнике: «Назначение срока наступления желательно возможно скорее»², а Гитлер, определив новых командиров корпусов для армии вторжения во Францию, сообщил, что созывает очередное совещание в рейхсканцелярии по поводу плана войны на Западе.

В феврале 1940 г. французский генеральный штаб закончил разработку плана интервенции против Советского Союза. 4 апреля план был направлен председателю совета министров Рейно. «Операции союзников против русского нефтяного района на Кавказе, — говорилось в плане, — могут иметь целью... отнять у России сырье, которое необходимо ей для ее хозяйственных нужд, и таким образом подорвать мощь Советской России»³. Штаб

¹ Die Geheimakten des französischen Generalstabes, S. 205. См. Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 113, л. 22.

² F. Halder. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939—1942. В. I. Запись от 19.1.1940 г.

³ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 113, л. 26.

главнокомандующего в деталях изучил объекты нападения. «Военные действия против кавказских месторождений нефти, — писал Гамелен, — должны иметь целью поразить уязвимые пункты расположенной там нефтяной промышленности. Сюда относятся индустриальные центры, возможные запасы и погрузочные станции. В основном речь идет о трех: Баку, Грозный — Майкоп, Батум. Грозный лежит на северном склоне Кавказского хребта и слишком отдален, чтобы стать целью военной операции с воздуха. Остаются, следовательно, Баку и Батум»¹. Основной удар авиации Гамелен предлагал нанести на Баку. В этом случае он считал возможным два варианта действий — операцию сухопутных сил и атаки с воздуха. Сложные условия обстановки склоняли его ко второму варианту. Предполагаемый характер действий излагался в разработанном штабом Гамелена плане под названием «операция Баку»².

План этот предусматривал развязывание войны против Советского Союза путем нанесения внезапных авиационных ударов по его важнейшим экономическим центрам, подрыва военно-экономического потенциала страны, а затем — вторжения сухопутных сил. Кроме воздушных атак против Кавказа, способных, по мнению англо-французского руководства, подорвать основу экономики Советского Союза, предусматривалось нападение с моря. Дальнейшее успешное развитие наступления должно было вовлечь в войну на стороне союзников Турцию и других южных соседей СССР. Английский генерал Уэйвелл с этой целью вступил в контакт с турецким военным руководством.

Так накануне вторжения гитлеровских армий, в обстановке, чреватой смертельной опасностью для Франции, ее правящие круги продолжали думать о союзе с Гитлером и о вероломном нападении на страну, народ которой впоследствии внес решающий вклад в дело спасения многих стран Европы, в том числе и Франции. Обо всем этом буржуазные историки предпочитают умалчивать.

Ярая политика антикоммунизма, профашистские тенденции правящих кругов и военного командования Фран-

¹ Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 113, л. 26.

² Там же.

ции предельно ослабили французскую армию накануне германского вторжения. И когда был нанесен удар, подорванная изнутри армия Третьей республики не смогла сдерживать натиска.

Конечно, гитлеровский вермахт был намного сильнее вооруженных сил союзных держав, а его стратегическая и оперативная концепция — современнее. Но это не означало, что германский милитаризм овладел тайнами побед путем «молниеносных войн» и что генеральный штаб стал «непревзойденным инструментом планирования и ведения войны», как утверждают современные апологеты вермахта.

Лишь вследствие антинациональной политики правящих кругов Франции стратегия «молниеносной войны» имела на Западе успех. Решающую роль здесь играли политические и моральные факторы, а затем уже — военные. Когда немецкие танковые дивизии прорывались к Ла-Маншу с темпом, превышающим в среднем 25 километров в сутки, то их вела рука предателей Франции и ее отсталых военачальников, а потом уже собственное воинское умение, степень которого, конечно, нельзя преуменьшать, но и ни в коем случае не следует преувеличивать.

В этой связи следует отметить наличие в военном искусстве вермахта наряду со многими сильными сторонами и слабых качеств, о которых совершенно не упоминают буржуазные историки. Плохая, непродуманная система подчинения танковой группы Клейста, ошибки в ее использовании, особенно 13—17 мая 1940 г., чрезмерная боязнь за фланги, многочисленные фронтальные атаки укрепленных позиций войсками группы армий «Б», остановка под Дюнкерком и т. д. — все эти факты показывают, что непомерные восхваления гитлеровского вермахта его современными поклонниками свидетельствуют о необъективном подходе к изучению исторических данных.

Извращая многие факты исторической действительности, военные идеологи капиталистических государств, прежде всего западногерманские, преследуют вполне определенную цель: использовать период наибольших успехов гитлеровских вооруженных сил для пропаганды мощи современного бундесвера — наследника вермахта, преемника его реакционных традиций — и тем помочь

западногерманским реваншистам занять ведущее место в НАТО.

Но история показывает относительность «молниеносных» успехов германского оружия в 1939—1940 гг., их обусловленность прежде всего внутренней слабостью противостоявших третьему рейху буржуазных режимов. Это не лишне напомнить сегодня тем на Западе, кто вновь пытается сделать ставку на реакционные силы германского милитаризма, поднявшие черное знамя реванша и войны.

Глава третья

О РОЛИ «БИТВЫ ЗА АНГЛИЮ»

Причины истинные и мнимые

Период военных действий в Европе от поражения Франции (июнь 1940 г.) до нападения фашистской Германии на Советский Союз (июнь 1941 г.) буржуазные историки называют «битвой за Англию».

Военные действия в этот период описаны в известных советскому читателю книгах английских и немецких авторов, переведенных на русский язык¹. Наиболее подробно события этого периода изложены в мемуарах Черчилля² и в английской официальной истории второй мировой войны³.

В этих трудах искажается фактическое содержание военных действий. Многие английские авторы стараются убедить читателя в том, что решающая роль в разгроме фашистской Германии принадлежит не Советскому Союзу, а Великобритании и что еще до вступления в войну СССР и США исход ее был предрешен усилиями одной Англии. Английский генерал Фуллер, например, считает Великобританию не иначе как «центром тяжести» во второй мировой войне, который Германия не смогла приобрести и поэтому уже тогда, летом 1940 г.,

¹ См. Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг.; Мировая война. 1939—1945 годы; Э. Дж. Кингстон-Макклори. Руководство войной. М., Изд-во иностранной литературы, 1957; Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий; Ф. Руге. Война на море, 1939—1945. М., Воениздат, 1957; Роковые решения и др.

² См. W. S. Churchill. The Second World War, vol. 2. London, 1951.

³ См. Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941.

обрекла себя на гибель¹. Решающую роль в минувшей войне отводит Великобритании также известный английский военный публицист Лиддел Гарт, необоснованно утверждающий, что несостоявшееся вторжение немецко-фашистских войск на Британские острова явилось началом крушения Гитлера². Английским военным идеологам до известной степени вторят и бывшие гитлеровские генералы, угодливо проповедуя идею о том, что именно решение Гитлера «начать битву за Англию было поворотным пунктом в истории второй мировой войны»³ и т. п.

Все эти и им подобные утверждения буржуазных авторов не имеют ничего общего с научным анализом истории минувшей войны.

Почему возникла «битва за Англию»? Такой вопрос неизбежно возникает перед читателем, когда он начинает знакомиться с событиями в Европе после разгрома Франции. Но напрасно искать ответ на него в трудах буржуазных историков. Большинство из них предпочитает умалчивать о причинах возникновения «битвы за Англию», так как эти причины связаны с предвоенной мюнхенской политикой правящих кругов Англии, которую очень трудно преподнести читателю в привлекательном виде. Но полностью уклониться от этого вопроса нельзя — вот и приходится выкручиваться, выискивать увертки или прямо искажать ход событий. Лиддел Гарт, например, в своем труде «Стратегия непрямых действий» пишет: «Будущий историк более всего удивится тому, что демократические правительства не видели курс, которому будет следовать Гитлер»⁴. Такое утверждение является более чем странным. Именно потому, что государства западной демократии видели агрессивный курс Гитлера по отношению к Советской России, они столь страстно помогали ему своей мюнхенской политикой. Западные государства не видели другого: они не предполагали, что Гитлеру, прежде чем начать поход на Восток, потребуются в интересах обеспечения своего европейского тыла оккупировать ряд государств Западной Европы.

¹ См. Дж. Ф. С. Ф у л л е р. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 112—120.

² Б. Х. Лиддел Г а р т. Стратегия непрямых действий, стр. 334.

³ Роковые решения, стр. 56—57.

⁴ Б. Х. Лиддел Г а р т. Стратегия непрямых действий, стр. 293.

Правительства Англии и Франции продолжали мюнхенскую политику даже после того, как фашистская Германия напала на союзную им Польшу, полагая, что потеря Польши будет их последней жертвой перед Восточным походом Гитлера. Поэтому они и не сделали ничего, чтобы помешать вторжению немецко-фашистских войск на территорию своего союзника; они не воспользовались благоприятно сложившейся стратегической обстановкой в начале польской кампании, когда была возможность поставить фашистскую Германию перед необходимостью продолжать войну на два фронта. Их мюнхенская политика смогла породить лишь «странную войну», в ходе которой английские и французские войска бездействовали.

Не отличался большой активностью и англо-французский флот, во много раз превосходивший по силам немецкий и оказавшийся бессильным предотвратить в апреле 1940 г. захват фашистской Германией Норвегии. Бездеятельность англо-французских вооруженных сил в Западной Европе продолжалась до 10 мая 1940 г., пока фашистская армия не вторглась на территорию Бельгии, Голландии, Франции. Было ясно, что Гитлер, поставив своей целью достижение мирового господства, не собирался щадить никого и, прежде чем развязать войну против Советского Союза, подчинял себе одно за другим государства Западной Европы.

Даже весной 1940 г., когда завершилась переброска немецко-фашистских войск из Польши к западным границам Германии, союзники имели достаточные вооруженные силы, для того чтобы вести активную вооруженную борьбу. 10 мая 1940 г. вооруженные силы Франции, Англии, Бельгии и Голландии насчитывали в общей сложности 130 дивизий, 1400 самолетов (англо-французских), 2500 танков (французских). Против этих сил фашистская армия смогла выставить 134 дивизии, 3530 самолетов и 2400 танков¹. При таком соотношении сил фашистская армия могла получить достойный отпор. Но этого не случилось из-за неготовности англо-французских вооруженных сил к обороне и отсутствия согласованных и целеустремленных действий военного командования союзников.

¹ См. Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941, стр. 176—178.

Англо-французские союзники выполняли роль наблюдателей при вторжении гитлеровских войск в Польшу и готовили себя к той же роли в ожидаемом походе Гитлера на Восток.

Французское правительство не возглавило решительную борьбу своего народа против фашистских захватчиков. Более того, оно пошло на сговор с врагом по пути к позорной капитуляции. Франция, которая на протяжении четырех лет первой мировой войны была одной из основных сил Антанты и одним из решающих театров военных действий, не продержалась на этот раз и одного месяца.

Англия в критические для Франции дни не оказала ей нужной помощи. Английское правительство было более озабочено собственной судьбой. Фашистская Германия получила возможность бить своих противников поодиночке. И она не замедлила этим воспользоваться. В результате война быстро приблизилась к английской территории и поставила Англию под угрозу стать очередной жертвой фашизма.

Таким образом, продолжение мюнхенской политики западными союзниками, рассчитанной на изоляцию СССР и направление фашистской агрессии в сторону Советского Союза, а также отсутствие единства в военных действиях союзников весной 1940 г. — это и есть те действительные причины, которые привели войну к порогу английской империи и которые тщательно стараются либо скрыть, либо исказить буржуазные исследователи истории второй мировой войны.

Определяя соотношение сил в Европе, буржуазные военные историки учитывают только ослабленную после разгрома Франции Англию и усилившуюся фашистскую Германию, совершенно игнорируя существование Советского Союза, без учета которого Гитлер, как известно, не мог решить ни одной задачи на пути завоевания мирового господства.

Английская официальная история второй мировой войны допускает значительные преувеличения и в оценке оборонительных возможностей Англии после дюнкерской катастрофы. Сделано это с целью доказать, что Англия якобы одна предотвратила вторжение гитлеровских войск через Ла-Манш. В действительности Англия не распола-

гала необходимыми силами, для того чтобы продолжать один на один войну с мощными вооруженными силами фашистской Германии.

338-тысячная группировка английских войск, бросившая свое вооружение под Дюнкерком и к 4 июня 1940 г. эвакуированная в Англию, была деморализована и не могла идти ни в какое сравнение с огромной и хорошо вооруженной гитлеровской армией. Генерал де Голль в своих военных мемуарах пишет об этой группировке следующее: «Армия численностью около десяти дивизий, понесших значительные потери в битве за Францию и лишенная вооружения, не была бы в состоянии помешать высадке вражеского десанта. А затем соединения германской армии без труда оккупировали бы всю территорию, несмотря на очаги местного сопротивления, организованные войсками внутренней обороны»¹. О слабости английских войск после Дюнкерка говорил и Черчилль: «Наши армии в Англии почти совершенно безоружны, если не говорить о винтовках. Потребовались бы месяцы, прежде чем наши заводы смогли восполнить хотя бы то вооружение, которое было потеряно в Дюнкерке»².

Не было у Англии и разрекламированной в печати подготовленной береговой обороны. И хотя Черчилль заявил, что в июле и в августе 1940 г. «береговая линия оцетинилась оборонительными сооружениями и батареями»³, в кругу своих приближенных он вынужден был признаться, что на деле даже к сентябрю 1940 г. на всем побережье английских островов было лишь две береговые батареи — 8 орудий калибром 130—230 мм⁴. Вряд ли после этого надо доказывать, что такого количества береговых батарей было недостаточно для защиты самого незначительного участка побережья.

Таким образом, оборона английских островов к лету 1940 г. была весьма слабой. Английское правительство, привыкшее воевать чужими руками и на чужой территории, не допускало мысли о том, что военные действия могут распространиться на территорию метрополии.

¹ Шарль де Голль. Военные мемуары, т. 1. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 130.

² W. S. Churchill. The Second World War, vol. 2, p. 226.

³ Там же, стр. 264.

⁴ См. там же, стр. 245.

Не вызывает также сомнений и относительная слабость английской авиации. В то время как в июне 1940 г. командование ПВО Англии имело до 300 истребителей, 1280 зенитных орудий крупного калибра и 517 орудий малого калибра вместо положенных по штату 2232 орудий крупного и 1940 орудий малого калибра¹, 2-й и 3-й немецкие воздушные флоты, расположенные на подступах к Англии, насчитывали 2830 самолетов². К этому следует добавить общее количественное превосходство немецкой авиации, лучшую подготовку ее легчиков, возможность фашистской Германии увеличить свое превосходство в авиации за счет привлечения сил из состава двух других воздушных флотов и, наконец, слабость противовоздушной обороны английских островов.

Единственным видом вооруженных сил, по которому Англия превосходила своего противника, был ее военно-морской флот. Правда, здесь следует учитывать то, что Англия при любых обстоятельствах вынуждена была держать часть своих военно-морских сил для защиты многочисленных коммуникаций, связывающих ее с колониями. Крупные силы английского флота были скованы на Средиземном море после того, как 10 июня 1940 г. Италия вступила в войну на стороне Германии. С выходом из войны в том же месяце французского флота возможности Англии в действиях на море значительно снизились.

По данным английской печати, летом 1940 г. английский военно-морской флот метрополии имел в своем составе: 1—2 линейных корабля, 1—2 авианосца, до 20 крейсеров, до 100 эсминцев и до 60 подводных лодок. Германский флот в это время имел в строю 2 линейных корабля, 6 крейсеров, 10 эсминцев, несколько флотилий катеров и до 60 подводных лодок. Следовательно, английский флот даже с выходом из войны Франции сохранил превосходство над противником в крупных артиллерийских кораблях, авианосцах и легких силах. Фуллер, Батлер и другие английские историки, учитывая только этот фактор, чрезмерно преувеличивают возможности английского флота.

Батлер, например, в своих рассуждениях заходит так далеко, что, по его мнению, даже несколько линейных ко-

¹ См. Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941, стр. 270.

² См. Роковые решения, стр. 42.

раблей могли «изменить весь ход войны»¹. Несостоятельность такого утверждения совершенно очевидна. Автор прославляет морскую мощь без каких-либо убедительных аргументов. Батлеру должно быть известно о том, что даже многократное превосходство английского и французского флотов над германским не помешало последнему при поддержке военно-воздушных сил успешно осуществить в апреле 1940 г. Норвежскую десантную операцию.

Не обоснованы также и сожаления бывшего гитлеровского генерала Циммермана, занимавшего пост начальника оперативного отдела штаба Западного фронта, о недостатке у фашистской Германии военно-морских сил и транспортных средств для осуществления высадки на английские острова. Циммерман пишет: «Если бы в период окружения Дюнкерка и отступления англичан и французов через Ла-Манш у немцев имелось достаточное количество морских транспортных средств, чтобы можно было преследовать дезорганизованного и ослабленного противника по пятам, если бы немцы располагали в районе проведения операции достаточно сильным и боеспособным флотом и, наконец, если бы был подготовлен крупный воздушный десант, который можно было бы высадить раньше, чем английские силы успеют переправиться на остров, тогда вторжение, возможно (? — В. Б.), имело бы успех. Но вся беда заключалась в том, что эти средства в данный момент отсутствовали»². Своими многими «если бы» Циммерман явно превзошел всех буржуазных авторов, рассуждающих о причинах отказа Гитлера осуществить план «Морской лев» в 1940 г. Фуллер, например, единственным препятствием для организации вторжения считает то, что «в стратегических расчетах Гитлера оказались не предусмотренными средства для форсирования Ла-Манша»³.

Факты говорят о другом. Циммерман вступает в противоречие с самим собой, когда приводит данные о том, что в случае постановки перед немецким флотом задачи по вторжению на английские острова, в его распоряжение могли быть выделены 145 транспортов, 1800 барж, 400 бук-

¹ См. Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941, стр. 216.

² Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 50.

³ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 114.

сиров, 900 катеров¹. Если к этому прибавить транспортные и высадочные средства, имевшиеся в портах Бельгии, Голландии и Франции, то представлялась возможность обеспечить переброску армии вторжения численностью в 200—250 тысяч человек.

Черчилль, выступая 23 апреля 1942 г. в палате общин, говорил, что в 1940 г. армия вторжения примерно в 150 тыс. отборных солдат могла бы произвести смертельное опустошение на островах.

Таким образом, летом 1940 г. фашистская Германия располагала реальными предпосылками для вторжения в Англию. Если Англия имела превосходство в военно-морском флоте, то превосходство Германии было в военно-воздушных силах. Английская армия потеряла свое оружие при эвакуации из Дюнкерка. Английское побережье не было подготовлено к обороне. Для Германии оставалось решить вопрос — каким способом разделаться с Англией.

Война, как учит марксизм-ленинизм, есть продолжение политики тех государств, между которыми она ведется. И вопрос — быть или не быть вторжению — определялся политическим руководством; военная же стратегия оставалась и остается только непосредственным исполнителем этого руководства. Поэтому, для того чтобы найти правильный ответ на такой вопрос, надо прежде всего исходить из политики, проводившейся в то время фашистской Германией.

Когда участь Франции была решена и Англия оказалась в чрезвычайно трудном положении, Гитлер не видел необходимости в организации вторжения на ее острова. Он считал, что с Англией все покончено и ей ничего не остается делать, как пойти на переговоры о мире. Эта уверенность была столь значительной, что Гитлер даже предпочел сделать нечто вроде джентльменского жеста, отдав приказ своим танковым соединениям остановиться под Дюнкерком, что спасло остатки разгромленных англо-французских войск от окончательного поражения. Бывшие гитлеровские генералы расценивают это событие как чисто военную ошибку Гитлера², но в действительности это было сделано по политическим соображениям. Гитлер да-

¹ См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 52.

² Там же, стр. 46.

вал понять тогда своим единомышленникам по антисоветской политике за Ла-Маншем, что он достаточно великодушен и что у них впереди есть общие неразрешенные вопросы на Востоке. Сразу же после разгрома Франции главной проблемой Гитлера являлся Восточный поход против Советской России.

Однако Гитлер зашел слишком далеко в своей авантюристической политике и захватил больше, чем ему советовали. Его заморские единомышленники сделали много уступок фашистской Германии, чтобы направить ее вооруженную агрессию на Восток. Но теперь, когда Франция находилась под фашистским сапогом и Англии была уготована роль послушного орудия в политических делах Европы, английские империалисты оказались непримиримыми. Тем более фашистского господства не хотел английский народ, поднявшийся на борьбу и готовый любой ценой отстоять свою независимость.

Вопреки политическим расчетам Гитлера, ослабленная в военном отношении Англия дерзнула продолжать войну с сильной фашистской Германией. Но на самом деле Англия была не одна, как изображают буржуазные историки. На ее стороне были народы поработанных Гитлером государств, поднявшиеся на борьбу с «новым порядком» фашизма. Нельзя не учитывать роли советского народа, всегда выступающего против захвата и порабощения одних государств другими.

Английские и западногерманские военные историки пытаются доказать, что до июня 1941 г. Советский Союз не имел к войне никакого отношения. А между тем именно Советский Союз предопределял в этот период дальнейший ход войны. Фашистская Германия не использовала против Англии всей мощи своих вооруженных сил только потому, что готовила их к нападению на СССР.

2 июля 1940 г., после того как была упущена возможность ликвидации английских войск в Дюнкерке и вторжения в Англию в обстановке отсутствия организованного сопротивления, Гитлер поставил перед немецкой авиацией и военно-морским флотом следующие задачи: воспретить торговое судоходство Англии в Ла-Манше, уничтожить портовые сооружения, выставить мины на подходах к портам и уничтожить английскую авиацию¹. Никаких указа-

¹ См. Роковые решения, стр. 43.

ний сухопутным войскам по вторжению на Английские острова сделано не было.

Цель активизации военных действий против Англии состояла в том, чтобы припугнуть английский народ и сделать правительство Черчилля более стоворчивым в деле заключения сепаратного мира. С этой же целью была пущена на полный ход пропагандистская машина Геббельса. Радио и печать фашистской Германии наперебой кричали о том, что Англии грозит смертельная опасность и что дни ее сочтены. Этими мерами Гитлеру удалось вызвать большую тревогу в английской печати и посеять смятение в английских правящих кругах. В те дни «осведомленные люди (Англии.— В. Б.), — пишет в своих воспоминаниях генерал де Голль, — шепотом называли имена политических деятелей, епископов, писателей, дельцов, которые в случае вторжения постарались бы договориться с немцами, чтобы осуществить под их эгидой управление страной»¹. Но английский трудовой народ принял вызов, угрожающий порабощением, и был преисполнен решимости защищать свою землю от фашизма, как бы дорого это ему ни стоило.

Решительная позиция, занятая английским народом, оказала влияние на правительство Черчилля. Кроме того, правящие круги Англии продолжали надеяться, что фашистская агрессия повернет на Восток, в сторону Советского Союза. В телеграмме генералу Смэтсу Черчилль сообщал: *«Если Гитлеру не удастся разбить нас здесь, он, вероятно, ринется на Восток... возможно, сделает это, даже не пытаясь осуществить вторжение»*². Английские империалисты надеялись именно на такой поворот событий. Они не сомневались в успехе гитлеровского похода на Восток и рассчитывали кровью немцев и русских разрешить две задачи: увидеть разгромленной Советскую Россию и ослабленным своего конкурента — Германию, которым можно будет диктовать свою волю.

Фашистская Германия, приступив к подготовке войны против СССР, учитывала сложность решения этой задачи и была заинтересована в том, чтобы полностью развязать себе руки на Западе. Чтобы окончательно сломить упрет-

¹ Шарль де Голль. Военные мемуары, т. 1, стр. 130.

² W. S. Churchill. The Second World War, vol. 2, p. 200. M. Shulman. Defeat in the West, 1944, pp. 49, 50.

во Англии и замаскировать подготовку к войне против Советского Союза, Гитлер 16 июля 1940 г. подписал директиву «Морской лев», которая начиналась словами: «Так как Англия, несмотря на безнадежность своего военного положения, не желает идти ни на какой компромисс, то я решил начать подготовку к вторжению, а если будет необходимо и само вторжение в Англию»¹. Как видно из преамбулы к директиве, решение на вторжение не отличалось определенностью: высадку десанта предполагалось осуществить в случае, если этого потребует необходимость.

«Десантная операция,— говорилось в директиве,— заключается во внезапном форсировании Ла-Манша на широком фронте от Рамсгета до мыса Вест на острове Уайт»². Готовность сил к вторжению назначалась на середину августа. Ответственность за окончательное решение на высадку десанта Гитлер оставлял за собой³. Из этого следует, что операция была рассчитана на создание таких благоприятных условий, которые гарантировали бы достижение внезапности действий и высадку войск на широком фронте, а следовательно, гарантировали бы незначительные потери. Гитлер явно не хотел рисковать, ибо предстояла война против Советского Союза, которая требовала от него сосредоточения возможно больших сил на восточных границах Германии.

В течение июля германский генеральный штаб развернул деятельную подготовку к нападению на СССР. На ряде заседаний в гитлеровской ставке были рассмотрены и согласованы: политические цели войны с Советской Россией, соотношение вооруженных сил и замысел на военную кампанию. Генералу Марксу было поручено разработать план Восточного похода⁴. К концу июля на границы СССР было переброшено около 500 тыс. гитлеровских солдат и офицеров и готовились к очередной переброске еще 20 дивизий⁵.

¹ Совещания германского главного командования по военноморским вопросам, т. I, стр. 191.

² Там же.

³ См. там же, стр. 295.

⁴ См. «Военно-исторический журнал», 1959, № 2 стр. 65—67.

⁵ См. Нюрнбергский процесс, т. II. М., Госюриздат, 1958, стр. 652—653.

Реализовать упомянутый замысел вторжения на британские острова гитлеровское морское командование считало невозможным. Уже через три дня после подписания директивы «Морской лев» главнокомандующий немецким военно-морским флотом адмирал Редер доказывал Гитлеру: 1) нельзя «рассчитывать на оперативную внезапность», как это было в Норвегии; 2) флот из-за недостатка боевых кораблей не может обеспечить выгодную для сухопутных войск высадку десанта на широком фронте¹.

Гитлер сознавал, что в сложившейся обстановке вторжение не сулит легкой победы над Англией, и, как стало известно на Нюрнбергском процессе из высказываний приближенных Гитлера, на деле он и не собирался его предпринимать. Директива «Морской лев» потребовалась Гитлеру для того, чтобы усилить давление на Англию. 19 июля он открыто выступил в рейхстаге с призывом к Англии заключить компромиссное соглашение, но правительство Черчилля учитывало, что рано или поздно фашистская Германия нападет на Советский Союз, и вновь отклонило его предложение.

31 июля 1940 г. Гальдер записал в своем дневнике следующие высказывания Гитлера: «...Россия является фактором, на который особенно рассчитывает Англия».

Если Россия будет разбита, у Англии исчезнет последняя надежда. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия.

Вывод: на основании этого заключения Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года...

Маскировка: Испания, Северная Африка, Англия»². Это еще раз доказывает то, что главным в деятельности гитлеровского руководства летом 1940 г. была подготовка к войне против Советского Союза, а военные действия в Западной Европе, в том числе и операция «Морской лев», занимали подчиненную ей роль и служили средством стратегической маскировки.

В назначенный срок — 15 августа 1940 г. — подготовка операции «Морской лев» не была завершена. В этот день

¹ См. Совещания германского главного командования, т. I, стр. 202—205.

² «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 67.

Гитлер перенес срок вторжения на 15 сентября¹, а 19 сентября распорядился прекратить дальнейшую подготовку настоящей операции². 12 октября Гитлер решил, что с настоящего времени и до весны подготовка к операции «Морской лев» должна продолжаться единственно с целью создания политического и военного давления на Англию³.

В то время как операция «Морской лев» существовала более на бумаге, чем практически готовилась, ставка Гитлера 1 августа 1940 г. рассмотрела первоначальный план войны против СССР, разработанный генералом Марксом. Мероприятия, связанные с походом в Советскую Россию, были предметом тщательного обсуждения на последующих совещаниях гитлеровского руководства войной 9, 18, 22, 23, 28, 30 августа⁴. В дальнейшем такие обсуждения приняли еще больший размах. В числе обсуждаемых вопросов были такие, как территориальный раздел Советского Союза, отношение Германии к Венгрии, Румынии, Болгарии, Турции, укрепление норвежского плацдарма и помощь Финляндии, ход сосредоточения гитлеровских войск на границе с СССР, анализ разведывательных данных о состоянии Советских Вооруженных Сил и т. п.⁵.

4 ноября 1940 г. Гитлер еще раз подчеркнул в своем выступлении в ставке: «Россия остается главной проблемой в Европе. Должно быть сделано все, чтобы быть готовыми к полному расчету с ней»⁶. 29 ноября, 3 и 7 декабря 1940 г. в гитлеровской ставке были проведены военные игры, составленные заместителем начальника штаба сухопутных войск генералом Паулюсом, по предстоящему ведению военной кампании против Советского Союза. После всех этих предварительных приготовлений 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву № 21 («план Барбаросса») на Восточный поход⁷, которая в дальнейшем до-

¹ См. Совещания германского главного командования, т. I, стр. 223.

² См. там же, стр. 247.

³ См. там же, стр. 256.

⁴ См. «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 68—69.

⁵ См. там же, стр. 69—71.

⁶ Там же, стр. 71.

⁷ См. подробно документы немецко-фашистского командования по подготовке и планированию войны против Советского Союза. «Военно-исторический журнал», 1959, № 1, стр. 85—93; № 3, стр. 82—93; № 6, стр. 77—88.

полнилась различными разработками и указаниями по частным вопросам.

Все это свидетельствует о том, что главным в деятельности гитлеровского руководства войной летом и осенью 1940 г., не говоря уже о зиме и весне 1941 г., была подготовка к войне против СССР, а военные действия против Великобритании занимали второстепенное место.

«Фашистская Германия,— говорится в Истории Коммунистической партии Советского Союза,— уже со второй половины 1940 года вела непосредственную подготовку войны против СССР. Она намеревалась поработить народы Советского Союза, уничтожить в его лице мировой оплот социализма и демократии и устранить таким образом главное препятствие для дальнейшего осуществления своих агрессивных планов. После этого она предполагала захватить Британские острова, напасть на которые гитлеровцы не решались, пока в тылу у них стояла Красная Армия»¹.

Таким образом, операция «Морской лев» не вышла за рамки демонстрации угрозы Англии. Главная причина отказа от вторжения состояла, однако, не в том, что был поставлен под сомнение исход операции, как это расписывают английские и западногерманские историки. Нет. Фашистская Германия располагала превосходством в вооруженных силах над Англией и находилась в расцвете своего военного могущества. Эта причина была в том, что предстоящая война против Советского Союза требовала от фашистской Германии строжайшей экономии своих вооруженных сил. Предпринять вторжение в Англию, после того как был упущен благоприятный для этого момент дюнкерской катастрофы, неминуемо означало пойти на большие потери. Гитлер считал, что если Англия до сих пор не пошла на мир, то она, безусловно, запросит мира после того, как будет разгромлен Советский Союз. В одной из бесед с начальником штаба верховного командования Кейтелем и начальником штаба оперативного руководства Йодлем он самоуверенно заявил, что, когда начнется Восточный поход, «мир затаит дыхание и не сделает никаких замечаний»². Всем известно, чем закончились эти расчеты германского фашизма.

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. М., Госполитиздат, 1962, стр. 518.

² Нюрнбергский процесс, т. II, стр. 831.

Преувеличение значения боевых действий на море и в воздухе

«Битва за Англию» фактически была ограничена борьбой с немецко-фашистскими морскими и воздушными силами, нарушавшими английские морские коммуникации и наносившими бомбардировочные удары по английским городам. В этой борьбе фашистская Германия использовала лишь часть своих вооруженных сил, которые хотя и достигли значительного оперативного результата, но были неспособны привести Англию к капитуляции.

Борьба на морских и океанских коммуникациях приобрела очень важное значение для обеих воюющих сторон. Огромную зависимость от перевозок по морю испытывала Англия. Достаточно сказать, что до войны она ввозила почти полностью основные виды стратегического сырья: 88 процентов железной руды, 95 процентов меди, 93 процента алюминия, 99 процентов свинца, 91 процент каучука, 81 процент никеля, 75 процентов нефти и до 90 процентов различных видов продовольствия¹. Фашистская Германия не имела такой зависимости от морских сообщений, и почти все потребности ее удовлетворялись за счет своей страны и оккупированных государств континентальной Европы.

Характер борьбы на морских и океанских коммуникациях определялся принятыми способами действий. Англия придерживалась главного способа — дальней блокады германских морских сил с целью воспрепятствования их из баз в открытое море. Германия делала главную ставку на «крейсерскую войну» — нарушение торгового судоходства противника действиями крупных надводных кораблей-рейдеров. В выборе этих способов действий были допущены серьезные просчеты, что являлось следствием неправильного анализа опыта первой мировой войны. Буржуазная военная мысль продолжала отводить ведущую роль в действиях на море крупным артиллерийским кораблям и недооценивала подводные лодки, легкие силы и морскую авиацию. Этим, в частности, объясняется наличие в составе флотов небольшого количества подводных лодок: Германия к началу войны имела 57, Англия — 58 подводных лодок.

¹ См. О. Бернс. О морской блокаде в современной войне. «Коммунист», 1941, № 5, стр. 57.

Английская морская блокада, состоявшая из ряда блокадных (дозорных) корабельных линий в Ла-Манше и в северной части Северного моря, оказалась малоэффективной и легко преодолевалась немецкими надводными и подводными кораблями. Она вообще потеряла свое значение, после того как фашистская Германия оккупировала Норвегию и Францию и обеспечила своим кораблям свободный выход в Атлантику, минуя английские «заслоны».

«Крейсерская война» гитлеровцев также оказалась не лучшим способом действий. Эпизодические выходы в Атлантику нескольких немецких линкоров и крейсеров никак не могли дать стратегических результатов, хотя они нередко и заканчивались крупным тактическим результатом в силу слабой обороны английских коммуникаций. Наиболее успешно из всех рейдеров действовал тяжелый крейсер «Адмирал Шеер», потопивший в 1940 г. 21 судно общим водоизмещением 152 тысячи тонн. Несмотря на то что этот способ действий явно себя не оправдал, немецко-фашистское командование придерживалось его вплоть до мая 1941 г., пока не потеряло новейший линейный корабль «Бисмарк». С этого времени «крейсерская война» была заменена «подводной войной» и главный упор в борьбе на английских коммуникациях был сделан на подводные лодки.

Немецкие подводные лодки действовали гораздо успешнее, чем рейдеры. В 1940 г. они потопили 2,1 миллиона тонн тоннажа, в январе — апреле 1941 г. — 820 тысяч тонн¹. Однако запоздавшая оценка роли и места их в борьбе на коммуникациях сказалась отрицательно на численном росте подводных сил. Это был канун войны фашистской Германии против СССР, войны, которая потребовала сосредоточения основных усилий военной экономики в интересах сухопутных войск (увеличения производства танков, самолетов, орудий и т. д.).

Успешность действий немецких подводных лодок во многом предопределялась слабой обороной английских коммуникаций. Предвоенная недооценка угрозы со стороны подводных лодок обошлась для Англии очень дорого. И хотя английское адмиралтейство придерживалось наи-

¹ См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 317; Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 174.

более эффективного метода защиты коммуникаций — конвоирования транспортных судов, возможности у него для этого были крайне ограничены из-за недостатка кораблей охранения, строительству которых не уделялось до войны должного внимания. Поправить эти просчеты в ходе войны оказалось делом огромной трудности. Вместе с тем надо отдать должное искусству немецко-фашистского командования в выборе методов применения своих подводных лодок. По мере усиления противолодочной обороны в водах английской метрополии, немецкие подводные лодки в конце 1940 г., наряду с одиночными действиями методом крейсерства в ограниченных районах моря, стали действовать группами («волчьими стаями»). Этот метод оказался весьма результативным. Так, в январе 1941 г. тоннаж потопленных судов немецкими подводными лодками составил 127 тысяч, в феврале — 197 тысяч, в марте — 243 тысячи, в апреле — 249 тысяч, в мае — 325 тысяч брутто-регистрационных тонн¹.

Крупный урон английское судоходство несло и от немецкой авиации, роль и место которой также продолжительное время недооценивались. Особенно эффективными действия немецкой авиации стали после того, как в ее распоряжение перешли французские аэродромы, приблизившие объекты ударов. Ударам подвергались как отдельные транспорты и конвои в водах английской метрополии, так и базы и портовые сооружения. Немецкая авиация действовала преимущественно большими группами бомбардировщиков под прикрытием истребителей, которым англичане могли противопоставить малочисленные патрульные группы самолетов. Возросшая угроза с воздуха вынудила английское командование со второй половины 1940 г. чаще практиковать ночную проводку конвоев в своих водах и сосредоточить большую часть истребительной авиации для прикрытия мест стоянки кораблей.

Немецкая авиация, кроме того, широко привлекалась к постановке активных минных заграждений. Мины ставились, как правило, там, где их трудно было выставить надводными кораблями и подводными лодками (в Английском канале, в устьях рек).

¹ См. Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941, стр. 523. В указанные потери включены кроме английских потопленные суда нейтральных государств.

Наиболее интенсивные действия немецкой авиации на английских коммуникациях приходятся на март — май 1941 г. В течение этих трех месяцев ею было потоплено 222 транспорта, больше, чем подводными лодками, потопившими за это же время 142 транспорта¹. Однако с конца мая 1941 г., в связи с предстоящим нападением фашистской Германии на Советский Союз, деятельность немецко-фашистской авиации почти полностью прекратилась, и столь огромная угроза для английских коммуникаций с воздуха с этого времени перестала существовать.

В итоге боевых действий на морских и океанских коммуникациях с сентября 1939 по июнь 1941 г. немецко-фашистский флот и авиация достигли большого результата, потопив в общей сложности 2041 транспорт общим водоизмещением 7673 брутто-регистрационных тонн². Но этот результат оказался недостаточным для выхода из войны Англии, торговый флот которой к сентябрю 1939 г. насчитывал свыше 17 миллионов тонн и пополнялся за счет своей судостроительной промышленности и за счет помощи Соединенных Штатов.

Немецко-фашистская авиация привлекалась и к бомбардировке английских городов — Лондона, Ливерпуля, Манчестера, Ковентри и др. Действия ее были ограничены и оказали еще меньшее влияние на дальнейший ход войны. До августа 1940 г. немецкая авиация провела лишь несколько ударов небольшими группами самолетов по английским городам. Наиболее ожесточенная борьба в воздухе над английской метрополией развернулась в августе — сентябре 1940 г. В эти месяцы проводились массированные удары, которые были нанесены по всем крупным промышленным центрам Англии, отчего многие из них, особенно Лондон, серьезно пострадали. За эти два месяца военно-воздушные силы фашистской Германии также имели самые большие потери в «битве за Англию». Только за один день 15 сентября, по данным гитлеровского генерала авиации В. Крейпе, они потеряли 56 самолетов³. Из этого В. Крейпе делает абсурдный вывод о том, что потери германских ВВС были «настолько большие, что их так

¹ См. Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939—июнь 1941, стр. 523.

² См. там же, стр. 522—523.

³ См. Роковые решения, стр. 48.

и не удалось восполнить до конца войны»¹. При этом он умышленно игнорирует общие потери в «битве за Англию» и не упоминает о восполнении потерь авиационной промышленностью. Его разоблачают другие гитлеровские генералы — авторы книги «Мировая война», которые приводят данные германского авиастроения: в 1940 г. авиационный парк ВВС фашистской Германии пополнился 10 247 самолетами², т. е. таким количеством, которое во много раз превышало потери. А если учесть, что с 1940 по 1945 гг. гитлеровская Германия построила 110 997 самолетов³ и подавляющая часть их была уничтожена на советско-германском фронте, то становится ясным, что 1940 год по времени был далек от слома военно-воздушной мощи фашистской Германии, как это изображают английские и западногерманские историки.

* * *

В настоящей главе затронуты лишь некоторые общие вопросы «битвы за Англию». В этой битве Англия понесла большие потери в транспортном флоте; немецко-фашистская авиация причинила серьезные разрушения ряду английских городов и отняла жизнь у многих мирных граждан. Бедствия, которые нес с собой фашизм, хорошо известны советским людям, пережившим блокаду Ленинграда, бомбардировки Одессы, Севастополя, Волгограда, массовые расстрелы, террор и насилие. Этого не может забыть человечество.

Но «битва за Англию» не изменила стратегическую обстановку в Западной Европе и не поколебала мощь вооруженных сил фашистской Германии. После нее потребовалось два года упорной борьбы Советских Вооруженных Сил на советско-германском фронте, пока не наступил коренной перелом в ходе второй мировой войны. И эту истину не в силах опровергнуть буржуазные историки.

¹ Роковые решения, стр. 57.

² См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 514.

³ Данные о потерях своей авиации в «битве за Англию» немецкие авторы не приводят. По данным Фуллера, немецкая авиация с 10 июля по 31 октября 1940 г. потеряла 1733 самолета. См. Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 120.

Глава четвертая

ПРОВАЛ ПЛАНА «МОЛНИЕНОСНОЙ ВОЙНЫ» ПРОТИВ СССР

Порочность гитлеровской стратегии

Социально-политической основой гитлеровского плана «молниеносной войны» против СССР являлся германский империализм.

Фашистская Германия ставила своей задачей завоевать мировое господство. К 1941 г. она уже достигла на этом пути немалых успехов. Основные страны капиталистической Европы попали в порабощение к гитлеровским завоевателям. Франция лежала раздавленная оккупантами. Были нанесены сильные удары по Англии и подорваны ее стратегические позиции на континенте Европы.

После поражения Франции гитлеровцы считали, что наступил благоприятный момент для выполнения захватнических планов на Востоке. Они рассчитывали в короткие сроки разгромить Советский Союз.

30 июня 1940 г. Гальдер записал в своем дневнике: «Мы можем успехи этой кампании (имеется в виду кампания против Франции. — Н. Ц.) закрепить только теми средствами, которыми они были завоеваны, т. е. военной силой...

Взоры обращены на Восток»¹.

Уже через месяц, 31 июля, завоевательные цели Гальдер формулирует более точно: «Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операция только тогда будет иметь смысл, если

¹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 65.

мы одним ударом разгромим государство. Одного захвата известной территории недостаточно. Остановка зимой опасна. Поэтому лучше подождать, но потом, подготовившись, принять твердое решение уничтожить Россию... Начало — май 1941 года. Срок для проведения операции — пять месяцев...

Цель — уничтожение жизненной силы России»¹.

Как видно, генеральный штаб фашистской армии планировал одним ударом разгромить СССР и закончить «молниеносную войну» в сентябре 1941 г.

Для обоснования такого вероломства Гитлер утверждал, что он начал против СССР превентивную войну. Однако документы самих фашистских руководителей и в том числе дневник Гальдера изобличают легенду о превентивной войне против Советского Союза.

Следовательно, по своему политическому содержанию фашистский план «молниеносной войны» против Советского Союза являлся агрессивным, реакционным, завоевательным, рассчитанным на быстрый успех предстоящего похода на Восток.

Фашистский стратегический план создавался исходя из теории «молниеносной войны». Это была его теоретическая основа. Теорию «молниеносной войны» настойчиво разрабатывали германские империалисты. Еще в начале XX века Шлиффен немало трудился над тем, чтобы доказать возможность для кайзеровской армии выиграть войну в короткие сроки. После провала плана Шлиффена в 1914 г. военные деятели кайзеровской Германии взвалили вину за неудачи германской армии на Мольтке-младшего. Генерал Гренер прямо заявлял, что «большая победа в духе Шлиффена была возможна в августе 1914 г. и была расстроена единственно и исключительно недостатками германского командования... После же того как плохие музыканты плохо сыграли первое и единственное исполнение симфонии войны, многие стали склонными приписать неуспех композитору»². Это была явная защита Шлиффена и его идеи «быстрого решения» задач войны.

¹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 67.

² В. Гренер. Завещание Шлиффена. М., Воениздат, 1937, стр. 77.

Фашистские военные теоретики старались использовать опыт первой мировой войны для решения своих стратегических задач. Как известно, в ходе вооруженной борьбы в 1914—1918 гг. кайзеровские генералы игнорировали роль танков в боях и сражениях. После войны они принялись настойчиво изучать вопросы боевого применения танковых войск на полях сражений. Проблемой так называемой «танковой войны» усиленно занимался Эймансбергер. Вскоре после прихода фашистов к власти он в 1934 г. в Мюнхене издал книгу «Танковая война». В военной печати того времени не без основания отмечалось, что этот австрийский генерал издал свою работу в Германии и написал ее для Германии¹. Последователем Эймансбергера явился Гудериан. Главное внимание обращалось на возросшую роль танков в надвигающейся войне. Именно эти войска и должны были, по мнению гитлеровских военных теоретиков, решить главные задачи «молниеносной войны».

Обобщался также и опыт боевых действий авиации. Теория «воздушной войны» также приспособлялась для решения стратегических задач германского генерального штаба. ВВС должны были не только поддерживать танковые соединения и объединения с воздуха и прокладывать им путь, но и наносить удары по промышленным объектам противника и населенным пунктам, чтобы сломить моральный дух населения и разрушить экономику.

В интересах выполнения стратегических планов «молниеносной войны» фашистские военные руководители разрабатывали также проблемы моторизации и механизации войск, увеличения их подвижности и ударной силы. Все было подчинено интересам «молниеносной войны». В 1935 г. Людендорф выступил с книгой «Тотальная война», в которой доказывал, что надвигающаяся война должна быть не только молниеносной, но и тотальной, всеобщей. Он требовал использовать войска как против вооруженных сил противостоящей стороны, так и против мирного населения, чтобы быстрее осуществить завоевание. Большое внимание Людендорф уделял использованию «пятой колонны», т. е. методов шпионажа в войне. Террор, убийства, разрушения городов и сел — вот средст-

¹ См. Эймансбергер. Танковая война. М., Воениздат, 1936, стр. 5.

ва тотальной «молниеносной войны», которые рекомендовал применять Людендорф.

Накануне нашествия на Советский Союз гитлеровцы считали, что теория «молниеносной войны» и созданный на ее основе стратегический план непогрешимы и подтверждены практикой. Ведь в 1939 г. фашистская армия разбила буржуазно-помещичью Польшу в течение одного месяца. Для разгрома французской армии в 1940 г. также понадобилось немногим более месяца. Победа фашистских войск в Европе потребовала не такого уж большого расхода людских сил и средств. Бывший адъютант Гальдера генерал Мюллер-Гиллебранд приводит данные о потерях фашистской армии с начала войны и до конца мая 1941 г., из которых видно, что за указанное время было убито 93 736 и пропало без вести около 3400 солдат и офицеров¹. За это же время в сражениях в Польше, Франции, Бельгии, Норвегии и на Балканах гитлеровская армия потеряла всего около 650 танков².

Если учитывать численность вооруженных сил фашистской Германии в 1941 г., равную 7 234 000 человек³, и ее танковый парк, насчитывавший 5639 танков⁴, то потери в людях определялись приблизительно полутора процентами и в танках — примерно 12 процентами. В период боевых действий во Франции артиллерия фашистской армии израсходовала в 1940 г. боеприпасов для легких пехотных 75-мм орудий 381 тысячу штук, или 6,1 процента от наличия, для тяжелых пехотных 150-мм орудий — 82 тысячи, или 12 процентов, для легких полевых 105-мм гаубиц — 1463 тысячи, или 7,7 процента, и самый высокий процент расхода боеприпасов был у 105-мм пушек и достигал 17,5 процента, или 249 тысяч штук⁵. Не случайно Мюллер-Гиллебранд подчеркивает, что «расход боеприпасов во время Западной кампании 1940 г. оставался поразительно небольшим... Учитывая этот опыт, можно было считать имевшееся количество боеприпасов достаточным (достаточным для выполнения операций по плану «молниенос-

¹ См. Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. II, стр. 139.

² См. В. Д. Мостовенко. Танки. М., Воениздат, 1958, стр. 136.

³ См. Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. II, стр. 140.

⁴ См. там же, стр. 144.

⁵ См. там же, стр. 125.

ной войны» против СССР. — Н. Ц.). Поэтому производство боеприпасов было существенно сокращено...»¹.

Фашистские политики и военные деятели упивались победами в Западной Европе и широко рекламировали теорию «молниеносной войны», непобедимость своей армии и непогрешимость ее военного искусства. На самом деле основными причинами успехов гитлеровцев в Западной Европе, как было видно из предыдущих глав, были причины политического порядка. Мюнхенцы и их пособники не собирались воевать против фашистской армии и, по существу, не заботились об обороне против нашествия врага. Они играли на антикоммунизме фашистов.

Генеральный штаб сухопутных сил фашистской Германии закончил разработку стратегического плана войны против СССР к декабрю 1940 г. и представил его на утверждение Гитлера, как верховного главнокомандующего вооруженными силами. 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал этот документ в качестве директивы верховного главнокомандования вооруженных сил, присвоив ей № 21 и кодовое название «Барбаросса» (до этого времени разработка велась под кодовым наименованием «Фриц»). Так было окончательно принято вероломное решение о нападении на страну, с которой гитлеровское правительство в 1939 г. подписало договор.

В директиве № 21 ставилась цель — разгромить Советскую Россию путем быстротечной кампании еще до окончания войны с Англией². Начало войны намечалось на 15 мая 1941 г., а завершить ее планировалось к октябрю того же года. В дневнике Гальдера записано: «Фюрер согласен с изложенными оперативными целями и добавляет к этому еще следующее: важнейшая цель состоит в том, чтобы предотвратить отступление русских сомкнутым фронтом...»³ В директиве указывалось, что военные действия следует проводить так, чтобы можно было, глубоко прорвавшись танковыми клиньями, уничтожить находящиеся в Западной России главные силы русской армии и

¹ Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. II, стр. 124.

² См. А. Филиппи. Припятская проблема. М., Изд-во иностранной литературы, 1959, стр. 158. Приложение 3. Текст «плана Барбаросса».

³ «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 63.

воспрепятствовать отходу еще боеспособных частей противника в глубину русского пространства¹.

В соответствии с поставленной целью намечалось стратегическое развертывание, определялись общие и частные задачи отдельных группировок и характер боевых действий фашистских войск.

Материально-техническое обеспечение плана «молниеносной войны» базировалось на сильной экономике фашистской Германии, а также на эксплуатации ресурсов оккупированных стран Европы. Морально-политическая подготовка войск и населения проводилась гитлеровцами на базе расовой теории.

Была разработана и осуществлялась система тщательной маскировки всех подготовительных мер к нападению на СССР. Специальный план дезинформации предусматривал демонстративные действия по подготовке к вторжению на Британские острова, а само стратегическое развертывание против СССР изображалось как маскировка высадки в Англию. Стратегическое развертывание для маскировки проводилось с наращиванием темпа к последнему периоду.

Основную массу подвижных ударных сил гитлеровское командование в целях маскировки держало вдали от районов стратегического развертывания и лишь непосредственно к началу боевых действий против СССР заканчивало создание ударных группировок по «плану Барбаросса».

Гитлеровский стратегический план «молниеносной войны» был порочным в своей основе. Главные и основные пороки стратегического «плана Барбаросса» определялись империалистической, захватнической политикой фашистской Германии. Германские милитаристы ставили перед собой авантюристическую цель завоевания мирового господства и уничтожения Советского государства. Такая реакционная цель, как показывает опыт истории, вообще неосуществима.

Реакционные цели фашистской политики определяли и теоретическую несостоятельность «плана Барбаросса». Теория «тотальной войны» фашистов не могла способствовать укреплению морального состояния войск и неминуемо вела к превращению фашистской армии в банду разбойников, лишенных всяких моральных устоев.

¹ См. А. Филиппи. Припятская проблема, стр. 158.

Эти политические и теоретические пороки определяли авантюризм фашистской стратегии плана «молниеносной войны». Гитлеровские стратеги переоценивали опыт боевых действий своих войск на Западе и, избалованные легкими успехами, пренебрегали боевыми возможностями Советских Вооруженных Сил. Не случайно в «плане Барбаросса» было записано: «Для ведения боевых действий в рамках этой операции следует придерживаться принципов, уже оправдавших себя во время Польской кампании»¹. Фашистские политики и военные руководители не учитывали, что Советская Армия способна не позволить фашистам воевать так, как в Польше. Военное руководство гитлеровской Германии явно переоценивало роль танков и авиации в тот период вооруженной борьбы. Вопросы взаимодействия родов войск и видов вооруженных сил решались исходя из опыта боев и сражений на Западе, где фашистские войска не встречали такого сопротивления, как на советско-германском фронте.

Срыв Советской Армией «плана Барбаросса»

Завершив подготовку нападения на СССР, гитлеровская Германия приступила к выполнению «плана Барбаросса». С утра 22 июня 1941 г. немецко-фашистские войска перешли в наступление против Советской Армии.

С самого начала вооруженной борьбы сложилось исключительное неравенство в положении сторон. Фашистская армия была полностью отмобилизована и заблаговременно развернута в намеченных районах; тем самым были созданы наступательные оперативные группировки. Советская Армия, находившаяся на положении мирного времени, вынуждена была проводить мобилизацию и развертывание в ходе тяжелых и ожесточенных сражений. Она имела в первой линии 40 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии на фронте в 2000 километров, а большая часть войск пограничных округов располагалась в 120—500 километрах от границы. Это позволило фашистским армиям продвигаться вперед, преодолевая по очереди сопротивление советских войск в глубине оперативной зоны.

¹ А. Ф и л и п п и. Припятская проблема, стр. 160. См. Приложение 3. Текст «плана Барбаросса».

К началу войны фашистское командование создало на решающих направлениях ударные группировки и добилось огромного массирования сил и средств на узких участках фронта. Советские войска были развернуты равномерно вдоль границы, обороняя силами дивизии полосу до 50, а на некоторых направлениях и до 100 километров. Это позволило противнику обеспечить за собой 7—10-кратное превосходство в силах и средствах на избранных направлениях, прорываться на фланги и в тыл советских войск, нарушать их коммуникации.

К 22 июня 1941 г. фашистские войска находились в полной боевой готовности, выдвинувшись к советской границе, а военно-воздушные силы перебазировались на боевые аэродромы. По вине И. В. Сталина, неправильно оценившего военно-стратегическую обстановку, сложившуюся к началу войны, Советская Армия не была приведена заранее в боевую готовность. Это позволило немецко-фашистским войскам действовать по заранее намеченному плану, а командованию обеспечить устойчивое управление своими группировками. Советскому командованию пришлось планировать взаимодействие своих войск уже в ходе ожесточенных сражений, в ограниченное время, в условиях частого нарушения связи и потери управления.

Гитлеровское командование с первых часов войны захватило стратегическую инициативу и поставило советские войска в крайне невыгодное положение. Обстановка еще более усложнилась для советских войск вследствие господства в воздухе фашистской авиации, которая в первые дни войны вывела из строя большое количество советских истребителей на аэродромах. Все это позволило фашистскому командованию широко использовать маневренные возможности своих войск и сковывать маневр советских войск, нарушить работу тыла, управления и связи.

Таковы важнейшие преимущества, которые обеспечивало за собой гитлеровское командование. Кроме того, гитлеровская армия имела уже опыт боевых действий, а советские войска такого опыта не имели и вынуждены были учиться воевать против опытного и коварного врага.

В Прибалтике вступавшие в сражение по частям советские войска не смогли удержать рубеж Западной Двины и вынуждены были отходить на восток и северо-восток. Попытка силами фронтовых резервов и прибываю-

щих частей остановить противника на рубеже Псковского и Островского укрепленных районов также не увенчалась успехом. 9 июля немецко-фашистские войска захватили Псков и вторглись в пределы Ленинградской области.

Тяжелая обстановка сложилась для советских войск и в Белоруссии. Войска Западного фронта (бывший Западный военный округ) с ожесточенными боями вынуждены были отходить. Но даже в фашистских документах записано: «Генерал Бранд доложил: Отчет о боях за Брест-Литовск (31-я пехотная дивизия)... Спротивление прервосходящих по численности и фанатически сражавшихся войск противника было очень сильным, что вызвало большие потери в составе 31-й пехотной дивизии»¹. Эта запись сделана как раз в тот день, когда гитлеровское командование распространило сообщение об окружении советских войск в Белоруссии, хотя в документах отмечается, что «на всех участках фронта характерным является небольшое число пленных». Штаб группы армий «Центр» 29 июня также доносил главному командованию, что «завершение уничтожающих боев на Востоке будет характерно отличаться от боев на Западе. Если на Западе и в Польской кампании окруженные силы противника с окончанием боев в основном почти добровольно сдавались в плен на 100%, здесь это будет происходить совершенно иначе. Очень большой процент русских укрылся в больших, частично не прочесанных районах, в лесах, на полях, в болотах и т. д. При этом целые батальоны с оружием являются небезопасными в таких районах... Причина этого кроется в том, что русские в основном уклоняются от плена»².

В конце первой декады июля на рубеже Днепра и Западной Двины развернулись ожесточенные бои, сковавшие фашистские войска на смоленском направлении.

На южном крыле немецко-фашистские войска нанесли удар на Киев. Юго-Западный фронт предпринял контрудары своими механизированными корпусами по главной группировке противника в районе Броды, Дубно, Ровно. 26 июня Гальдер писал в дневнике: «Группа армий «Юг» медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значи-

¹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 7, стр. 92.

² Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., Воениздат, 1958, стр. 190.

тельные потери. На стороне противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое и энергичное руководство¹. В том же дневнике 29 июня отмечено: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека; лишь местами сдаются в плен... Бросается в глаза, что при захваченных батареях большей частью взяты в плен лишь отдельные люди. Часть русских сражается, пока их не убьют, другие, переодевшись, пытаются выйти из окружения под видом крестьян»².

В целом же приграничное сражение закончилось для советских войск тяжелыми потерями и отходом на значительную глубину с потерей районов Прибалтики и Белоруссии, а также части районов Западной Украины. И все же немецко-фашистские войска не решили поставленной ранее перед собой задачи по разгрому и уничтожению советских войск западнее рубежа Западная Двина — Днепр, хотя фашистское главное командование уже торжествовало победу. Гальдер в дневнике 3 июля писал: «...Не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена...

Когда мы форсируем реки Западную Двину и Днепр, то речь будет идти не столько о разгроме вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы отнять у него промышленные районы и не дать ему возможность, используя гигантскую мощь своей индустрии и неисчерпаемые людские резервы, создать новые вооруженные силы»³.

В соответствии с такой оценкой 8 июля в ставке Гитлера были уточнены ближайшие задачи групп армий. Группе армий «Юг» ставилась задача окружить советские войска на Правобережной Украине, группе «Центр» — окружить противостоящие силы советских войск на рубеже Западной Двины и Днепра, а группе «Север» — наступать на Ленинград⁴.

Далее, в фашистских документах указывалось: «Непоколебимым решением фюрера является сравнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от

¹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 7, стр. 90.

² Там же, стр. 93.

³ Там же, стр. 97.

⁴ См. там же, стр. 101.

населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и русских вообще»¹. Таковы были варварские цели фашистского командования.

В июле, августе и сентябре разгорелись с новой силой ожесточенные бои на всем советско-германском фронте.

Группа армий «Север» развернула наступление на ленинградском направлении. В результате длительных и упорных боев 8 сентября немецко-фашистские войска прорвались к Шлиссельбургу и блокировали Ленинград с суши. Однако захватить и «стереть с лица земли Ленинград» фашистам не удалось. Войска Советской Армии и Балтийский флот перебили до 60 процентов состава группировки противника и принудили его перейти к обороне в конце сентября.

На центральном направлении в июле — сентябре развернулось Смоленское сражение, в ходе которого был сорван план гитлеровского командования по окружению советских войск. Фашистская группа армий «Центр» вынуждена была перейти к обороне до конца сентября на подступах к вяземскому рубежу обороны.

Группа армий «Юг» в длительных и упорных боях была обескровлена на Правобережной Украине. Только повернув значительные силы с центрального направления на юг (в том числе и 2-ю танковую группу Гудериана), гитлеровским войскам удалось овладеть рубежом Днепра, прорваться в районы Донбасса и Ростова и захватить Крым. Однако, несмотря на тяжелые потери, советские войска и на южном крыле к концу сентября усиливали сопротивление противнику.

Таким образом, к концу сентября 1941 г. гитлеровским войскам не удалось выйти на рубеж Астрахань — Волга — Архангельск и закончить войну на Востоке. План «молниеносной войны» оказался сорванным. В ходе вооруженной борьбы вскрылись основные пороки фашистского «плана Барбаросса» и закономерности его провала.

¹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 7, стр. 101.

Буржуазные исследователи истории второй мировой войны не касаются коренных вопросов провала стратегии «молниеносной войны», тщательно их обходят, замалчивают. Они совершенно не ставят вопроса о политической и теоретической несостоятельности «плана Барбаросса». Военные пороки для них так же не существуют, как и закономерности вооруженной борьбы того периода. Этот своеобразный метод искажения исторической действительности не менее опасен в идеологической борьбе в современных условиях, чем метод открытой фальсификации фактов и событий.

В чем же причины провала «молниеносной войны», где закономерности этого явления?

Во-первых, ход вооруженной борьбы вскрыл коренной порок плана «молниеносной войны» — его политическую несостоятельность. Выявилось, что империалистическая Германия ставила перед собой явно нереальную авантюристическую задачу разбить Советскую Россию. Поэтому закономерным был и провал. Вероломное внешнезападное нападение на Советскую страну поставило фашистские войска в выигрышное положение по отношению к советским войскам, но вероломство не смогло спасти их от провала. Оно разоблачило фашистов как агрессоров и вело к политической изоляции гитлеровской Германии, способствуя ускорению образования антигитлеровской коалиции. Сочувствие и поддержка прогрессивных сил мира были на стороне советского народа. В этих условиях не помогла гитлеровцам их легенда о превентивной войне против СССР. Советский Союз не собирался нападать на Германию, а строго выполнял принятые на себя обязательства по договору 1939 г.

Гитлеровские политики просчитались в определении прочности советского строя, сплоченности советского народа вокруг Коммунистической партии Советского Союза. Они надеялись, что после первых ударов Советское государство развалится, а на деле оказалось, что советский народ стал грудью на защиту своей Родины и беззаветно поддерживал политику КПСС в защите страны от иноземных поработителей. Фашистские генералы пытались, да и теперь пытаются, изобразить свои войска в качестве освободителей, а на деле известно, что они

выступали как жестокие завоеватели. Насквозь фальшивым является утверждение гитлеровского генерала Рендулича о том, что «население обширных районов России вначале видело в немецком солдате своего освободителя»¹.

Барварскими методами ведения войны, вытекавшими из разбойничьей политики германского империализма, фашисты надеялись терроризировать население Советского государства и сломить его волю к сопротивлению. На деле получилось обратное. Советские люди поднялись на освободительную всенародную войну, развернули в тылу врага партизанское движение, армия усилила свою активность в боях. Все это закономерно ускорило срыв «плана Барбаросса». Не случайно Гальдер и Бок жаловались, что русские в плен не сдаются и сражаются до последней возможности.

Во-вторых, боевые действия вскрыли несостоятельность теории «молниеносной войны». Уже к концу сентября 1941 г. явно обнаружился ее провал. Фашистский генеральный штаб надеялся решить задачи войны молниеносным ударом. Эти надежды не оправдались. Гальдер рассчитывал в течение мая — октября 1941 г. закончить войну. 16 января 1941 г. он писал: «Р е ш е н и е: как можно скорее свалить Россию.

...Радикальное изменение положения на континенте. Как можно скорее!»². И ставка на скорое решение была сорвана. Расчеты на «танковую войну» не осуществились, «воздушная война» тоже не дала того, на что надеялись фашистские теоретики и военные руководители. Осуществить разрушение Москвы и Ленинграда своей авиацией не удалось: советская ПВО не позволила. Теория «тотальной войны» и ставка на шпионаж не оправдались. Таким образом, боевая практика опровергла основные положения теорий «молниеносной войны» против СССР и привела к закономерному провалу этой теории.

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 149. О том, как планировали истреблять советский народ фашисты, подробно было изложено в так называемом генеральном плане «Ост». См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 83.

² «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 74.

Наконец, в-третьих, вскрылся провал фашистской стратегии, определявшийся политическими и теоретическими пороками. Стратегия «молниеносной войны» и «план Барбаросса» оказались в вопиющем противоречии с обстановкой. Гитлеровское командование переоценило свои силы и возможности и недоценило боевых возможностей Советской Армии. Разбить и уничтожить советские войска гитлеровскому командованию не удалось ни западнее рубежа Западная Двина — Днепр, ни восточнее этого рубежа. Фашистские ударные группировки были обескровлены. Пренебрежительное отношение к Советской Армии и ее командному составу накануне войны пришлось в дальнейшем оставить. Не случайно гитлеровские генералы неоднократно подчеркивают в своих документах, что войска Советской Армии дрались упорно, а командование умело управляло ими.

Положение фашистских войск усложнялось еще и тем, что гитлеровское командование неправильно оценивало свои временные успехи.

Таким образом, несмотря на тщательную подготовку к войне, большие преимущества на стороне гитлеровских войск и начальные успехи, план «молниеносной войны» был сорван. Уже первые месяцы вскрыли пороки этого плана, которые закономерно привели к провалу стратегии «молниеносной войны» и банкротству военного руководства фашистской Германии.

Измышления относительно причин краха «блицкрига»

Бывшие фашистские военные руководители при поддержке реакционных кругов НАТО в настоящее время активизировали свою деятельность. Их более всего интересует опыт начального периода войны против СССР, в ходе которого решалась судьба плана «молниеносной войны». На этот опыт они обращают особое внимание еще и потому, что появление новых средств массового поражения значительно изменило условия вооруженной борьбы и создало предпосылки реализации планов операций в более короткие, чем раньше, сроки. Буржуазные авторы трудов по истории второй мировой войны напрягают все силы, чтобы восстановить подорванный

авторитет бывшего гитлеровского генерального штаба, реабилитировать его военную теорию, оправдать фашистскую стратегию и все гитлеровское военное руководство.

Вот почему так рьяно занимаются ныне измышлениями апологеты третьей мировой войны. Они стремятся доказать реальность политических замыслов фашистов и замалчивают политические причины провала плана «молниеносной войны». Они пытаются свести все причины провала «плана Барбаросса» к случайности, избразить закономерный процесс провала этого плана в виде цепи ошибок, просчетов и тем самым внушить широким кругам читателей мысль о реальности плана «молниеносной войны» и убедить немецкого обывателя, что можно еще раз «переиграть войну».

Вначале, после поражения фашистской армии в 1945 г., бывшие гитлеровские генералы не рисковали открыто расхваливать свой стратегический план.

Они излагали только фактическую сторону дела, избегая анализа и оценки самого «плана Барбаросса». Ни один из авторов не критиковал этот план за его агрессивное и реакционное политическое содержание. События и факты начального периода войны подавались таким образом, что читатель постепенно и незаметно подводился к выводу о реальности плана «молниеносной войны» и о возможности его выполнения. В таком виде излагался «план Барбаросса» в ряде работ бывших фашистских генералов (Гейнц Гудериан «Воспоминания солдата»; Манштейн «Утерянные победы» и др.).

С течением времени положение резко изменилось.

Уже в пятидесятые годы, особенно после создания НАТО и открытой ремилитаризации Западной Германии, реваншисты начали сбрасывать маску объективизма и принялись открыто доказывать, что план войны фашистской Германии был реальным и мог быть выполнен, если бы не допущенные ошибки. Германские милитаристы принялись изображать фашистов в роли защитников Европы против большевизма, возрождая гитлеровские приемы оправдания агрессии.

В книге «Итоги второй мировой войны» Вернер Пихт пишет: «Выступая против большевизма плечом к плечу с вооруженными силами Финляндии, Италии, Венгрии,

Румынии, а также вместе со словацкими и хорватскими частями и добровольцами из Испании, Швеции, Дании и даже из Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии, то есть с представителями тех стран, с которыми он только что воевал, немецкий солдат мог чувствовать себя защитником Европы»¹. Но и этого оказалось недостаточно. Они начали изображать фашистских завоевателей не только в роли «защитников Европы», но и в роли освободителей народов Советского Союза. Рудольф Зульцман, расписывая методы фашистской пропаганды, утверждает, что «пропаганда видела свою главную задачу в том, чтобы разъяснить немецкому народу справедливость этой войны и доказать ее превентивный характер»².

Как видно, исследователи истории второй мировой войны сосредоточивают свое внимание на том, чтобы изобразить «план Барбаросса» планом справедливой войны, а гитлеровских завоевателей — защитниками Европы и освободителями народов Советского Союза. Они замалчивают тот факт, что фашистская Германия начала войну против СССР для завоевания «жизненного пространства», для порабощения народов нашей страны, а не для их освобождения. Кошунственно звучат слова о фашистских «освободителях», покрывших виселицами Европу и беспощадно истреблявших советский народ.

Какие же ошибки выдвигаются в качестве причин провала «плана Барбаросса»? Оказывается, гитлеровцы не сумели установить человеческие отношения с русским народом на оккупированной территории! Пфейфер старается доказать, что, «если бы Германия проводила в отношении этих народов более ясную дружескую политику, у нас были бы все предпосылки для завоевания их на свою сторону»³.

Современная милитаристская пропаганда и реваншисты Западной Германии пытаются свалить вину за провал плана «молниеносной войны» на администрацию оккупантов. Но ведь эта администрация выполняла преступные приказы фашистского правительства и высшего военного командования, которые вытекали из существа

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 65.

² Там же, стр. 532.

³ Там же, стр. 507.

«плана Барбаросса». В документах Нюрнбергского процесса против главных фашистских военных преступников разоблачены истинные замыслы фашистского правительствa и генерального штаба, направленные на истребление и порабощение народов оккупированных районов СССР. О каком же человеческом и дружеском отношении со стороны завоевателей по отношению к своим жертвам могла идти речь?

Для чего же пущена в ход легенда об освободительном походе фашистов против СССР, сорванном будто бы в результате ошибок?

Это делается прежде всего для того, чтобы реабилитировать разбойничью политику фашизма, объяснить провал «плана Барбаросса» ошибками отдельных исполнителей, доказать, что гитлеровские «освободители» якобы могли осуществить план «молниеносной войны», но им помешали. Тем самым буржуазные авторы стремятся снять ответственность за провал «плана Барбаросса» с фашистской армии, реабилитировать ее.

Наконец, и это главное, они стараются доказать, что не советские воины, не советский народ похоронили план «молниеносной войны» фашистов, а что ошибки гитлеровской администрации были причиной провала. Правда, бывшие гитлеровские генералы не могут отрицать, что советский народ и его армия защищались самоотверженно. Выше приводились высказывания Гальдера о стойкости русских войск. Однако этим фактам дается своеобразное объяснение. То, что советский народ поднялся против поработителей и сорвал «план Барбаросса», они объясняют фанатизмом русских людей. Кроме того, бывшие гитлеровские генералы приписывают бойцу Советской Армии безразличное отношение к своей жизни, которое вместе с фанатизмом якобы и обеспечивало стойкость русских солдат. Генерал Блюментрит пытается доказать, что «житель Востока многим отличается от жителя Запада. Он лучше переносит лишения, и эта покорность порождает одинаково невозмутимое отношение как к жизни, так и к смерти»¹. Далее Блюментрит жалуется на русскую природу, которая будто бы действовала на фашистских солдат угнетающе. «Психологическое влия-

¹ Роковые решения, стр. 71.

ние этой страны на среднего немецкого солдата было очень сильным. Он чувствовал себя ничтожным, затерянным в этих бескрайних просторах»¹.

Да, действительно советский боец сражался с фашистами, презирая смерть. Но делал он это из-за горячей любви к Родине, а не будучи безразличным к ее и своей судьбе. Гитлеровский солдат терялся в боях не потому, что на него действовали просторы Советской страны, а потому, что он пришел в эту страну как разбойник, забравшийся в чужой дом.

Судьба «плана Барбаросса» решалась моральными силами сражающихся сторон, вытекающими из политических целей войны. Советский народ и его армия защищали свою Родину, а гитлеровцы выступали в роли поработителей. Преимущество было на стороне советских бойцов.

Блюментрит пишет, что война против СССР была тяжелой школой. «Человек, который остался в живых после встречи с русским солдатом и русским климатом, знает, что такое война. После этого ему незачем учиться воевать»².

Произвольное толкование «плана Барбаросса» проводится под идейным руководством англо-американских империалистов. Так, например, книга «Роковые решения» была написана по прямому заданию министерства обороны США видными деятелями фашистского генерального штаба, такими, как Цейтцлер, Вестфаль, Крейпе, Блюментрит, Байерлейн, Циммерман, Мантейфель. Эти неразоружившиеся генералы рекламируют свой опыт и стремятся представить себя знатоками войны против Советского Союза. Руководителям НАТО остается только самим сделать вывод о привлечении таких знатоков для нового похода на Восток, для решения новых планов «отбрасывания большевизма».

Второе направление буржуазной фальсификации причин срыва «плана Барбаросса» заключается в оправдании теории «молниеносной войны» и отрицании ее практической несостоятельности. В книге «Итоги второй мировой войны» Курт Типпельскирх посвятил этому во-

¹ Роковые решения, стр. 72.

² Там же, стр. 72—73.

просу специальную главу «Молниеносная война, которая не удалась». В этой главе Типпельскирх, по существу, защищает теорию «молниеносной войны» и «план Барбаросса». «Гитлер был уверен, что с началом первых операций, как и в предыдущих кампаниях, ему удастся разбить основные силы русской армии и получить в результате этого полную свободу действий»¹. Сама постановка вопроса у Типпельскирха подводит читателя к заключению о том, что «молниеносная война» должна была удалась, но не удалась. И если она не удалась, то причиной этому были случайности: выработка решения после 10 июля 1941 г. «затянулась на целых шесть недель»².

Генерал Кессельринг утверждает также, что «немецкая авиация могла действительно решить исход войны, если бы наступление немецкой сухопутной армии не застряло под Москвой сначала в болотах, а затем в снегах русской зимы»³.

Однако, во-первых, наступление фашистских войск на московском стратегическом направлении остановили не болота, а советские войска, заставившие противника перейти к обороне. Группа армий «Центр» получила на московском направлении ряд сильных ударов и не смогла выполнить поставленные задачи.

Во-вторых, «молниеносную войну» в ее воздушном варианте гитлеровцы планировали провести до «русской зимы». И если Кессельринг заговорил о снегах, то это потому, что «план Барбаросса» был сорван до наступления зимы.

В-третьих, фашистская авиация вообще не в состоянии была выполнить поставленные задачи «молниеносной войны». Кессельринг считает, что ошибочно было отдавать предпочтение применению авиации на поле боя во взаимодействии с наземными войсками, когда «задачи оперативного характера по-прежнему оставались исключением...»⁴. Но ведь фашистская армия не смогла бы достигнуть первоначальных успехов без этого взаимодействия. А само решение так называемых

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 74.

² Там же, стр. 75.

³ Там же, стр. 206.

⁴ Там же.

оперативных задач (самостоятельные действия авиации) повисло в воздухе. Более того, ведь гитлеровцы надеялись сравнять с землей Москву и Ленинград. На выполнение этих задач они затратили большое количество самолето-вылетов, но цели не достигли. «Воздушная война» против Москвы и Ленинграда была сорвана советской ПВО, в которой важную роль играла истребительная авиация, «уничтоженная первым ударом» Кессельринга.

Утверждения Кессельринга опровергаются признаниями другого фашистского деятеля — Греффрата, который писал, что «потери немецкой авиации не были такими незначительными, как думали некоторые... За период с 22 июня по 5 июля 1941 года немецкие ВВС потеряли 807 самолетов всех типов, а за период с 6 по 19 июля — 477. Эти потери говорят о том, что, несмотря на достигнутую немцами внезапность, русские сумели найти время и силы для оказания решительного противодействия»¹.

Оказалась нереальной и «танковая война», разрекламированная генералом Гудерианом. В своей книге «Воспоминания солдата» Гудериан детально расписывает, как его танкисты готовили дорожные указатели с надписью «На Москву» и собирались атаковать советскую столицу. Однако все их расчеты провалились. Почему? От ответа на этот вопрос Гудериан уклоняется. Он лишь выражает сомнение относительно того, осталось ли в октябре 1941 г. необходимое для продолжения наступления время. Но подобные сомнения падутаны автором уже после войны. Ведь до октября 1941 г. Гудериан и его помощники рассчитывали быть на рубеже Волги. В книге Гудериана «Танки — вперед!»² также замалчивается вопрос о том, почему танковые войска не решились своих задач по «плану Барбаросса».

Таким образом, бывшие гитлеровские генералы искажают причины провала «молниеносной войны» против СССР и защищают эту теорию. Делается это для оправдания гонки вооружений в Западной Германии и странах НАТО. Реакционные политики и военные деятели

¹ Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 472.

² См. Г. Гудериан. Танки — вперед! М., Воениздат, 1957.

еще раз надеются использовать танки и авиацию для решения задач «молниеносной войны».

Третья группа буржуазных авторов пытается свести причины срыва плана «молниеносной войны» к случайным ошибкам практического руководства войсками.

Вопрос о причинах срыва «плана Барбаросса» бывшие фашистские генералы объясняют роковыми решениями Гитлера. «С политической точки зрения самым главным роковым решением было решение напасть на эту страну»¹. Блюментрит объясняет, почему решение о нападении на Советский Союз было роковым. По его мнению, в Советской России пришлось иметь дело с более сильным противником, чем в Польше, Франции и на Балканах. Только и всего. Блюментрит не осуждает Гитлера за организацию агрессивного похода на Восток и стремление поразить советских людей. Эти цели были близки и понятны самому Блюментриту. Эти цели разделял и генеральный штаб.

Второе роковое решение, которое приписывают Гитлеру его бывшие генералы, заключалось якобы в отказе от продолжения наступления на Москву в августе 1941 г. «Меньше всего Гитлер был заинтересован в Москве»². Гудериан обвиняет Гитлера за то, что он поступил не как Наполеон, а как Карл XII, хотя известно, что судьбы нашествия того и другого завоевателей одинаковы. Гудериан указывает, что 22 августа 1941 г. «Гитлер решил повернуть крупные силы группы армий «Центр» фельдмаршала фон Бока на юг, а часть сил направить на юго-запад и овладеть Украиной до занятия Москвы и Ленинграда. Он не мог правильно рассчитать операцию во времени и пространстве и вместе с тем не хотел слушать советов генерального штаба, потому что после первых успехов, которые он приписывал своей персоне, считал его неспособным дать правильную оценку политической и военно-экономической обстановки»³.

Выходит, виноват Гитлер, а генеральный штаб прав. Разногласия между ними будто бы испортили все дело. Проведение в жизнь решения Гитлера о наступлении

¹ Роковые решения, стр. 64.

² Там же, стр. 87.

³ Итоги второй мировой войны, стр. 119.

в августе 1941 г. в сторону Украины якобы и привело к провалу «плана Барбаросса». В этом фальсификаторы видят важнейшую причину провала «молниеносной войны».

Разберемся в этом подробнее.

Прежде всего, почему возникла необходимость в августе 1941 г. принимать решение о повороте крупных сил группы армий «Центр» в полосу группы армий «Юг» (этот вопрос старательно обходят бывшие фашистские генералы)? Ведь по «плану Барбаросса» такие меры не предусматривались. До середины августа гитлеровское командование систематически, изо дня в день твердило, что операции развертываются по плану. Дело заключалось в том, что основной замысел гитлеровского генерального штаба на окружение главных сил советских войск в приграничной полосе был сорван. Никакого оправдания этому придумать невозможно. Не соответствует действительности утверждение Гудериана о том, что «план войны на Востоке предусматривал в общем чисто фронтальное наступление»¹.

Первоначальный план «молниеносной войны» к августу 1941 г. был далек от выполнения. Даже Типпельскирх стыдливо признаёт, что «немецкая армия не смогла до 10 июля нанести войскам противника сокрушительный удар в полосах действия групп армий «Юг» и «Север», а только отбросила их назад...»². Для точности следовало бы добавить, что вскоре и на московском направлении группе армий «Центр» пришлось перейти к обороне под ударами советских войск. Отсюда видно, насколько были хвастливы записи в дневнике Гальдера о том, что фашисты за 14 дней якобы выиграли войну против СССР.

Советская Армия сорвала замыслы противника на всех трех стратегических направлениях, поэтому фашистскому командованию понадобилось принимать решение в июле и августе о своих дальнейших операциях. В это время обстановка для гитлеровских войск до предела осложнилась. 28 июля 1941 г. главнокомандование сухопутных войск направило приказ в штаб группы армий

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 119.

² Там же, стр. 75.

«Юг», требующий наступления 1-й танковой группы не в юго-восточном, а в южном направлении — на Умань¹. Такой приказ был отдан потому, что эта танковая группа не смогла прорваться к Киеву, как предусматривалось «планом Барбаросса». Пришлось заниматься обеспечением южного крыла ударной группировки, которой угрожали советские войска со стороны Умани. Не легче было положение и группы армий «Центр». Гитлеровское командование понимало, что «силы, имеющиеся в распоряжении фон Бока для дальнейшего наступления на восток, недостаточны, учитывая необходимость выделения значительных сил на правый фланг для его обеспечения в ходе продвижения (уступное расположение)»².

Но это уступное расположение явилось результатом того, что группа армий «Юг» застряла на Правобережной Украине и не выполнила своих задач по плану «молниеносной войны». А группа «Центр», продвинувшись к Смоленску, оказалась обескровленной советскими войсками и не могла уже более наступать. Стратегических резервов не было. Вот почему гитлеровскому командованию пришлось принимать новое решение. Остановившись на два месяца в обороне на московском стратегическом направлении и перегруппировав свои силы на юг, фашистское командование стремилось улучшить положение своих войск на юге. Кроме того, гитлеровское командование не могло не учитывать активных действий советской авиации и Военно-Морского Флота. Удары Черноморского флота по Констанце и на морских коммуникациях угрожали стратегическому флангу. Действия советской авиации по Констанце, Галацу и особенно по Плоешти подрывали питание всей группы армий «Юг» горючим и смазочными материалами. Не случайно гитлеровское командование стремилось захватить Крым и лишить советскую авиацию ее баз в этом районе. Все это вынудило фашистское командование перенести основные усилия на южное направление, а в центре и на ленинградском стратегическом направлении ограничиться обороной. Решение на сосредоточение всех усилий на юге, а не на московском стратегическом направлении было принято Гитлером совместно с гене-

¹ См. «Военно-исторический журнал», 1959, № 10, стр. 96.

² Там же, стр. 97.

ральным штабом. Теперь же бывшие фашистские генералы пытаются все свалить на Гитлера потому, что стремятся сами оправдаться за провал «молниеносной войны».

Несколько новый оттенок в освещении причин срыва «плана Барбаросса» выдвигает генерал Филиппи. Он также обвиняет за провал фашистской стратегии Гитлера, но добавляет, что ошибки Гитлера усугублялись неумением фашистского командования решить Припятскую проблему. Он утверждает, что «Припятская проблема имела решающее значение для военных действий 1941 года на Восточном фронте. Предпринятая при планировании операций попытка обойти решение этой проблемы, направив ударные клинья севернее и южнее соответствующего географического района, не удалась, что весьма неблагоприятно отразилось прежде всего на действиях группы армий «Юг» в первую фазу кампании»¹. Филиппи считает, что гитлеровские войска подвела география. Но ведь эта география не помешала советским войскам активно действовать в наступательных операциях в 1944 г. в Припятском бассейне. Значит, дело не в географии, а в том, что гитлеровское командование ставило перед своими войсками явно непосильные задачи и попытки осуществить «план Барбаросса» закономерно провалились.

Буржуазные историки из лагеря англосаксов только пересказывают основные мотивы гитлеровских генералов. Генерал Фуллер утверждает, например, что «с полным основанием можно считать, что не сопротивление русских, как бы велико оно ни было, и не влияние погоды на действия германской авиации, а грязь, в которой застрял германский транспорт за линией фронта, спасла Москву»². Но ведь гитлеровские войска были остановлены еще до наступления грязи. Фуллер умышленно замалчивает, что план «молниеносной войны» фашистское командование надеялось выполнить еще до наступления распутицы. Так что ссылки на грязь у Фуллера призваны оправдать фашистский генералитет и Гитлера за все провалы стратегии.

¹ А. Филиппи. Припятская проблема, стр. 21.

² Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 168.

Соотечественник Фуллера Лиддел Гарт также повторяет легенды о роковых решениях Гитлера, явившихся якобы основной причиной срыва «плана Барбаросса»¹.

Военные деятели НАТО и западногерманские реваншисты особое старание прилагают к тому, чтобы скрыть от широких народных масс агрессивный характер «плана Барбаросса» гитлеровцев, замолчать его пороки, являвшиеся действительными причинами срыва похода на Восток. Все это делается для подготовки новой агрессии против СССР и стран социализма.

Методы оправдания «плана Барбаросса» и отрицания истинных причин его провала сводятся к использованию буржуазного объективизма, выпячиванию на первое место случайности и отрицания закономерности провала этого плана. Среди случайных причин на первое место выдвигаются ошибки Гитлера, его роковые решения. У буржуазных авторов простой расчет: Гитлера нег, отвечать некому, а стратеги фашистской Германии могут и теперь пригодиться для подготовки новой войны.

¹ См. Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, стр. 345.

Глава пятая

**ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ ВО ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

**Что означал разгром гитлеровских полчищ
под Москвой?**

Битва под Москвой представляет собой сложный комплекс боевых действий, включающий оборонительные сражения советских войск на дальних и ближних подступах к Москве (октябрь — ноябрь 1941 г.), контрнаступление Советской Армии (декабрь 1941 г.) и общее наступление советских войск на московском направлении (январь — февраль 1942 г.).

Боевые действия, развернувшиеся под Москвой, проходили в чрезвычайно трудной обстановке для Советского государства и его Вооруженных Сил. Прошло более трех месяцев после вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну. За это время немецко-фашистская армия нанесла большие потери Советской Армии, оккупировала Литовскую, Латвийскую, Эстонскую, Молдавскую, Белорусскую Советские Социалистические Республики, а также большую часть Украины, Ленинградской, Новгородской, Смоленской областей и блокировала Ленинград.

Потеря огромной советской территории и эвакуация сотен предприятий из западных районов страны на восток привели к тому, что промышленное производство к началу битвы под Москвой сократилось более чем в 2 раза. Вследствие этого Советские Вооруженные Силы осенью 1941 г. испытывали наибольшие трудности в обеспечении оружием и боеприпасами. Не хватало танков, авиации, артиллерии, противотанковых и зенитных

средств борьбы. Стратегическая инициатива по-прежнему, как и в начале войны, находилась в руках противника.

Несмотря на огромные трудности, Советские Вооруженные Силы в битве под Москвой нанесли первое крупное поражение немецко-фашистской армии, подобного которому она не имела в войне на Западе и не испытывала еще на советско-германском фронте.

Уже в оборонительных сражениях под Москвой Советская Армия нанесла большие потери противнику, сорвала его план овладения столицей Советского Союза и создала условия для перехода в решительное контрнаступление.

В период контрнаступления и общего наступления Советские Вооруженные Силы разгромили наступавшие на Москву группировки фашистской армии и полностью освободили от фашистских захватчиков Московскую и Тульскую области, а также десятки городов и сотни сел других областей.

Победа Советской Армии под Москвой оказала огромное влияние на весь последующий ход второй мировой войны. В битве под Москвой Советская Армия развеяла созданную гитлеровцами легенду о «непобедимости» немецкой армии и окончательно похоронила план «молниеносной войны». В результате поражения под Москвой фашистская Германия утратила военное преимущество, которое она имела в первые месяцы войны, и была поставлена перед необходимостью ведения затяжной войны, что не входило в расчеты Гитлера.

Победа Советских Вооруженных Сил под Москвой вдохновила поработанные гитлеровцами народы Европы на борьбу за свое освобождение, усилила национально-освободительное движение. Под влиянием успехов Советской Армии укрепилась антигитлеровская коалиция.

Огромные успехи Советской Армии, достигнутые в битве под Москвой, были признаны многими буржуазными военными деятелями. Эти успехи были вынуждены признать и некоторые гитлеровские генералы.

Так, например, Курт Типпельскирх в книге «История второй мировой войны» пишет, что «сила удара русских и размах этого контрнаступления были таковы, что по-

колебали фронт на значительном протяжении и едва не привели к непоправимой катастрофе»¹.

Английский генерал Дж. Ф. С. Фуллер в книге «Вторая мировая война 1939—1945 гг.» приводит воспоминания Арвида Фредборга, который в период разгрома гитлеровской армии под Москвой находился в Берлине и писал, что «тревожные настроения нарастали. Пессимисты припоминали войну Наполеона с Россией, и все книги о Великой армии вдруг стали пользоваться спросом. Предсказатели занимались судьбой Наполеона, астрология стала популярной...». К высказываниям Фредборга Фуллер добавляет, что «в оккупированных странах происходил обратный процесс: печаль сменилась радостью. Колосс был остановлен, и, хотя, быть может, голова его была из железа, ноги оказались глиняными»².

Таким образом, гитлеровские генералы и буржуазные военные деятели не отрицают тяжелого поражения немецко-фашистской армии под Москвой и указывают на его огромные военно-политические последствия. Однако при описании военных действий под Москвой они допускают извращения и фальсифицируют исторические факты.

Буржуазные историки уходят от рассмотрения действительных причин

Для того чтобы принизить роль Советской Армии в оборонительный период битвы под Москвой, гитлеровские фельдмаршалы и генералы в своих работах приводят астрономические цифры потерь советских войск и утверждают, что главной причиной срыва немецкого наступления была не Советская Армия, а климатические условия: грязь, бездорожье и большие морозы. Типпельскирх, излагая ход боевых действий в период октябрьского наступления немцев на Москву, утверждает, что советские войска, оборонявшиеся севернее Москвы, почти совершенно были уничтожены. Для большей убедительности он приводит сводку германского верховного командования, в которой сказано, что «русские потеряли шестьде-

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 201.

² Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 233—234.

сят семь стрелковых, шесть кавалерийских и семь танковых дивизий — 633 тыс. пленными, 1242 танка и 5412 орудий¹. Но если советские войска, оборонявшие северные подступы к Москве, были почти полностью уничтожены и понесли такие огромные потери под Москвой, то что же помешало немецко-фашистской армии захватить Москву?

На этот вопрос Типпельскирх отвечает так: «...Ударная сила немецких армий была бы еще достаточной, если бы в середине октября сильные снегопады с дождями не помешали стремительному преследованию... Двигаться по дорогам стало невозможно, грязь прилипла к ногам, к копытам животных, колесам повозок и автомашин. Даже так называемые шоссе стали непроезжими. Наступление остановилось»².

Стало быть, гитлеровскую армию, наступавшую на Москву, остановила не Советская Армия, а грязь и сильные снегопады с дождями в октябре 1941 г.

Гудериан, бывший командующий 2-й танковой армией, наступавшей на Москву с юга, также пытался доказать, что его армия не выполнила задачу захвата Москвы в октябре не из-за сопротивления Советской Армии, а из-за грязи. Он пишет, что «вначале благодаря хорошей погоде наступление развивалось успешно, и первый этап его закончился захватом линии Орел, Брянск, Вязьма и далее на север. ...С 10 октября осенняя погода ухудшилась, и мы впервые попали в период грязи и распутицы... Наступление группы армий «Центр» остановилось по всему фронту»³.

Блюментрит, так же как и многие другие фашистские генералы, ссылаясь на распутицу как на главную причину остановки немецко-фашистского наступления на Москву в октябре 1941 г., как бы между прочим указывает еще на одну причину. «И вдруг, — пишет он, — на нас обрушилась новая, не менее неприятная неожиданность. Во время сражения за Вязьму появились первые русские танки Т-34. В 1941 г. эти танки были самыми мощными из всех существовавших тогда танков. С ними могли бороться только танки и артиллерия. 37-мм и 50-мм

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 200.

² Там же.

³ Итоги второй мировой войны, стр. 121.

противотанковые орудия, которые тогда состояли на вооружении нашей пехоты, были беспомощны против танков Т-34. Эти орудия могли поражать лишь русские танки старых образцов. Таким образом, пехотные дивизии были поставлены перед серьезной проблемой. В результате появления у русских этого нового танка пехотинцы оказались совершенно беззащитными. Требовалось по крайней мере 75-мм орудие, но его еще только предстояло создать. В районе Вереи танки Т-34 как ни в чем не бывало прошли через боевые порядки 7-й пехотной дивизии, достигли артиллерийских позиций и буквально раздавили находившиеся там орудия. Понятно, какое влияние оказал этот факт на моральное состояние пехотинцев. Началась так называемая «танкобоязнь»¹.

Таким образом, здесь уже сказано не только о распутице, но и о танках, которые к тому же «были самыми мощными из всех существовавших тогда танков». Что же, признание весьма знаменательное, хотя и неполное.

Очень приятно слышать высокую оценку советской боевой техники из уст врага. Но ведь одни танки не решали судьбу военной кампании. Тем более что танков Т-34 в битве под Москвой было еще очень мало. Кроме того, Блюментрит явно запямятовал, если утверждает, что «во время сражения за Вязьму появились первые русские танки Т-34». Танки Т-34 и КВ были на вооружении нашей армии еще до Великой Отечественной войны в составе механизированных корпусов в западных приграничных военных округах. Они вели бои с немецко-фашистскими войсками с первых дней войны. Гитлеровским генералам можно напомнить, если они забыли, как 27 и 28 июня 1941 г. советские танкисты 8-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта, умело используя высокие боевые качества танков КВ и Т-34, в контрударе под Дубно нанесли серьезное поражение 16-й танковой, 3-й и 75-й пехотным немецким дивизиям. И не только под Дубно, но и на других участках советско-германского фронта летом 1941 г.

Не только фашистские генералы, но и многие другие историки в буржуазных странах пытаются принизить роль Советской Армии в оборонительный период битвы под Москвой, объяснить неудачи немецко-фашистских

¹ Роковые решения, стр. 93—94.

войск климатическими условиями. Так, Фуллер в книге «Решающие сражения западного мира и их влияние на мировую историю» утверждает, что «в октябре всякое крупное наступление всецело зависело от погоды, а к тому моменту начались дожди. Дороги превратились в реки грязи, а дорога Орел — Тула стала настолько непроходимой, что 2-я танковая армия (она стала так называться с 6 октября) завязла на несколько дней и ей приходилось снабжаться по воздуху. Шлепаемая по грязи, она очутилась 29 октября в двух милях от Тулы, но не взяла город. Ей пришлось остановиться, пока дороги не затвердели от мороза»¹.

Таким образом, и этим буржуазным историком Советская Армия как вооруженная сила в расчет не берется. Героическое сопротивление воинов Советской Армии, преградившее врагу путь движения на Москву в октябре 1941 г., предается забвению. А напрасно! Новоявленными агрессорам и их приспешникам от науки было бы небесполезно разобраться в фактах истории более объективно. Возможно, это умерило бы их воинственный пыл. Немецко-фашистская армия в начале октябрьского наступления имела значительный успех не потому, что была хорошая погода, а потому, что фашистские войска, наступавшие на Москву, имели значительное превосходство в силах и средствах: в живой силе, например, в 1,4 раза, в орудиях и минометах — в 1,9 раза, в самолетах — в 2,6 раза и по танкам — в 2,2 раза. И потому, что наша оборона из-за недостатка противотанковой артиллерии была слабой в противотанковом отношении. Так, например, плотность противотанковой артиллерии в войсках Западного фронта на направлениях главных ударов противника была всего лишь 2—3 орудия на километр фронта, а плотность всей артиллерии — не более 6—9 орудий на километр фронта. Противник же при наступлении на Москву в ударных группировках имел 30—50 танков на километр фронта.

Трудности при организации и ведении обороны под Москвой заключались также и в том, что противник имел господство в воздухе, а у Советской Армии было очень мало зенитных средств.

¹ J. F. C. Fuller. The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon History, vol. 3. London, 1956, p. 471.

К началу перехода немецко-фашистских войск в наступление на Москву Ставка Советского Верховного Главнокомандования и военные советы фронтов и армий осуществили ряд мероприятий, направленных на то, чтобы упорной и активной обороной измотать, обескровить ударные группировки врага, не допустить захвата противником столицы, выиграть время для создания и сосредоточения резервов, подготовить условия для перехода в контрнаступление и разгромить немецко-фашистские войска на Западном направлении.

Для защиты подступов к Москве, начиная еще с июля 1941 г., создавалась глубоко эшелонированная оборона, состоявшая из ряда рубежей и заграждений на глубину до 250 километров. Несмотря на все трудности, Советская Армия, имея высокий моральный и боевой дух, под руководством Коммунистической партии нанесла противнику в октябре огромные потери и сорвала его план овладения Москвой.

Ноябрьское наступление гитлеровцев на Москву также провалилось. И снова зарубежные историки видят причину этого в капризах погоды. По их мнению, если в октябре помехой были дожди и бездорожье, то причиной зимних неудач фашистской армии явились якобы сильные морозы. Так, Гудериан утверждает: «Вначале небольшое похолодание временно оживило подвижность войск тем, что они стали продвигаться вперед по подмерзшим дорогам. Но картина совершенно изменилась, когда термометр стал показывать 30°, а в середине декабря 40° ниже нуля...

Сильные морозы все в большей мере подрывали силы изголодавшихся, плохо одетых и размещенных где попало войск. Командование не принимало этого факта в расчет, что и явилось главной причиной неудачи последнего немецкого наступления 1941 года»¹.

Еще более прямолинейно ему вторит Бутлар: «И совсем не русская армия, а сам бог погоды остановил стремительное наступление немецких танковых сил в тот момент, когда их цель была уже совсем близка»².

Но о каком стремительном наступлении можно говорить, если две танковые группы противника, наступав-

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 124—125.

² Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 179.

шие севернее Москвы, за 20 дней продвинулись только на 100 километров! Это в среднем по 5 километров в сутки. Сами гитлеровские генералы утверждают, что, когда они перешли в наступление, сильных морозов еще не было, а слабые морозы только улучшили дороги для прохождения войск. Между тем ударная группировка противника, состоявшая из 3-й и 4-й танковых армий, за первые четыре дня наступления продвинулась всего лишь на 5—8 километров. При чем же тут морозы?

Англо-американские буржуазные историки не отступают от битых гитлеровцев в толковании событий. Фуллер пишет о том, что «последнее наступление на Москву выдохлось не столько в результате сопротивления русских, сколько под действиями мороза: снегопады не прекращались по нескольку дней, вьюга заносила деревни, железные и шоссейные дороги. Движение автомашин прекращалось, в локомотивах невозможно было развести топку, снабжать войска не было никакой возможности»¹. И еще: «С точки зрения стратегии, кампания провалилась: русские армии, хотя и серьезно потрепанные, не были уничтожены, Москва — не занята, дорога на Архангельск — не перерезана, не был взят Ленинград, а до кавказских источников нефти было все еще далеко. Тем не менее русским был нанесен страшный удар, и, если бы не наступившая неожиданно ранняя зима, они, возможно, потеряли бы Москву. На 6 декабря шансы на победу или поражение были равны у той и другой стороны»².

Однако суть дела, если подходить к нему объективно, а не предвзято, заключается в том, что не зима и не морозы, а Советская Армия была главной причиной поражения немецко-фашистских войск, наступавших на Москву в ноябре 1941 г. Конечно, для ведения войны и боя в зимних условиях требуется специальная подготовка войск и материальное обеспечение. Если же войска не подготовлены для ведения войны в зимних условиях, как это случилось с немецко-фашистской армией, то это не могло не сказаться на их действиях.

Наступление противника на Москву в ноябре было сорвано активной обороной войск Западного фронта, в

¹ J. F. C. Fuller. The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon History, vol. 3, p. 443.

² Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 167.

состав которого прибыли армии из резерва Ставки Советского Верховного Главнокомандования.

Большое значение в срыве наступления немцев на Москву имели контрудары советских войск, о которых умалчивают буржуазные авторы.

Характерной особенностью боевых действий советских войск в ноябре в отличие от октября было то, что противник не сумел прорвать нашу оборону на большую оперативную глубину, хотя для прорыва обороны гитлеровцы в ноябре создали более мощные ударные группировки, особенно по количеству танков.

Благодаря лучшей организации нашей обороны, особенно в противотанковом отношении, успехи противника оказались менее значительными, чем в октябре.

Советские войска при отходе с одних рубежей на другие сохраняли сплошную линию фронта и создавали огневые мешки для наступавших группировок врага. В результате ударные группировки противника севернее и южнее Москвы не только понесли большие потери, но и оказались в крайне невыгодном оперативном отношении. Они были охвачены нашими войсками с трех сторон.

Успешной обороной под Москвой советские войска в ноябре и в первых числах декабря создали перелом в свою пользу и благоприятные условия для перехода в контрнаступление.

Если буржуазные историки пишут лишь о срыве планов немецко-фашистской армии в период октябрьского и ноябрьского наступлений из-за климатических условий, то они не могут отрицать факта поражения гитлеровской армии в период контрнаступления и наступления Советской Армии.

Однако, признав поражение фашистской армии, они все же стремятся принизить силу и мощь Советской Армии, и особенно ее превосходство в военном искусстве, и в этот период битвы под Москвой.

Хотя Фуллер пишет, что «на 6 декабря шансы на победу или поражение были равны у той и другой стороны», но победила в декабре Советская Армия, а не немецко-фашистская. Почему же она победила — Фуллер этот вопрос обходит.

Чтобы умалить значение побед Советской Армии в период контрнаступления и общего наступления и при-

низить роль советского военного искусства, западногерманские авторы, как, например, Курт Типпельскирх, утверждают, что советские войска при переходе в контрнаступление имели «двадцатикратное превосходство в силах»¹. Эти нелепые данные были подхвачены и некоторыми буржуазными авторами в США и Англии. Однако если учесть, что к началу контрнаступления советских войск под Москвой гитлеровские армии «Центр» насчитывали в своем составе 53 дивизии, из них 13 танковых и 7 моторизованных, то Советская Армия при двадцатикратном превосходстве должна была иметь более 260 дивизий. Но это уже явная несуразица.

Несостоятельность утверждения буржуазных авторов о причинах поражения немецко-фашистской армии в битве под Москвой очевидна. Конечно, осенняя распутица и зима затрудняли действия немецко-фашистских войск. Но трудности, вызываемые климатическими условиями, испытывали на себе и советские войска. Им также было трудно двигаться по грязи при бездорожье и также было холодно лежать в снежных окопах и очень трудно наступать по глубокому снегу при большом морозе. Но Советская Армия в этих же условиях сначала остановила немецкое наступление, а затем и разгромила ударные группировки противника. Это и свидетельствует о высоком уровне советского военного искусства.

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 207.

Глава шестая

КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ХОДЕ ВОЙНЫ

Сокрушительное поражение немецко-фашистских войск в битве на Волге

Великая битва на Волге имеет всемирно-историческое значение. Народы всего мира знают и помнят о ней. «Не только мы, участники этого сражения, — говорил Н. С. Хрущев в Заявлении французскому телевидению в связи с 20-летием битвы на Волге, — но и все наши современники и потомки будут снова и снова вспоминать эту величайшую из битв. Слава героев этой битвы не померкнет в веках»¹.

Советское государство и его армия предстали перед всем миром как несокрушимая сила. В великой битве, развернувшейся на Волге, еще раз было продемонстрировано преимущество советского общественного и государственного строя над строем капиталистическим.

Битва на Волге стала для всех честных людей земного шара символом стойкости, мужества и героизма советского народа, спасшего весь мир от угрозы фашистского порабощения, символом непреклонной воли к победе в борьбе с империалистическими агрессорами, символом светлого будущего всего человечества.

История войн и военного искусства не знает другого примера, чтобы какой-либо армии удалось совершить то, что совершила Советская Армия в битве на Волге. В короткий срок советские войска почти при равных силах

¹ «Правда», 10 февраля 1963 г.

окружили, а затем ликвидировали огромную группировку вражеских войск. В этом выявился высокий уровень развития советского военного искусства.

В битве на Волге был развенчан авторитет военного искусства немецко-фашистской армии. Один из представителей германского генерального штаба — Гёрлицт вынужден признать, что разгром отборных гитлеровских войск явился «самым крупным поражением, которое когда-либо в истории терпела германская армия»¹. И не только один Гёрлицт. Например, Дёрру принадлежат такие слова: «Для Германии битва под Сталинградом была тяжчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой»².

После великой битвы у стен города-героя международный авторитет Советского Союза еще более вырос. Свободолюбивое человечество всего земного шара встретило победу Советской Армии ликованием. Простые люди всего мира возлагали свои надежды на Советское государство как на единственную реальную силу, способную отвести от них угрозу фашистского порабощения. Многие иностранные обозреватели вынуждены были признать, что судьбы человечества решаются на советско-германском фронте, а не на других фронтах второй мировой войны, что Красная Армия выносит основную тяжесть борьбы.

Народные массы США и Англии, воодушевленные этой грандиозной победой Советской Армии, усилили борьбу за укрепление единства антигитлеровской коалиции, за безотлагательное открытие второго фронта в Западной Европе, чтобы ускорить окончание войны против фашистских агрессоров.

Окрыленные победами Советской Армии народы европейских стран, оккупированных немецко-фашистскими войсками, также усилили национально-освободительную борьбу против фашистских интервентов. Бывший начальник штаба немецко-фашистской группы войск «Запад» Блюментрит признал, что «трудности в 1943 г. увеличились потому, что движение Сопrotивления во Франции к тому времени стало очень грозным и повлек-

¹ Walter Görlicz. Der deutsche Generalstab. Bonn, 1954, S. 610.

² Г. Дёрр. Поход на Сталинград. М., Воениздат, 1957, стр. 15.

ло за собой много жертв с нашей стороны и серьезное напряжение»¹.

В те дни, когда завершалась битва на Волге, бельгийское министерство информации, находившееся в Лондоне, опубликовало следующее сообщение: «6-я армия исчезла под Сталинградом, который она пыталась окружить, взятие которого было хвастливо обещано Гитлером. 6-я армия! У бельгийцев имеется особая причина радоваться ее уничтожению, так как именно этой армии 10 мая 1940 г. было поручено вторгнуться в их страну, и эта армия с помощью хитрости и грубой силы одолела наши войска у канала Альберта. Она пронеслась по Бельгии, подобно буре, сеющей всюду опустошение и смерть, и в борьбе с ней пали легионы наших храбрых солдат. Полки, которыми так гордился Гитлер, окутанные таинственностью, опьяненные собственной мощью и высокомерные, с триумфом маршировали по нашим опустошенным городам, как победители. Теперь они лежат под глубокими русскими снегами за тысячу миль от наших границ. Не они завоевали Сталинград, а Сталинград захватил их. Для тех, кто были бессильными очевидцами их гнетущей гордости, их замерзшие трупы являются символом неминуемого правосудия, начинающегося возмездия»².

Победа Советской Армии в битве на Волге вызвала в лагере фашистских агрессоров панику и смятение, уныние и безнадежность. В стане германской коалиции начался разброд, падал моральный дух. Испарялась вера в непобедимость немецко-фашистской армии. Именно разгром, которому подверглась здесь и 8-я итало-фашистская армия, ускорил выход Италии из гитлеровской коалиции.

Используя столь благоприятную военно-политическую обстановку, правящие круги США и Англии могли ускорить окончание второй мировой войны. Фуллер признает, что если бы правительства США и Англии создали в 1942 г. второй фронт, то «разгром немцев под Сталинградом открыл бы перед ними путь, который почти

¹ Liddell Hart. The Other Side of the Hill. London, 1943, p. 240—241.

² «Правда», 1 февраля 1943 г.

наверняка привел бы к окончанию войны весной или летом 1943 г.»¹. Но империалисты не были заинтересованы в этом. Поэтому Советский Союз мог полагаться только на собственные силы.

Бывший генеральный директор английской комиссии по ведению политической войны Брук Локкарт признает, что после поражения гитлеровской армии на берегах Волги США и Англия начали понимать, что «Россия выигрывает войну без нас и вовсе не нуждаясь в нашей помощи»². Так оно и случилось.

Контрнаступление Советской Армии, завершившееся окружением и уничтожением 330-тысячной группировки противника, положило начало массовому изгнанию немецко-фашистских оккупантов с советской земли. Фашистских солдат стал сопровождать призрак неизбежного повторения этого побоища. Великая битва на Волге знаменовала собой коренной перелом в ходе не только Великой Отечественной войны, но и в целом всей второй мировой войны.

Но именно этот бесспорный исторический факт, который совсем не в пользу ни гитлеровским генералам, ни их современным империалистическим покровителям, и хотелось бы извратить буржуазным историографам.

Фальсификация началась задолго до окончания второй мировой войны. Руководитель бюро военной информации США Эльмер Дэвис еще 14 мая 1943 г., жонглируя цифрами и фактами, объявил военные действия у острова Мидуэй (Тихий океан) и Эль-Аламейна (Северная Африка) решающими битвами второй мировой войны. Локкарт со своей стороны утверждал, что «двумя поворотными пунктами войны были битва за Эль-Аламейн и битва за Сталинград»³.

Французский генерал Жар снисходительно считает, что победу союзников в Африке все-таки можно сравнить с разгромом армии Паулюса на Волге⁴.

1 J. F. C. Fuller. *The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon History*, vol. 3, p. 538.

2 Bruce Lockhart. *Comes the Reckoning*. London, 1947, p. 231.

3 Там же, стр. 234.

4 См. R. Jars. *Les campagnes d'Afrique. Libye — Egipte — Tunisie*. 1940—1943. Paris, 1957, p. 246.

В апрельском номере американского журнала «Форин афферс» за 1953 г. высадка американско-английских войск на африканском побережье от Касабланки до Алжира 8 ноября 1942 г. оценивается как «решающий поворот во второй мировой войне»¹. В этом же номере журнала французский генерал де Монсабер договорился даже до такого абсурда, что африканский плацдарм якобы «облегчил прорыв Атлантического вала...», которого в действительности не существовало.

Особенно стараются буржуазные историки дать иное, чем в действительности, толкование главной стратегической цели высшего немецко-фашистского командования летом 1942 г. Черчилль утверждает, что она заключалась якобы в том, чтобы пробиться в Закавказье, оккупировать Иран, замкнуть клещи на Ближнем Востоке с армией Роммеля, развившей тогда наступление к Суэцкому каналу, а затем наступать на Индию². Американский генерал Брэдли этот план иллюстрирует схемой, на которой одинаковые стрелы обозначают направление главных ударов немецко-фашистских войск через Кавказ и Египет и соединение их на Ближнем Востоке³.

Подобная трактовка замыслов гитлеровского командования имеет целью оправдать сосредоточение основных военных усилий Англии не в Европе, а на Ближнем Востоке. В 1942 г. на Ближнем Востоке находились, помимо 8-й английской армии в Египте, полностью укомплектованные 9-я и 10-я английские армии. В то же время перенесение срока открытия второго фронта в Европе с 1942 г. на 1943 г. английские военные историки оправдывают недостатком сил на Британских островах и необходимостью держать крупные силы на направлении главного удара гитлеровцев летом 1942 г., т. е. на Ближнем Востоке.

Английским и американским исследователям помогают их нынешние идейные союзники в Западной Германии, когда они утверждают, что цель Гитлера при пла-

¹ General de Monsabert. North Africa in Atlantic Strategy. «Foreign Affairs», April, 1953, p. 418.

² См. W. S. Churchill. The Second World War, vol. 4. London, 1951, p. 306.

³ См. О. Брэдли. Записки солдата. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 211.

нировании летней кампании 1942 г. всецело сводилась к захвату нефтяных районов Кавказа.

Этот довод буржуазные историки основывают на заявлении Гитлера, которое он сделал в штабе группы армий «Юг» 1 июня 1942 г.: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен ликвидировать войну»¹. Например, Фуллер пишет, что «проблема нефти с самого начала войны преследовала Гитлера как кошмар»².

Конечно, захват районов СССР, богатых нефтью, являлся заманчивой целью для Гитлера, тем более что, приобретая эту нефть для себя, он одновременно отбирал бы ее у своего противника. Но свести все дело только к захвату кавказской нефти — значит преднамеренно закрыть глаза на истинное положение вещей.

Во-первых, как ни ограничены были нефтяные ресурсы фашистской Германии, они были достаточны, особенно к лету 1942 г., для продолжения войны. Это подтверждается немецкими экономистами на основании материалов, собранных ими еще в годы войны по поручению министерства хозяйства и управления военно-хозяйственного планирования вермахта. Сотрудники института экономических исследований (ФРГ) доказывают, что «до начала массовых воздушных налетов на предприятия нефтяной промышленности в мае 1944 г. в результате ряда различных мероприятий почти удавалось обеспечивать все потребности в жидком топливе»³.

Да и ход войны показывает, что острый недостаток в нефти не проявился ни в одной операции, проведенной немецко-фашистским командованием, во всяком случае в 1942—1943 гг. Блюментрит заявил после войны: «Мы (т. е. гитлеровцы. — В. С.) воевали до 1945 г. и без кавказской нефти»⁴.

Во-вторых, к лету 1942 г. гитлеровцы обладали превосходством в силах и средствах на Юго-Западном стратегическом направлении. Это позволяло ставить решительные стратегические цели.

¹ «Военно-исторический журнал», 1956, № 10, стр. 8.

² J. F. C. Fuller. The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon History, vol. 3, p. 518.

³ Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. М., Изд-во иностранной литературы, 1956, стр. 147.

⁴ Liddell Hart. The Other Side of the Hill, p. 214.

Французский военный историк генерал Шассэн, анализируя гитлеровский стратегический план на 1942 г., не без основания отмечает, что «стратегический план всегда должен... намечать далекие и важнейшие цели»¹. Это нашло свое отражение в директиве верховного главнокомандования вооруженными силами ОКВ № 41 от 5 апреля 1941 г. В директиве прямо указывается, что «общие первоначальные планы кампании на востоке остаются в силе...»².

Первоначальные принципы относительно Восточного похода заключались в том, чтобы завершить войну в короткие сроки. И в 1942 г. гитлеровцы не рассчитывали вести затяжную войну.

20 марта 1942 г. Геббельс обсуждал с Гитлером стратегическую обстановку. Содержание этой беседы Геббельс изложил в следующем виде: «Он (Гитлер. — В. С.) не хочет слишком затягивать войну. Его целью является захват Кавказа, Ленинграда и Москвы»³. По данным Фуллера, Гитлер рассчитывал, что к октябрю 1942 г. разработанная операция «приведет войну на Востоке к победному концу»⁴. В начале января 1942 г. Блюментрит стал заместителем начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии, поэтому ему были известны идеи и мотивы, лежавшие в основе решения Гитлера на 1942 г. Основная стратегическая идея, рассказывает Блюментрит, заключалась в том, что «Гитлер надеялся получить в 1942 г. то, чего он не добился в 1941 г.»⁵.

Германское верховное командование планировало выполнить в 1942 г. те стратегические цели «плана Барбаросса», которые были сорваны в 1941 г. Советской Армией. Поэтому в директиве подчеркивается следующий важный момент: «Цель заключается в том, чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы...»⁶ Прежде всего эта цель относилась к

¹ L. M. Shassin. Histoire militaire de la seconde guerre mondiale 1939—1945. Paris, 1951, p. 180.

² Г. Дёрр. Поход на Сталинград, стр. 127.

³ J. F. C. Fuller. The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon History, vol. 3, p. 519.

⁴ Там же, стр. 523.

⁵ Liddell Hart. The Other Side of the Hill, p. 204.

⁶ Г. Дёрр. Поход на Сталинград, стр. 127.

разгрому главной группировки Советской Армии, но эта группировка находилась не на Кавказе, а в районе Москвы. К лету 1942 г. в районе Москвы находилось 45 процентов всех стрелковых и кавалерийских дивизий и 40 процентов всех имевшихся у советского командования танковых частей и соединений.

Вражеское командование также сосредоточило свою главную группировку на московском стратегическом направлении: 43 процента всех пехотных и кавалерийских дивизий и более 50 процентов всех танковых и моторизованных дивизий.

Таким образом, «главная цель гитлеровских войск в летней кампании 1942 г., судя по документам германского генерального штаба и высказываниям руководителей фашистской Германии, состояла в том, чтобы окончательно разгромить Советские Вооруженные Силы и закончить в этом году войну против СССР»¹.

Осуществить главную цель 1942 г. германское верховное командование рассчитывало следующим образом: вначале сосредоточить усилия на Юго-Западном направлении и осуществить промежуточные цели войны, а затем ударом на Москву завершить достижение главной цели войны. Начальник штаба верховного командования вооруженных сил Германии генерал-фельдмаршал Кейтель, говоря об этих планах, отмечал, что «выход на Волгу не планировался сразу на широком участке, предполагалось выйти в одном из мест, чтобы в дальнейшем захватить стратегически важный центр — Сталинград. В дальнейшем предполагалось — в случае успеха и изоляции Москвы от Юга — предпринять поворот крупными силами к Северу (при том условии, что наши союзники взяли бы на себя р. Дон)»².

После достижения стратегической цели на южном крыле советско-германского фронта германское верховное командование рассчитывало нанести завершающий удар по главной группировке Советской Армии, которая находилась в районе Москвы.

Исход войны мог быть решен только разгромом основных сил воевавших сторон. Это понимали и к этому

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2, стр. 401.

² Там же, стр. 403.

стремились обе стороны. Это хорошо понимает английский военный историк Фуллер. Анализируя стратегический план Гитлера на летнюю кампанию 1942 г., он пишет, что успеха можно было достичь не лишением русских ресурсов, например нефти, угля и пшеницы, а занятием или осадой Москвы; только в этом случае удалось бы предотвратить ответные действия со стороны русских армий, находившихся севернее линии Воронеж, Саратов¹. Однако тот же Фуллер пытается доказать, что «Сталинград не имел большого стратегического значения; он был слишком далеко, чтобы прикрывать войска, действующие на Кавказе»². Другой английский военный историк Кендал расценивает наступление немецко-фашистских армий летом 1942 г. как «ограниченное наступление с целью установления фронта на Волге для прикрытия левого фланга войск, наступающих на юг для захвата нефтяных источников Кавказа»³. Мотивировка, как видим, различная, но цель одинаковая — приписать всемирно-историческое значение великой победы Советской Армии или хотя бы приравнять к битве на Волге сражение у Эль-Аламейна.

Однако подобные ухищрения обречены на провал. Значение военных действий, развернувшихся в междуречье Волги и Дона, определяется общим стратегическим замыслом гитлеровского командования на лето 1942 г. Этот замысел, как подчеркнул Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский в своем Заявлении французскому телевидению, «состоял в том, чтобы сосредоточить главные усилия на южном крыле фронта, разгромить здесь советские войска, прорваться на Кавказ и к Волге, захватить важные экономические районы СССР, особенно источники добычи нефти, и создать благоприятные условия для завершения войны против Советского Союза в 1942 г.»⁴. Так обстояло дело в действительности. Именно поэтому битва на Волге явилась

¹ См. Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 240.

² J. F. C. Fuller. The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon History, vol. 3, p. 520.

³ Paul Kendall. The Story of Land Warfare. London, 1957, p. 182.

⁴ «Правда», 10 февраля 1963 г.

решающей для исхода всей летне-осенней кампании на советско-германском фронте в 1942 г.

Сюда было обращено внимание высшего немецко-фашистского командования. По данным Дёрра, «мысль о захвате Сталинграда была впервые высказана Гитлером в ноябре 1941 г. в директиве главному командованию сухопутных сил.

Эта мысль приняла ясные очертания весной 1942 г. в директиве верховного главнокомандующего вооруженными силами о летнем наступлении группы армий «Юг» № 41 от 5 апреля 1942 г.»¹.

Шассэн, проанализировав гитлеровский стратегический план на 1942 г., пришел к выводу, что на последнем этапе этого плана предусматривался обход Москвы с юга². Уже в 1942 г. намечался «поход на Москву в северо-западном направлении»³.

В распоряжении Советского Верховного Главнокомандования весной 1942 г. было достаточно разведывательных данных, которые позволяли раскрыть намерения противника. Однако, располагая этими данными, Верховное Главнокомандование, и в первую очередь Сталин, продолжали считать наиболее вероятным первоначальным направлением главного удара противника — московское. Поэтому весной 1942 г. Юго-Западному направлению не было уделено того внимания, которого оно заслуживало. Отсюда понятным становится последующее развитие событий весной и в начале лета 1942 г., принявших неблагоприятный для Советской Армии характер.

28—30 июня 1942 г. ударные группировки врага перешли в наступление, прорвали оборону советских войск на воронежском направлении и в Донбассе. К середине июля они выдвинулись в большую излучину Дона и на его нижнее течение. С этого времени и началась битва на Волге, продолжавшаяся с неослабным напряжением шесть с половиной месяцев. Враг наносил вначале свой главный удар силами 6-й полевой, а затем и 4-й танковой армии⁴.

¹ Г. Дёрр. Поход на Сталинград, стр. 17.

² См. L. M. Schassin. Histoire militaire de la seconde guerre mondiale, 1939—1945, p. 175.

³ Там же, стр. 167.

⁴ На 1 августа 1942 г. армии ударной группировки имели в своем составе 23 дивизии, в том числе 3 танковые.

Одновременно проводились оборонительные операции советских войск на Северном Кавказе, где действовали 17-я полевая и 1-я танковая армии противника¹.

В течение всей летне-осенней кампании 1942 г. вражеское командование сосредоточивало свои усилия для захвата волжской твердыни. Оно рассматривало это направление как главное и решающее для достижения конечных стратегических целей войны.

Урок преподан советским военным искусством

Советский народ с полным правом гордится великой победой в битве на Волге, продемонстрировавшей несокрушимое могущество Советского Союза, мастерство и мужество советских воинов, их непреклонную волю к победе над фашистскими захватчиками.

Во всей мировой истории не было битвы, равной по своему масштабу и достигнутым результатам. Победа советских войск завершилась уничтожением и пленением более 330 тысяч солдат и офицеров, составлявших отборные войска фашистской Германии.

Битва на Волге явилась крупнейшим достижением советского военного искусства. Этот факт признается рядом буржуазных военных историков. Например, Дёрр, как непосредственный участник похода к Волге, пишет о том, что «ни один из ее (России. — В. С.) союзников в минувшей войне не может похвастаться такой победой»². Однако основные усилия буржуазных историков направлены к тому, чтобы принизить советское военное искусство в битве на Волге, найти оправдание неудачам немецко-фашистских войск. Фуллер, например, пишет, что «к концу июля положение было таково: на севере 6-я армия из-за недостатка горючего... была остановлена на Дону к западу от Калача»³. Действительная причина заключается в том, что было нанесено два контр-удара: 27 июля — силами 1-й и 29 июля — 4-й танковых армий при поддержке 8-й воздушной армии. В резуль-

¹ На 1 августа 1942 г. 17-я полевая и 1-я танковая армии имели в своем составе 18 дивизий, в том числе 1 танковую.

² Г. Дёрр. Поход на Сталинград, стр. 16.

³ J. F. C. Fuller. The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon History, vol. 3, p. 527.

тате этих контрударов дальнейшее продвижение 6-й полевой армии врага было приостановлено.

Нехваткой бензина Фуллер пытается объяснить и срыв замысла Гитлера одновременно с операцией на Волге захватить Кавказ. Вот как он рисует поражение немецко-фашистских войск на Северном Кавказе: «С середины августа наступательный порыв группы армий «А» начал быстро ослабевать... Главной причиной ослабления наступления был недостаток бензина»¹. Бывший главнокомандующий группой армий «А» Клейст после войны опроверг эту версию. Он заявил: «Однако не это было конечной причиной неудачи»². Клейст главную причину усматривает в том, что его войска постепенно оттягивались «для поддержания наступления на Сталинград»³. Следовательно, довод Фуллера не имеет под собой никакого основания. Но и Клейст не договаривает всего до конца. Он умалчивает о том, что его войска были остановлены в предгорьях Кавказа в результате контрударов советских войск.

Особое внимание буржуазных авторов привлекает контрнаступление советских войск, начавшееся 19 ноября.

Английский военный историк Джексон пытается внушить, что контрнаступление имело «целью скорее облегчить положение Сталинграда, чем окружить 6-ю германскую армию, атаковавшую город... Русские никак не ожидали, что эта армия останется неподвижной в случае их наступления»⁴. Нетрудно заметить, что Джексон стремится создать впечатление случайности окружения главной ударной группировки противника в битве на Волге. Случайности не было и не могло быть.

План перехода в контрнаступление, выработанный коллективными усилиями Верховного Главнокомандования, Генерального штаба, представителей Ставки, командующих и штабов Вооруженных Сил, военных советов фронтов, предусматривал решительные цели — окружить и уничтожить немецко-фашистские войска в

¹ J. F. C. Fuller. The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon History, vol. 3, p. 529.

² Liddell Hart. The Other Side of the Hill, p. 303.

³ Там же.

⁴ W. G. F. Jackson. Seven roads to Moscow. London, 1957, p. 300.

междуречье Волги и Дона. Подготовка войск к переходу в контрнаступление проводилась в ходе активной и упорной обороны.

Лиддел Гарт, пытаясь принизить невиданную в истории великую победу Советской Армии, в результате которой была окружена и ликвидирована многочисленная группировка противника, оснащенная новейшей боевой техникой, утверждает, что к началу русского контрнаступления «немцы были уже подготовлены к поражению как в моральном отношении, так и в силу сложившейся стратегической обстановки»¹. Это утверждение не соответствует действительности.

Бывший начальник генерального штаба сухопутных войск К. Цейтцлер пишет, что к началу контрнаступления Советской Армии под Сталинградом «на Восточном фронте в целом сложилась благоприятная обстановка»². Высоко оценивалось качество немецких войск³.

Следовательно, Советской Армии пришлось иметь дело с сильным противником, в трудной стратегической обстановке и победа явилась результатом высокого уровня военного искусства советского командования. «Победа на Волге,— говорил Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский в Заявлении французскому телевидению,— явилась ярким свидетельством превосходства советской стратегии над авантюристической стратегией фашистской Германии»⁴.

Типпельскирх, описывая контрнаступление советских войск, подчеркивает, что немецкой пехоте приходилось вести бои «с превосходящими силами противника»⁵.

Цейтцлер также утверждает, что «повсюду русские имели огромное численное превосходство»⁶.

В действительности же общее соотношение сил не давало существенных преимуществ советскому командованию. «По количеству людей силы были равны... В танках и артиллерии превосходство Красной Армии было незначительным, а по количеству самолетов она даже

¹ Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия не прямых действий, стр. 352.

² Роковые решения, стр. 157.

³ См. там же, стр. 161.

⁴ «Правда», 10 февраля 1963 г.

⁵ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 257.

⁶ Роковые решения, стр. 169.

уступала противнику»¹. При таком малоблагоприятном соотношении сил требовалось большое искусство, чтобы осуществить решительные цели контрнаступления.

Советское командование при подготовке наступательной операции сумело обеспечить главные удары путем массирования сил и средств на участках прорыва. Решающего превосходства в силах и средствах на участках прорыва советское командование достигло путем резкого ослабления второстепенных направлений.

Смелую перегруппировку своих сил советское командование осуществило настолько скрытно от противника, что переход в контрнаступление советских войск оказался для немецко-фашистского командования неожиданным.

Дёрр пытается отрицать этот факт. Он пишет, что уже с конца сентября 1942 г. «были заметны признаки предстоящего большого контрнаступления русских»².

Цейтцлер также утверждает, что «комплексные разведывательные мероприятия вскоре подтвердили наши опасения. Противник медленно, но настойчиво увеличивал свои силы перед нашим левым флангом. Теперь это уже не вызывало сомнений. Более того, показания пленных начали раскрывать наличие на этом участке фронта весьма боеспособных русских дивизий. Из этого можно было сделать только один вывод — наступление русских неизбежно»³.

Однако бывший командующий 6-й немецкой армией Ф. Паулюс в своих воспоминаниях приводит иную оценку обстановки, которую дал Цейтцлер в октябре 1942 г. Цейтцлер в то время считал, что «русские уже не располагают сколько-нибудь значительными оперативными резервами и больше не способны провести наступление крупного масштаба»⁴. Бывший начальник оперативного управления вооруженных сил фашистской Германии генерал-полковник Иодль на допросе после войны был вынужден признать: «Мы полностью просмотрели сосредоточение крупных сил русских на фланге 6-й армии (на Дону). Мы абсолютно не имели представления о силе

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 3, стр. 26.

² Г. Дёрр. Поход на Сталинград, стр. 60.

³ Роковые решения, стр. 165.

⁴ «Военно-исторический журнал», 1960, № 2, стр. 93.

русских войск в этом районе. Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение»¹. Этот факт признает Фуллер. Он пишет, что в битве на Волге инициатива «была вырвана из рук немцев внезапно»².

В буржуазной литературе фальсифицируются приемы выбора момента для перехода советских войск в контрнаступление. Джексон утверждает, что начало зимы «дало еще раз инициативу русским»³. Но не зима определила время перехода в контрнаступление. Удачный выбор определялся тем, что наступление противника выдохлось и он под ударами советских войск был вынужден переходить к обороне, но не успел еще произвести перегруппировку, усилить свои фланги, построить глубоко эшелонированную оборону, создать оборонительную группировку и достаточно сильные оперативные резервы.

Правильный выбор советским командованием момента перехода в контрнаступление буржуазная историография пытается поставить в прямую зависимость от тех событий, которые происходили в это время на второстепенных фронтах второй мировой войны, например в Северной Африке. «Наступление с целью прорыва сталинградского выступа, — пишет Фуллер, — началось 19 ноября, в момент, когда положение германских войск в Северной Африке стало критическим»⁴. Типпельскирх утверждает, что «русские хотели быть полностью уверенными в том, что крупные силы немцев скованы войсками западных держав; а кроме того, они были убеждены, что зима, как и в прошлом году, даст русскому солдату определенные преимущества. Поэтому они медлили с наступлением, ожидая, пока определится успех наступления 8-й английской армии в Египте и десантной операции в Северной Африке. Когда это произошло, русские войска перешли в наступление»⁵.

И Фуллер и Типпельскирх ни одним словом конкрет-но не говорят о тех немецких войсках, которые находи-

¹ «Военно-исторический журнал», 1961, № 4, стр. 89.

² Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 330.

³ W. G. F. Jackson. Seven roads to Moscow, p. 306.

⁴ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 334.

⁵ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 256.

лись в Северной Африке в середине ноября 1942 г. О каких крупных силах может идти речь, если в это время в Ливии Роммель имел в своем распоряжении всего 4 потрепанные немецкие дивизии, а у Арнима в Тунисе только в конце декабря стало 2 немецкие дивизии?

На советско-германском фронте в ноябре 1942 г. находилось 197 немецко-фашистских дивизий. Следовательно, крупные силы немцев были скованы не в Северной Африке, а на советско-германском фронте. Критическое положение немецкого африканского корпуса в Ливии не могло создать благоприятных условий для советских войск, так как Ливийский фронт не оттянул непосредственно с советско-германского фронта ни одной дивизии противника.

Фуллер бездоказательно утверждает, что, когда 5 ноября Монтомгери выиграл сражение под Эль-Аламейном, а 8 ноября Эйзенхауэр вторгся в Марокко и Алжир, «германские подкрепления были посланы не на Восток, а на Запад — во Францию и Тунис. Момент для русского контрнаступления был благоприятным»¹.

Однако дело с использованием резервов обстояло совершенно по-иному. 19 ноября 1942 г. Муссолини направил письмо к Гитлеру, в котором просил усилить итало-немецкие войска в Северной Африке авиацией и зенитной артиллерией хотя бы на наступающие зимние месяцы². Гитлер ответил, что послать в Северную Африку резервы он не может и вообще кампанию в Северной Африке рассматривает «как борьбу за время»³.

В январе 1943 г. Муссолини обратился к Гитлеру с очередной просьбой о помощи, но «немцы сообщили, что они не смогут послать обещанные бронетанковые силы в Тунис»⁴. Основные резервы врага направлялись не в Северную Африку, а на советско-германский фронт. Например, 13 сентября 1942 г. Гитлер подписал приказ, в котором говорилось о том, что «с января 1943 г. восемь

¹ J. F. C. Fuller. The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon History, vol. 3, p. 532.

² См. Les Lettres secrètes par Hitler et Mussolini (1940—1943). Paris, 1946, p. 139—140.

³ Milton Shulman. Defeat in the West. New York, 1948, p. 80.

⁴ The Ciano Diaries (1939—1943). New York, 1946, p. 572.

механизированных соединений, пригодных для службы в тропических условиях, должны быть переведены с Запада на Восток, на Кавказский фронт». Это были те резервы, которые Роммель тщетно ожидал в Северной Африке.

Таким образом, благоприятный момент для успешного завершения военных действий в Северной Африке определялся событиями на советско-германском фронте. Фуллер пытается создать впечатление, будто «в начале ноября внимание Гитлера было привлечено к событиям в Северной Африке»¹. В эти дни Гитлеру было не до Северной Африки. К городу на Волге было приковано все внимание германского верховного командования.

Сложной была обстановка для немецко-фашистских войск на советско-германском фронте в ноябре 1942 г. По немецким данным, за вторую половину 1942 г. потери гитлеровской авиации составили на советско-германском фронте и в Северной Атлантике 4815 самолетов, а в Северной Африке — только 425 самолетов. В результате огромных потерь на советско-германском фронте Гитлер был вынужден «снять со Средиземного моря авиацию, которая ему нужна была на русском фронте»². Именно обстановка на советско-германском фронте создавала исключительно благоприятные условия для боевых действий англо-американских войск в Северной Африке.

Типпельскирх, стремясь принизить боевые качества советских войск, уверяет своих читателей в том, что немецким войскам удалось создать вдоль реки Чир непрочную оборону, которая хотя и «была пока еще слабой, но все же остановила наступление русских»³. Правда состоит в том, что советское командование планировало выход стрелковых и кавалерийских войск на рубеж реки Чир и занятие вдоль этого рубежа прочной обороны. На рубеже реки Чир создавался неподвижный внешний фронт окружения.

1 J. F. C. Fuller. The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon History, vol. 3, p. 532.

2 П. Баржо. Флот в атомный век. М., Изд-во иностранной литературы, 1956, стр. 73.

3 К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 260.

Американский разведчик Р. Гартгоф в книге «Как воюет Россия» пытается внушить своим читателям, что цель окружения и уничтожения противника «является, конечно, обычной военной задачей» и «нет достаточных оснований считать, что советская практика вносит что-то новое, выдвигая эту цель»¹. Этот «специалист» по Советской Армии умалчивает, что советскому командованию впервые в истории военного искусства удалось осуществить новый, надежный метод окружения крупных сил противника путем создания прочных внутреннего и внешнего фронтов окружения. Внешний фронт окружения создавался неподвижным потому, что все подвижные танковые и механизированные войска были направлены для создания внутреннего фронта окружения.

Цейтцлер пытается доказать, что командующему группой армий «Б» и его начальнику штаба удалось определить направление главного удара советских войск. Он пишет, что «сосредоточивая внимание на самом опасном участке фронта, они старались не пропустить критического момента»².

Однако Дёрр придерживается другой точки зрения. После того как войска 21-й армии Юго-Западного фронта прорвали оборону противника на правом фланге 3-й румынской армии, немецко-фашистское командование ограничилось тем, что бросило в бой из резерва части 14-й танковой дивизии для обеспечения левого фланга 6-й немецкой армии. «Дальнейшие меры в тот момент не казались необходимыми, так как умело действовавшее командование русских войск как здесь, так и в районе южнее Сталинграда наметило место прорыва так далеко от фланга немецких войск, что помощь немецких резервов была затребована не сразу... Прошло много времени, прежде чем командование 6-й армии, которое еще не видело непосредственной угрозы, уяснило для себя обстановку, сложившуюся на ее левом фланге»³. Если командование группы армий «Б» сосредоточило свое внимание на самом опасном участке фронта, то почему же оно не вмешалось в критический момент? Правда заключается в том, что командование группы армий

¹ R. Garthoff. How Russia Makes War. Soviet Military Doctrine, p. 116.

² Роковые решения, стр. 167—168.

³ Г. Дёрр. Поход на Сталинград, стр. 66.

«Б» не имело вполне достаточных сведений о направлениях главных ударов советских войск.

Советскому командованию удалось скрыть направление главных ударов благодаря тщательно организованной оперативной маскировке и одновременному нанесению ряда согласованных ударов (прорыв на шести участках трех фронтов). Основные удары наносились на удалении 170 километров друг от друга и выводили ударные группы фронтов на тылы главной группировки противника.

19 ноября войска Юго-Западного и Донского фронтов, а 20 ноября войска Сталинградского фронта перешли в контрнаступление. 23 ноября они замкнули внутренний фронт окружения вокруг главных сил 6-й полевой армии и части сил 4-й танковой армии противника (всего 22 дивизии). К исходу 30 ноября внешний фронт находился на удалении 30—100 километров от внутреннего фронта окружения.

Немецко-фашистское командование организовало снабжение окруженных войск воздушным путем. Для этой цели была создана авиационная группировка в составе 1000 транспортных самолетов, которые базировались на аэродромах в 300 километрах от окруженной группировки.

В начале декабря начались рейсы транспортных самолетов группами до 40 машин под прикрытием истребителей на аэродромы, расположенные на территории окруженной группировки. Командование немецких ВВС обязалось ежедневно доставлять окруженным войскам 500 тонн грузов. Фактически же «всего за 70 дней снабжения по воздуху 6-я армия получала в среднем 94,16 т грузов в день»¹.

Дёрр пытается объяснить этот факт пагубным влиянием погоды. «Плохая погода больше всего способствовала уменьшению количества перебрасываемых грузов»².

Действительные причины срыва немецкого плана снабжения по воздуху заключаются в умелой организации советским командованием воздушной блокады окруженной группировки противника.

Для организации воздушной блокады были привле-

¹ Г. Дёрр. Поход на Сталинград, стр. 117.

² Там же, стр. 116.

чены две воздушные армии, дальняя авиация и созданы четыре зоны. Первая зона находилась за внешним фронтом окружения. В ее пределах располагались аэродромы транспортной авиации противника. Удары с воздуха по этим аэродромам наносили бомбардировщики. Вторая зона представляла собой пространство по кольцу между внешним и внутренним фронтами окружения. В этой зоне находились аэродромы истребительной и штурмовой авиации. Третья зона, также кольцевая, имела ширину 8—10 километров от внутреннего фронта окружения. В этой зоне располагались зенитно-артиллерийские и зенитно-пулеметные части. В четвертую зону входила территория, занятая окруженной группировкой противника. Здесь советская авиация уничтожала транспортные самолеты противника на аэродромах и в воздухе.

Об эту воздушную блокаду разбились все усилия вражеского авиационного командования.

Дёрр, с целью умалить эффективность организации воздушной блокады, приводит значительно заниженную цифру потерь немецкой авиации — 488 самолетов¹. Однако общие потери авиации противника во время воздушной блокады составили около 1160 боевых и транспортных самолетов, треть из них — на аэродромах².

Утром 10 января 1943 г. войска Донского фронта перешли в решительное наступление, 2 февраля 1943 г. битва на Волге закончилась полной ликвидацией окруженной группировки противника. В плен сдалась 91 тысяча человек.

Затянувшуюся ликвидацию окруженной группировки Дёрр объясняет слабостью советского командования³. Раскрыть действительную причину не в интересах западногерманской историографии, стремящейся дискредитировать советское военное искусство. Советское командование правильно определило возникшую угрозу на внешнем фронте окружения. Поэтому основная масса советских танков была направлена на внешний фронт окружения с целью срыва немецкого плана по деблокаде окруженной группировки.

¹ См. Г. Дёрр. Поход на Сталинград, стр. 118.

² См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 3, стр. 388.

³ См. Г. Дёрр. Поход на Сталинград, стр. 120.

Доказать случайность поражения немецко-фашистских войск в междуречье Волги и Дона невозможно, так же как невозможно избежать признания объективной закономерности победы Советских Вооруженных Сил.

Закономерность победы Советской Армии над фашистскими агрессорами определялась превосходством советского общественного и государственного строя, несокрушимым единством фронта и тыла, непрерывным возрастанием экономической и военной мощи социалистической системы в ходе войны, коренным отличием Советской Армии и советского военного искусства от армий и военного искусства капиталистических стран.

Глава седьмая

ПОНЯТИЕ «ВТОРОЙ ФРОНТ» И ПРИЧИНЫ СРЫВА ЕГО ОТКРЫТИЯ В 1942—1943 гг.

Союз для совместной борьбы или «печальная необходимость»?

Развитие второй мировой войны поставило правительства Англии и США перед необходимостью создания англо-американо-советской коалиции, что отвечало интересам всех свободолюбивых народов. Правительства США и Англии были вынуждены заявить о своей готовности помочь Советскому Союзу в войне против фашистской Германии.

Дело в том, что агрессивные государства — Германия, Италия, Япония — приступили к осуществлению политики установления своего мирового господства, угрожая коренным интересам правящих кругов США и Англии. Американским и английским империалистам, защищаясь от претендентов на мировое господство, волей-неволей пришлось пойти на сотрудничество с СССР. Черчилль рассматривал союз с Россией как «печальную необходимость».

Советский Союз являлся ведущей силой антифашистской коалиции, которая представляла собой, с одной стороны, союз народов против угрозы фашистского порабощения, а с другой — союз государств с различным общественным и государственным устройством для решения общих задач.

Политика правящих кругов США и Англии также представляла собой сложное переплетение империали-

стических противоречий с гитлеровской коалицией и стремление к классовому союзу империалистов против СССР. В ходе второй мировой войны прямое влияние на военную стратегию оказывали классовые интересы правящих кругов США и Англии, несмотря на всю непримиримость их империалистических противоречий с фашистской коалицией.

В речи в Лейпциге 7 марта 1959 г. Н. С. Хрущев говорил: «Союзники присылали нам некоторые необходимые для войны материалы и стали ожидать развития событий»¹. Цель ожидания заключалась в следующем: «...Пусть Гитлер истребляет силы Советского Союза, силы социалистического государства, а мы (наиболее реакционные круги на Западе.— В. С.), дескать, будем питать надежды советских людей на то, что поможем им, когда будет нужно, откроем так называемый второй фронт»².

В соответствии с политическими установками военная стратегия США и Англии предусматривала ведение двухфазной войны. Первую фазу войны в Европе англо-американские стратеги представляли себе как истребительную борьбу между фашистской Германией и Советским Союзом. В течение первой фазы войны в Европе правящие круги США и Англии не собирались принимать активного участия главными силами. В наиболее напряженный период войны они решили отсидеться за океаном и наблюдать за ослаблением воюющих сторон. Решительные действия они намечали во второй фазе — в момент максимального ослабления как фашистской Германии, так и Советского Союза, чтобы продиктовать свои условия мира и установить свою мировую гегемонию. Эти надежды правящих кругов Англии изложил посол С. Хор в письмах от 19 и 25 февраля 1943 г. к испанскому министру иностранных дел Хордана: «Победа, которая будет одержана в конце этой войны, будет победой союзников, а не русских»³. К концу войны Россия «будет в значительной мере зависеть от экономической помощи Британской империи и Соединенных Штатов Америки»⁴. И далее: к моменту конечной победы

¹ «Правда», 27 марта 1959 г.

² Там же.

³ J. F. C. Fuller. The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon History, vol. 3, p. 540.

⁴ Там же, стр. 541.

на континенте «будут находиться многочисленные английские и американские армии... которых не затронули годы изнурительной войны на русском фронте»¹.

На Вашингтонской конференции политических руководителей Англии и США в декабре 1941 г. Черчилль выдвинул план, имевший целью оттянуть открытие второго фронта до истощения Германии Советскими Вооруженными Силами.

В письме к А. Идену от 6 января 1942 г. Черчилль выразил надежду, что к концу войны Соединенные Штаты и Британская империя далеко не будут истощены и будут представлять собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир.

Безоговорочную поддержку Черчиллю оказывали военные руководители Англии. Начальник британского генерального штаба Алан Брук самым решительным образом настаивал на том, что удар во Франции, а затем в сердце Германии следует нанести тогда, когда «германская армия будет истощена русскими...»².

Правящие круги США также упорно стремились уклониться от активного участия в войне. Их усилия были направлены к тому, чтобы вклад Америки осуществить в форме вооружения, а не армий³. Руководители американского военно-морского флота во главе с адмиралом Кингом на протяжении 1942—1943 гг. «благожелательно относились к любому предложению о том, чтобы отклонить крупные операции в Европе до 1944 г.»⁴.

Главкомандующий американскими военно-воздушными силами Арнольд также «легко поддавался доводам о необходимости отложить вторжение на главном направлении — через Ла-Манш»⁵.

В соответствии с политическими целями неоднократно переносились сроки открытия второго фронта в За-

¹ J. F. C. Fuller. The Decisive Battles of the Western World and their Influence upon History, vol. 3, p. 541.

² См. S. E. Morison. The Invasion of France and Germany 1944—1945. Boston, 1957, p. 5.

³ R. Leighton and R. Coakly. Global Logistics and Strategy 1940—1943, Washington, 1955, p. 140.

⁴ McNeill. America, Britain and Russia, their Cooperation and Conflict 1941—1946. London, 1953, p. 263.

⁵ Там же.

падной Европе, чтобы «заставить других вынести основную силу удара»¹.

Американский историк Герберт Фейс цинично признает, что «какими дураками были бы мы и англичане, если бы пошли на вторжение через Ла-Манш, пока военные планы не стали благоприятными»².

Военная стратегия, которую разрабатывало и осуществляло англо-американское командование, исходя из политических целей США и Англии, по своему содержанию являлась стратегией малых дел и непрямых действий против фашистской Германии.

Свои истинные замыслы англо-американские империалисты прикрывали громкими фразами о необходимости оказать Советскому Союзу не только экономическую, но и военную помощь в войне против фашистской Германии. На самом же деле своевременной и достаточно эффективной военной помощи Советскому Союзу оказано не было.

В начале 1942 г. Черчилль удалил из правительства даже лорда Бивербрука, который высказывался за оказание более эффективной помощи Советскому Союзу.

В ходе всей второй мировой войны предпринимались прямые попытки реакционных сил США и Англии сорвать сотрудничество в войне стран с различным социально-экономическим строем и осуществить сепаратный сговор с фашистскими державами за счет интересов свободолюбивых народов. Однако активность народных масс, которые были кровно заинтересованы в полном разгроме фашизма, не позволила реакционным силам США и Англии осуществить свои коварные замыслы.

Если бы правящие круги Англии и США искренне рассматривали антигитлеровскую коалицию как союз для совместной борьбы против общего врага, а не как «печальную необходимость», тогда они приложили бы все силы к тому, чтобы верно выполнять свой союзнический долг и открыть второй фронт в Европе как можно быстрее.

3 сентября 1941 г. Советское правительство обратило внимание английского правительства на необходи-

¹ Liddell Hart. Defence of the West. London, 1950, p. 61.

² „Foreign Affairs“, January, 1959, p. 287.

мость открыть такой второй фронт, который смог бы оттянуть с Восточного фронта 30—40 немецких дивизий.

Еще раньше, 18 июля 1941 г., Советское правительство обратило внимание Черчилля на то, что второй фронт нужно создать именно в Северной Франции, то есть в непосредственной близости от границ фашистской Германии и на кратчайшем направлении к ее жизненно важным центрам.

Только фронт на севере Франции мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока.

Понятие «второй фронт» в какой-то мере можно сравнить по стратегическому значению с тем фронтом, который имел место во Франции в первую мировую войну.

К сентябрю 1915 г., например, на Восточном фронте против русских войск находилось 65 германских дивизий, а 90 германских дивизий сражалось на Западном фронте против англо-французских армий.

Одновременная вооруженная борьба на двух главных фронтах лишала германское верховное командование возможности создать решающее превосходство на каком-либо одном фронте. Исторический опыт показал безнадежность для Германии войны на два фронта. Поэтому, учитывая опыт первой мировой войны, гитлеровцы добивались разгрома своих противников поодиночке.

Гитлеру удалось осуществить стратегию поочередного разгрома стран Запада в первом периоде второй мировой войны (1.9.1939—21.6.1941 гг.), потому что правящие круги Англии, Франции, Америки «преследовали одну цель — повернуть острие германской агрессии против Советского Союза»¹.

Уже в сентябре 1941 г. Советское правительство было вынуждено заявить английскому правительству, что «немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне воз-

¹ Речь Н. С. Хрущева на собрании представителей общественности г. Москвы в связи с 20-летием начала Великой Отечественной войны. «Правда», 22 июня 1961 г.

можным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан»¹.

Собственно, подобная стратегия гитлеровцев поочередного разгрома своих противников могла бы осуществиться, как она уже осуществилась в Западной Европе в 1939—1940 гг. Но все дело в том, что теперь в войну вступили Советские Вооруженные Силы. Они не сидели сложа руки в ожидании открытия второго фронта, а самоотверженно боролись с озверелыми фашистскими полчищами и нанесли им решающие поражения.

В полном соответствии с планами оттяжек и проволочек

Понимая, что политика оттяжек и проволочек в отношении своего союзника со стороны Англии и США ни у кого не может вызвать симпатий, буржуазные историки стараются замаскировать и оправдать политику саботажа открытия второго фронта в Западной Европе в 1942 и 1943 гг. В связи с этим фальсификация вопроса о втором фронте ведется в буржуазной историографии по двум основным направлениям. Первое направление вкладывает в понятие «второй фронт» существование нескольких фронтов вооруженной борьбы против фашистской Германии: в Северной Африке, в Италии, а также воздушный фронт (стратегические бомбардировки англо-американской авиацией Германии), якобы равнозначных по своему значению и понятию тому второму фронту, открыть который правительства США и Англии обязались в Европе еще в течение второй половины 1942 г.

Второе направление пытается доказать, что США и Англия не могли открыть второй фронт в Западной Европе в 1942—1943 гг., и таким образом скрывает двурушническую политику правящих кругов США и Англии по отношению к Советскому Союзу и всему свободолобивому человечеству в годы второй мировой войны.

Итак, попытаемся разобраться, в чем тут дело.

Когда встал вопрос о реальной военной помощи Советскому Союзу, реакционные силы в США и Англии пытались представить Северную Африку как один из

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. I. М., Госполитиздат, 1957 (Далее цитируется сокращенно: Переписка...), стр. 19.

решающих театров войны с фашистской Германией. Ограниченные действия на Ливийском фронте (Северная Африка), которые велись малыми силами и средствами, крайне преувеличивались англо-американской пропагандой еще в ходе второй мировой войны. Например, наступление английских войск в ноябре 1941 г. английская пропаганда представила как открытие второго фронта в Северной Африке. Английский военный обозреватель Сирил Лэкин, выступая 22 ноября 1941 г. по радио, утверждал, что «развитие военных действий в Африке имеет большое значение для русского фронта. Это и есть тот второй фронт, о котором говорил Сталин в своем докладе».

Однако не только обозреватели, подобные выше-названному, но и главнокомандующий английскими войсками на Ближнем Востоке генерал Окинлек считал, что фашистская Германия «подвергается атакам на двух фронтах — в России и в Ливии»¹.

Коль скоро военные действия в Северной Африке рассматриваются как второй фронт, то понятными становятся попытки английской прессы создать иллюзии о якобы равных усилиях Великобритании и Советского Союза в войне против фашистской Германии. Однако достаточно сравнить 3 немецкие дивизии в Северной Африке в ноябре 1941 г. и 179 немецких дивизий на советско-германском фронте, чтобы понять, насколько несоизмеримо то и другое. Немецко-фашистское командование не скрывало, что район Средиземного моря остается для него «второстепенным театром военных действий...»².

Особенно большие усилия буржуазные историки прилагают к убеждению своих читателей в том, что поворотным пунктом всей второй мировой войны явилось сражение у Эль-Аламейна (Египет). Так, например, Фуллер пишет, что сражение при Эль-Аламейне — «самое решающее сухопутное сражение с целью защиты интересов союзников...»³.

Английский военный писатель Алан Мурхед утверждает, что эти действия «изменили ход войны»⁴. Один из

¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. 4. p. 21.

² Итоги второй мировой войны, стр. 172.

³ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 313.

⁴ Alan Moorehead. Montgomery. A Biography. London, 1946, p. 151.

ответственных офицеров штаба 8-й английской армии Рейнер также отмечает в своих мемуарах, что сражение за Эль-Аламейн представляет собой «поворотный момент войны»¹.

Такие оценки сражения у Эль-Аламейна даются и в настоящее время.

14 января 1952 г. Черчилль в Оттаве (Канада) выступил с утверждением, что сражение у Эль-Аламейна и высадка американско-английских войск в Северной Африке «изменили весь ход войны».

В 1960 г. в Лондоне опубликованы мемуары генерала лорда Исмея, бывшего начальника штаба министра обороны У. Черчилля и его представителя в объединенной группе начальников штабов. В мемуарах Исмей, имея в виду всю вторую мировую войну, без меры преувеличивает роль сражения у Эль-Аламейна утверждением, что именно там «была заложена основа победы союзников»².

Однако все буржуазные авторы избегают простого сопоставления: 4 немецкие дивизии у Эль-Аламейна (октябрь 1942 г.), 6 немецких дивизий в Тунисе (январь 1943 г.) и 197 немецких дивизий на советско-германском фронте (к середине ноября 1942 г.).

Конкретные факты позволяют убедиться в том, что военные действия в Северной Африке происходили на второстепенном театре второй мировой войны и не оказали большого влияния на ее ход и исход. Военные действия в Северной Африке не могут идти ни в какое сравнение с невиданным размахом операций Советской Армии против основных вооруженных сил фашистской Германии.

8 ноября 1942 г. правящие круги США и Англии, вместо открытия второго фронта в Северной Франции, высадили свои войска во Французской Северной и Северо-Западной Африке. Американско-английские войска (12 дивизий, из них 4 бронетанковые) высаживались со 110 транспортов под прикрытием 200 военных кораблей. Черчилль утверждает, что именно там находился подлинный второй фронт 1942 г. Этот тезис был поддер-

¹ Peter W. Rainier. Pipeline to Battle. London, 1944, p. 172, chapter 5.

² The Memoirs of General the Lord Ismay, p. 282.

жан в западногерманской историографии. Бывший гитлеровский генерал Типпельскирх в тон Черчиллю заявил, что в результате высадки англо-американских войск во Французской Северной и Северо-Западной Африке «второй фронт был открыт»¹. На деле это был прямой отказ от активной помощи Советскому Союзу в наиболее напряженный период войны с фашистской Германией.

Высадка американско-английских войск в Северной и Северо-Западной Африке не только не была вторым фронтом против фашистской Германии, но даже не была его подобием. Эта высадка не оттянула непосредственно с советско-германского фронта ни одной немецко-фашистской дивизии. Французский генерал Кельц, командовавший 19-м французским армейским корпусом в Тунисе в 1942—1943 гг., в книге «Кампания, которую мы выиграли» откровенно заявил, что высадка американско-английских войск в Северной и Северо-Западной Африке «не принесла никакого облегчения советским войскам»². Именно так и было.

Советское правительство было вынуждено заявить, что «вместо помощи Советскому Союзу путем отвлечения германских сил с советско-германского фронта получилось облегчение для Гитлера»³. Гитлеровское командование продолжало беспрепятственно перебрасывать стратегические резервы с Запада на Восток — на советско-германский фронт.

Бывший генеральный директор английской комиссии по ведению политической войны Брук Локкарт в книге «Час расплаты» утверждает, что целью операции «Торч» являлось «изгнание германских и итальянских войск из Северной Африки»⁴. Этот тезис нашел отклик в западногерманской военно-исторической литературе по второй мировой войне. Например, Гёрлиц в книге «Германский генеральный штаб» пытается уверить в том, что в результате высадки англо-американских войск в

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 286.

² L. Koeltz. Une Campagne que nous avons gagnée. Tunisie, 1942—1943, p. 383.

³ Переписка... т. I, стр. 94.

⁴ Bruce Lockhart. Comes the Reckoning, p. 211.

Марокко и Алжире немецкий африканский корпус Роммеля оказался между двух огней. Это якобы и заставило Роммеля поспешить с отступлением из Египта.

В действительности же было совсем не так. Итало-немецкие войска в районе Эль-Аламейна потерпели поражение до высадки англо-американских войск в Марокко и Алжире. Районы высадки находились на расстоянии до 4000 километров от района Эль-Аламейна. Фуллер убедительно доказывает, что вторжение англо-американских войск в Алжир создало бы непосредственную угрозу базе Роммеля в Триполи в двух случаях: первый — если бы вторжение предшествовало сражению у Эль-Аламейна; второй — если бы союзные войска высадились как можно ближе к Триполи¹.

Но ни один из этих вариантов не был осуществлен.

Итало-немецких войск непосредственно в районах высадки не было. Бывший государственный секретарь США Кордэлл Хэлл был вынужден признать, что «проникновение немцев в Северную и Западную Африку не носило серьезного характера. Консул Уоссон сообщал нам в октябре (1941 г. — В. С.), что ему не удалось обнаружить в Дакаре ни одного немца...»². Фуллер также признает, что «войск стран оси не было ни в Марокко, ни в Алжире, ни в Тунисе...»³.

Только 11 апреля, т. е. на четвертый день после начала высадки англо-американских войск в Марокко и Алжире, в Тунис транспортными самолетами был перебросен в качестве первого эшелона немецкий охранный батальон.

Таким образом, уже при подготовке англо-американской военной экспедиции в Северную Африку было ясно, что в летней кампании 1942 г. «СССР придется принять на себя почти одному удар всего вермахта»⁴. Если бы правящие круги США и Англии были действительно заинтересованы в оказании военной помощи Советскому Союзу, то они могли бы огромные силы и средства, за-

¹ См. Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 316.

² The Memoirs of Cordell Hull, vol. 2. New York, 1948, p. 1040.

³ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 317.

⁴ L. M. Shassin. Histoire militaire de la seconde guerre mondiale 1939—1945, p. 163.

траченные на осуществление десантной операции в Алжире и Марокко, использовать для нанесения прямого удара по Германии. Однако Лондон и Вашингтон, как правильно отмечает французский историк Нерэ, отказались от главной стратегической цели «ради вспомогательных операций, явившихся плодом периферийной стратегии, которая обошлась несоразмерно дорого по сравнению с достигнутыми результатами»¹. Периферийная стратегия полностью соответствовала политическим установкам правящих кругов США и Англии по затягиванию второй мировой войны.

Военные действия в Тунисе затянулись на полгода. Лиддел Гарт утверждает, что в Тунисе «изменить ход событий в свою пользу союзники смогли только тогда, когда немцы окончательно выдохлись»².

Может быть, действительно англо-американское командование не могло быстро закончить боевые действия в Тунисе?

Нет, были все условия для быстрого окончания военных действий. По английским данным, американские и английские военно-воздушные силы полностью господствовали в воздухе. Они имели в своем составе 3 тысячи самолетов. Итало-немецкая авиация, по данным Черчилля, «могла сделать лишь 60 самолето-вылетов в день»³.

14 января 1943 г. представитель французского национального комитета в СССР Гарро заявил, что германо-итальянские силы в Тунисе «насчитывают в настоящее время около 55 тысяч солдат, из них немцы имеют только четыре дивизии. Союзники располагают 200-тысячной армией, 150 тысяч имеется у Жиро. Из них только 30 тысяч участвуют в боях против немцев, остальные намеренно бездействуют. Бездействует и англо-американская армия. ...Военная пассивность является результатом политических комбинаций...

...Поведение американского правительства... направлено к тому, чтобы парализовать активные действия во-

¹ I. Nàre. Logistique et stratégie de l'alliance angle-américaine, Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale. Paris, 1957, p. 14.

² Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, стр. 378.

³ W. S. Churchill. The Second World War, vol. 4, p. 692.

оруженных сил Сражающейся Франции и затормозить военные операции в Северной Африке»¹.

16 февраля 1943 г. Советское правительство обратило внимание Черчилля на тот факт, что «ранее намечавшиеся... на февраль сроки окончания военных операций в Тунисе теперь откладываются на апрель»².

Но и этот срок не был окончательным. 16 марта 1943 г. Советское правительство вновь было вынуждено констатировать, что «англо-американские операции в Северной Африке не только не ускоряются, но откладываются на конец апреля, причем даже и этот срок указывается не совсем определенно»³.

Англо-американское командование воздерживалось от наступательных операций в Тунисе, и объяснялось это отнюдь не военными причинами. «Задержка с завершением завоевания Туниса сделала невозможным высадку крупных сил во Франции через Ла-Манш в 1943 г.»⁴.

Задержка продолжалась, несмотря на то что англо-американские войска могли задавить противника одним лишь превосходством в технике.

В середине марта 1943 г. англо-американское командование имело в Тунисе 1136 танков и 2 тысячи орудий. В составе же итало-немецких войск оставалось всего 116 танков и 500 орудий.

Политический смысл затяжного характера военных действий в Тунисе нетрудно понять из письма Рузвельта от 22 февраля 1943 г., в котором он писал, что «после успеха в Северной Африке... американские военные усилия будут распространены на европейский континент»⁵.

Открытие второго фронта в Западной Европе правящие круги Англии также ставили в прямую зависимость от окончания военных действий в Северной Африке. Черчилль, например, еще 18 июля 1942 г. писал: «Мы должны сначала разбить Роммеля»⁶.

¹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., Госполитиздат, 1959, стр. 105—106.

² Переписка... т. I, стр. 93.

³ Там же, т. II, стр. 58.

⁴ Mc. Neill. *America, Britain and Russia, their Cooperation and Conflict 1941—1946*, p. 222.

⁵ Переписка... т. II, стр. 56.

⁶ Там же, т. I, стр. 53.

Затягивая военные действия сначала в Ливии, а затем и в Тунисе, правящие круги США и Англии получали возможность в какой-то мере оправдывать перед общественным мнением своих стран неоднократные переносы сроков открытия второго фронта в Северной Франции.

Летом 1942 г. Черчилль, наряду с высадкой англо-американских войск в Алжире и Марокко, решительно настаивал на посылке экспедиционного корпуса в Норвегию, лишь бы найти новый предлог для срыва открытия второго фронта в Европе¹. Стой же целью в октябре 1943 г. Черчилль «агитировал за нападение на о. Родос»².

Непосредственную связь военной стратегии с политическими целями США и Англии неоднократно подчеркивали представители «Сражающейся Франции». Например, Гарро по поводу далеко не блестящего положения в Северной Африке заявил 14 января 1943 г., что «генерал Эйзенхауэр действует в полном соответствии с заранее составленными американским правительством планами»³.

Сам де Голль в беседе с председателем Совета Народных Комиссаров СССР 8 декабря 1944 г. сказал, что «Англия — это такой союзник, с которым трудно иметь дело, который всегда и везде опаздывает»⁴.

Таким образом, утверждение Лиддела Гарта о том, что «в результате сопротивления немцев произошла пятимесячная пауза»⁵, имеет целью отвлечь внимание от истинных причин затяжного характера военных действий в Северной Африке.

На конференции политических руководителей США и Англии в Касабланке (Марокко) в январе 1943 г. было достигнуто соглашение о том, что ближайшая военная кампания под названием «Хаски» будет проведена с целью завоевания Сицилии и Апеннинского полуострова, т. е. против Италии. «Вторжение во Францию было от-

¹ См. Кеннеди. The Business of War. London, 1957, p. 252.

² Там же, стр. 305.

³ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., стр. 96.

⁴ Там же, стр. 377.

⁵ Б. Х. Лиддел Гарта. Стратегия непрямых действий, стр. 373.

срочено примерно на один год»¹. Основные усилия США и Англии в 1943 г. ограничивались районом Средиземного моря, булавочными уколами по периферии гитлеровской «европейской крепости».

Политический смысл англо-американского стратегического плана, принятого в Касабланке, английский посол в Мадриде С. Хор в письме от 25 февраля 1943 г. разъяснил фашистскому диктатору Франко следующим образом: «После окончания войны большие американские и британские армии оккупируют континент. Они будут состоять из первоклассных солдат и не будут потрепаны и истощены, как русские войска... Англичане будут самой сильной державой на континенте. Британское влияние на Европу будет тогда так же сильно, как в дни свержения Наполеона»².

Усилия буржуазной историографии направлены к тому, чтобы создать преувеличенное представление о значении итальянской кампании для хода второй мировой войны. Лиддел Гарт, например, утверждает, что каблук Апеннинского полуострова являлся «ахиллесовой пятой Германии с катастрофическими для нее последствиями»³. Фуллер также утверждает, что из всех вариантов действий, которые рассматривались на конференции в Касабланке, стратегия «указывала на третий вариант (т. е. на Сицилию. — В. С.) как на самый практический...»⁴. Тем самым и Лиддел Гарт и Фуллер пытаются внушить, что высадка англо-американских войск на остров Сицилия имела стратегическое значение, аналогичное высадке в Северной Франции.

К июлю 1943 г. на острове Сицилия находились шесть итальянских пехотных дивизий и две немецкие дивизии (танковая и моторизованная). В это время на советско-германском фронте действовало 227 дивизий и 10 бригад фашистской коалиции в Европе, из них 195 дивизий и 2 бригады были немецко-фашистскими.

Из одного этого сравнения в советской исторической литературе с полным основанием был сделан вывод, что

¹ Charles R. Codman. Drive. Boston, 1957, p. 106.

² Priller, Josef. Geschichte eines Pagdeschwaders. Das P.G. 26 (Schlageter) von 1937 bis 1945. Heidelberg, 1956, S. 190.

³ Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, стр. 401.

⁴ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 342.

действия американско-английских войск на острове Сицилия, а затем и в Южной Италии не могут рассматриваться как второй фронт.

Итальянская кампания англо-американского командования, проводившаяся, так же как и северо-африканская, далеко от жизненных центров фашистской Германии, не оттянула непосредственно с советско-германского фронта ни одной немецко-фашистской дивизии. Зато высадка в Италии «отсрочила высадку во Франции»¹.

Одним из решающих фронтов против Германии буржуазные исследователи истории второй мировой войны называют «воздушный фронт», пытаясь доказать, что налеты стратегической бомбардировочной авиации США и Англии сыграли решающую роль в разгроме фашистской Германии. Лиддел Гарт, например, утверждает, что бомбардировочная авиация союзников «сыграла свою роль, приводя к постепенному параличу военной мощи Германии»². В докладе комиссии по изучению результатов стратегических бомбардировок прямо утверждает, что «авиация союзников (англичан и американцев. — В. С.) играла решающую роль во время войны в Западной Европе»³. К началу 1945 г. Германия якобы «уже была в беспомощном состоянии»⁴.

Эти и аналогичные утверждения решительно опровергают, например, английские военные историки Сондерс и Ричардс в книге о действиях английских ВВС во второй мировой войне. По мнению начальника штаба английских ВВС, производство одномоторных истребителей в Германии сократилось на 40 процентов. «Однако, — пишут Сондерс и Ричардс, — изучение документов и опрос немецких промышленников не подтвердили этих выводов»⁵. По английским данным, в первой половине 1943 г. в Германии ежемесячно выпускалось 753 истребителя, во второй половине 1943 г. — 851. К началу 1945 г. про-

¹ Kennedy. The Business of War, p. 300.

² Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, стр. 397.

³ Д. О. Смит. Военная доктрина США. М., Изд-во иностранной литературы, 1956, стр. 166.

⁴ Там же.

⁵ Д. Ричардс, Х. Сондерс. Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне 1939—1945 гг. М., Воениздат, 1963, стр. 472.

изводство истребителей составило 1581 самолет в месяц.

По сведениям немецкой печати, воздушные налеты «не вывели из строя основных центров промышленности Германии вплоть до конца 1944 года...»¹.

В 1943 г. германская военная промышленность выпускала в месяц в среднем 330 танков. В 1944 г. производство танков возросло до 512 единиц в месяц. Выпуск орудий в декабре 1944 г. был в 2,5 раза больше, чем в январе 1943 г. Одна из причин малой эффективности стратегических бомбардировок, по немецким данным, заключалась в том, что «бомбардировка по площади никогда не представляла серьезной угрозы для Германии»². Кроме того, проводилась бомбардировка «тех городов Германии, в которых насчитывался максимальный процент населения»³. Это был основной критерий при выборе объекта очередного налета бомбардировщиков.

Отдельные американские историки также достаточно убедительно опровергают тезис о решающей роли стратегических бомбардировок в разгроме фашистской Германии. Рассел Гренфэлл в книге «Ненависть вопреки всему» доказывает, что «стратегические бомбардировщики совершенно не оправдали себя как средство достижения победы»⁴.

Вместо того чтобы сосредоточить усилия на разгроме вооруженных сил, непосредственному нападению подвергались гражданские объекты⁵. Нет сомнения в том, что англо-американская авиация производила ожесточенные налеты на Германию, но военная промышленность все же несла меньшие потери, чем гражданское население.

Уровень военного производства «продолжал повышаться на протяжении всего 1944 г. Снижение уровня военного производства было вызвано в основном вторжением в Германию вражеских войск»⁶. Нельзя не со-

¹ Д. Р и ч а р д с, Х. С о н д е р с. Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне 1939—1945 гг., стр. 468.

² Там же, стр. 473.

³ Там же, стр. 471.

⁴ Russell Grenfell. Unconditional Hatred. New York, 1954, p. 174.

⁵ См. там же, стр. 174—175.

⁶ Там же, стр. 174.

гласиться с автором вышеуказанной книги, писавшим, что «воздушные бомбардировки во время второй мировой войны не дали решающих результатов в Европе...»¹.

Возникает вопрос: почему все же правящие круги США и Англии сделали упор на развертывание воздушного наступления против Германии?

Руководящие деятели США и Англии своими высказываниями о возможности «выбомбить» Германию из войны отвлекали общественное мнение своих стран от вопроса о причинах неоднократного переноса сроков открытия второго фронта в Европе. Создавалась иллюзия, что война может быть выиграна без больших жертв — главным образом силами авиации.

Ставка на стратегические бомбардировки «по мнению авторитетных лиц, затянула войну, быть может, на целый год»². Создавая иллюзию, что авиация является ключом к победе, правящие круги США и Англии получали тем самым предлог, для того чтобы не развертывать решительных действий непосредственно против Германии на суше. В связи с этим в английской газете «Санди таймс» от 22 ноября 1942 г. был напечатан призыв «воздержаться от наземных операций широкого масштаба и максимум энергии направить на ослабление Германии путем воздушных налетов». Черчиллю представился прекрасный случай, пишет Рассел Гренфэлл, «выжидать без какого бы то ни было ущерба для Англии, пока немцы и русские не сокрушат друг друга»³. То же самое он считает необходимым сказать и о политике Соединенных Штатов.

Таким образом, историческая правда заключается в том, что военная мощь фашистской Германии была сломлена не англо-американской авиацией, а Советской Армией на советско-германском фронте.

«Недостаток сил и средств», который существовал только на бумаге

Срыв открытия второго фронта в Западной Европе в 1942—1943 гг. буржуазная историография пытается объяснить недостатком сил и средств, необходимых для

¹ Russell G r e n f e l l. Unconditional Hatred, p. 249.

² Там же, стр. 174.

³ Там же, стр. 245.

преодоления «мощного Атлантического вала», созданного якобы немецко-фашистскими войсками на всем побережье Северной Франции, а также тем, что нехватка снабжения и транспортных средств влияла на разработку стратегии англо-американским командованием¹.

Бывший начальник генерального штаба армии США Маршалл утверждает, что основной проблемой, которую так и не удалось полностью решить, «была острая нехватка десантных средств»². Личный адъютант Эйзенхауэра Гарри Батчер в своих мемуарах указывает, что «недостаток десантных судов (наличие, достаточное только для одной дивизии) — основная причина, приводимая британцами»³. Сам Черчилль в своих мемуарах недостаточное количество судов и войск для вторжения в Западную Европу через Ла-Манш выдвигает как основной аргумент с целью оправдать переносы сроков открытия настоящего второго фронта⁴.

На секретных же заседаниях английского парламента во время войны Черчилль говорил о том, что Англия имеет в достаточном количестве суда, необходимые для высадки в Северной Франции.

Накануне второй мировой войны тоннаж английского торгового флота составлял свыше 17 миллионов тонн. Из секретной речи Черчилля в парламенте стало известно, что к концу 1940 г. торговый флот Англии уменьшился лишь на 1,5 миллиона тонн. Имевшиеся суда могли быть использованы для высадки десанта. К августу 1943 г. «новый тоннаж в девять раз превышал потери тоннажа от всех причин»⁵.

Американский журналист Ральф Ингерсолл в нашей мемуарной книге «Совершенно секретно» ссылается на конференцию в Квебеке (август 1943 г.), которая установила, что «для выполнения плана «Оверлорд» (план высадки англо-американских войск в Северной Франции. —

¹ «Аргумент», Май — Июнь, 1956.

² Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 384.

³ Harry Butcher. May Three Years with Eisenhower, p. 11.

⁴ См. W. S. Churchill. The Second World War, vol. 3.

⁵ Mc. Neill. America, Britain and Russia, their Cooperation and Conflict 1941—1946, p. 220.

В. С.) имеющих десантных судов недостаточно...»¹. Однако когда специалисты тщательно изучили все возможности, пишет английский военный историк Эрман, и выяснили возможности рационального использования торгового флота, то оказалось, что «стратегическим планом угрожало не действительный недостаток судов, а недостаток, который существовал фактически только на бумаге»².

Американский военный историк Эллиот Морисон сообщает, что еще раньше американские военные специалисты, подсчитав свои силы и средства, пришли к выводу о возможности «англо-американской десантной операции по вторжению в Северную Францию через Английский канал весной или летом 1943 г.»³.

Накануне Тегеранской конференции в Каире состоялась особая американо-английская конференция, на которой выяснилось, что «в результате пересмотра заявок на суда вместо предполагаемого общего дефицита в тоннаже по принятому плану получился даже некоторый резерв»⁴. После этого объединенный комитет по планированию стратегических операций был вынужден признать, что имеется полная возможность «обеспечить проведение запланированных морских и наземных операций»⁵.

Таким образом, «в рассматриваемый период отказ от той или иной операции вызывался другими причинами»⁶. Английский историк Эрман не раскрывает содержания этих причин, так как причины заключались в стремлении правящих кругов США и Англии под разными предлогами оттянуть открытие второго фронта в Северной Франции.

О том, как выдумывались подобные причины, можно проследить на примере программы строительства спе-

¹ Ральф Ингерсолл. Совершенно секретно. М., Изд-во иностранной литературы, 1947, стр. 69.

² Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М., Изд-во иностранной литературы, 1958, стр. 64.

³ S. E. Morison. The Invasion of France and Germany 1941—1945, p. 8.

⁴ Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944, стр. 65.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 66.

циальных десантных кораблей, судов и барж. На 1942 г. в США запланировали построить 12 тысяч таких судов. Но это планирование имело формальный характер.

Программа так и осталась на бумаге, так как «отсутствие с самого начала интереса к ней со стороны объединенных органов планирования и Морского министерства США не позволили не только выполнить ее, но даже и приблизиться к плановым заданиям. А в ноябре 1942 года, после того как высадка в Северной Африке сняла с повестки дня высадку во Франции в следующем году, эту программу перенесли на 12-е место в списке первоочередных потребностей...»¹.

Общая стоимость всего произведенного в США вооружения составляла: в 1942 г. — 30,1, в 1943 г. — 51,7 миллиарда долларов². В течение этих двух лет было произведено³:

Вид военной техники	1942 г.	1943 г.
Боевые самолеты	47 836	85 898
Танки	23 884	29 497
Торговые суда (водоизмещением, тонн)	8 090 000	19 296 000

К середине 1943 г. у англо-американских союзников имелись все нужные им танки. Производство танков было фактически несколько замедлено, и «американцы оказались в довольно необычном положении, предлагая русским танки, в которых Красная Армия не нуждалась»⁴.

Не выдерживают никакой критики также и попытки доказать имевшуюся якобы нехватку сухопутных войск и авиационных сил.

Английский военный историк Морисон, например, жалуется на то, что Англия была бедна резервами, по-

¹ Дж. Эрман. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944, стр. 69.

² См. Mc. Neill. America, Britain and Russia, their Cooperation and Conflict 1941—1946, p. 229.

³ См. там же.

⁴ Там же.

этому «британские лидеры были вынуждены стать оппортунистами», что выразилось в их решении принять план операции «Торч» (т. е. высадку в Северной Африке) вместо вторжения во Францию¹. Однако эти утверждения Морисона не соответствуют действительности.

В конце октября 1941 г. Черчилль конфиденциально признал, что «английские военно-воздушные силы уже сейчас сильнее авиации Гитлера...»². К 1 сентября 1941 г. британская армия имела в своем составе 39 дивизий, из них 5 бронедивизий. Всего в сухопутных войсках осенью 1941 г. насчитывалось свыше 2 миллионов солдат, находившихся на Британских островах. Кроме того, имелось в военно-воздушных силах — 750 тысяч, во флоте метрополии — 500 тысяч и в частях гражданской самообороны — 1,5 миллиона человек.

На совещании в Вашингтоне 29 мая 1942 г. Рузвельт, его главный советник Гопкинс, Маршалл и главнокомандующий военно-морским флотом Кинг были единодушны в том, что имеется возможность открыть второй фронт в 1942 г. На этом совещании Маршалл добавил: «Мы располагаем хорошо обученными войсками, боеприпасами, авиацией и бронетанковыми дивизиями»³.

Действительно, уже на 1 июля 1941 г. армия США состояла из 33 дивизий, из них 4 бронетанковые. Кроме того, завершалось формирование еще двух бронетанковых дивизий. Всего в сухопутных войсках насчитывалось примерно 1 миллион 400 тысяч человек⁴.

В конце 1942 г. в британской армии насчитывалось 50 дивизий, а в армии США — 70 обученных и полностью подготовленных дивизий. С полным основанием видный политический деятель республиканской партии США Уэнделл Уилки 26 сентября 1942 г. заявил: «Я лично убежден сейчас, что мы можем помочь русским, установив вместе с Великобританией действительный второй

¹ См. S. E. Morison. The Invasion of France and Germany 1944—1945, p. 5.

² W. S. Churchill. The Second World War, vol. 3, p. 549.

³ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 2. М., Изд-во иностранной литературы, 1958, стр. 180.

⁴ См. The war Reports of George C. Marshall, H. K. Arnold, Ernest S. King, p. 28.

фронт в Европе в кратчайшие сроки, которые будут одобрены нашими военными руководителями. И, пожалуй, общественному мнению придется подтолкнуть некоторых из них»¹. Это заявление, естественно, было воспринято народами, требовавшими своевременного открытия второго фронта, как доказательство того факта, что «при желании англичане и американцы могли бы сразу же открыть второй фронт»².

Таким образом, возможности военного производства обеспечить, а вооруженных сил США и Англии осуществить высадку в Северную Францию свидетельствуют о том, что политика правящих кругов была направлена на всемерное сохранение своих вооруженных сил, чтобы в момент завершения второй мировой войны выступить со свежими силами. На словах американское военное руководство выступало за сосредоточение главных усилий на Европейском театре военных действий в 1942—1943 гг., но на деле отказывалось от осуществления разрабатываемых стратегических планов, причем стратегические планы носили неопределенный характер. Они состояли из «но» и «если».

С целью оправдать правящие круги США и Англии перед мировым общественным мнением Черчилль выступил с заявлением, что Ла-Манш будет «рекой крови», что «Атлантический вал Гитлера неприступен и нужно позаботиться о том, чтобы волны не покраснели от крови американских и английских юношей и чтобы побережье не было завалено их трупами»³.

21 июля 1941 г. Черчилль в личном послании Советскому правительству писал о том, что все побережье Франции «ошетинилось орудиями, колючей проволокой, укрепленными огневыми точками и береговыми минами»⁴. Через год этот аргумент был выдвинут Черчиллем в качестве одного из доводов в оправдание нарушения союзнических обязательств. Так, в заявлении Рузвельту с особой силой Черчилль подчеркивал, что

¹ Mc.Neill. *America, Britain and Russia, their Cooperation and Conflict 1941—1946*, p. 211.

² Там же.

³ Eisenhower. *Crusade in Europe*. New York, 1948, p. 194.

⁴ Переписка... т. I, стр. 12.

«проведение любой операции во Франции в 1942 г. невозможно...»¹.

Прошло немного времени, и Маршалл заявил, что он якобы убедился, что «высадка во Франции в 1943 г. была бы невозможной»². Его вывод заключался в том, что о форсировании Ла-Манша «не может быть и речи по меньшей мере до 1944 г.»³.

На протяжении всех последующих лет тезис о неприступности «Атлантического вала» продолжал оставаться одним из главных в английской историографии по второй мировой войне. Например, бывший начальник английского генерального штаба фельдмаршал Алан Брук в своих дневниках, опубликованных в Лондоне в 1959 г., переоценивает значение «Атлантического вала» и завышает численность немецко-фашистских войск в Западной Европе⁴. Английский военный корреспондент, участник Нормандской десантной операции 6 июня 1944 г., в книге «Самый долгий день» (1960 г.) продолжает настаивать на том, что уже в 1943 г. «Атлантический вал» стал угрожающей реальностью, а ко дню высадки союзных войск немцы имели на Западе «шестьдесят грозных дивизий»⁵.

Однако бывший главнокомандующий группой армий «Запад» Рундштедт после войны признал, что «мощность укреплений была преувеличена до абсурда... «Атлантический вал» представлял собой иллюзию, созданную пропагандой для обмана немецкого народа, а также для обмана союзников. Читая сказки о неприступности его укреплений, я приходил в раздражение. Называть это «валом» было бессмыслицей»⁶. Бывший гитлеровский адмирал Руге, принимавший непосредственное участие в обследовании оборонительных возможностей побережья Западной Европы в ноябре 1943 г., установил, что на южном побережье Франции, например, «227-я пе-

¹ L. Koeltz. Une Campagne que nous avons gagnée. Tunisie, 1942—1943, p. 43.

² Mc. Neill. America, Britain and Russia, their Cooperation and Conflict 1941—1946, p. 263.

³ Там же.

⁴ См. А. Брук. Triumph in the West 1943—1946. London, 1959.

⁵ С. Р. Ян. The Longest Day. June 6, 1944. London, 1960, p. 27.

⁶ Liddell Hart. The Other Side of the Hill, p. 245.

хотная дивизия обороняла полосу протяженностью 200 километров»¹.

Бывший начальник штаба группы армий «Запад» Блюментрит свидетельствует, что вдоль Нормандского побережья западнее Сены на двести миль находились шесть дивизий. «Командиру роты приходилось колесить весь день по побережью, чтобы осмотреть сектор, занимаемый его ротой»².

Тот же Блюментрит дает следующую характеристику этим дивизиям, которые находились в Западной Европе: «Офицеры и солдаты в большинстве были старших возрастов, а их вооружение было хуже, чем в активных дивизиях. Оно в значительной степени состояло из захваченного французского, польского и югославского оружия»³. Активные дивизии — это те, которые находились на советско-германском фронте.

В течение всего 1942 г. немецкие военно-воздушные силы на Западе насчитывали всего до 400 боеспособных бомбардировщиков и до 200 боеспособных истребителей. К 4 июня 1944 г. немецкая авиация во Франции насчитывала всего 183 истребителя, из которых лишь около 160 считались годными⁴.

Советское правительство с полным основанием 13 августа 1942 г. заявило Черчиллю о том, что «1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил»⁵. Советское правительство с полной компетентностью заявило, что «именно в 1942 году возможно и следует создать второй фронт в Европе»⁶. Но правительства США и Англии, преследуя свои узкокорыстные цели, нарушили договоренность об открытии второго фронта в Европе в 1942 г., а затем и в 1943 г., несмотря на то что имелись все возможности для успешного осуществления десантной операции.

¹ F. Ruge. Rommel und die Invasion. Stuttgart, 1959, S. 73.

² Liddell Hart. The Other Side of the Hill, p. 247.

³ Там же, стр. 241.

⁴ См. C. Ryan. The Longest Day, p. 73.

⁵ Переписка... т. I, стр. 59.

⁶ Там же.

Отдел планирования операций сухопутных сил США еще 27 марта 1942 г. представил Рузвельту предварительный план, из которого было видно, что весной 1943 г. США могут осуществить вторжение в Северную Францию силами 48 дивизий и 5800 боевых самолетов¹.

Однако правящие круги США и Англии продолжали выжидать.

Победа советских войск на Волге опрокинула «прежнюю уверенность, что к концу 1942 г. Красная Армия будет серьезно ослаблена»². Под ударами Советской Армии немецко-фашистские войска стали откатываться на Запад. Это обстоятельство привело к тому, что Черчилль стал проявлять первое беспокойство и начал даже интересоваться проблемами вторжения на континент³.

В настоящее время лейтмотивом в английской реакционной литературе по истории второй мировой войны является утверждение о том, что вторжение в Северную Францию 6 июня 1944 г. — «решающая битва»⁴, оно было «началом конца второй мировой войны»⁵ и «если бы оно окончилось неудачей, то для полного разгрома Германии потребовались бы годы»⁶.

Историческая правда заключается в том, что ко времени открытия второго фронта в Северной Франции исход второй мировой войны был уже решен на советско-германском фронте победами Советской Армии.

Западногерманский историк Рикер признает, что «Германия проиграла в военном отношении вторую мировую войну еще до вторжения Запада»⁷.

В результате побед Советской Армии в кампании первой половины 1944 г. становилось очевидным, что Советский Союз может один покончить с нацистской Германией и освободить народы, поработанные германским фашизмом. Именно это обстоятельство заставило правящие круги США и Англии поторопиться с откры-

¹ См. S. E. Morison. The Invasion of France and Germany 1944—1945, p. 9.

² Mc. Neill. America, Britain and Russia, their Cooperation and Conflict 1941—1946, p. 264.

³ См. там же.

⁴ C. Ryan. The Longest Day, p. 19.

⁵ Там же, стр. 43.

⁶ Там же, стр. 49.

⁷ K. Rieker. Ein Mann verliert einen Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1955, S. 11.

тием второго фронта, чтобы не опоздать и не допустить Советскую Армию в страны Западной Европы. В книге отдела военной истории армии США «Стратегические решения» откровенно признается, что открытие второго фронта в Северной Франции в 1944 г. было предпринято не с целью скорейшего разгрома фашистской Германии, а из боязни, что, «если бы западные партнеры занялись Балканами, русские могли бы пройти весь путь до Ла-Манша, возможно захватив по пути стратегический Рур»¹.

И в английской литературе по истории второй мировой войны можно найти подтверждения, что при решении вопроса о времени открытия второго фронта в Западной Европе Черчилль руководствовался политическими соображениями, «стремясь опередить русских в выходе к Берлину и Праге и тем самым предупредить их проникновение в Центральную Европу»².

Таким образом, причины срыва открытия второго фронта в Западной Европе в 1942—1943 гг. кроются исключительно в политике правящих кругов США и Англии, направленной к максимальному ослаблению как Советского Союза, так и Германии.

Возможности были, но не было желания у правящих кругов США и Англии ускорить окончание второй мировой войны.

Вопреки надеждам реакционных сил США и Англии, Советский Союз «вышел из тяжелых испытаний второй мировой войны еще более окрепшим»³.

Всемирно-историческое значение подвига советского народа и его Вооруженных Сил заключается в том, что они отстаивали свободу и независимость своей Родины, спасли народы Европы и Азии от фашистского порабощения, вынесли на своих плечах всю основную тяжесть борьбы против главных сил фашистских агрессоров.

¹ Command Decisions, p. 400.

² R. Preston, S. Wise, H. Werner. Men in Arms. A History of Warfare and its Interrelationship in Western Society. London, 1956, p. 318.

³ Речь Н. С. Хрущева на собрании представителей общественности г. Москвы в связи с 20-летием начала Великой Отечественной войны. «Правда», 22 июня 1961 г.

Глава восьмая

ЗАВЕРШЕНИЕ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА В ХОДЕ ВОЙНЫ. БИТВА ПОД КУРСКОМ

Расчеты и просчеты гитлеровских генералов

События, развернувшиеся летом и осенью 1943 г. на советско-германском фронте, завершили коренной перелом в ходе второй мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции, возглавлявшейся Советским Союзом.

Советская Армия в единоборстве с основными вооруженными силами фашистской Германии и ее сателлитов сокрушила последнюю попытку вермахта большим наступлением изменить неблагоприятное для него развитие войны и вновь захватить в свои руки стратегическую инициативу.

В чрезвычайно напряженной и тяжелой борьбе на равнинах под Курском всего лишь в течение недели долго и тщательно готовившееся гитлеровцами наступление было полностью сокрушено. Советская Армия перешла в контр наступление. Вскоре под ее ударами гитлеровские войска были вынуждены начать отступление на огромном фронте.

Воздействие сокрушительных поражений фашистской Германии на советско-германском фронте на дальнейшее развитие второй мировой войны было огромным. Для народов мира и правительств большинства стран стало очевидным, что Вооруженные Силы Советского Союза могут нанести окончательное поражение гитлеровской Германии и освободить поработанные народы Европы от фашистского гнета.

Буржуазные историки и в этом случае приложили немало усилий, чтобы извратить действительную картину событий лета 1943 г. Особенно усердствуют западногерманские реваншисты. Конечно, кому же хочется признаваться в собственных промахах, тем более сейчас, когда бундесвер является основной ударной силой империалистов в Европе в борьбе против Советского Союза и других стран социалистического лагеря. А командуют бундесвером бывшие гитлеровские генералы и офицеры. Среди более чем 100 боннских генералов и адмиралов нет ни одного, который в годы второй мировой войны не имел бы чина по меньшей мере полковника, а 45 из них уже при Гитлере были генералами¹. В бундесвере нет ни одного офицера, начиная от капитана, который не служил бы в вермахте. Все они, вполне понятно, претендуют на незыблемость своего профессионального авторитета, а следовательно, и на руководство не только восстановленной военной машиной Западной Германии, но и силами агрессивного блока НАТО. Мощный аппарат пропаганды ФРГ неустанно трудится над укреплением авторитета офицерского корпуса, и история прошлой войны подчинена этой цели. Традиции вермахта усиленно внедряются во все поры бундесвера. Ныне этого уже не скрывают в Западной Германии.

Битые гитлеровские генералы пренебрегают уроками своих поражений в прошлой войне и, как и раньше, весьма склонны к переоценке собственных сил. В то же время они усиленно козыряют «восточным опытом» и поучают своих американских покровителей, какой должна быть стратегия НАТО.

Применительно к битве под Курском усилия буржуазной историографии направлены на то, чтобы представить ее как незначительный эпизод в ходе второй мировой войны, возложив, как и всегда, ответственность за поражение на Гитлера и игнорируя ошибки и просчеты его генералов. Но факты и на этот раз говорят сами за себя.

Как известно, в ходе зимней кампании 1942—1943 гг. Советская Армия разгромила около 100 дивизий про-

¹ См. Л. П. Макаров, Н. Ф. Голованов. Бонн — очаг агрессии и реванша, стр. 70.

тивника, или до 40 процентов дивизий врага, действовавших на советско-германском фронте. Только безвозвратные потери противника составили за период с 1 июля 1942 г. по 30 июня 1943 г., по данным генерального штаба сухопутных сил Германии, 1 135 тысяч человек.

Для преодоления острого кризиса немецкой армии на Восточном фронте правители фашистской Германии пошли на чрезвычайные меры. В стране была объявлена «тотальная мобилизация». Воспользовавшись тем, что правительства Англии и США нарушили свои обязательства об открытии второго фронта в Европе, гитлеровское правительство смогло направить львиную долю промышленных ресурсов Германии и оккупированной Европы, а также вновь мобилизованные людские контингенты на Восток.

К лету 1943 г. общая численность вооруженных сил Германии составила 10 300 тысяч человек против 10 540 тысяч, имевшихся летом 1942 г. Таким образом, хотя качественный состав фашистской армии значительно ухудшился, она все еще продолжала оставаться мощной, первоклассно вооруженной силой, способной выдержать напряженную борьбу. Гитлеровское командование с присущей ему самоуверенностью пришло к выводу, что оно располагает необходимыми материальными и людскими ресурсами для активных наступательных действий против Советского Союза, может взять реванш за поражение в битве на Волге и вновь захватить стратегическую инициативу на Восточном фронте в свои руки.

Однако этот вывод базировался на односторонней оценке фактов. Над гитлеровскими генералами довели цифры своих «больших батальонов». На советско-германском фронте к лету 1943 г. они имели на 43 дивизии больше, чем к началу войны против Советского Союза. Гитлер и его окружение не смогли правильно проанализировать результаты «тотальной мобилизации» в сопоставлении с продолжавшимся неуклонным ростом военной мощи Советского Союза и трезво оценить соотношение сил.

Радужные иллюзии, господствовавшие в то время в руководящих кругах фашистской Германии, нашли отражение в докладе Кейтеля, прочитанном им 5 июня

1943 г. в Зонтхофене на сборах генералов и офицеров. Кейтель в самой категорической форме предсказывал неизбежность дальнейшего падения продукции советской военной промышленности. А положение военной экономики Германии он оценивал чрезвычайно оптимистически, заявив, что «мощность военно-промышленного производства Германии за последние четыре года возросла во много раз. Причины этого: Германия получила гигантские количества сырья из оккупированных стран Европы (ресурсы которых она полностью использует) и от союзных и дружественных стран. Наша... производственная мощь увеличилась благодаря использованию разнообразных промышленных предприятий оккупированных стран, которые почти исключительно используются для производства вооружения и боеприпасов».

Можно с полным основанием утверждать, что руководители Германии не осознали того факта, что битва на Волге означала коренной перелом в ходе войны и что этот процесс с нарастающей силой развивался в последующие месяцы. В 1943 г. наша военная промышленность произвела средних и тяжелых танков значительно больше, чем фашистская Германия за то же время. Советский Союз превзошел фашистскую Германию и по выпуску боевых самолетов, орудий, минометов, автоматического оружия. Крупные успехи в развитии советской военной экономики дали возможность осуществить ряд важных мероприятий в области организационного строительства Вооруженных Сил СССР и оснащения их новой боевой техникой.

Факты роста военной мощи Советского государства и его Вооруженных Сил не были осознаны руководителями фашистской Германии. Ложная исходная предпосылка, будто германские вооруженные силы в результате «тотальной мобилизации» достигли превосходства над Советской Армией, легла в основу планирования немецким командованием вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Она оказала решающее влияние на стратегические планы врага и в конечном итоге предопределила их несостоятельность.

Характерно, что несколько месяцев спустя, в начале ноября 1943 г., начальник штаба оперативного руководства ОКВ Иодль в секретном докладе «Стратегическое

положение к началу пятого года войны», сделанном для высших фашистских деятелей — рейхслейтеров и гаулейтеров, в осторожной форме, скорее оправдывая гитлеровское командование, чем признавая его ошибку, был вынужден говорить о просчетах, допущенных в оценке сил Советского Союза: «Если в настоящее время в связи с новыми серьезными поражениями, которые мы несем в 1943 году, возникает вопрос, не слишком ли мы недооценили силы большевиков, то в отношении ведения операций на отдельных участках на этот вопрос может быть дан утвердительный ответ. Однако не может быть никакого сомнения в том, что решение о наступлении в целом было правильным и его надо было упорно проводить в жизнь».

Как и политика, военная стратегия не есть простая арифметическая задача. Одним из важнейших уроков войны является то, что правильная оценка противника представляет собой труднейшую из труднейших задач, и даже при правильной оценке многие моменты остаются неучтенными, они выясняются лишь в процессе самой борьбы»¹.

Новая крупная победа на советско-германском фронте была необходима гитлеровской Германии, чтобы восстановить ее пошатнувшийся авторитет среди своих союзников и предотвратить дальнейшее нарастание кризиса фашистского блока. Отсутствие второго фронта в Европе позволяло гитлеровцам продолжать сосредоточивать основные усилия на Восточном фронте, и эта возможность была полностью использована. К началу летне-осенней кампании 1943 г. здесь находилось 196 лучших немецких дивизий (68 процентов их общего числа), а также 32 дивизии и 8 бригад союзников Германии. На действующем же фронте против англо-американских войск в Северной Африке в это время находилось всего 8 немецких дивизий — 2,7 процента общего состава сухопутных войск Германии. На оккупированной территории имелось 92 немецкие дивизии. Часть их могла быть использована на Восточном фронте. Примерно в такой же пропорции по фронтам распределялись и военно-воздушные силы врага. К июлю 1943 г. на советско-герман-

¹ «Военно-исторический журнал», 1960, № 10, стр. 81.

ском фронте немецкое командование имело 3100 боевых самолетов.

Вопрос о том, что советско-германский фронт должен быть основным фронтом борьбы летом 1943 г., не вызывал сомнения у высшего политического и военного руководства фашистской Германии. Но разработка плана летней кампании на Востоке была сопряжена с известными трудностями и колебаниями. С одной стороны, тяжелый урок, полученный в битве на Волге, заставил часть военных руководителей более осторожно подходить к планированию вооруженной борьбы на советско-германском фронте, с другой — среди немецких генералов и верхушки фашистской партии после контрнаступления немцев под Харьковом было распространено ошибочное мнение, будто кризис на советско-германском фронте уже преодолен и стратегическая инициатива вновь находится в руках немецкой армии. С самого начала преобладающим направлением в выработке планов продолжения войны на Востоке был курс на активные наступательные действия. Гитлера на этот путь настойчиво склоняли генералы с весны 1943 г.

Командование группы армий «Юг», считая, что удар советских войск летом 1943 г. будет нацелен против донбасской группировки, предлагало «с боями отойти и пропустить армии противника на запад до линии Мелитополь — Днепропетровск. Одновременно... подготовить крупные силы в тылу северного фланга группы армий. Эти силы должны были разбить наступающего там противника, чтобы оттуда нанести удар на юго-восток или на юг в глубокий фланг армий противника, наступающих через Донбасс на нижний Днепр, и уничтожить их на побережье». После этого предусматривалось «нанести второй удар на север, против центральной группировки противника»¹.

Этот план не встретил сочувствия в кругах высшего политического и военного руководства. Основная причина, из-за которой он был отвергнут, состояла в том, что он предполагал временную потерю важной в экономическом отношении территории Донбасса.

Была отвергнута и другая идея Манштейна — «использования слабости противника, обусловленной

¹ Erich v. Manstein. *Verlorene Siege*, S. 480.

поражениями, которые он потерпел в конце зимней кампании, и нанесения ему удара, прежде чем он полностью восстановит свою боевую готовность»¹. Нужно ли говорить, что подобный план немедленного перехода в наступление также не мог быть принят, потому что он не соответствовал возможностям немецко-фашистских войск.

В конечном итоге большое влияние на выбор направления главного удара и характер стратегического использования гитлеровским командованием вооруженных сил летом 1943 г. оказало начертание линии фронта в районе Курской дуги. Как отмечают западногерманские источники, вдохновителем и творцом плана наступления на Курск является генеральный штаб сухопутных войск во главе с генералом Цейтцлером. Его идеи легли в основу планирования операции «Цитадель» и были приняты Гитлером.

Целью наступления являлось уничтожение советских войск в районе западнее Курска. Для этого создавались мощные группировки сил на северном и южном фасах Курской дуги. По своему характеру планируемая операция должна была представлять «концентрическое наступление», проводившееся с целью окружения в максимально сжатые сроки крупной группировки советских войск на сравнительно ограниченной территории. Окружение предполагалось достигнуть «массированным и быстро нарастающим» ударом по сходящимся направлениям. Начало операции связывалось с окончанием весенней распутицы.

Из находившихся на советско-германском фронте двенадцати армий и пяти оперативных групп для проведения операции «Цитадель» выделялись две наиболее мощные армии и одна оперативная группа.

Чтобы достигнуть быстрого и эффективного результата операции, немецкое командование отступило от обычных норм в использовании танковых соединений: танковые дивизии должны были прорывать сильную, заранее подготовленную оборону советских войск. На эффективность внезапного, массированного удара тяжелых

¹ Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 483.

танков новой конструкции на узких участках прорыва делалась главная ставка.

В планировании операции «Цитадель» в полной мере отразились концепции германского генерального штаба, недооценившего стратегические резервы и стремившегося к максимальному сосредоточению сил для первого удара. В стратегическом резерве на советско-германском фронте у гитлеровского командования были крайне ограниченные силы. К началу июля 1943 г. в резерве главного командования сухопутных войск Германии находились две пехотные, три охранные, одна кавалерийская дивизии, а также три пехотные и одна кавалерийская бригады.

Наступление должно было проводиться на узком участке фронта. Гитлеровское командование предпринимало явно несостоятельную попытку решить стратегическую задачу наступлением на отдельном направлении усилиями войск двух армий и оперативной группы. Весь остальной Восточный фронт немцев оставался пассивным.

Следует отметить, что, в то время когда разрабатывался план операции «Цитадель» и даже после того как был отдан приказ о ее проведении, руководители гитлеровской Германии не имели представления о планах советского командования на лето 1943 г. Об этом свидетельствуют документы немецкого генерального штаба.

23 марта, давая «общую оценку намерений противника на немецком Восточном фронте», отдел по изучению армий Востока¹ докладывал начальнику генерального штаба: «На основании высоких потерь русских во время зимы, является сомнительным, что противник вообще в состоянии предпринять решающее летнее наступление». Почти через месяц — 15 апреля, в день, когда был издан приказ Гитлера о проведении операции «Цитадель», генеральный штаб сухопутных войск давал следующую оценку боеспособности советских войск

¹ Весной 1942 г. начальник генерального штаба немецкой армии Гальдер назначил на должность начальника отдела «Иностранные армии Востока» полковника Гелена. Этот отдел имел задачу собирать и анализировать для генерального штаба сведения о противнике. После окончания войны Гелен возглавил разведывательную службу ФРГ, непосредственно подчиненную Аденауэру.

и перспектив их действий: «Боеспособность используемых на фронте соединений следует оценивать не очень высоко. Даже вновь пришедшие дивизии не укомплектованы полностью... Существующая сейчас обстановка и действия противника не дают пока ясных данных для того, чтобы судить о будущих намерениях противника». Спустя пять дней, 20 апреля, генеральный штаб вновь подтвердил этот вывод: «Вопрос об основном оперативном замысле советского командования (наступление или оборона) на летний период до сих пор еще остается не окончательно выясненным».

Таким образом, при планировании и в ходе спешно развернувшейся подготовки операции «Цитадель» гитлеровское командование не могло реально учитывать такой важный фактор, как предполагаемые действия противника.

Через две недели после издания приказа о проведении операции «Цитадель», 3 мая, на специальном совещании у Гитлера в Мюнхене план ее подвергся детальному рассмотрению. На совещании присутствовали: верховное командование вооруженных сил, представители главного штаба вооруженных сил, начальник генерального штаба сухопутных войск и его ближайшие сотрудники, главный инспектор танковых войск, командующие группами армий «Центр» и «Юг», командующий 9-й армией, министр Шпеер и др.

О характере совещания и принятых решений имеются свидетельства ряда его участников (Гудериана, Манштейна). Сопоставление и анализ их позволяют создать довольно полное представление об этом этапе планирования операции «Цитадель». Бесспорным является то, что почти все участники совещания поддерживали идею наступления на Курск. Как утверждает Гудериан, только он и Шпеер высказали свое отрицательное отношение к этому плану¹. Свою точку зрения они мотивировали трудностями обеспечения армии вооружением, особенно новыми типами танков.

За проведение операции «Цитадель» решительно высказались начальник генерального штаба сухопутных войск, командующие группами армий «Центр» и «Юг»

¹ См. Heinz Guderian. Erinnerungen eines Soldaten, S. 279—280.

фон Клюге и Манштейн. Командующий 9-й армией Модель, поддерживая идею наступления на Курск, обращал внимание на трудности этой задачи. Он говорил о широких инженерных работах, предпринятых советскими войсками в районе Курского выступа, о трудностях прорыва подготовленной обороны и необходимости усиления наступающих войск танками.

По вопросу о сроке начала операции выдвигались две точки зрения. Одни считали необходимым в максимально сжатые сроки завершить подготовку операции, чтобы не дать возможности советским войскам создать сильную оборону. Другие утверждали, что выгоднее в целях большего усиления ударных группировок войск новыми тяжелыми танками и самоходными установками несколько повременить с началом наступления. Последняя точка зрения была преобладающей. Ее разделял и Гитлер.

Решения о времени начала наступления на совещании принято не было. Прошла целая неделя, прежде чем Гитлер объявил, что операция «Цитадель» откладывается до середины июня. Таким образом, начало наступления зависело не от условий погоды, как утверждал Гитлер в приказе от 15 апреля.

Ни одну операцию немецкое командование не готовило так тщательно, как наступление на Курской дуге. В связи с этим начало операции неоднократно откладывалось. Дополнительные недели подготовки были использованы противником для значительного усиления танками войск своих ударных группировок. Манштейн пишет, например, что в войсках группы армий «Юг», выделенных для операции «Цитадель», с начала мая до начала июля количество танков возросло более чем в полтора раза, а самоходных орудий — больше чем в два раза¹.

Гитлеровское командование предпринимало настойчивые усилия, чтобы дезориентировать советскую разведку и скрыть готовящееся наступление на Курск. Так, в Донбассе оно проводило ложные приготовления к наступлению, широко имитировало передвижения автотранспортных частей, по железным дорогам в Донбасс перебрасывались макеты танков.

¹ См. Erich v. M a n s t e i n. Verlorene Siege, S. 492.

Как известно, мероприятия противника по оперативной маскировке готовящегося в районе Курска наступления не имели успеха. Советское командование своевременно, еще в начале апреля, вскрыло замыслы врага и предприняло соответствующие контрмеры. Правильно оценив перспективу развития событий, оно приняло решение преднамеренно перейти к обороне на Курской дуге, в упорных оборонительных боях измотать ударные группировки немецких войск, сосредоточенные на этом направлении, и затем переходом в контрнаступление завершить их разгром.

Ясно представляя трудности и значение предстоящей борьбы с мощными группировками немецко-фашистских войск в районе Курска, советское командование сосредоточило на этом направлении сильную группировку войск. В тылу Курского выступа были сосредоточены крупные стратегические резервы. Значительные резервы находились в тылу Западного, Брянского и Юго-Западного фронтов.

После разгрома вражеских войск в районе Курского выступа советское командование предполагало развернуть общее наступление на Западном и Юго-Западном направлениях.

Большой интерес для оценки планов немецкого командования представляет вопрос о том, в какой мере на них сказалось воздействие такого важного фактора, как значительная оттяжка срока начала операции «Цитадель». Его нужно рассмотреть еще и потому, что попытки многих западногерманских фальсификаторов истории реабилитировать профессиональные качества гитлеровского генералитета связываются со сроками начала немецкого наступления. Они утверждают, что немецкие генералы поддерживали идею операции «Цитадель» только лишь до середины июня, а затем решительно отказались от нее. Например, бывший офицер генерального штаба немецкой армии Миддельдорф в статье «Операция «Цитадель», помещенной к десятилетию битвы под Курском в западногерманском журнале, категорически утверждает: «На успех наступления рассчитывали как главное командование сухопутных сил, так и командные инстанции на фронте, во всяком случае

при условии, что наступление будет предпринято до начала июня»¹.

Как же в действительности обстояло дело? Правда ли, что немецкие генералы отшатнулись от ранее разработанных планов, выступили против них?

В июне на отчетных картах оперативного отдела генерального штаба немецкой армии уже фиксировалось наличие крупных резервов советских войск в тылу Курского выступа, восточнее Харькова, севернее Орла. Правда, эти сведения были далеко не полными. Разведка гитлеровцев во многих случаях ошибочно определяла и нумерацию сосредоточившихся в тылу объединений и соединений. Но совершенно очевиден тот факт, что о сосредоточении крупных резервов советских войск на курском направлении гитлеровцы знали. Располагали они сведениями и о ряде серьезных мероприятий советских войск по укреплению позиций на Курской дуге. Какие же выводы были сделаны из этих новых данных об обстановке? Предоставим слово по этому вопросу немецким документам, о которых молчат западногерманские историки.

Среди ряда вариантов возможных действий советских войск при проведении операции «Цитадель» немецким генеральным штабом предусматривалась и возможность перехода советских войск в контрнаступление на харьковском и орловском направлениях. По этому поводу еще 2 мая отдел по изучению армий Востока в докладе начальнику генерального штаба писал: «Не исключено, что противнику стало известно о немецких приготовлениях к наступлению...» Далее в докладе говорилось о возможности того, что «противник сначала будет выжидать и постоянно укреплять свою оборонную способность с тем, чтобы осуществить свои наступательные замыслы при помощи резервов, находящихся в упомянутых районах (восточнее, юго-восточнее Курска. — Б. С.). Эти резервы должны развивать начавшееся удачное контрнаступление».

Однако это предположение не получило развития. В последующем генеральный штаб исходил из других предпосылок. В подготовленной 3 июля, непосредственно накануне наступления под Курском, «Оценке дей-

¹ «Wehrwissenschaftliche Rundschau», Oktober, 1953, S. 459, 460.

ствий противника при проведении операции «Цитадель» нет уже и упоминания о возможности перехода в контрнаступление советских войск против ударных группировок немцев, наступавших на Курск. «В начале операции «Цитадель», — указывалось в «Оценке», — противник может либо ведением обороны с контратаками ограничить свои контрмеры оперативным районом «Цитадель», чтобы сдержать немецкое наступление (возможно привлекая резервы из соседних районов), либо он начнет свое подготовленное наступление на участке группы армий «Юг» и «Центр» при одновременной обороне против немецкого наступления «Цитадель». Второе решение более вероятно...»

Такое представление о возможных действиях советских войск господствовало не только в генеральном штабе сухопутных войск и ОКХ, но и в командных инстанциях немецких войск на Восточном фронте. В «Отчете об оборонительных боях 2-й танковой армии и 47-го танкового корпуса за период с 5 по 13 июля 1943 года», составленном по живым следам событий, отмечается, что немецкое командование располагало некоторыми данными «о предстоящем наступлении противника с целью возвращения городов Орел и Брянск. Однако так как это наступление не начиналось в назначенные сроки, то все вышеупомянутые признаки расценивались германским командованием лишь как мероприятия по смене частей и их перегруппировке, а частично и как мероприятия по вводу противника в заблуждение и маскировке. Во всяком случае, никто не рассчитывал на возможность наступления такого крупного масштаба, какое в действительности имело место».

Гитлеровское командование не принимало всерьез возможность контрнаступления советских войск в районе Курска, а тем более нанесения ими здесь главного удара в летней кампании. Это видно не только из немецких документов, но и из последующих действий противника. Даже после того как началось контрнаступление советских войск под Курском, фашистское командование сочло необходимым использовать войска, отводившиеся с орловского плацдарма, в основном для усиления центрального участка советско-германского фронта. Главные же события летом 1943 г., как и планирова-

ло советское командование, развернулись южнее, на Украине, в полосе действий группы армий «Юг».

Таким образом, при планировании операции «Цитадель» немецкое командование допустило серьезный просчет в определении направления главного удара советских войск летом 1943 г., силы этого удара и возможности его развития в глубину и по фронту.

Но если фашистское командование не считалось с возможностью контрнаступления советских войск на курском направлении, то оно все же ясно понимало, что подготавливаемый им удар обрушится не на слабое звено стратегического фронта обороны советских войск, и сознательно шло на это. Оно считало, что мощь намечаемого удара значительно превзойдет силу нашей обороны в районе Курска, что в ходе борьбы будут уничтожены не только войска Центрального и Воронежского фронтов, но и находящиеся на курском направлении резервы. Таким образом, зная о сосредоточении на этом участке больших сил Советской Армии, Гитлер и его генералы продолжали грубо недооценивать их возможности. Они не допускали мысли о том, что советские войска окажутся способными выдержать подготовленный ими удар гигантской силы. Это еще один, не менее грубый просчет.

Следует подчеркнуть, что на такой позиции в оценке перспектив борьбы вплоть до начала наступления стоял не только Гитлер, но и другие высшие руководители вермахта. Поэтому утверждения Миддельдорфа находятся в полном противоречии с правдой. Вот что писал 18 июня командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге в телеграмме начальнику генерального штаба о плане операции «Цитадель»: «Это решение является, по моему мнению, наилучшим. Оно вынудит противника попасть под удар наших клешей. Само наступление будет развиваться быстро благодаря наличию крупных танковых сил в обеих группах армий. Имея большой размах, оно неизбежно вовлечет в свою орбиту основные силы всех русских войск, в том числе находящиеся севернее Орла. В случае удачи оно должно принести максимальный успех. Последнее является решающим...

...Лучшим решением будет осуществление` нашего

наступления в соответствии с планом «Цитадель»¹. Содержание этой телеграммы фон Клюге просил доложить Гитлеру.

Другой не менее высокопоставленный гитлеровский фельдмаршал, командующий группой армий «Юг» Манштейн, даже много лет спустя писал: «Если рассматривать сейчас тогдашнее положение, то можно сказать, что командующие группами армий в связи с постоянной отсрочкой начала операции «Цитадель» должны были заявить ОКХ, что это наступление потеряло свой смысл и не должно было проводиться... Что касается меня, то я полагал (что было, видимо, ошибкой), что операция должна быть проведена... Командование группы армий «Юг», во всяком случае, было убеждено в том, что наше наступление будет хотя и трудным, но успешным... Мы были убеждены, что после победы у Курска мы сможем покончить с кризисом и в Донбассе и, может быть, добьемся здесь большой победы»².

Таким образом, в оценке положения на советско-германском фронте и возможных действий советского командования в мае — июне политические и военные руководители Германии остались, по существу, на прежних позициях переоценки своих сил и недооценки сил Советской Армии. Это явилось причиной того, что, несмотря на значительную оттяжку сроков начала летнего наступления, план операции «Цитадель» не подвергся существенным изменениям.

К началу июля немецко-фашистское командование пришло к выводу, что укомплектование и сколачивание танковых корпусов, предназначенных для наступления на Курск, завершено. 1 июля Гитлер в ставке, находившейся в Восточной Пруссии, на совещании командующих объединениями и командиров корпусов сухопутной армии и воздушного флота, привлекавшихся к проведению операции «Цитадель», объявил свое окончательное решение начать наступление 5 июля. На совещании с докладом выступал Гитлер. Он с полной убежденностью заявил, что Советский Союз, ввиду понесенных громадных потерь и трудностей с продовольствием, «должен дрогнуть или, как Китай, впасть в агонию»³.

¹ «Военно-исторический журнал», 1959, № 6, стр. 91.

² Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 494 — 495.

³ Там же, стр. 497.

В битве под Курском подверглась испытанию жизнённость планов фашистской Германии и Советского Союза на лето 1943 г. В ходе ожесточенной борьбы со всей беспощадностью была вскрыта несостоятельность планов немецко-фашистской военщины. Победа под Курском означала триумф советского военного искусства.

Настойчивые попытки современной буржуазной историографии возложить вину за решение о наступлении на курском направлении, приведшем к столь тяжелым последствиям для германской армии, только на Гитлера противоречат фактам.

Бесспорно, к планированию вооруженной борьбы в фашистской Германии привлекался довольно широкий круг высших военных деятелей. Помимо генерального штаба сухопутных войск важнейшая роль в военном планировании принадлежала ОКВ, а также командующим группами армий.

Ответственность за грубые просчеты в планировании вооруженной борьбы на советско-германском фронте несет как политическое, так и военное руководство фашистской Германии и не в последнюю очередь разведывательная служба гитлеровской армии. Непосредственную ответственность несут и такие военные «авторитеты» гитлеровской Германии, как Цейтцлер, Кейтель, Йодль, Манштейн, фон Клюге, Модель и др. Таковы факты, а факты вещь непреложная.

В напряженной борьбе, развернувшейся летом 1943 г. на советско-германском фронте, ошибки немецко-фашистского командования сыграли свою роль. Однако нельзя и преувеличивать их значение. Источник выдающихся побед, одержанных летом 1943 г. Советскими Вооруженными Силами в их единоборстве с немецко-фашистской армией и армиями сателлитов Германии, кроется не в тех или иных просчетах гитлеровских генералов и политических руководителей фашистской Германии, а в превосходстве советского общественного и государственного строя, социалистической экономики, в мудром руководстве Коммунистической партии, сплотившей на священную борьбу против ненавистного врага весь многомиллионный советский народ, в гигантской силе Советской Армии, в воинском мастерстве и величии духа ее воинов.

Крушение наступательной стратегии вермахта

Наряду с заведомо ложным толкованием основных вопросов, связанных с планированием немецко-фашистским командованием вооруженной борьбы на советско-германском фронте летом 1943 г., буржуазная историография усиленно фальсифицирует события, которые привели к провалу наступления вермахта на Курск.

Один из основных методов, которые при этом используются, — умышленное замалчивание битвы под Курском, особенно замалчивание вопроса об окончательном крушении немецко-фашистской наступательной стратегии летом 1943 г.

В капитальном труде К. Типпельскирха «История второй мировой войны» описанию немецкого наступления под Курском отведено лишь два абзаца. В обширном исследовании «Мировая война. 1939—1945 годы», написанном группой бывших генералов и офицеров вермахта, наступлению немецких армий в битве под Курском посвящен лишь один абзац. В работе Фуллера «Вторая мировая война 1939—1945 гг.» этому вопросу также отведен всего один абзац. Лиддел Гарт в своей «Стратегии непрямых действий» наступлению гитлеровских войск на Курск посвятил лишь несколько строк. Столь же мало места отвел этому Гудериан в «Воспоминаниях солдата». В объемистой книге Манштейна «Утерянные победы» наступлению немецко-фашистских войск уделено лишь около пяти страниц, хотя автор является одной из главных фигур в описываемых событиях. В ряде работ, подготовленных западногерманскими авторами и претендующих на освещение наиболее важных событий второй мировой войны, нет вообще никаких упоминаний о битве под Курском.

Такое замалчивание событий далеко не случайно. О чем же говорят факты гигантской борьбы, развернувшейся в июльские дни 1943 г. на советско-германском фронте?

5 июля 1943 г. немецко-фашистские войска начали свою операцию «Цитадель». Борьба характеризовалась огромным напряжением сил обеих сторон, применением громадных масс войск и новейшей для того времени военной техники.

Первый же день битвы под Курском показал, что стратегическое наступление вермахта стало развиваться совсем не так, как оно планировалось. Проведенная советским командованием до начала гитлеровского наступления артиллерийская и авиационная контрподготовка свидетельствовала о том, что добиться внезапности противнику не удалось. Чрезвычайно упорный характер борьбы, развернувшейся на направлениях ударов вражеских танковых дивизий, показывал, что гитлеровские генералы не смогли добиться «подавляющего превосходства во всех средствах наступления» и «одним ударом пробить оборону». К исходу 5 июля продвижение войск противника составило в полосах обороны Центрального и Воронежского фронтов соответственно 6—8 и 4—6 километров.

Стоило только проанализировать все эти факты первого дня наступления, и гитлеровское командование увидело бы ряд тревожных для себя признаков. Однако оно ни в этот, ни в последующие дни не желало считаться с фактами. Гитлеровские генералы оказались не в состоянии дать правильную оценку ходу и перспективам развернувшейся борьбы.

Фашистское командование, по крайней мере вплоть до перехода советских войск в контрнаступление, было уверено в том, что оно захватило инициативу в свои руки и события развертываются в его пользу. Вечером 6 июля отдел по изучению армий Востока немецко-фашистского генерального штаба докладывал своему начальнику: «Попытка противника, до выяснения масштаба и целей нашей операции, сдержать немецкое наступление войсками, развернутыми на позиции, и фронтовыми резервами в основном не удалась. Он преждевременно бросил в бой оперативные резервы... Противник, по-видимому, пытается сдержать немецкое наступление на возможно большем расстоянии от Курска и с этой целью бросает в бой все наличные силы». Через сутки, вечером 7 июля, в очередном докладе этого отдела был сделан вывод о том, что «завтра (т. е. 8 июля. — *Б. С.*) будут брошены против немецких наступающих клиньев все резервные соединения, имеющиеся поблизости». Такие же оптимистические настроения господствовали в руководящих политических и военных кругах фашистской Германии и 8 июля.

Только после четырех дней напряженных наступательных боев, после того как танковым дивизиям противника удалось лишь незначительно вклиниться в оборону советских войск и дальнейшее наступление ударных группировок врага в основном выдохлось, гитлеровское командование начало приходить к заключению, что сил в районе Курска для достижения поставленной цели недостаточно. 9 июля было решено перебросить в район Курска несколько дивизий с других участков фронта и изменить направление ударов, с тем чтобы нащупать более слабые места в обороне советских войск.

Вводом в сражение семи дивизий немецко-фашистское командование рассчитывало добиться перелома в ходе битвы. Однако это решение немецкого командования явно не соответствовало обстановке и соотношению сил в районе Курска к данному времени. Войска Центрального и Воронежского фронтов успешно отразили удар врага громадной силы. Советское командование сохранило неизрасходованными крупные резервы. Семь свежих дивизий врага могли лишь продлить агонию гитлеровского наступления.

На перегруппировку сил южнее Курска немецко-фашистскому командованию потребовались одни сутки. С утра 11 июля противник возобновил наступление, но, кроме незначительного продвижения в районе Прохоровки, ничего не добился. Но несмотря на это, Гитлер, верховное командование и генеральный штаб продолжали слепо верить в победу. Вечером 11 июля в докладе отдела по изучению армий Востока отмечалось: «Общее впечатление о боевых операциях противника до сих пор еще не изменилось... После того как враг бросил фронтально против немецких клиньев свои группировки, сформированные на флангах, вряд ли можно ожидать удара крупных сил по немецким флангам. Опасность такой операции возникнет лишь после перенесения противником направления главного удара в другое место и после того, как будут обнаружены соответствующие переброски сил из глубины».

Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн рассчитывал на следующий день согласованными ударами двух танковых группировок окружить и уничтожить советские войска между реками Липовый Донец и Северный Донец, образовать брешь во фронте

обороны советских войск и с востока прорваться к Курску. Оптимистически был настроен и командующий группой армий «Центр» фон Клюге. Он энергично готовился к тому, чтобы возобновить наступление на Курск с севера. Как пишет Манштейн, командование 9-й армии «предполагало, что после отражения вражеских контратак, перемещения главного направления своего удара и введения в бой резервов оно вновь возобновит наступление 12 июля, чтобы завершить прорыв»¹.

Таковы были планы, оценка обстановки и настроения политических и военных руководителей фашистской Германии накануне решающего перелома в битве под Курском. И это происходило в те часы, когда советское командование заканчивало последние приготовления к переходу в наступление войск Брянского и Западного фронтов на орловском направлении и нанесению мощного контрудара войсками Воронежского фронта и выдвигавшимися стратегическими резервами на белгородско-харьковском направлении. Советское командование сумело точно определить назревание кризиса фашистского наступления и наметить время, наиболее подходящее для нанесения ударов.

12 июля 1943 г. характер борьбы в битве под Курском резко изменился. Наступали уже советские войска, а гитлеровцы были вынуждены силой самих обстоятельств переходить к обороне. Так под ударами советского оружия со всей очевидностью вскрылась несостоятельность немецких наступательных планов.

Кризис наступательной стратегии вермахта летом 1943 г. назрел в чрезвычайно сжатые сроки. Огромные потери парализовали активность ударной группировки противника, сосредоточенной южнее Орла, уже 9 июля. За четыре дня наступления она сумела вклиниться в оборону Центрального фронта лишь на 10—12 километров. Наступательные возможности группировки гитлеровских войск, наносившей удар на Курск с юга, были исчерпаны в основном 12 июля. Максимальное вклинение ее в нашу оборону достигло 35 километров.

Чем же объясняется такое стремительное развитие событий? Почему так долго и тщательно готовившееся мощное наступление, на которое политическим и воен-

¹ Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 499.

ным руководством фашистской Германии возлагались такие большие надежды, исчерпало свои возможности уже через неделю после своего начала и дало столь незначительные результаты?

Неизбежность краха наступательной стратегии вермахта была обусловлена не только общим ослаблением сил немецко-фашистской армии (в 1943 г. она представляла собой все еще грозную силу), но в первую очередь неуклонным подъемом в ходе войны мощи Советского государства и его Вооруженных Сил. Гитлеровскому командованию, несмотря на тщательное проведение ряда серьезных мероприятий по маскировке и дезинформации, так и не удалось достигнуть внезапности. В свою очередь, смысл и масштабы проводившихся советскими войсками мероприятий по укреплению обороны и сосредоточению резервов остался для него неясным.

Важное значение в крушении гитлеровских наступательных планов в битве под Курском, а затем и обороны фашистской армии на советско-германском фронте сыграло умело организованное советским командованием взаимодействие между фронтами и группами фронтов, действовавшими на одном или нескольких стратегических направлениях. Мощные удары войск левого крыла Западного и Брянского фронтов, нацеленные в тыл и во фланг группировке противника, наступавшей на Курск из района Орла, сразу же поставили ее в тяжелое положение и заставили перейти к обороне. Вступление в борьбу войск Степного фронта на белгородско-харьковском направлении сорвало и здесь вражеские намерения. Развернувшиеся затем наступательные действия советских войск в Донбассе, под Ленинградом, на Западном направлении сковали силы врага.

Не следует также забывать и тот факт, что у гитлеровского командования не было крупных стратегических резервов, а сама борьба первоначально локализовалась на крайне ограниченном пространстве. Когда обозначился кризис наступления, гитлеровские генералы не имели возможности провести серьезное наращивание усилий на курском направлении. Маневр резервами был для них в значительной степени затруднен наступлением советских войск на других участках советско-германского фронта, а также мощными согласованными ударами советских партизан по коммуникациям врага,

охватившими огромную территорию в тылу войск противника.

День перехода советских войск в контрнаступление под Курском был переломным рубежом битвы. Новый поворот событий требовал от немецко-фашистского командования немедленного принятия ответственных решений. Как же оно реагировало на коренное изменение обстановки?

13 июля Гитлер, встревоженный неблагоприятным развитием событий на Восточном фронте, срочно вызвал в свою ставку командующих группами армий «Центр» и «Юг». По свидетельству Манштейна, фельдмаршал фон Клюге на совещании заявил, что 9-я армия не может продвигаться дальше и уже потеряла в ходе наступательных боев на курском направлении 20 тысяч человек. Он доложил Гитлеру, что группа армий «Центр» вынуждена отобрать все подвижные части у 9-й армии, чтобы ликвидировать глубокие прорывы советских войск в трех местах фронта 2-й танковой армии. В заключение своего доклада Клюге сделал вывод: «Наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть потом возобновлено»¹.

Фельдмаршал Манштейн решительно отстаивал иную точку зрения. Он считал, что ничего еще не потеряно, и продолжал упорно отстаивать прежние планы наступления. На совещании у Гитлера Манштейн утверждал, что «после успешного отражения атак противника, бросившего в последние дни в бой почти все свои оперативные резервы, победа уже близка. Остановить сейчас битву, вероятно, означало бы упустить победу! Если 9-я армия будет хотя бы только сковывать противостоящие ей силы противника и, может быть, потом возобновит наступление, то мы попытаемся окончательно разбить силами наших армий действующие против нас и уже сильно потрепанные части противника»².

Беспочвенные, но самоуверенные заверения Манштейна имели успех. Гитлер изменил высказанное им в начале совещания мнение о том, что «операция «Цитадель» не может дольше продолжаться», и решил продолжать наступление на Курск ударной группировкой

¹ Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 502.

² Там же.

войск группы армий «Юг». Группе армий «Центр» разрешалось перейти к обороне и на занимаемых позициях отразить наступление советских войск.

Принятые решения отразили колебания фашистского руководства перед грозным для него поворотом событий. Еще в период подготовки операции «Цитадель» Гитлер в начале мая на совещании в Мюнхене говорил, что наступление «не имеет права провалиться, так как даже отход обратно на исходные позиции представлял бы собой уже поражение»¹. Стойкость советской обороны и могучие удары, нанесенные Советской Армией, наличие в руках советского командования мощных стратегических резервов делали очевидным крушение наступательной стратегии врага. Но гитлеровское командование оказалось неспособным отказаться от своего старого плана. Оно упрямо продолжало бесплодные попытки добиться успеха в битве под Курском. Участник этой битвы Ф. Меллентин уже после войны с горечью отмечал: «Теперь же мы напоминали человека, который схватил за уши волка и боится его отпустить»².

Несостоятельность решений, принятых высшими политическими и военными руководителями фашистской Германии на совещании 13 июля, обнаружилась в ближайшие же дни. Наступление советских войск на орловском плацдарме расширилось. А на южном фланге Курского выступа через несколько дней войска Манштейна были вынуждены начать отход на позиции, которые они занимали до начала битвы.

Характерно, что попытка Манштейна вопреки всему продолжать наступление на Курск с юга весьма высоко оценивается рядом западногерманских военных историков. Незначительное тактическое продвижение немецких танковых корпусов 14 июля выдается ими как крупная победа. Так, Миддельдорф в статье «Операция «Цитадель» писал: «...14.7 на всем фронте наступления группы армий «Юг» отмечался полный успех. Сила наступления противника казалась сломленной»³.

И это говорится о событиях, когда наступление советских войск еще только начинало разворачиваться и

¹ Heinz Guderian. Erinnerungen' eines Soldaten, S. 283.

² Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 198.

³ «Wehrwissenschaftliche Rundschau», Oktober, 1953, S. 466.

в борьбу вступали стратегические резервы советского командования!

Неумолимой логикой борьбы гитлеровские генералы последовательно, шаг за шагом ставились перед необходимостью признать крушение своих наступательных планов. Но они даже во второй половине июля грубо ошибались в оценке сил советских войск и планов нашего командования. Это видно из высказываний Манштейна в книге «Утерянные победы». В ней он с серьезным видом пытается доказать, что если бы Гитлер не боялся «всякого риска в Донбассе» и не отклонил в связи с этим просьбу командования группы армий «Юг» бросить в наступление на Курск находившийся в резерве ОКХ 24-й танковый корпус, то битва под Курском могла завершиться победой немецкого оружия¹. Фуллер разделяет, правда с оговорками, эту несостоятельную точку зрения гитлеровского фельдмаршала. Он утверждает, что, «если бы атакованы были другие участки клина (имеется в виду Курский выступ. — Б. С.), вероятно, наступление было бы успешным»².

Полнейшая необоснованность подобных суждений очевидна. Масштабы битвы под Курском были грандиозны, они значительно превосходили размах битв под Москвой и на Волге; стратегические резервы советского командования, сосредоточенные на курском направлении и не введенные еще в борьбу, были весьма внушительными. В этих условиях сил одного танкового корпуса было явно недостаточно для спасения операции «Цитадель». Не могли принести победы вермахту и атаки на других участках клина.

В самом деле, о чем говорят факты?

Все предшествовавшие наступательные усилия групп армий «Юг» и «Центр» привели лишь к незначительному вклинению их ударных группировок. Глубина же обороны войск Центрального и Воронежского фронтов достигала 150—190 километров. Еще более важное значение имело то обстоятельство, что ко времени перехода советских войск в контрнаступление на их стороне было создано подавляющее превосходство в силах и сред-

¹ См. Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 501.

² Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 365.

ствах. В Орловской операции в людях оно выражалось в соотношении 2:1, в Белгородско-Харьковской операции — 3,3:1; в танках и самоходно-артиллерийских установках — соответственно 2,3:1 и 4:1; в орудиях и минометах (без РС и 50-мм минометов) — 3:1 и 4,5:1; в боевых самолетах — 2,2:1 и 1,3:1. Следует также отметить, что уже после 15 июля Ставка Верховного Главнокомандования направила из стратегического резерва на усиление советских войск, осуществлявших контрнаступление в битве под Курском, две танковые и пять общевойсковых армий.

В свете приведенных данных суждения Манштейна о 24-м танковом корпусе выглядят по меньшей мере наивно. Только стремление реабилитировать себя и немецких генералов побудило Манштейна изобразить события в извращенном виде. Вот почему много лет спустя после окончания войны он так упорно отстаивает нелепую версию о том, что «командование группы вынуждено было прекратить сражение еще до его окончания, может быть, перед самой победой, по крайней мере, на нашем фронте»¹. Грубо искажая факты, Манштейн решительно, но столь же необоснованно заявляет: «Войска, а также их командование не виноваты в этой неудаче». Он утверждает, что 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф» в ходе наступательных боев не понесли, собственно, серьезных потерь и «все дивизии, за исключением одной танковой дивизии, остались боеспособными, хотя некоторые из них, а именно: некоторые пехотные дивизии понесли значительные потери»².

Анализ потерь немецких войск в боях на южном фазе Курского выступа, проделанный авторским коллективом и редакцией третьего тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», вскрывает ложность утверждений фельдмаршала³. В боях на южном фазе Курского выступа, как отмечают сами гитлеровские генералы и офицеры, сгорел ряд лучших германских дивизий. Особенно большие потери понесла

¹ Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 504.

² Там же, стр. 501.

³ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 3, стр. 275.

19-я танковая армия. В ее 73-м танковом полку уже на пятый день наступления осталось не более двух рот¹. 332-я пехотная дивизия потеряла 3700 человек и была полностью разгромлена². Огромные потери понесла 6-я танковая дивизия. После нескольких дней боев в ней осталось всего 47 танков³.

О резком ослаблении боевой мощи немецких войск в битве под Курском говорит и Меллентин: «С немецкой стороны потери в личном составе были не так уж велики, зато потери в танках были потрясающими... Из всех «пантер», принимавших участие в боях, к 14 июля осталось только несколько машин». Подводя итог, он замечает: «В 1943 году в Курской битве, где войска наступали с отчаянной решимостью победить или умереть, тоже погибли лучшие части германской армии»⁴.

Факт тяжелых потерь немецких войск в ходе наступления на Курск признает и западногерманский историк Гёрлиц. «Между 10 и 15 июля, — пишет он, — фельдмаршалу Манштейну с его наступающими соединениями удалось достигнуть водораздела между Донцом, Пселом, Сеймом и Ворсклой, затем силы здесь истощились. На высотах у Шебекино и около леса у Гонки, на шоссе Белгород — Обоянь, наступление остановилось. Генерал Конев позднее говорил о «лебединой песне» немецких бронетанковых сил. Последние способные к наступлению соединения догорали и превращались в шлак, была сломана шея немецким бронетанковым силам»⁵.

Основанную на грубых просчетах точку зрения фельдмаршала Манштейна о возможностях советских войск и перспективах развития событий на курском направлении разделяло подавляющее большинство высших военных и политических руководителей фашистской Германии. Это, в частности, признал бывший начальник штаба верховного главнокомандования (ОКВ) фельдмаршал Кейтель в своих показаниях после окончания войны. Характеризуя события лета 1943 г. на советско-

¹ См. K. Rieker. Ein Mann verliert einen Weltkrieg, S. 262.

² См. там же, стр. 276.

³ См. W. Görlich. Der zweite Weltkrieg 1939—1945, Bd. 11. Stuttgart, 1952, S. 207.

⁴ Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 198, 202.

⁵ W. Görlich. Der zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. I. Stuttgart, 1951, S. 208.

германском фронте, он заявил: «...Мы ни в коем случае не ожидали, что Красная Армия не только готова к отражению нашего удара, но и сама обладает достаточными резервами, чтобы перейти в мощное контрнаступление»¹.

Таким образом, вывод напрашивается сам собой. Контрнаступление советских войск в битве под Курском явилось для немецко-фашистского командования фактором стратегической внезапности. В этом несомненная заслуга советского командования, мастерски организовавшего и претворившего в жизнь сложную систему мероприятий по скрытности сосредоточения войск и дезинформации противника. Триумф советского военного искусства был столь очевиден, что 29 ноября 1943 г. Черчилль на Тегеранской конференции заявил: «...Военный опыт наших русских союзников приводит нас в восхищение и воодушевляет нас»².

Следует подчеркнуть, что гитлеровское командование и разведка оказались не на высоте: не смогли вскрыть и осмыслить факты сосредоточения громадных масс советских войск, предназначенных для наступательных операций, масштабы которых должны были значительно превзойти все, что было известно из опыта второй мировой войны.

Битва под Курском завершилась блестящей победой Советской Армии. Контрнаступление советских войск переросло в общее стратегическое наступление на огромном фронте — от районов севернее Смоленска до берегов Черного моря. В сентябре для спасения своих войск немецко-фашистское командование было вынуждено начать общее стратегическое отступление на Юго-Западном направлении.

Есть все основания говорить о том, что просчеты и поражения на советско-германском фронте подорвали авторитет и доверие к высшему политическому и военному руководству фашистской Германии даже в среде офицерского корпуса немецко-фашистской армии. Об этом, в частности, свидетельствует выступление одного из фашистских главарей — имперского министра Розенберга 14 октября 1943 г. на совещании в Бад-Шахене.

¹ «Военно-исторический журнал», 1961, № 9, стр. 85.

² «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 146.

Остановившись в своем докладе на вопросе «борьбы против всех враждебных и подрывных влияний и искоренении их», Розенберг говорил: «Тем более серьезна эта проблема на пятом году войны, которая приведет к победе или катастрофе. При этом дело идет не о случайной стихийной ругани, которая не угрожает дисциплине и не ведет к посрамлению известных личностей. Но я с чрезвычайной резкостью выступаю против вероломства, против критики высшего руководства и его главных членов, в которой подчеркиваются их отрицательные черты и принижается достоинство, особенно тогда, когда эта критика не останавливается даже перед особой фюрера. Такая критика и умничание являются не чем иным, как подрывом нашей боевой мощи и тем самым обороноспособности нации. Это действует, как кислота или яд. Офицер, провинившийся в этом, совершает одновременно клятвopеcтупление, т. е. он нарушает данную им фюреру клятву верности. Это наконец следует назвать своими словами. Где в подобных случаях меры воспитания и предостережения оказываются недействительными, должны быть применены военно-полевые суды со строжайшими приговорами...»

Таковы факты, характеризующие обстановку, действия, просчеты, ошибочные решения и колебания высшего немецко-фашистского командования в критические дни июля 1943 г., когда произошли решающие события на советско-германском фронте, завершившие собой коренной перелом в ходе войны и окончательный крах наступательной стратегии вермахта. Они еще и еще раз показывают, что немецким генералам органически присущи авантюризм, переоценка своих сил, недооценка сил противника.

Глава девятая

**1944 ГОД — ГОД ВЫДАЮЩИХСЯ ПОБЕД
СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ**

Центр военных событий остается на Восточном фронте

К началу 1944 г. из 353 дивизий и 22 бригад, имевшихся в распоряжении фашистского блока, 236 дивизий и 18 бригад действовали на советско-германском фронте¹. Это составляло 67,7 процента всех сил противника. Из 32 танковых дивизий, имевшихся у противника, 25 находились на советско-германском фронте.

Сосредоточение немецко-фашистским командованием таких больших сил на советско-германском фронте убедительнее всего говорит о том, где решались судьбы второй мировой войны.

Планы германского командования на 1944 г. носили оборонительный характер. На что же рассчитывало немецко-фашистское командование, продолжая войну?

«Начиная с лета 1944 года, — ответил начальник штаба верховного главнокомандования генерал-фельдмаршал В. Кейтель во время его допроса группой советских офицеров 17 июня 1945 г., — Германия вела войну за выигрыш времени, в ожидании тех событий, которые должны были случиться, но которые не случились. Большие надежды возлагались также на наступление в Арденнах, которое должно было вернуть Германии линию Зигфрида и обеспечить стабилизацию Западного фронта»².

¹ В Голландии, Бельгии, Франции гитлеровцы имели 49 соединений, в Норвегии, Дании — 18, в Италии — 19, в Югославии и Албании — 18.

² «Военно-исторический журнал», 1961, № 9, стр. 80.

Следовательно, гитлеровское командование рассчитывало на раскол антифашистской коалиции, а это свидетельствовало об авантюризме и политической ограниченности Гитлера и его генералитета.

Блестящие победы Советских Вооруженных Сил в первой половине 1944 г. заставили американо-английских империалистов поспешить с открытием второго фронта в Европе. Для них стало совершенно очевидным, что Советская Армия может собственными силами завершить разгром немецко-фашистских войск и освободить народы Европы от гитлеровской тирании.

Под мощными ударами советских войск гитлеровцы откатились на запад, наши войска вступили в пределы Северной Румынии, вышли к границам Чехословакии. В балканских странах резко обострилась внутривнутриполитическая обстановка. Фашистский блок трещал по всем швам.

Победы Советских Вооруженных Сил в 1944 г. оказали большое влияние на развитие национально-освободительного движения в Европе. Так, во Франции в 1944 г. в рядах движения Сопротивления насчитывалось до 400 тысяч человек. Множество районов страны, в том числе Париж, было освобождено французскими патриотами от гитлеровских оккупантов.

Большой размах получило национально-освободительное движение в Северной Италии. В рядах итальянских партизан насчитывалось в мае — июне 1944 г. 250 тысяч человек. В Греции силы внутреннего сопротивления насчитывали 70 тысяч человек, в Югославии — 400 тысяч человек.

Наступательные действия советских войск в 1944 г. характеризовались большим размахом и дальнейшим развитием советского военного искусства.

Если в 1941—1942 гг. и в начале 1943 г. шла борьба за стратегическую инициативу, то в 1944 г. стратегическая инициатива прочно удерживалась Советской Армией.

Если в 1941—1943 гг. советские войска наряду с наступательными операциями осуществляли и стратегическую оборону, то в 1944 г. наши войска вели только наступательные действия.

В 1944 г. Советские Вооруженные Силы перешли от наступления на отдельных направлениях, как это было

в первом и во втором периодах войны, к общему наступлению по всему стратегическому фронту, проводимому в форме последовательных наступательных операций.

Значительно возрос размах стратегических наступательных операций. Если в битве под Москвой глубина операции достигала 250 километров, то в 1944 г. — 600—800 километров.

В 1944 г. наши войска стали широко и успешно применять самую решительную форму ведения операций — окружение и уничтожение крупных группировок войск противника. В 1944 г. было окружено и уничтожено около 70 вражеских дивизий.

Победы Советских Вооруженных Сил в 1944 г. еще раз продемонстрировали превосходство советского общественного и государственного строя над общественным и государственным строем буржуазных государств. Они явились новым торжеством советской военной науки, свидетельством превосходства советского военного искусства над военным искусством фашистской Германии. Успехи, которых добилась Советская Армия в 1944 г., явились результатом мудрого руководства Коммунистической партии Советского Союза, которая гениально направляла усилия всего советского народа и его Вооруженных Сил на разгром врага.

В этот период изменился и характер вооруженной борьбы против фашистской Германии со стороны бывших союзников СССР по антигитлеровской коалиции. В июне 1944 г. был создан наконец второй фронт в Западной Европе.

Буржуазные реакционные авторы стремятся доказать, что советско-германский фронт в операциях 1944 г. играл второстепенную роль. Так, например, Фуллер пишет, будто именно высадка англо-американских войск в Нормандии обеспечила окончательную победу над фашистской Германией¹. Его не смущает исторический факт высадки десанта в Северной Франции уже после того, как стало совершенно очевидно, что Советская Армия может завершить собственными силами разгром немецко-фашистской армии и освободить народы Западной Европы

¹ См. Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 403.

от гитлеровской тирании (перспектива, отнюдь не входившая в расчеты англо-американских империалистов). Его не смущает и то, что и после открытия второго фронта гитлеровское командование до конца войны не только держало свои главные силы против Советской Армии, но и усиливало их за счет ослабления фронта перед англо-американскими войсками.

Фуллер пытается утверждать, что и начало боевых действий советских войск в летне-осенней кампании 1944 г. было приурочено к вторжению англо-американских войск в Нормандии. Он пишет: «Дождавшись начала вторжения во Францию, генерал Говоров... 10 июня начал наступление на Карельском перешейке, прорвал линию Маннергейма и 20 июня овладел Выборгом»¹. В действительности же наступление советских войск на Карельском перешейке проводилось по заранее, задолго до высадки англо-американских войск во Франции, разработанному плану и было подготовлено нашими победами на Правобережной Украине, под Ленинградом, Новгородом и на других участках фронта.

Умалют значение советско-германского фронта в 1944 г. и в то же время значительно преувеличивают значение Западного фронта в этот период времени и другие буржуазные авторы. Так, Гёрлиц и Типпельскирх заявляют, что высадка американо-английских войск в Нормандии предопределила исход войны в пользу антигитлеровской коалиции. Типпельскирх в книге «История второй мировой войны» утверждает, что конец рейха наступил летом 1944 г. на западе, а уже затем на востоке и что вступление в войну США якобы предопределило поражение Германии — вопрос заключался только в сроках этого поражения².

Известный американский военный историк контр-адмирал С. Морисон пишет, что исход войны против Германии явился «прямым следствием высадки англо-американских войск во Франции»³. Ему вторит немецкий генерал Ф. Меллентин, который также утверждает, что

¹ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 403—405.

² См. К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 410.

³ С. Э. Морисон. Битва за Атлантику. М., Воениздат, 1956, стр. 12.

судьба Германии была решена успешной высадкой союзников в июне в Нормандии ¹.

Раболепствуя перед американскими империалистами, бывшие гитлеровские генералы Б. Циммерман, З. Вестфаль и другие также считают, что операция по вторжению во Францию должна была решить исход войны ².

Американо-английская буржуазная военно-историческая литература утверждает, что после высадки англо-американских войск в Нормандии летом 1944 г. центр военных событий переместился на Запад. Так, например, в изданной официальной английской истории второй мировой войны раздел «Победа в Европе в 1944 г.» посвящен тому, что действия англо-американских войск представляются в качестве того фактора, который обусловил крушение фашистской Германии ³.

Факты же говорят обратное. К маю 1944 г. из 333 дивизий, имевшихся в распоряжении фашистской Германии, на советско-германском фронте действовала 191, а на Западном — лишь 60 ⁴ (остальные находились на других театрах военных действий), причем они значительно уступали по вооружению войскам, действовавшим на советско-германском фронте. В немецкой пехотной дивизии на Западном фронте некомплект достигал 25—30 процентов, а в танковой имелось не более 100—130 танков. Это признают и гитлеровские генералы. Так, Шпейдель пишет, что на 4000-километровом Атлантическом фронте находилось лишь 60 «стационарных» немецких пехотных дивизий, по боевой силе равных соединениям первой мировой войны; «боевая цена танковых дивизий не превышала 30 процентов, против 25 тысяч боевых самолетов союзников немцы лишь смогли выставить несколько сотен самолетов» ⁵.

Авторы «Роковых решений» называют командный состав, войска и боевую технику Западного фронта немцев второразрядными.

¹ См. Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 252.

² См. Роковые решения, стр. 221.

³ См. Против фальсификаторов истории второй мировой войны. М., Воениздат, 1959, стр. 31.

⁴ См. там же, стр. 81.

⁵ H. Speidel. Invasion 1944. Tübingen und Stuttgart, 1950, S. 51, 52, 56, 60, 191—193.

Тот же Циммерман, который считает высадку американско-английских войск во Франции «гигантской операцией», пишет, что командование Западным фронтом всегда было уверено, что «война с англичанами и американцами во Франции... проигрывается на Восточном фронте, еще до высадки англо-саксонских армий на континент»¹. Эту точку зрения полностью разделяет К. Рикер: «Когда западные союзники летом 1944 г. предприняли наступление на «крепость Европы», исход второй мировой войны практически был уже определен поражением Германии в России... Германия проиграла вторую мировую войну еще до вторжения Запада, немецкое войско вследствие тяжелой трехлетней борьбы в Восточной Европе было так ослаблено, что оно не могло больше противопоставить высадившимся в Нормандии американским и английским войскам стойкого сопротивления»².

После открытия второго фронта в Европе гитлеровское командование до конца войны не только держало свои главные силы против Советской Армии, но и усиливало их за счет ослабления фронта перед англо-американскими войсками. За полгода существования второго фронта в Европе, т. е. за вторую половину 1944 г., немецко-фашистское командование перебросило на советско-германский фронт 59 дивизий и 13 бригад, в том числе из Германии — 40 соединений, из Франции, Голландии и Дании — 7, из Италии — 3, из Югославии, Албании и Греции — 21. Кроме того, 25 — 27 дивизий было сформировано непосредственно на фронте из пополнений, прибывших из Германии.

На советско-германском фронте в 1944 г. действовала и значительная часть немецкой авиации (не менее 40 процентов общего количества всей авиации фашистской Германии). Около 25 процентов авиации находилось в ремонте, 10 процентов — в системе ПВО Германии, 3—4 процента — на Балканах, остальные силы авиации, 21—22 процента, находились на других театрах военных действий.

В период боевых действий американско-английских

¹ Роковые решения, стр. 217.

² К. Rieker. Ein Mann verliert einen Weltkrieg, S. 311.

войск в Западной Европе в 1944 г. против них действовало от 500 до 1000 гитлеровских самолетов, что давало возможность американско-английскому командованию иметь безраздельное господство в воздухе и эффективно использовать свою авиацию.

По своему масштабу Нормандская десантная операция была крупнейшей десантной операцией второй мировой войны. Это верно. Но не менее верно и то, что операции в Западной Европе несоизмеримы по своим масштабам с теми, которые проводились на советско-германском фронте. Даже Ф. Меллентин, например, считает, что операция в Белоруссии «значительно превосходила по своим масштабам вторжение союзников в Нормандию.

С 1 июня по 31 августа 1944 года немецкие армии на Западе потеряли 293 802 человека. За тот же самый период наши потери в России составили 916 860 человек»¹.

Оправдывая поражения немецко-фашистских войск на советско-германском фронте, реакционные буржуазные авторы стремятся в своих трудах изобразить немецко-фашистскую армию более слабой в численном отношении, чем она была в действительности.

Фуллер утверждает, что к лету 1944 г. численность гитлеровских войск на советско-германском фронте была менее 1,5 миллиона человек. Он пишет, что советским войскам противостояло около 200 германских дивизий, но многие из них сохранили только костяк; большинство дивизий остались недоукомплектованными². В действительности на советско-германском фронте находилось (без учета румынских, финских и венгерских частей) около 2 миллионов 700 тысяч человек, а с учетом их, о чем умышленно умалчивает Фуллер, не менее 3 миллионов 500 тысяч человек³. В соединениях это выражалось так: 228 дивизий и 23 бригады⁴. Причем все дивизии, противостоявшие советским войскам, были гораздо лучше оснащены и более боеспособны, чем те, которые находились на Западе. Так, средняя численность пехотных дивизий на советско-германском фронте достигала

¹ Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 236.

² См. Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 403.

³ См. Вторая мировая война 1939—1945 гг. стр. 572.

⁴ См. там же, стр. 571.

12—13 тысяч человек, в то время как на Западе она не превышала 9 тысяч человек.

Приведенные данные со всей очевидностью свидетельствуют, что советско-германский фронт и в 1944 г. оставался главным и решающим фронтом второй мировой войны.

Исход мировой войны предreshен победами Советской Армии

Помимо того что в западногерманской печати боевые действия советских войск в 1944 году в значительной степени искажены, им вообще отводится незначительное место.

К. Типпельскирх, например, в книге «История второй мировой войны» описанию такой крупной операции, как Белорусская, отводит пять страниц, а Корсунь-Шевченковской — одну страницу. Он не показывает ни замыслов, ни планов советского командования, извращает группировки войск и соотношение сил сторон. А ведь Белорусская операция — это выдающаяся операция Великой Отечественной войны. Она в свое время получила весьма высокую оценку у союзников. «Стремительность наступления Ваших армий изумительна...» — писал президент США главе Советского правительства¹. «Было мало оснований сомневаться в том, что вскоре наступит общий крах»², — так оценил положение фашистской Германии премьер-министр Англии в связи с успехами Советской Армии в Белорусской операции. Даже и некоторые немецкие военные историки вынуждены признать огромный ее размах и результаты. Так, гитлеровский генерал Бутлар пишет, что «разгром группы армий «Центр» положил конец организованному сопротивлению немцев на Востоке»³.

Немецкий историк Г. Гакенхольц делает вывод о том, что «события лета 1944 года оказали еще более сильное (по сравнению с битвой на Волге. — *Ред.*) влияние на общее военное положение Германии: разгром группы армий «Центр» отразился на делах всего немецкого восточного фронта, дав русскому командованию возможность

¹ Переписка... т. II, стр. 150.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 4, стр. 199.

³ Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 240.

отбросить в центре немецкий фронт к Висле и границам Восточной Пруссии, отрезать немецкие войска в Прибалтике и сокрушить позиции Германии на Балканах в военном и политическом отношениях»¹.

А вот Манштейн никак не желает считаться с бесспорными фактами и отрицает крупное поражение гитлеровских полчищ на советско-германском фронте в 1944 г. Он пишет, что в первой половине 1944 г. на Правобережной Украине советские войска не достигли больших успехов.

В действительности же в первые месяцы 1944 г. были разгромлены фланговые группировки немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму.

В течение первых четырех месяцев (14 января — 12 мая 1944 г.) на советско-германском фронте гитлеровцы потеряли 173 дивизии и 5 бригад, из которых 44 дивизии и 4 бригады были полностью уничтожены или пленены².

Манштейн умалчивает об уничтожении крупной группировки противника, окруженной в районе Корсунь-Шевченковский. Он утверждает, что в окружении оказались лишь шесть дивизий и одна бригада³, причем, по его заявлению, окруженным удалось избежать гибели.

И вообще Манштейн считает, что, за исключением битвы на Волге, русским не удалось осуществить окружение крупных сил⁴.

На самом деле Корсунь-Шевченковская операция (24 января — 17 февраля 1944 г.) завершилась окружением и уничтожением крупной группировки немецко-фашистских войск в составе десяти дивизий и одной бригады. 55 тыс. фашистских солдат и офицеров было убито и ранено, 18 200 человек взято в плен⁵.

Фуллер, говоря о зимнем и весеннем наступлении советских войск в 1944 г., совсем не отмечает огромного

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 4, стр. 199.

² См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 20—21.

³ См. Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 585.

⁴ См. там же, стр. 409.

⁵ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 16362, д. 23/2, л. 83.

военно-политического значения нашей победы на Правобережной Украине, одержанной в труднейших условиях весенней распутицы: Он исключает такие важные операции, как Корсунь-Шевченковская и Никопольско-Криворожская, хотя хорошо известно, что они составляли первый этап действий наших войск на направлении главного удара в борьбе за Правобережную Украину и проводились с решительными целями. В целом действия советских войск на Правобережной Украине увенчались разгромом крупной группировки немецко-фашистских войск, освобождением земель между Днестром и Прутом, выходом на государственную границу с Чехословакией и перенесением боевых действий на территорию Румынии. В результате этой замечательной победы были созданы благоприятные условия для разгрома немецко-фашистских войск в Белоруссии, Западной Украине и на балканском направлении. Фуллер обходит молчанием тот факт, что действия советских войск в условиях весенней распутицы были неожиданными для противника, который не рассчитывал на наше крупное наступление в это время года.

Описывая Яско-Кишиневскую операцию, Типпельскирх умалчивает об окружении и уничтожении 22 немецко-фашистских дивизий юго-западнее Кишинева и в районе Хуши и искажает действительный ход событий. Он сказал только о том, что «вокруг нескольких немецких дивизий кольцо русских войск сузилось настолько, что им пришлось капитулировать»¹.

Следовательно, буржуазные историки и мемуаристы вопреки фактам не признают операции советских войск на окружение и уничтожение крупных группировок немецко-фашистских войск в 1944 г. Как известно, операции на окружение противника были типичной формой боевых действий Советских Вооруженных Сил в 1944 г. В Корсунь-Шевченковской операции было окружено и уничтожено 10 дивизий врага, под Минском — до 30 дивизий, под Яссами и Кишиневом — 22 дивизии.

Не любят в зарубежной литературе говорить и о большом размахе стратегических операций Советской Армии в 1944 г. А ведь достаточно вспомнить, что в этот

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 464.

период стратегическое наступление советских войск развернулось на фронте 3700 километров и на глубину до 1200 километров (от Запорожья до Будапешта) со средним темпом 20—25 километров в сутки для общевойсковых соединений и 40—60 километров для танковых войск. Все это является свидетельством развития и высокого уровня советского военного искусства.

Как и Типпельскирх, Фуллер неправильно изображает события, связанные с разгромом немецко-фашистских войск на балканском направлении, в районе Яссы — Кишинев в августе 1944 г. Вместо 47 дивизий¹, которые входили в состав группы армий «Южная Украина», он упоминает о 40 дивизиях. Пытаясь умалить силу главного удара 3-го Украинского фронта, нанесенного с тираспольского плацдарма, Фуллер говорит, что удар пришелся по румынам, которые «оставили позиции и побежали»².

Бывший командующий немецко-фашистской группой армий «Южная Украина» Фриснер также утверждает, что успех советских войск в Яско-Кишиневской операции был обусловлен крахом румынского фронта³.

В действительности же удары 2-го и 3-го Украинских фронтов в этой операции пришлось не только по румынским, но и по немецко-фашистским войскам. Так, главный удар 2-го Украинского фронта был нанесен из района северо-западнее Яссы на участке 16 километров, где оборонялись немецкие и румынские дивизии. Войска 3-го Украинского фронта нанесли главный удар в стык 6-й немецкой и 3-й румынской армий. Кроме того, войска обоих фронтов окружили и уничтожили более чем 100-тысячную группировку гитлеровских войск юго-западнее Кишинева.

В противовес общеизвестным фактам Фуллер пишет, что на центральном участке советско-германского фронта с середины августа 1944 г. до середины января 1945 г. не произошло ничего важного⁴; ему вторит англ-

¹ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 4, стр. 259.

² Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 409.

³ См. Н. Friessner. Verratene Schlachten. Hamburg, 1956, S. 235.

⁴ См. Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 458.

лийский буржуазный историк Лиддел Гарт, утверждая, что с августа 1944 г. главный русский фронт был стабильным¹. Они явно не желают видеть того, что советские войска на центральном участке фронта в это время вели ожесточенную борьбу за расширение и закрепление захваченных плацдармов на реке Висла, тогда как противник крупными танковыми силами стремился ликвидировать эти плацдармы. Как захват, так и удержание плацдармов на реке Висла в значительной степени способствовали последующему разгрому немецко-фашистских войск в Польше западнее реки Висла. Гитлеровцы в этих боях понесли огромные потери. Кроме того, наши войска в августе — октябре 1944 г. вели крупные и ожесточенные боевые действия в районе Варшавы.

Принижает Фуллер и значение действий советских войск на других важнейших направлениях в период, когда был проведен ряд крупных операций, в результате которых фашистские захватчики были полностью изгнаны с территории нашей страны. Румыния, Болгария, Венгрия и Финляндия были выведены из войны на стороне фашистской Германии и объявили ей войну. Фашистский блок в Европе полностью развалился. Блестящие победы советского оружия создавали благоприятные условия для завершения разгрома немецко-фашистских войск.

В книгах буржуазных историков искажается характер партизанского движения в 1944 г.

Буржуазные авторы по истории партизанского движения Ч. Диксон и О. Гейльбрунн, выражая взгляды идеологов современного американского империализма, считают большой ошибкой Гитлера установление на советской оккупированной территории открытого кровавого режима². Они пишут, что Гитлер не сумел внести «разногласия между различными слоями в стане противника» и «слишком грубо обращался с населением оккупированной территории». Партизанское движение, заявляют они, не было бы всеохватывающим и всенародным, если бы Гитлер не допустил этих ошибок. И на будущее они советуют избегать подобных ошибок.

¹ См. Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, стр. 429.

² См. Ч. Диксон и О. Гейльбрунн. Коммунистические партизанские действия. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 249—260.

Спрашивается, мог ли Гитлер проводить иную политику? Конечно нет. Он являлся выразителем интересов агрессивного империализма, а империалисты ведут войну с целью грабежа и порабощения народов. Что же касается советов на будущее, то самым полезным для империалистов будет отказ от политики агрессии. Иначе, в какие бы одежды ни рядились захватчики, они неминуемо и сполна получают по заслугам.

Западногерманский историк и публицист В. Гёрлиц признает массовый характер партизанского движения. Он пишет, что в 1944 г. в тылу немецко-фашистской группы армий «Центр» действовало 100—150 тысяч партизан. Этот деятель от науки посчитал возможным оправдывать зверства фашистов против партизан¹.

Известно, что партизанское движение в 1944 г. приняло настолько широкие размеры (только в Белоруссии действовало 143 тысячи партизан), что гитлеровцы вынуждены были выделить для борьбы с партизанами крупные силы. Но все это было безуспешно. Героической и самоотверженной борьбой в тылу врага партизаны нанесли ему значительный урон и тем самым способствовали успеху операций Советской Армии. Следует отметить, что в 1944 г. действия партизан осуществлялись в тесном взаимодействии с войсками.

Умалчивается в буржуазной печати главное, а именно то, что партизанское движение являлось ярчайшим проявлением патриотизма советских людей, их активной поддержки своей армии. Точно также ничего не пишут буржуазные авторы об исторической миссии Советской Армии по освобождению народов Румынии, Болгарии и Венгрии от гитлеровского ига в 1944 г. Они боятся сказать правду о том, что Советский Союз помог народам Центральной и Юго-Восточной Европы встать на путь демократического развития.

Извращает буржуазная военная историография и действия Советского Военно-Морского Флота в 1944 г.

Так, например, Ф. Руге в книге «Война на море. 1939—1945» говорит о том, что русский Балтийский флот лишь на бумаге выглядел солидно и что потери немецких кораблей были очень незначительными. А на самом деле

¹ См. W. Görlich. Der zweite Weltkrieg 1939—1945, S. 135.

в результате боевых действий нашего Военно-Морского Флота в Балтийском море в 1944 г. немцы потеряли 96 кораблей, в том числе 1 крейсер противовоздушной обороны, 3 эскадренных миноносца, 7 сторожевых кораблей, 16 тральщиков. Кроме того, было потоплено 73 транспорта и 11 небольших судов. И все это произошло в основном в ходе операций наших войск на Карельском перешейке и в Прибалтике¹.

Решительность цели, опромный размах, напряженность и результаты операций Советских Вооруженных Сил в 1944 г. свидетельствуют о решающем значении советско-германского фронта для хода и исхода второй мировой войны, об огромной мощи Советского Союза и высоком уровне советского военного искусства, о его превосходстве над военным искусством фашистской Германии. И как бы ни старались ныне буржуазные историки извратить существо дела, им это не удастся.

Выискивание того, чего не было, и замалчивание действительных причин

Многие буржуазные авторы, особенно бывшие немецкие генералы Гудериан, Манштейн, Типпельскирх, утверждают, что Советская Армия одерживала победы в 1944 г. лишь благодаря подавляющему общему численному превосходству над немецкими войсками.

Обратимся к фактам. В важнейших операциях 1944 г. советские войска действительно имели общее превосходство над врагом. Так, например, в операции на Правобережной Украине советские войска превосходили противника по живой силе в 1,3 раза, по артиллерии и авиации — в 1,7 раза и несколько уступали ему в танках²; в Яско-Кишиневской — по живой силе — в 1,4 раза, в артиллерии — в 2 раза, в танках — в 3,4 раза, в авиации — более чем в 2,5 раза³.

Приведенные данные наглядно показывают, что фантастические количественные характеристики, которыми

¹ См. Против фальсификаторов истории второй мировой войны, стр. 242—243.

² См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 4, стр. 57—58.

³ См. там же, стр. 259—260, 262.

оперируют гитлеровские генералы, существуют только в их воображении. Дезориентируя читателя вымышленными цифрами, они в то же время умалчивают о том, что советскому командованию действительно удавалось добиваться значительного превосходства над противником на направлении главного удара путем массирования сил и средств за счет второстепенных направлений. Так, в большинстве операций 1944 г. от 55 до 80 процентов сил и средств сосредоточивалось на участках прорыва.

Создание значительного превосходства над противником на участках прорыва является результатом высокого уровня советского военного искусства. Но признание этого бесспорного факта логически влечет за собой критические выводы относительно профессиональной непогрешимости германского генералитета. А этого-то как раз и боятся западногерманские реваншисты. Действительно, кому нужны битые генералы, если к тому же их способности как военачальников сомнительны. Вот и приходится изворачиваться, чтобы набить себе цену. Но это еще не все.

Тезис о подавляющем численном превосходстве советских войск над немецкими выдвигается также для оправдания гонки вооружений западных держав и быстрейшего возрождения вермахта. Буржуазные военные деятели трубят о якобы огромном превосходстве социалистического лагеря над капиталистическим в области обычных вооружений и вооруженных сил. Пресловутая идея восстановления «военного равновесия» в Европе служит для оправдания необходимости вооружения Западной Германии атомным оружием.

Достойную отповедь этим фальшивым разглагольствованиям дал Н. С. Хрущев. Разговоры о так называемом численном превосходстве Советских Вооруженных Сил над силами НАТО, говорил он, «нужны деятелям стран Североатлантического блока исключительно для того, чтобы оправдать собственную лихорадочную гонку термоядерных вооружений»¹.

Умалчивают буржуазные историки и о том, почему американско-английские войска, имея значительное превос-

¹ Н. С. Хрущев. К победе в мирном соревновании с капитализмом. М., Госполитиздат, 1959, стр. 369.

ходство в силах над немецко-фашистскими войсками, не всегда одерживали победу. Так, в декабре 1944 г. на Западном фронте было сосредоточено 87 американско-английских дивизий, 6 тысяч танков, 10 тысяч самолетов, а немцы имели 73 слабоукомплектованные дивизии, 3 бригады, 600 танков и 1000 самолетов¹. И тем не менее американско-английские войска потерпели поражение в Арденнах.

Более того, американско-английское командование вынуждено было просить помощи у Советского Верховного Главнокомандования, чтобы спасти войска в Арденнах от угрозы полного разгрома. Наступление Советской Армии, начатое 12 января 1945 г. на 1200-километровом фронте, от Балтики до Карпат, заставило гитлеровцев отказаться от завершения наступательных операций на Западе. Вскоре немцы начали переброску крупных танковых сил из района Арденн на советско-германский фронт.

Следовательно, успехи советских войск сорвали наступление немцев в Арденнах и спасли американско-английские войска от катастрофы.

А ведь в книгах французского историка Жака Дерси «История войны с сентября 1939 г. до августа 1945 г.», известного гитлеровского генерала К. Типпельскирха «История второй мировой войны», английского историка Д. Фуллера «Вторая мировая война» и других ни слова не говорится о таком важном факте, как помощь Советского Союза союзникам, попавшим в беду в декабре 1944 г.

Многие буржуазные идеологи и историки, в том числе К. Гудериан, В. Гёрлиц, З. Вестфаль, А. Кессельринг, Г. Шпейдель, Г. Теске, Э. Шнейдер, пытаются доказать, что без американской помощи Советский Союз был бы не в состоянии в 1943—1945 гг. провести свои наступательные операции и нанести поражение немецко-фашистским войскам².

Н. С. Хрущев в речи на завтраке у мэра г. Нью-Йорка 17 сентября 1959 г. дал положительную оценку американской помощи СССР. «...Помощь, которая оказывалась в порядке ленд-лиза, — заявил Н. С. Хрущев, — сыграла

¹ См. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 660—661.

² См. Итоги второй мировой войны, стр. 329, 607; Роковые решения, стр. 114—115.

свою роль»¹. Но эти поставки составляли всего около 4 процентов по отношению к отечественному производству². Всемирно-историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне была завоевана с помощью отечественного оружия. Этого не отрицал и сам президент США Ф. Рузвельт. Выступая 20 мая 1944 г. в конгрессе, он заявил, что «Советский Союз дользуетса вооружением, главным образом, со своих собственных заводов»³.

Известно, что к лету 1944 г. советская авиация, получив новые высококачественные самолеты отечественного производства, имела значительное превосходство над немецко-фашистской авиацией.

В производстве боевой техники и вооружения Советский Союз отставал от США лишь в выпуске самолетов. В 1944 г. наша промышленность произвела 40 тысяч самолетов, а США—49 тысяч. Среднегодовое производство танков в СССР (за последние три года войны) было в два с лишним раза больше, чем в США, артиллерийских орудий — в 3 раза, минометов — почти в 6 раз, винтовок — в 2 раза⁴.

Что касается сравнения военного производства СССР с военным производством фашистской Германии, то здесь превосходство Советского Союза в выпуске военной продукции было еще большим. Это наглядное свидетельство превосходства социалистической системы хозяйства над капиталистической.

Помощь военными материалами по ленд-лизу советский народ рассматривал как соответствующую поддержку со стороны американского народа. Однако даже и сами американские правящие круги рассматривали поставки Советскому Союзу материальных средств по ленд-лизу лишь как небольшую компенсацию США за тот огромный вклад СССР, который он внес в дело разгрома фашистской Германии и ее союзников. Известный государственный деятель США Стетти-

¹ Жить в мире и дружбе! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в США. 15—27 сентября 1959 г. М., Госполитиздат, 1959, стр. 123.

² См. Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., Госполитиздат, 1948, стр. 74.

³ С. Э. Морисон. Битва за Атлантику, стр. 4.

⁴ См. «Красная звезда», 25 апреля 1959 г.

ниус в опубликованной им в 1944 г. книге «Ленд-лиз — оружие победы» писал: «За всю эту помощь русские уже заплатили ценой, которая не поддается измерению в долларах или тоннах. Это — миллионы нацистских солдат, убитых или взятых в плен русскими... Русские заплатили дорогой ценой за победы, которые они одержали, защищая землю своей родины от Германии. Но зато они нанесли непоправимый ущерб нацистской военной машине. И это намного сократит войну»¹.

Многие буржуазные военные историки поражение немецко-фашистских войск на советско-германском фронте, в том числе и в 1944 г., объясняют плохим руководством вооруженными силами фашистской Германии со стороны Гитлера, который запрещал маневр, отвод немецких войск на более выгодные рубежи.

Так, например, Лиддел Гарт поражение немецко-фашистских войск в Белоруссии объясняет следующим образом: «Гитлер отклонил доводы своих генералов в пользу отхода на рубеж реки Березины в 145 км от линии фронта. Такой отход, сделанный своевременно, нарушил бы наступательные планы русских»².

Такое же объяснение поражению немецко-фашистских войск в Белоруссии дает К. Типпельскирх. Он пишет, что если бы Гитлер разрешил отвести немецкие войска на рубеж Березина, Бобруйск, Полоцк, то «был бы создан прямой, значительно укороченный фронт, а развертывание сил противника сразу было бы лишено всякого эффекта»³.

Как известно, к началу Белорусской операции (июнь 1944 г.) немецкое командование на линии Витебск, восточнее Орши, Могилева и Бобруйска, создало сильную оборону и группировку своих войск. Витебск, Орша, Могилев, Бобруйск были превращены в течение продолжительного времени в мощные узлы сопротивления с круговой обороной. От переднего края до реки Березина была подготовлена наиболее сильная оборона с множеством опорных пунктов. В этой же полосе находились и основные силы группы армий «Центр», насчитывавшей 63 ди-

¹ R. Edward Stettinius. Lend-Lease. Weapon fur Victory. New York, 1944, p. 228—229.

² Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, стр. 411.

³ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 442.

визии, свыше 9500 орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, 1342 самолета¹.

По реке Березина проходил один из промежуточных оборонительных рубежей, далеко не заверченный в инженерном отношении. За рекой Березина у немцев фактически не было подготовленных оборонительных полос. Поэтому отвод немецко-фашистских войск за Березину все равно не спас бы от разгрома группу армий «Центр».

Зимой и весной 1944 г. развернулось мощное наступление советских войск на Правобережной Украине, в результате которого две крупные вражеские группировки — группа армий «Юг» и группа армий «А» общей численностью около 100 дивизий — потерпели поражение. Вина за поражение немецко-фашистских войск на Правобережной Украине, так же как и в Крыму, перекладывается на Гитлера.

По Дж. Фуллеру, поражение немецко-фашистских войск в Крыму явилось не результатом сокрушительного удара наших войск, а якобы результатом неправильного приказа командующего крымской группировкой генерала Енеке «об общем отступлении на Симферополь всех войск, находившихся в северной и восточной частях Крыма»². Между тем очевидно, что если бы Енеке не отвел свои войска к Симферополю и Севастополю, то они были бы уничтожены значительно раньше в районе Юшуны и на Керченском полуострове и нашим войскам, вероятно, не пришлось бы осуществлять Севастопольскую операцию с планомерной подготовкой.

Поражение немецко-фашистских войск в Молдавии и Румынии буржуазные фальсификаторы, в том числе Гудериан, Типпельскирх, объясняют отклонением Гитлером запроса командования группы армий «Южная Украина» «относительно перенесения немецкой обороны еще до начала русского наступления на рубеж устье Дуная, Браилов, Галац, Фокшаны, восточное предгорье Карпат...»³.

Разгром гитлеровцев в Прибалтике в сентябре — октябре 1944 г. К. Типпельскирх связывает с запретом Гит-

¹ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 4, стр. 157.

² Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 379.

³ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 463.

лера отвести немецкие войска с рубежа Псков, Чудское озеро, Нарва на рубеж Даугавпилс, Рига, река Западная Двина.

Отвод немецко-фашистских войск на промежуточные оборонительные рубежи в Молдавии и Северной Румынии, в Прибалтике не спас бы их от разгрома. Наши войска на этих направлениях имели более мощные группировки, чем противник.

Американские и английские историки утверждают, что в поражении фашистской Германии решающую роль сыграла американско-английская авиация, т. е. стратегические бомбардировки территории Германии. Эту легенду поддерживают и некоторые западногерманские историки¹.

Действительно в 1944 г. американско-английская авиация сбросила на германскую территорию и некоторые оккупированные Германией страны 1 200 тысяч тонн бомб, повысив интенсивность бомбардировок почти в 6 раз по сравнению с 1943 г.²

Однако, как отмечают сами западногерманские историки, эти бомбардировки не могли сыграть какой-либо решающей роли.

Так, З. Вестфаль пишет: «...Несмотря на чуть ли не непрерывные налеты союзной авиации, железные дороги до зимы 1945 г. действовали почти нормально, а наибольший выпуск военной продукции в стране приходился на осень 1944 г. С этого времени он начал сокращаться сначала медленно, а потом, с потерей промышленного района Верхней Силезии, все быстрее и быстрее»³.

Об этом же говорят гитлеровские генералы А. Кессельринг, Ф. Меллентин и другие⁴. Это подтверждает и английский маршал авиации Гаррис. В своей книге «Наступательные действия бомбардировочной авиации» он пишет: «Следует подчеркнуть, что мы обычно не выбирали в качестве цели какое-либо промышленное предприятие (за исключением налета на Эссен). Разрушение

¹ См. Итоги второй мировой войны, стр. 226—227.

² См. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 879.

³ Роковые решения, стр. 259—260.

⁴ См. А. Kesselring. Soldat bis zum letzten Tag. Bonn, 1953, S. 141; Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 292.

промышленных объектов всегда было для нас дополнительным результатом, своего рода премией. Нашей целью неизменно были внутренние городские районы»¹.

Этот вывод подтверждают официальные данные военного производства фашистской Германии в 1944 г. Так, производство танков и штурмовых орудий в стране во второй половине 1944 г. было на 50 процентов больше, чем за тот же период 1943 г. Выпуск самолетов за тот же период времени увеличился на 30 процентов.

Резкое падение военного производства фашистской Германии началось лишь в конце 1944 г. и в начале 1945 г., когда советские войска изгнали гитлеровцев из важных для них экономических районов Румынии, Венгрии, Польши.

Стратегические бомбардировки территории Германии, безусловно, сыграли положительную роль, однако они не могли оказать решающего влияния на ход войны, так как наибольшая интенсивность их относится к 1944—1945 гг., когда исход войны был уже predetermined военными действиями на советско-германском фронте.

Некоторые буржуазные политические и военные деятели — Э. Манштейн, Г. Фриснер, А. Кессельринг — объясняют поражения немецко-фашистских войск в 1944 г. главным образом слабостью фашистского блока, изменой союзников Германии. Это делается с целью извлечения соответствующего урока для сегодняшних последователей Гитлера. Правда, ряд буржуазных политических и военных деятелей (В. Гёрлиц, Н. Хорти), наоборот, утверждают, что в ходе войны фашистский блок был прочным и никаких противоречий между фашистской Германией и ее союзниками не было. Политической целью в этом случае является обоснование «на историческом примере» возможной прочности реакционного блока.

Ближе к исторической правде стоят те буржуазные историки, которые говорят о слабости фашистского блока в ходе войны. Однако они неправильно объясняют причины противоречий в фашистском блоке.

Так, Г. Фриснер пишет, что поражения немецко-фашистских войск в 1944 г. были результатом двух «измен»:

¹ Против фальсификаторов истории второй мировой войны, стр. 291.

королевской Румынии и хортистской Венгрии¹. При этом он не может, как и другие буржуазные историки, осмыслить сущность и характер военных событий того времени.

Описывая военные события на южном крыле советско-германского фронта во второй половине 1944 г., Фриснер объясняет поражение немецко-фашистских войск ненадежностью высшего руководства румынской армии и его враждебным отношением к немцам². Он обвиняет «короля Михая и антигерманскую придворную камарилью», обвиняет Хорти, говорит о политических интригах венгерских правителей³.

Многие буржуазные историки пишут об «охлаждении к войне румынской армии», но не вскрывают действительных причин.

Действительные же причины охлаждения к войне румынской армии заключаются в победах Советской Армии, в антифашистском и национально-освободительном движении в странах-сателлитах фашистской Германии. Народные массы этих стран под руководством коммунистических партий поднялись на борьбу против фашизма, за свободу и независимость своей родины. И эта борьба увенчалась успехом благодаря огромной помощи Советской Армии, разгромившей основные силы фашистской Германии.

Слабость фашистского блока Румынии, Венгрии с Германией заключалась в том, что он возник на чисто империалистической, захватнической основе.

Венгерские правители, вступая в фашистский блок, стремились к захвату Галиции и предгорья Карпат, а румынские капиталисты и помещики — к аннексии Бессарабии и украинских земель между Днестром и Прутом, к созданию так называемой Транснистрии⁴.

Участников фашистского блока разобщали их корыстные, захватнические интересы. Известно, что в ходе войны были серьезные противоречия не только между Германией и ее партнерами, но и между самими сателлитами. Каждый сателлит хотел сохранить свои вооруженные

¹ См. Н. Friessner. Verratene Schlachten, S. 9.

² См. там же, стр. 233.

³ См. там же, стр. 108, 144—146.

⁴ См. Нюрнбергский процесс, т. II, стр. 503—504, 513—515.

силы для борьбы друг с другом за раздел добычи. Так, например, между Румынией и Венгрией был постоянно конфликт из-за Трансильвании. Гитлеровцы искусственно разжигали этот конфликт. Однако конфликты между сателлитами были не главными в группе противоречий между Германией и ее партнерами. Из-за господства на Балканском полуострове острые империалистические противоречия были между Германией и Италией.

Буржуазные идеологи либо бездоказательно отрицают захватнические цели стран фашистского блока, как это делает, например, Н. Хюрти, либо маскируют империалистические противоречия и захватнические устремления антисоветской клеветой. Так, Г. Фриснер разделяет планы Антонеску по созданию «Великой Румынии на Причерноморье с Великой Германией на Балтике», чтобы образовать бастион против устремлений Советской России¹.

В. И. Ленин, вскрывая сущность империалистических союзов, писал: «...Мыслимо» ли предположить... чтобы такие союзы были не-кратковременными? чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах?»².

На этот вопрос, подчеркивал Ленин, нельзя «дать иного ответа, кроме отрицательного»³.

Главная причина разгрома гитлеровской Германии и всемирно-исторической победы Советского Союза заключается в превосходстве советской социалистической системы над капиталистической, в справедливом характере войны со стороны советского народа, в превосходстве Советских Вооруженных Сил, советского военного искусства, в руководстве советским народом и его Вооруженными Силами Коммунистической партии.

¹ См. Н. Friessner. Verratene Schlachten, S. 77, 79.

² В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 281.

³ Там же.

Глава десятая

РАЗГРОМ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1945 г.

Заключительный этап войны в Европе

Для всей буржуазной литературы, освещающей заключительный этап второй мировой войны, характерно стремление в деталях рассматривать разногласия между западными союзниками и Советским Союзом. При этом всю вину за обострение взаимоотношений между Востоком и Западом они неизменно взваливают на Советский Союз.

Каждому ясно, что, по мере того как война, которую ведет коалиция государств с различными политическими и общественными укладами, подходит к концу, политические вопросы приобретают все более важное значение.

Для решения назревших военных и политических проблем, накопившихся за период после Тегеранской конференции, в начале февраля 1945 г. в Крыму состоялась конференция руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. На этой конференции были рассмотрены важнейшие проблемы, в том числе вопросы окончательного разгрома Германии, оккупации ее территории и контроля над ней, о репарациях с Германии; рассмотрено и достигнуто соглашение о Польше, о Югославии, об учреждении международной организации для поддержания мира и безопасности; была подтверждена общая решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало возможным победу в войне. Кроме того, было принято

очень важное соглашение по вопросам Дальнего Востока, а именно о том, что Советский Союз после капитуляции фашистской Германии и окончания войны в Европе вступит в войну против империалистической Японии на стороне союзников.

На конференции, как сообщалось в коммюнике от 8 февраля 1945 г., существовало «полное согласие относительно совместных военных операций в конечной фазе войны против нацистской Германии»¹. При этом за основу решений Крымской конференции по данному вопросу был принят проект, составленный в свое время европейской консультативной комиссией в Лондоне и одобренный английским премьер-министром и американским президентом на конференции в Квебеке еще в 1943 г. Тогда этот проект особых возражений не вызывал, потому что, по словам Черчилля, он носил чисто академический характер. Восточный фронт проходил еще очень далеко от границ Германии, и было неясно, как будут развиваться военные события в будущем. Поэтому американское и английское правительства не торопились с принятием согласованных решений. Премьер-министр Великобритании Черчилль рекомендовал министру иностранных дел А. Идену как можно дольше не принимать окончательного решения по германскому вопросу.

К началу 1945 г. военная и политическая обстановка изменилась коренным образом. Войска Советской Армии изгнали фашистских захватчиков из пределов Советского Союза, освободили часть Польши и Чехословакии, очистили Болгарию, вывели из войны на стороне Германии королевскую Румынию и Финляндию, перенесли военные действия в Венгрию, Югославию и на территорию Восточной Пруссии. Обладая рядом плацдармов на западном берегу реки Висла, войска Советской Армии готовились к решающим наступательным действиям на всем советско-германском фронте. Теперь затягивать принятие решений не только по германскому, но и по другим вопросам было уже невозможно. На Крымской конференции американско-английские представители вынуждены были подписать ряд соглашений, имеющих огромное историческое значение.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III. М., Госполитиздат, 1947, стр. 99.

В основу решений по германскому вопросу было положено предложение, выработанное на конференции в Квебеке. Однако в него был внесен ряд существенных изменений. В частности, вместо трех зон оккупации, предусматривавшихся квебекским соглашением, создавалось четыре. За счет английской и американской зон оккупации была выделена зона оккупации Франции. Советская же зона оккупации в основном осталась без существенных изменений. Западная граница ее проходила в 160 километрах к востоку от Рейна, и поэтому Берлин, безусловно, находился в зоне оккупации Советского Союза.

Австрия в свою очередь делилась на зоны оккупации. Ее восточная часть, куда входила и столица Австрии, подходила к советской зоне оккупации.

Интересы нормального развития союзных взаимоотношений на заключительном этапе войны требовали, чтобы каждая из сторон, подписавшая крымские соглашения, честно и добросовестно выполняла взятые на себя обязательства. Однако в результате полного разгрома немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии и на рубеже реки Висла и выхода войск Советской Армии на реку Одер (60 километров от Берлина) сопротивление противника на Западном фронте стало заметно ослабевать. В связи с этим правящие круги США и Англии стали торопить свои войска, с тем чтобы они усилили продвижение, захватили и оккупировали возможно большую часть Германии, Австрии и Чехословакии и не допустили бы выхода советских войск в Центральную Европу. Появилась на свет и «теория» относительно того, что согласованные зоны оккупации не стоит принимать во внимание, что Берлин, Прага и Вена могут быть взяты войсками той страны, которые первыми их достигнут.

Аппетиты американского и английского правительств в конце войны нарастали с баснословной быстротой. Сам Черчилль признается, что главная и основная цель наступления американо-английских войск в Европе заключалась в том, чтобы захватить Берлин, а также Чехословакию и ее столицу Прагу. Вена и, по существу, вся Австрия должны были управляться западными державами, но поскольку советские войска уже в начале 1945 г. были на дальних подступах к столице Австрии, то западные державы добивались управления Австрией на равной основе с Советским Союзом.

В письме к Трумэну от 30 апреля 1945 г. Черчилль писал: «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение вашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение Чехословакии и вполне может к тому же повлиять на соседние страны»¹.

По признанию Черчилля, перед политическими военными руководителями западных союзников на заключительном этапе войны возникли крупные задачи и прежде всего необходимость создания нового фронта в Европе, который уходил бы далеко на Восток.

Именно с этой целью американское и английское правительства на заключительном этапе войны посылали одну за другой свои дивизии в Западную Европу. К марту 1945 г. они довели численность своих армий в Европе до 100 дивизий. Оправившись после поражения в Арденнах, американско-английские войска начали операцию на западном берегу Рейна и в ночь с 23 на 24 марта небольшими отрядами форсировали его. При этом сопротивление противника было значительно слабее предполагаемого. У Ремогена немецкие войска по непонятной «оплошности» оставили невзорванным мост через Рейн, который англо-американские войска незамедлительно использовали в оперативных целях.

Накопив силы на восточном берегу Рейна, американско-английские войска устремились на Восток. Сопротивление противника в это время, по словам Черчилля, было уже чисто «спорадическим»². Несколько позже, в конце марта, немецкое командование фактически прекратило сопротивление на Западе и все свое внимание сосредоточило исключительно на Восточном фронте.

Итак, правительство фашистской Германии в конце марта резко ослабило сопротивление на Западном фронте, а правительства Англии и США торопили свои войска с наступлением, чтобы как можно дальше продвинуться на Восток. 7 мая премьер-министр Англии Черчилль писал генералу Эйзенхауэру: «Я надеюсь, что ваши планы не помешают вам продвинуться к Праге, если у вас будут необходимые для этого войска и если вы не встретите

¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. 6. London, 1954, p. 432.

² Там же.

тес с русскими раньше. Я думаю, что вы не собираетесь сковывать себя, если у вас будут войска и территория окажется свободной»¹.

В другом письме к главнокомандующему союзными войсками в Западной Европе премьер-министр Англии 31 марта 1945 г. настойчиво подчеркивал: «Я лично не считаю, что Берлин уже утратил свое военное и тем более политическое значение»². Берлин по-прежнему имеет большое стратегическое значение, настаивает Черчилль в письме к Рузвельту от 1 апреля 1945 г.³ Отвечая на требование глав союзных государств, генерал Эйзенхауэр в свою очередь в телеграмме английскому премьер-министру Черчиллю 1 апреля писал: «Конечно, если в какой-то момент сопротивление будет сломлено по всему фронту, мы устремимся вперед, и Любек, и Берлин окажутся в числе наших важных целей»⁴.

Английские и американские руководящие круги были страшно недовольны медленным, по их мнению, продвижением американско-английских армий, особенно на берлинском направлении. В послании к президенту США от 1 апреля Черчилль еще раз подчеркнул: «Я считаю, что, с политической точки зрения, нам следует продвигаться в Германию как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения»⁵. Можно приводить бесчисленное количество свидетельств, подтверждающих стремление правительств Англии и США захватить Берлин раньше, чем в него вступят войска Советской Армии.

Таким образом, еще в ходе войны американские и английские правящие круги начали грубо попираť согласованные решения по германскому вопросу. Касаюсь вопросов заключительного этапа войны в Европе, Дж. Ф. С. Фуллер пишет: «Борьба перешла в чисто политическую сферу и велась уже не между вооруженными силами, а между двумя политическими системами: на одной стороне была система западных союзных держав,

¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. 6, p. 439.

² Там же, стр. 403.

³ См. там же, стр. 406.

⁴ Там же, стр. 408.

⁵ Там же, стр. 407.

а на другой—Россия. Речь шла о том, какая из этих двух систем будет господствовать в Восточной и Центральной Европе»¹. После всего этого весьма наивными выглядят утверждения генералов Брэдли, Эйзенхауэра и других американских военных и политических деятелей США, что в своем стремлении продвинуться как можно дальше на восток они преследовали цель оказать помощь советским войскам в разгроме остатков армий фашистской Германии.

На самом деле продвижением на восток они стремились захватить побольше территории Западной Европы, закрепиться там и сохранить реакционные режимы в странах Европы, сохранить орудие агрессии — немецкий вермахт.

«Мы должны твердо удерживать позиции, которых добились или добиваются наши армии в Югославии, Австрии, Чехословакии, на главном, центральном американском фронте и на английском фронте, простирающемся до Любека, включая Данию»², — писал Черчилль президенту США Трумэну 6 мая 1945 года.

В письме министру иностранных дел А. Идену Черчилль еще более четко выделяет то место, где говорится о том, что продвижение американо-английских войск на Восток имеет политическое значение. «Во-первых, — пишет Черчилль, — союзники не должны отступать со своих нынешних позиций к оккупационным линиям до тех пор, пока мы не будем удовлетворены в отношении Польши, а также в отношении временного характера оккупации Россией Германии и условий, которые будут установлены в руссифицированных или контролируемых русскими странами в долине Дуная, — в частности в Австрии и Чехословакии, а также на Балканах»³.

Политическое и военное руководство фашистской Германии также заботилось о сохранении господства монополистического капитала, о сохранении своих вооруженных сил. Оно считало, что этой цели можно достигнуть, если перенести центр тяжести борьбы на Восточный

¹ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. стр. 466—468.

² W. S. Churchill. The Second World War, vol. 6, p. 437.

³ Там же, стр. 439.

фронт, приостановить наступление советских войск, а остатки разбитой армии отвести на Запад, в зону оккупации американско-английской армии.

Американо-английские политические и военные деятели на заключительном этапе войны за спиной Советского Союза вели дипломатические и военные переговоры о сепаратном заключении мира с фашистской Германией. Вначале англо-американцы вели переговоры через члена шведской королевской семьи графа Бернадотта, а затем, в мае 1945 г., они вели закулисные переговоры с представителями правительства Деница. «27 апреля, — пишет фельдмаршал Монтгомери, — я получил сообщение из военного министерства, что 24 апреля Гиммлер сделал предложение о капитуляции через шведское общество Красного Креста. Гиммлер утверждает, что Гитлер безнадежно болен и что он (Гиммлер) имеет все полномочия для действия. Я не придавал большого значения этому сообщению. Насколько мне было известно, наступающие русские были более опасны, чем разбитые немцы. Практически война с немцами была окончена. Существенная и неотложная задача состояла в том, чтобы как можно быстрее продвинуться вперед, выйти к Балтике и создать здесь заслон, обращенный на Восток»¹.

Несколько позже, 4 мая, Монтгомери в своей ставке под Люнебургом подписал сепаратное соглашение с представителями Деница о капитуляции немецких войск в Северо-Западной Германии, Голландии и Дании.

И после всего этого буржуазные «историки» осмеливаются взваливать ответственность за усиление трений между западными союзниками и Советским Союзом на Советское правительство!

Следует отметить, что в период второй мировой войны существовали разногласия не только между Советским Союзом и западными союзниками, но и между США и Англией. Разногласия эти росли, развивались и к концу войны приняли наиболее острые формы. Это ярко проявилось при обсуждении планов военных действий на 1945 г. и особенно после форсирования реки Рейн.

¹ The Memoirs of Field-Marshal the Viscount Montgomery of Alamein K. g. London, 1958, p. 334.

В капиталистическом мире при решении любых вопросов принято считаться только с силой. Кто располагает большей силой, тот и диктует условия в любой сфере: экономической, политической или военной. Это положение наглядно проявилось на заключительном этапе войны в Европе. В марте 1945 г. в Западной Европе на долю американских войск приходилось $\frac{3}{4}$ сил, а на долю других западных союзных держав — $\frac{1}{4}$. Поэтому американцы считали, что если западным союзникам удастся захватить Берлин раньше, чем придут туда войска Советской Армии, то, безусловно, брать столицу Германии следует американским войскам.

Англичане хотя и не располагали превосходством сил, но считали, что вклад Англии в общее дело разгрома врага достаточно велик, чтобы столицу Германии захватили английские войска. Исходя из стремления захватить Берлин, командование английской армии в марте 1945 г. предложило план нанесения главного удара вдоль побережья Северного и Балтийского морей в общем направлении на Берлин. Принятие этого плана требовало существенного усиления 21-й группы армий, которой командовал английский фельдмаршал Монтгомери. И тогда наступление войск 21-й группы армий содействовало бы англичанам в захвате побережий Северного и Балтийского морей, овладении военными и торговыми портами вместе с кораблями торгового и военного флота. Больше того, Берлин попадал бы в полосу наступления 21-й группы армий. Но так как это явно противоречило интересам американцев, они отвергли этот план и предложили свой, по которому главный удар наносился в центре Западного фронта, в полосе наступления 12-й группы армий, которая состояла исключительно из американских войск и которой командовал американский генерал Брэдли. Этот план не исключал захвата Берлина. Но чтобы не усложнять и без того накалившиеся взаимоотношения, в оперативном плане ось перемещения главных сил намечалась: Кассель, Лейпциг, Дрезден. Таким образом, столица Германии в оперативных документах не фигурировала в качестве главного объекта наступления, хотя она находилась в полосе наступления 12-й группы армий. Кроме того, нанося главный удар в центре, американские войска захватывали богатые промышленные районы юга Германии, значительную часть Австрии и Чехословакии.

Принятие американского плана требовало значительной перепропорции сил, с тем чтобы усилить 12-ю группу армий. Поэтому приказом главнокомандующего союзными войсками на Западном фронте от 4 апреля 1945 г. 9-я американская армия из состава 21-й группы армий была выведена и передана в состав 12-й группы армий. После этого в 12-ю группу армий входило четыре армии (3, 1, 9 и 15-я), а в составе 21-й группы армий остались всего две армии (2-я английская и 1-я канадская). Правее 12-й группы армий действовала 6-я группа армий тоже в составе двух армий (7-я американская и 1-я французская).

Таким образом, по предложенному американцами плану главный удар наносился в полосе 12-й группы армий, а войска 21-й и 6-й групп должны были обеспечивать и прикрывать ее фланги. Берлин попадал в полосу наступления 12-й группы армий и был главной стратегической целью мартовского наступления 1945 г.

В предложенном американцами плане учитывались прежде всего политические цели американского империализма. Но для обоснования своих предложений они выдвигали соображения оперативного характера. Они подчеркивали, что, во-первых, капитуляция в районе Рура крупной группировки противника создавала огромную брешь в обороне врага, куда можно было бросить в наступление большие массы войск с расчетом добиться высокого темпа наступления; во-вторых, путь через центральную часть Германии проходил там, где расстояние между Западным и Восточным фронтами было наименьшим и не было таких водных преград, которые можно встретить на севере Германии при наступлении с запада на восток; в-третьих, при наступлении в центральной части Германии Берлин попадал в полосу направления главного удара и в зависимости от обстановки его можно было взять как наступлением непосредственно с запада, так и обходом с юго-востока. Наступая в центре, войска выходили к важному промышленному району Германии (Силезии) и перерезали все коммуникации между югом Германии и Берлином. Изолированную от юга столицу противника взять было бы легче, чем наступлением в лоб.

При осуществлении своего плана, когда американско-английские войска перешли в наступление, то они стара-

лись захватить побольше территории, продвигаясь в восточном направлении. В результате стремительного продвижения войск 12-й группы армий к середине апреля фланги этой группы оказались открытыми и весьма уязвимыми. Таким образом, сказался определенный просчет англо-американского командования, которое своевременно не предусмотрело мер по обеспечению флангов на случай отставания войск 21-й и 6-й групп армий. Теперь ему пришлось исправлять ошибку, а это привело к снижению темпа наступления.

Но суть все же не в этом оперативном просчете, а в том, что весной 1945 г. войска Советской Армии находились уже на Одере, в 60 километрах от Берлина. В марте — начале апреля они заканчивали подготовку для нового, решающего наступления.

Это наступление было начато 16 апреля 1945 г., а к 25 апреля войска Советской Армии, развивая стремительное наступление, рассекли и окружили главные силы противника в двух районах — между Коттбусом и Фюрстенвальде и в самом Берлине. К этому же времени наши войска вышли на рубеж реки Эльба, где встретились с американскими войсками.

Расчет американско-английского командования оказался неточным. Берлин был взят советскими войсками.

Английская и американская печать обвиняет главнокомандование западных союзников в том, что оно не проявило достаточной настойчивости в захвате Берлина, хотя якобы к 16 апреля американские войска также вышли на рубеж реки Эльба и находились на таком же удалении от Берлина с Запада, на каком располагались и войска Советской Армии. Но это есть стремление выдать желаемое за действительное. На деле же в период с 12 по 16 апреля 1945 г. американские войска своими передовыми частями вышли на реку Эльба между Магдебургом и Виттенберге. Фланги же и главные силы далеко отстали от передовых частей, тылы также не поспевали за наступающими войсками, и снабжение войск осуществлялось преимущественно транспортной авиацией.

Растяжка коммуникаций, затруднения со снабжением войск и необеспеченность флангов делали невозможным наступление англо-американских войск на Восток. В противном случае вырвавшиеся далеко вперед небольшие отряды войск могли быть легко разгромлены первым же

контрударом противника. Оперативная обстановка требовала обеспечения флангов, подтягивания главных сил и налаживания материально-технического обеспечения, что и было предпринято американо-английским командованием.

В это время главнокомандующий союзными войсками в Западной Европе генерал Эйзенхауэр доносил военному министру США: «Верно то, что мы захватили небольшой плацдарм за Эльбой, но следует помнить, что на эту реку вышли только передовые наши части; наши основные силы находятся далеко позади»¹.

Таким образом, дело не в том, что будто бы генерал Эйзенхауэр в угоду оперативным соображениям, как об этом пишет буржуазная печать, принес в жертву политические цели войны и отказался от захвата Берлина, а в том, что американо-английские войска не в состоянии были решить этой задачи. Ни правительства США и Англии, ни союзное командование в Европе никогда не изменяли своего решения захватить Берлин раньше советских войск, хотя этот город по решению Крымской конференции отходил в советскую зону оккупации. Об этом красноречивее всего говорит заявление самого Эйзенхауэра: «Что касается Берлина, я вполне готов признать, что он имеет политическое и психологическое значение... Естественно, если представится возможность захватить Берлин без больших потерь, я его возьму»².

Это вынужденное признание Эйзенхауэра свидетельствует о его намерениях. Кроме того, случайное ли дело, что первыми к Эльбе вышли войска 9-й американской армии в районе Магдебурга, непосредственно на берлинском направлении, а не в районе Дрездена. Наивно звучат слова бывшего командующего 12-й группой армий генерала Брэдли, который говорит, что он еще до выхода танков 2-й бронетанковой дивизии к Эльбе «приказал Симпсону (командующему 9-й армией. — С. М.) немедленно по выходе на западный берег этой реки захватить небольшой плацдарм на восточном берегу. При этом я вообще не думал, — продолжает Брэдли, — начать подготовку к наступлению на Берлин, как это не замедлили

¹ Ф. С. Погью. Верховное командование. М., Воениздат, 1959, стр. 459.

² Там же.

предположить некоторые наблюдатели. Я хотел одного — отвлечь немецкие войска с русского фронта восточнее Берлина»¹.

Кто бы мог подумать, что генерал Брэдли только и заботился о том, как бы помочь русским путем отвлечения на себя гитлеровских войск с советско-германского фронта! Но так как этому все равно никто не поверил бы, то генерал Брэдли добавил: «Однако мы, вероятно, смогли бы организовать наступление на Берлин, если бы согласились закрыть глаза на неизбежные потери»².

Интересно, что генералы Эйзенхауэр и Брэдли в своих воспоминаниях настойчиво подчеркивают опасность больших потерь на этом этапе войны. В чем тут дело?

Чтобы для читателя было ясно, о чем идет речь, напомним, что в конце 1944 г. в Арденнах немецкие войска имели успех главным образом потому, что Брэдли как командующий группой армий, в полосе которой готовилось контрнаступление, не принял в расчет данных разведки, сообщившей о том, что противник производит большую перегруппировку сил и средств, создавая мощный кулак на левом фланге 12-й группы армий. В результате необходимые меры предосторожности не были приняты, и контрнаступление немецких войск в Арденнах явилось внезапным для американско-английских войск.

Теперь же во время «бега к Эльбе» (конец марта — начало апреля 1945 г.) американская разведка докладывала, что немецкое командование намерено отвести свои главные силы в Австрийские Альпы, где «были сосредоточены вооружение, запасы и даже построены авиационные заводы и где был создан последний бастион немецкой обороны»³. Нам говорили, признается Брэдли, что войска для обороны Редута в первую очередь будут состоять из эсэсовских частей. Разведка называла цифру этих войск — 100 дивизий. Сведения о ста дивизиях, да еще преимущественно эсэсовских, не на шутку напугали генерала Омара Брэдли и его начальника генерала Эйзенхауэра. Они на этот раз решили быть более благодарными и приказали своим передовым отрядам остановиться на Эльбе и подождать до тех пор, пока не будут

¹ О. Брэдли. Записки солдата, стр. 577.

² Там же.

³ Там же, стр. 575—576.

подтянуты главные силы, тылы и резервы, пока войска 21-й и 6-й групп армий не выйдут на линию передовых отрядов 12-й группы армий.

Но последние данные разведки не отражали действительной обстановки. Их стоило проанализировать критически и отбросить как недостоверные: в апреле 1945 г. 100 дивизий, да еще в большинстве своем эсэсовских, в Австрийских Альпах! Откуда они могли появиться у противника?

Однако американское командование побоялось еще раз попасть впросак и приняло данные разведки за вполне достоверные, и «только после конца войны мы узнали, — признается Брэдли, — что этот хваленый Редут существовал лишь в воображении нескольких нацистских фанатиков. Слух о нем разросся до таких невероятных размеров, что теперь я просто удивляюсь нашей тогдашней наивности»¹. Действительно, как можно допустить, чтобы потерпевший полное поражение противник мог собрать остатки разбитых войск, уйти на чужую территорию, обосноваться там, чтобы попытаться отсидеться и «сохранить нацистский миф до тех пор, пока союзникам не надоела бы оккупация Германии...»².

Следовательно, страх за новое издание арденнского контрнаступления заставил американское командование остановиться на рубеже реки Эльба, когда их передовые отряды выскочили туда в середине апреля. Не сумев взять Берлин в ходе наступления, американское командование сделало вид, что оно и не намеревалось его брать. Так, генерал Эйзенхауэр в докладе военному министру в свое время писал: «Я был теперь уверен, что Берлин уже не представлял собою важный военный объект... Когда противник был близок к окончательному разгрому, военные факторы казались мне более важными, чем политические соображения, связанные с захватом столицы союзниками. Задача наших войск должна была состоять в разгроме германских армий, а не в распылении наших сил для занятия пустых и разрушенных городов»³.

Много разных казусов можно встретить в зарубежной

¹ О. Брэдли. Записки солдата, стр. 576.

² Там же.

³ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 472—473.

военной истории, но этот, пожалуй, является самым странным. Утверждение, что в конце войны политические соображения отходят на задний план и уступают место чисто военным, вообще не укладывается в логические понятия, если иметь в виду, что война есть продолжение политики, что война насквозь политика. Спрашивается, кто бы держал на посту главнокомандующего вооруженными силами человека, который не согласовывал бы свои военные действия с политическими целями войны? А политическое руководство, как было показано выше, всеми силами стремилось захватить побольше территории Германии и спасти ее реакционный режим. Может быть, для простого читателя, не искушенного в политике, и достаточно сказать, что американское командование не хотело брать столицы Германии и поэтому остановилось на рубеже реки Эльба. Но эти же писания могут читать и те, кто требовал во что бы то ни стало захватить Берлин. Поэтому американскому командованию пришлось приводить большое количество аргументов, чтобы убедить читателя в правдоподобности этой версии.

Наряду с прочими сделана попытка объяснить причину своего опоздания со взятием Берлина труднопроходимой местностью. Брэдли, например, пишет, что, когда подчиненные ему войска вышли на реку Эльба, советские армии все еще не переправились через Одер, и Берлин лежал на полпути между теми и другими. «Однако подступы к Берлину с востока были несравненно удобнее для продвижения войск, чем подступы с запада, так как к западу от Берлина простиралась заболоченная местность»¹. Военный читатель хорошо знает, какую роль играет местность для боевых действий войск, но сама по себе местность еще никогда никого не спасла от поражения и никому и никогда не даровала победы. К тому же кто поверит, что в центре Германии, с ее удобными дорогами и автострадами, которыми связан Берлин с другими районами страны, местность могла быть причиной замедления наступления современных армий!

После ознакомления с фактической стороной дела стоит ли доказывать, что такая политика западных держав, которую они проводили в годы второй мировой войны, и особенно в 1945 г., не могла способствовать

¹ О. Брэдли. Записки солдата, стр. 577.

укреплению дружбы между Советским Союзом и его союзниками в войне против фашистской Германии.

Наиболее резкое обострение взаимоотношений между СССР и западными союзниками как раз приходится на 1945 г. Война подходила к концу. Весь мир с облегчением ожидал этого момента, собираясь торжественно отметить желанную победу. Только реакционерам, врагам мира и демократии, было не по себе. Правящие круги США и Англии мучительно искали путей, чтобы восстановить «нарушение равновесия сил» в Европе. Черчилль цинично признается, что тот период кульминационного успеха был для него «наиболее печальным и мрачным» потому, что «уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренные изменения отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывающим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству. Потребовалось более двух лет, чтобы они вновь столкнулись с силой воли, равной их собственной»¹.

В этом признании одного из самых ярых защитников империализма совершенно ясно показано, что правящие круги Запада были явно обескуражены непредвиденными для них результатами войны.

Вместо ослабленного и обескровленного государства, неспособного отстаивать свои интересы, каким его хотели видеть империалисты, Советский Союз вышел из войны, как никогда, сплоченным, могучим и сильным. Наша социалистическая экономика выдержала суровые испытания войны, а хозяйство нашей страны, в том числе освобожденных районов, разграбленное и разрушенное фашистскими захватчиками, успешно и быстро восстанавливалось и развивалось. Советская Армия в ходе войны превратилась в первоклассную армию мира, способную отстаивать социалистические завоевания своего народа и обеспечить государственные интересы Советского Союза.

Исторический опыт народов Советского Союза является образцом для трудящихся всех стран мира. Вот

¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. 6, p. 400.

почему по мере приближения конца войны империалистические круги Запада испытывали «боль в сердце и их одолевали дурные предчувствия». Они тут же занялись разработкой новой стратегии и политики, которые были сформулированы ими еще в годы войны и затем стали программой всех поборников «холодной войны» в послевоенный период.

Суть этой политики и стратегии состоит в том, чтобы после разгрома фашистской Германии немедленно создать новый фронт против Советского Союза; чтобы этот фронт уходил как можно дальше на Восток; чтобы урегулирование между Западом и Востоком по всем основным вопросам, касающимся Европы, было достигнуто до того, как американско-английские армии уйдут оттуда или западные державы уступят какую-либо часть германской территории, которую они захватили¹.

Таким образом, международное сотрудничество участников антифашистской коалиции, установившееся в годы войны, и подписанные обязательства на этот счет попирались и предавались забвению уже в ходе войны. Но создавалось впечатление, что инициаторами обострения отношений с Советским Союзом были англичане. На самом деле, правительства США и Англии действовали сообща, но американское проявляло известную осторожность по отношению к Советскому Союзу, так как после окончания войны в Европе предстояла еще нелегкая борьба с империалистической Японией, силы которой оценивались очень высоко, и военно-политическое руководство США было крайне заинтересовано в том, чтобы Советский Союз вступил в войну на Дальнем Востоке. В этом было заинтересовано и английское правительство, полагавшее, что военные действия Советской Армии на Востоке отвлекли бы внимание Советского Союза от европейских дел.

До разрыва между Советским Союзом и западными державами тогда дело не дошло. Правительства Англии и США не могли в тот период пойти на полный разрыв с Советским Союзом и открыто провозгласить антисоветскую политику. Причиной этому были искренние стремления широких народных масс до конца разделаться с фашистскими агрессорами. Повернуть тогда американско-

¹ См. W. S. Churchill, The Second World War, vol. 6, p. 400.

английские армии сразу же против Советского Союза было совершенно невозможно. «В то время, — пишет Черчилль, — когда военные дела в Европе и на Дальнем Востоке шли так хорошо, мог появиться открытый разлад, который затронул бы, по крайней мере в Англии, не только правительство, но и всю толщу народных масс»¹.

Вот эта-то толща народных масс и заставляла правительство Англии и США сохранять в тайне от народа свою антисоветскую политику и проводить ее исподтишка.

Правящие круги США и Англии не меняли своей политики по отношению к Советскому Союзу как во время войны, так и после ее окончания. Это нагляднее всего видно из выступления тогдашнего президента США Трумэна, который в послании конгрессу от 19 декабря 1945 г. «О реорганизации вооруженных сил» писал: «Мы все должны признать, что победа, которую мы одержали, возложила на американский народ бремя постоянной ответственности за руководство миром. Будущий мир во всем мире будет во многом зависеть от того, докажут ли Соединенные Штаты, что они полны решимости сохранить свою роль руководителя всех наций»².

Позднее, в марте 1946 г., в речи, произнесенной в американском городе Фултоне, Черчилль в присутствии президента США призывал англосакские народы к крестовому походу против коммунизма. Эта речь поразила тогда многих честных людей, не искушенных в политике, но она явилась лишь открытым изложением мыслей и чаяний империалистических кругов Англии и США, которые они вынашивали в годы, предшествовавшие второй мировой войне, и в ходе самой войны. Разница лишь в том, что на этот раз он осмелился открыто сформулировать доктрину «превентивной войны», чем было положено начало так называемой «холодной войне».

Враг капитулировал под ударами Советских Вооруженных Сил

Военные действия советских войск в Европе в 1945 г. продолжались с января до 9 мая. За эти четыре месяца Советские Вооруженные Силы завершили разгром ар-

¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. 6, p. 370.

² «Коммунист», 1960, № 9, стр. 100.

мий фашистской Германии. От гитлеровского ига были освобождены Польша, Венгрия, Чехословакия, значительная часть Югославии и ее столица Белград, созданы условия для освобождения Албании и других стран Европы. Войска Советской Армии заняли восточную часть Германии, овладели значительной частью Австрии.

В этой кампании было разгромлено 170 дивизий и 20 бригад только немецких войск, находившихся на советско-германском фронте к началу 1945 г.¹ Противник потерял убитыми более миллиона солдат и офицеров и пленными — свыше 2 миллионов человек². Советские войска уничтожили и захватили 6 тысяч самолетов, 12 тысяч танков, свыше 23 тысяч полевых орудий и минометов и много другой боевой техники.

8 мая 1945 г. представители разбитой наголову армии фашистской Германии вынуждены были подписать акт безоговорочной капитуляции. Вторая мировая война в Европе, продолжавшаяся шесть лет, закончилась полным поражением фашистской Германии и ее союзников в Европе. Человечество и его цивилизация были спасены от фашистского варварства, и в этом, по единодушному признанию всех прогрессивных сил мира, бесспорная и, безусловно, решающая заслуга советского народа и его Вооруженных Сил.

Историческая победа Советских Вооруженных Сил в 1945 г. была подготовлена долгим и упорным, поистине героическим трудом советского народа, обеспечивавшего свою армию всем необходимым для успешного ведения вооруженной борьбы.

В Великой Отечественной войне с исключительной наглядностью проявились великая жизненная сила социалистического общественного и государственного строя, готовность советского народа с оружием в руках отстоять великие завоевания Октябрьской социалистической революции от любых агрессивных действий врагов нашей социалистической Родины.

Созданные советским народом под руководством Коммунистической партии Вооруженные Силы с честью выдержали суровые испытания войны и показали высокий уровень развития советского военного искусства.

¹ См. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 671.

² Там же, стр. 735.

Завершающая кампания Советских Вооруженных Сил в Европе характерна тем, что наступление началось 12 января 1945 г. одновременно на ряде стратегических направлений от Прибалтики до Карпат в полосе 1200 километров и продолжалось до полного разгрома вооруженных сил фашистской Германии.

Проведение согласованных между собой наступательных операций одновременно на нескольких стратегических направлениях, как показал опыт, является наиболее решительным и эффективным способом ведения стратегического наступления. Такое наступление приводило к расчленению и дроблению фронта противника, создавало благоприятные условия для окружения и полного разгрома крупных группировок врага, лишало его возможности осуществлять более или менее крупные мероприятия по срыву наступления и восстановления взломанного на большом пространстве фронта.

Такой способ наступления мог быть применен только могущественной армией при выгодном соотношении сил и средств.

Хотя к началу 1945 г. вооруженные силы фашистской Германии и насчитывали 7,5 миллиона человек, имели 43 тысячи орудий и минометов, около 7 тысяч танков и примерно столько же самолетов, однако к этому времени военно-экономическая мощь страны уже была подорвана. К январю 1945 г. гитлеровцы потеряли 15 процентов всех мощностей германской промышленности¹. Была нарушена связь между отдельными отраслями промышленности.

Дальнейшие потери территории в 1945 г. и связанное с этим падение производственных мощностей привели к катастрофическому сокращению военного производства Германии.

Следовательно, не бомбардировки американско-английской авиации, а непосредственное вторжение войск Советской Армии в пределы Восточной Германии оказали решающее влияние на экономику фашистской Германии и вызвали резкое сокращение промышленного и военного производства противника.

¹ См. Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг., стр. 129.

Особые затруднения фашистская Германия ощущала в области восполнения потерь действующей армии. Численность ее вооруженных сил за один только 1944 г. сократилась на 26,5 процента. Потери, которые несла армия фашистской Германии в 1945 г., не восполнялись и наполовину. Например, безвозвратные потери противника на советско-германском фронте в январе — феврале 1945 г. составляли свыше 600 тысяч человек, тогда как на фронт за это время поступило всего лишь 297 тысяч солдат и офицеров. В последующие месяцы разрыв между потерями и поступлением пополнения на фронт все более увеличивался.

Вооруженные Силы Советского Союза в 1945 г. хотя в количественном отношении в основном оставались на уровне последних месяцев 1944 г., однако техническая их оснащенность резко повысилась. По сравнению с 1944 г. количество боевой техники, приходившейся на одну стрелковую дивизию, возросло: по танкам и самоходно-артиллерийским установкам — на 60 процентов, по самолетам — на 27 процентов и по орудиям — на 10 процентов.

К тому же стратегическое положение советских войск было весьма хорошим. К началу 1945 г. они занимали выгодное положение для нанесения завершающих ударов по вооруженным силам фашистской Германии. Сокращение общей протяженности линии фронта с 4400 километров в 1944 г. до 2200 километров в 1945 г. позволило нашему командованию резко увеличить боевой и численный состав действующих фронтов и повысить плотность живой силы и боевой техники на один километр фронта. Все это давало возможность создавать на главном направлении мощные группировки и достигать решительного перевеса сил и средств над врагом.

Выгодное соотношение сил и средств, огромный опыт и высокий уровень оперативного и стратегического руководства привели к тому, что общие сроки проведения стратегических наступательных операций советских войск резко сократились по сравнению с аналогичными операциями предыдущих периодов, а глубина и темпы операций возросли. В операциях завершающей кампании в Европе наши стрелковые войска наступали с темпом 25—30 километров в сутки. При этом бронетанковые и механизированные войска в операциях 1945 г. были

подлинно ведущей силой наступления. Танковые армии смело и решительно устремлялись в оперативный прорыв и в отдельные дни наступали с темпом до 100 километров в сутки, действуя на удалении от стрелковых войск на 50—70 километров.

Искусные перегруппировки сил и средств во время заключительной кампании в Европе были дополнительным резервом Советских Вооруженных Сил. С одного участка фронта на другой перебрасывались не отдельные дивизии или армии, а целые фронтовые объединения. Так, 2-й Белорусский фронт с восточнопрусского направления в феврале 1945 г. был переброшен в Померанию, а после ликвидации крупной группировки врага в районе Гдыня и Данциг он был сосредоточен в нижнем течении Одера, где принял значительную часть полосы 1-го Белорусского фронта, а последний, сузив полосу наступления, смог создать наиболее сильную группировку на берлинском направлении.

Единство действий фронтовых объединений было типичным для советских войск на фронтах Великой Отечественной войны.

Советско-германский фронт и в 1945 г. оставался главным, решающим и определяющим по отношению к другим фронтам второй мировой войны. Это видно из того, что основные силы армии фашистской Германии по-прежнему оставались на Восточном фронте. Если к началу 1945 г. на всех фронтах на Западе противник держал до 108 дивизий и 7 бригад, то на советско-германском фронте в это же время враг имел 185 дивизий и 21 бригаду¹, или 60 процентов всех своих дивизий. При этом дивизии Восточного фронта были вооружены и укомплектованы значительно лучше, чем дивизии, действовавшие на Западе.

Оценивая выдающиеся победы Советской Армии, президент США Ф. Рузвельт писал:

«Подобных достижений может добиться только армия, обладающая умелым руководством, прочной организацией, соответствующей подготовкой и прежде всего решимостью победить противника, невзирая на собственные жертвы. В то же самое время я хочу воздать должное русскому народу, в котором Красная Армия берет

¹ См. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 671.

свои истоки и от которого она получает людей и снабжение»¹.

Аналогичное признание сделал и Черчилль в 1945 г.: «Красная армия празднует свою двадцать седьмую годовщину с триумфом, который вызвал безграничное восхищение ее союзников и который решил участь германского милитаризма. Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед»².

Так оценивали решающий вклад Советского Союза в дело победы над фашистской Германией во второй мировой войне союзники по антигитлеровской коалиции. Но коль скоро теперь они плетутся в одной упряжке агрессивного блока НАТО вместе с западногерманскими реваншистами, то прежние оценки и высказывания отброшены прочь. Непреложные исторические факты подаются и толкуются в угодном империалистам направлении.

Вот, например, английский военный историк Эрман в книге «Большая стратегия», которая является составной частью шеститомной официальной истории второй мировой войны, пишет, что взаимосвязь между Западным и Восточным фронтами существовала и неизменно увеличивалась и что эта «взаимосвязь между двумя основными фронтами была уже на деле подтверждена контрнаступлением немцев в Арденнах»³.

Однако эта взаимосвязь, в изложении Эрмана, состояла не в том, что советские войска своим наступлением в январе 1945 г. спасли англо-американские войска от того бедственного положения, в котором они оказались в результате неожиданного для них наступления гитлеровских войск в Арденнах, а в том, что само наступление последних в конце 1944 г. стало возможным только ввиду «пассивности» или даже полного «бездействия» советских войск во второй половине 1944 г., что только в результате «пассивности» советских войск на советско-германском фронте была будто бы предоставлена свобода действий войскам фашистской армии на

¹ Переписка... т. II, стр. 57.

² Там же, т. I, стр. 310.

³ Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944—август 1945, стр. 88.

Западном фронте. «И действительно, — утверждает Дж. Эрман, — подготовка немцев к этому сражению и его ход, а также связанная с этим переброска ими на Запад дивизий, которые могли бы быть использованы на Востоке, как нельзя лучше иллюстрируют постоянно возрастающую взаимозависимость военных усилий союзников. Непосредственным результатом ослабления немцами Восточного фронта явилось то, что к концу декабря Красная Армия смогла сосредоточить к северу от Карпат не менее 180 дивизий и около 9 тыс. самолетов. Но хотя русские, казалось, были готовы к наступлению, западные союзники, несмотря на свои частные запросы, оставались в полном неведении относительно намерений Москвы»¹.

Получается, что советские войска якобы своей пассивностью на основном стратегическом фронте в конце 1944 г. и в начале января 1945 г. обеспечили возможность немецкому командованию организовать контрнаступление в Арденнах.

Дж. Ф. С. Фуллер в работе «Вторая мировая война 1939—1945 гг.» пишет: «Странно, что в обстановке, которая создалась в результате вторжения во Францию, на русско-польском фронте, с середины августа 1944 г. до середины января 1945 г., не произошло ничего важного»².

Но еще более странно, когда военный историк, делая подобные обобщения, обращает свое внимание на один сравнительно небольшой участок фронта, общая протяженность которого 4 тысячи километров, и не желает замечать событий, происходящих на других. А ведь Фуллер не может не знать, что в период со второй половины августа по 15 января на советско-германском фронте был проведен ряд крупнейших наступательных операций, в том числе Ясско-Кишиневская, которая осуществлялась силами 2-го и 3-го Украинских фронтовых объединений.

В сентябре — октябре 1944 г. войска Ленинградского и трех Прибалтийских фронтов разгромили группу ар-

¹ Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944—август 1945, стр. 88.

² Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 458.

мий «Север» и освободили Прибалтику. В ноябре — декабре 1944 г. советские войска вели напряженные сражения на южном крыле советско-германского фронта в районе Будапешта и в самом городе. Все эти операции в значительной степени ослабили армию фашистской Германии и намного приблизили окончательную победу над врагом. В угоду реакционным силам Запада буржуазные историки и публицисты одним росчерком пера честное и добросовестное выполнение Советским правительством своих союзнических обязательств и героические усилия советских войск превращают в злой умысел, в подвох.

Американо-английские историки и мемуаристы к решению важнейшего вопроса координации действий союзных войск в войне подходят с чисто эгоистических позиций. Они признают взаимосвязь между фронтами, но излагают исторические события так, что будто бы только американо-английские войска вели военные действия с полным напряжением сил и средств. Они не говорят, что на Западе действовали в основном слабовооруженные, неполной численности дивизии врага. А стоит появиться на Западном фронте свежей дивизии, как они начинают упрекать русских в неактивности.

Различного рода сравнениями, замечаниями, брошенными как бы мимоходом, а иной раз и прямыми оскорбительными выпадами против Советского Союза и его Вооруженных Сил буржуазные авторы стремятся принизить результаты и значение побед наших Вооруженных Сил.

Так, американский генерал Брэдли в книге «Записки солдата» говорит, что весной 1945 г., после форсирования Рейна в районе Бонн, Эссен и местечко Липштадт, американо-английские войска замкнули фронт окружения вокруг пруппы армий «Б», которой командовал Модель. Это окружение было более крупным, чем окружение немецко-фашистских войск в битве на Волге¹.

Для придания правдоподобности этой версии Брэдли воспользовался тем, что Паулюс, капитулировавший на Волге, командовал только армией, а в районе Бонн,

¹ См. О. Брэдли. Записки солдата, стр. 567—568.

Эссен и Липштадт Модель командовал группой армий. С оперативной точки зрения группа армий — более крупное оперативное объединение, ибо оно обычно состоит из нескольких армий. Но если рассмотреть вопрос по существу, то тенденциозность этого измышления становится совершенно очевидной. Достаточно вспомнить, что в битве на Волге советские войска только в ходе контрнаступления уничтожили 32 дивизии и 3 бригады противника, а 16 дивизиям нанесли серьезные поражения. При этом противник ожесточенно сопротивлялся до конца, он прилагал все усилия к тому, чтобы деблокировать окруженную группировку.

Окружение же в районе Бонн, Эссен, Липштадт было совершено в то время, когда на всем Западном фронте противник имел всего лишь около 70 слабовооруженных, неполной численности дивизий. Моральное состояние армии врага было окончательно подорвано. «Оглядываясь теперь назад, — пишет Типпельскирх, — трудно понять смысл продолжения борьбы немцами, особенно когда на Западе с потерей Рейна пала последняя преграда; впрочем, эта преграда имела скорее лишь символическое значение, если учитывать соотношение сил воюющих сторон»¹. Вот при таких условиях была окружена 21 дивизия противника, причем каждая из этих дивизий была укомплектована лишь на 25—50 процентов. Эта группировка противника сразу же сдалась, не оказав серьезного сопротивления американским войскам. Разумеется, никакой попытки деблокировать окруженную группировку не было предпринято.

Победа Советской Армии в битве на Волге известна всему миру. Что же касается окружения немецких войск восточнее Рейна в промышленном районе Рура, то о нем знают только историки, тщательно занимающиеся изучением истории второй мировой войны.

Итак, через военно-историческую литературу Запада красной нитью проходит стремление авторов принизить роль советско-германского фронта и возвеличить победы американско-английских войск. Говоря о наступлении Советской Армии зимой 1945 г., Лиддел Гарт утверж-

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 533.

дает, что «закон перенапряжения усилий (в результате слишком большой растянутости линий коммуникаций) снова вступил в действие, и русские были задержаны на востоке до тех пор, пока исход борьбы не был окончательно решен на западе»¹.

Таким образом, получается, что в силу придуманного автором «закона перенапряжения усилий» исход борьбы против фашистской Германии был окончательно решен американо-английскими войсками, а советские войска были простыми свидетелями. Хотя всему миру известно, что вслед за зимним наступлением 1945 г. последовало еще более мощное наступление в апреле того же года, которое и решило исход войны. Германия капитулировала в первых числах мая после взятия Берлина Советской Армией.

Поскольку проблемы истории второй мировой войны истолковываются в духе идеологической подготовки к новой войне против Советского Союза, за рубежом говорят о его армии как об отсталой и технически слабо оснащенной. Генерал Брэдли, например, в таких словах повествует о том, как в 1945 г. в районе Торгау советские войска наводили мост через реку Эльба: «Посредине реки пыхтел копер довольно примитивной конструкции. За исключением парового двигателя на этом копре ничего не изменилось в русских методах наведения мостов с тех времен, когда почти 200 лет тому назад Петр I сосредоточил в районе Торгау свои армии, готовясь выступить вместе с австрийцами против Фридриха Великого»².

Трудно сказать, чего больше в этом высказывании — чванливого самодовольства или профессионального невежества. Прежде всего, американский генерал весьма смутно знаком с военной историей. Как известно, войну с Фридрихом Великим, получившую название Семилетней войны (1756—1763 гг.), Россия вела спустя несколько десятилетий после смерти Петра I. Что же касается существа дела, то ему следовало бы иметь в виду, что в период Великой Отечественной войны войска Советской Армии многие крупнейшие реки (Днепр, Днестр, Буг, Висла, Одер и др.) форсировали с ходу. Спрашивается, как могла Советская Армия форсировать такие

¹ Б. Х. Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, стр. 432.

² О. Брэдли. Записки солдата, стр. 590.

крупные водные преграды с ходу, если она не способна в короткий срок навести мосты, обеспечивающие прохождение современных танков, артиллерии, автомашин различных марок и другой боевой техники?

Стремясь представить Советскую Армию как армию, побеждающую только за счет численного превосходства, Фуллер утверждает, что к 1945 г. на семи фронтах русских войск на советско-германском фронте «насчитывалось, по меньшей мере, 300 дивизий и 25 танковых армий, за которыми следовали многочисленные казачьи войска»¹.

Что же касается сил противника на Востоке, то всего, по данным Фуллера, немцы имели 7 армий и «если исключить части фольксштурма и чисто гарнизонные войска, то вряд ли германские полевые армии насчитывали более 100 ослабленных дивизий, практически не имевших запасов горючего для самолетов, танков и транспорта»².

Фуллер настолько увлекся своими изысканиями относительно численного превосходства Советской Армии над противником, что танковые ее корпуса он считает за армии, а бригады — за дивизии. Что же касается войск противника, то они, видите ли, и не укомплектованы, и не вооружены, и не обучены. Вывод из всего этого очевиден: чего проще воевать, имея 300 дивизий против 100 дивизий и 25 танковых армий против врага, танки которого не имеют горючего. Правда, насыщенность армии танками — это показатель именно ее высокой технической оснащенности. Таким образом, Фуллер доказывает как раз то, что задумал опровергнуть. В самом подсчете, как уже сказано выше, он также допускает передержки. Если считать точно, то в Советских Вооруженных Силах в период Великой Отечественной войны было всего лишь 6 танковых армий, а не 25. Но какое Фуллеру до этого дело? Ему важно создать любой ценой видимость обоснованности своих измышлений.

Но если английские и американские авторы говорят о двойном-тройном численном превосходстве советских

¹ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 460.

² Там же.

войск над противником, то битые немецкие генералы этим не хотят довольствоваться. «Германский генеральный штаб сухопутных сил, — говорит Типпельскирх, — оценивал превосходство русских в пехоте соотношением 11 : 1, в танках — 7 : 1, в артиллерии — 20 : 1. Превосходство русских в авиации также было достаточно велико, чтобы обеспечить себе господство в воздухе. В целом соотношение сил было таково, что успех немецкой обороны (при наступлении зимой 1945 г. — М. С.) почти исключался, даже если предположить крайнее упорство войск и искусное управление ими»¹.

Таким образом, если одному кажется, что тройного превосходства достаточно, чтобы одержать победу над противником, то другой считает «обидным», чтобы такую армию, как гитлеровская, били тройным превосходством. Типпельскирх утверждает, что это превосходство было от 7- до 20-кратного.

В действительности соотношение сил на советско-германском фронте, конечно, не оставалось неизменным. В 1942 г. оно было равным. К 1944 г. превосходство было полуторное на стороне Советской Армии, а к 1945 г. оно увеличилось до двойного.

В этом мы усматриваем великую жизненную силу общественного и государственного строя Советского Союза, который в ходе войны наращивал силы и удары по врагу. Было бы лучше, если бы Фуллер, Типпельскирх, Лиддел Гарт и другие не занимались злословием о «примитивности военных действий на советско-германском фронте» и подсчетом придуманных цифр, а рассказали бы о действительной силе и могуществе Советского Союза, о мощи Советских Вооруженных Сил, особенно на современном этапе их развития. Это, может быть, послужило бы исходными данными в оценке обстановки некоторыми политическими деятелями и предотвратило бы принятие решений, подобных тем, которые были приняты правителями фашистской Германии, начавшими войну против СССР.

Много пишут за границей о роковых решениях Гитлера, приведших к проигрышу той или иной операции. Однако вместо этого буржуазным историкам следовало

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 507.

бы сказать, что роковым было решение правительства фашистской Германии напасть на Советский Союз. Судьба фашистской Германии была предрешена тогда, когда гитлеровская армия напала на Советский Союз.

Взявшись за идеологическую обработку своих народов, буржуазные авторы не жалеют черных красок в освещении действий Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. Они сознательно извращают итоги войны, направляя свои усилия к тому, чтобы вытравить из сердец миллионов и миллионов людей на земном шаре благодарную память о бессмертном подвиге советского народа и его армии.

Глава одиннадцатая

РОЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В РАЗГРОМЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЯПОНИИ

Империалистическая Япония продолжает войну

Империалистическая Япония была одним из главных организаторов и зачинщиков второй мировой войны. Вступив в преступный сговор с фашистскими государствами (Германией и Италией), правящая клика империалистической Японии развязала и вела агрессивную войну против Китая и других народов Дальнего Востока, войну против США и Англии и готовилась к нападению на СССР с целью установления совместно с фашистской Германией мирового господства.

После разгрома фашистской Германии и окончания войны в Европе империалистическая Япония была единственной великой державой, которая все еще стояла за продолжение войны. На обращение правительств США, Англии и гоминдановского Китая от 27 июля 1945 г., призывавших японцев к безоговорочной капитуляции, правительство империалистической Японии на второй же день ответило решительным отказом. Премьер-министр Японии Судзуки заявил: «Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны»¹.

Посмотрим, насколько обоснована такая позиция империалистов Японии. Имели ли они реальные возмож-

¹ История войны на Тихом океане, т. IV. М., Изд-во иностранной литературы, 1959, стр. 201.

ности для того, чтобы затянуть войну в бассейне Тихого океана еще на длительный срок?

Отрицая значение Советского Союза в разгроме империалистической Японии, буржуазные историки стремятся доказать, что она была разбита раньше вступления Советского Союза в войну на Дальнем Востоке. Так, в официальном издании материалов комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации США «Кампании войны на Тихом океане» говорится: «Вследствие истощения ресурсов, разгрома флота, не имеющего топлива, и опраниченных в своих действиях, из-за нехватки бензина, воздушных сил, ограниченных даже для того, чтобы осуществить последние массовые атаки смертников, Япония окончательно потеряла способность вести войну»¹.

«Япония, — повторяет выводы этой комиссии бывший гитлеровский адмирал Руге, — какой она была зимой 1944/45 г., можно сказать, что эта страна, уже будучи разбитой, не желала признавать себя таковой»².

Все другие буржуазные авторы, которые писали уже после выхода книги Руге, обычно ссылаются на нее, как на авторитетный источник. Немецкий адмирал флота в отставке Вильгельм Маршалль, например, пишет: «Вице-адмирал в отставке Руге, широко используя американские и японские материалы, написал книгу «Entscheidung im Pazifik», которая дает нам, немцам, единственную в своем роде возможность полностью и правильно понять ход событий, отмечая в сторону все привнесенное в них фантастическими сводками военного времени»³.

Для того чтобы показать несостоятельность утверждений буржуазных авторов относительно полной слабленности экономики империалистической Японии к началу 1945 г., необходимо хотя бы кратко рассмотреть ее фактическое состояние. Факты показывают, что японская промышленность, и прежде всего военная промышленность, вполне обеспечивала армию, авиацию и флот вооружением и боеприпасами.

¹ Кампании войны на Тихом океане. М., Воениздат, 1949, стр. 488.

² Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 372.

³ Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 395.

Основой современного военного производства, как известно, является металлургия. В Японии выплавка чугуна и стали в годы войны увеличивалась вплоть до 1943 г., когда было выплавлено чугуна 6 148 тысяч тонн и стали 8 838 тысяч тонн. Из них в собственно Японии было выплавлено чугуна 3 813 тысяч тонн и стали 7 821 тысяча тонн. Начиная с 1944 г. выплавка металла начала сокращаться. Всего за 1944 г. было выплавлено чугуна 4 612 тысяч тонн и стали 6 503 тысячи тонн. Сокращение началось главным образом со второго квартала. Это видно из следующих данных: в первом квартале было выплавлено 2 143 тысячи тонн, во втором квартале — 1 560 тысяч тонн, в третьем квартале — 1 605 тысяч тонн и в четвертом квартале — 1 195 тысяч тонн¹. В начале 1945 г. в экономике Японии никаких принципиальных изменений по сравнению с четвертым кварталом 1944 г. не произошло и ее промышленность оставалась примерно на уровне конца 1944 г.

Таким образом, факты показывают, что можно говорить о резком сокращении производства вообще и выплавки металла в том числе, но не о полном прекращении его, как это пытаются представить в настоящее время военные историки США и Англии. При этом резкое падение производства стали в стране объясняется не столько бомбардировками, о которых так много пишут в США, а общей структурой японской черной металлургии. В предвоенные годы в Японии делался упор на то, чтобы создать запасы железного лома и наладить производство чугуна в колониях, а производство стали — в метрополии. Такая структура черной металлургии не могла выдержать испытаний военного времени. Истощение запасов железного лома, трудности транспортировки железной руды и чугуна по морю из колоний в метрополию усложняли работу предприятий черной металлургии.

Но несмотря на падение производства стали, военное производство Японии оставалось на сравнительно высоком уровне.

Выпуск танков, самоходных пушек и бронемашин в годы войны²:

¹ См. Дж. Б. Коэн. Военная экономика Японии. М., Изд-во иностранной литературы, 1951, стр. 127.

² См. там же, стр. 241.

Год	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г. (первое полугодие)
Количество машин	1024	1279	1295	786	268

Допустим, что на производство одного танка расходовалось 30 тонн стали, то для сокращения производства танков, по состоянию сталелитейной промышленности в 1944 г., не было никаких оснований. Здесь дело в другом. Когда империалистическая Япония готовилась к войне на материке с Советским Союзом, выпуск танков и бронемашин неизменно увеличивался, но, как только правящие круги империалистической Японии убедились в бесперспективности войны с Советским Союзом и отложили свое вступление в войну с ним, произошло принципиальное изменение в структуре военного производства и выпуск танков начал резко сокращаться. Японские войска, разбросанные на островах Тихого океана, либо совсем не применяли танков, либо располагали одним-двумя десятками легких бронетранспортеров. Годовая потеря танков японской армии во время войны на Тихом океане была ниже годового их производства.

Производство самолетов в империалистической Японии в годы войны ¹:

Год	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г. I (первая половина года)
Количество самолетов	5088	8861	16 693	28 180	11 066

Выпуск самолетов промышленностью империалистической Японии, как видно из таблицы, неизменно увеличивался вплоть до 1944 г. и оставался довольно высоким в 1945 г. (только за первую половину года было выпущено свыше 11 тысяч самолетов). Правда, начиная с 1944 г. японская промышленность выпускала

¹ См. Дж. Б. Коен. Военная экономика Японии, стр. 226.

преимущественно одномоторные самолеты, на которых летали летчики «камикадзе» («смертники»).

Судя по запасам вооружения и снаряжения разгромленной Квантунской армии, можно сделать вывод, что вооружение, выпускаемое промышленностью Японии в период с 1940 по 1945 гг., полностью не расходовалось. Поэтому армия располагала большими запасами артиллерийских снарядов, авиационных бомб, химических боеприпасов и другого вооружения. И не удивительно, ведь на протяжении всей войны, вплоть до лета 1945 г., вооруженные силы империалистической Японии длительных операций крупного масштаба, которые сопровождались бы большими материальными издержками, не вели. Военные действия на островах Тихого океана велись весьма ограниченными наземными силами, вооруженными преимущественно ручным оружием и легкой артиллерией. В Китае серьезные боевые действия японцам приходилось вести только против 8-й и новой 4-й народно-революционных армий, которые героически сражались против интервентов, но вооружены они были относительно слабо.

По имеющимся данным, запасы нефти в Японии в 1939 г. составляли 51 миллион баррелей¹ (несколько больше 8 миллионов тонн).

В ходе войны запасы нефти быстро истощались, и к началу 1945 г. они составляли всего лишь 4946 тысяч баррелей. Однако вместе с текущей добычей нефти и производством синтетического горючего японцы при строжайшем режиме могли удовлетворять потребности своей авиации и флота.

Доктор экономических наук Лукьянова М. И., специально занимавшаяся исследованием экономики Японии во второй мировой войне, пришла к выводу, что, несмотря на налеты американской авиации, Япония в конце войны обладала крупными мощностями в военной и тяжелой промышленности. По самым преувеличенным данным, производственные мощности японской промышленности в результате бомбежек сократились в среднем на 25—30 процентов. При этом судостроение оказалось разрушенным на 20 процентов², а текстильная промыш-

¹ Мера жидкости, равная 158,24 кг.

² См. М. И. Лукьянова. Японские монополии во время второй мировой войны. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 138.

ленность в результате бомбежек потеряла 7—8 процентов своих производственных мощностей.

Приведенные данные красноречиво говорят о том, что, хотя империалистическая Япония на восьмом году войны и испытывала большие экономические затруднения, все же положение признать катастрофическим нельзя. Армия империалистической Японии имела на вооружении все необходимое для продолжения войны. Боевые качества японской армии и способность ее вести оборонительные операции были довольно высокими.

Следует остановиться еще на одной проблеме — на влиянии атомной бомбы на ход войны на Тихом океане. Известно, что к лету 1945 г. американцам удалось создать три атомные бомбы. Одна из них была использована в экспериментальных целях 15 июля 1945 г. Вторая была сброшена на город Хиросима 6 августа (по американскому времени) и третья — на город Нагасаки 9 августа.

Наиболее сильно пострадали город Хиросима и его жители. Все здания в радиусе 2 километров от эпицентра взрыва были полностью разрушены, а в радиусе 12 километров подверглись более или менее значительным разрушениям. Атомными бомбами в городах Хиросима и Нагасаки было убито и искалечено 447 тысяч мирных жителей.

Однако эти страшные бедствия, обрушившиеся на города Японии, не повлияли на решение правительства и главной ставки Японии продолжать войну. После взрыва атомных бомб связь городов Хиросима и Нагасаки с внешним миром прекратилась. Правительство скрыло от народа количество жертв и характер нового оружия, примененного американцами. Японские газеты на второй день после взрыва атомной бомбы над городом Хиросима в коротких заметках сообщили о том, что американская авиация совершила налет на город и сбросила новый вид оружия. Однако, говорилось в инструкции, выпущенной органами противовоздушной обороны, достаточно надеть белую одежду или укрыться в убежище, чтобы избежать опасности от его поражения.

Правительственные органы весьма слабо реагировали на эти события. Достаточно сказать, что по поводу атомных взрывов не был даже собран кабинет

министров, а намеченное заседание высшего военного совета по руководству войной было отменено. Руководителей правительства интересовал только один вопрос: какие меры предпримет Советское правительство. И когда из Москвы поступило сообщение о том, что Советский Союз считает себя в состоянии войны с Японией с 9 августа, то немедленно был созван кабинет министров, который после длительных дебатов, продолжавшихся несколько суток, принял решение: капитулировать перед американцами и англичанами, содействовать им в односторонней оккупации Японии и одновременно продолжать войну против Советского Союза.

Таким образом, связывать окончание второй мировой войны с применением атомных бомб, как это делает американская пропаганда, нет никакого основания. Прогрессивные историки Японии, тщательно изучавшие этот вопрос, справедливо замечают, что «использование атомной бомбы было для Соединенных Штатов скорее не последним военным действием во второй мировой войне, а первым серьезным сражением в холодной войне, которую они ведут против России»¹.

Теперь рассмотрим планы американо-английского командования с точки зрения политических целей войны на Тихом океане.

Широко известно, что война на Тихом океане велась из-за господства на Дальнем Востоке, и прежде всего в Китае. Японское проникновение в Китай создало реальную угрозу потери для американцев крупнейшего рынка сбыта, каким был Китай, потери страны, которая являлась самым желанным для США объектом вложения капитала. Больше того, это означало бы потерю для США и японского рынка — главного потребителя американского металлического лома и хлопка. Империалистическая Япония, обосновавшись в Китае, могла захватить чрезвычайно выгодные позиции, которые позволили бы ей полностью вытеснить США из Юго-Восточной Азии. Следовательно, захват Японией Китая создавал реальную угрозу полной потери США богатейших дальневосточных рынков. Поэтому империалисты США не могли допустить, чтобы японцы захватили весь Китай.

¹ История войны на Тихом океане, т. IV, стр. 205.

Кроме того, США не хотели, чтобы империалистическая Япония утвердилась в качестве победителя на Дальнем Востоке. Но вместе с тем они не были заинтересованы и в полном разгроме Японии. Рост сил китайской демократии и все развивающееся национально-освободительное движение народов Востока вызывали большое опасение у империалистических кругов США и Англии. Главной целью правящих кругов США и Англии было не допустить появления по соседству с СССР независимого демократического Китая.

Господствующие классы США рассчитывали поставить обе воюющие страны (Японию и Китай) в зависимость от США. Они выжидали момент, когда Япония и Китай истощатся во взаимной борьбе, чтобы перейти «к прямому вмешательству с целью навязать Японии и Китаю такой мир, который наиболее отвечает империалистическим интересам США на Дальнем Востоке»¹. Именно поэтому империалисты США на протяжении длительного периода оказывали военную помощь одновременно и гоминдановскому правительству и империалистической Японии, находившимся в состоянии войны между собой. Сущность политики американских империалистов состояла в том, чтобы «руками японцев уничтожить коммунистические силы» в Китае. Этот вывод лучше всего подтверждается состоянием японо-американской торговли в период от начала японо-китайской войны до нападения японцев на Пирл-Харбор.

• В 1940 г. доля американских товаров в импорте империалистической Японии составляла по нефти и нефтепродуктам 65,57 процента, по металлоизделиям и машинам — 77,09, по стали и металлическому лому — 90,39, по меди — 90,39, по самолетам и запасным частям к ним — 76,92 и по металлическим сплавам — 99,33 процента. При этом, если в 1940 г. из США было вывезено металлического лома на 4 700 тысяч фунтов стерлингов и на 1 487 тысяч фунтов стерлингов чугуна и литой стали, то в 1941 г. металлического лома из США в Японию было вывезено на 227 миллионов фунтов стерлингов и на 5 614 тысяч фунтов стерлингов чугуна и литой стали².

Американские монополии оказывали большую по-

¹ «Правда», 12 января 1940 г.

² См. История войны на Тихом океане, т. III, стр. 204.

мощь японским концернам в создании новых отраслей военной промышленности, в том числе авиационной, химической, кораблестроения и др. Такая забота об укреплении военно-экономического потенциала империалистической Японии со стороны американских монополий может быть понята только тогда, когда будет принято во внимание стремление реакционных кругов США и Англии столкнуть Японию с Советским Союзом.

Однако японские правящие круги отдавали себе отчет в том, что экспансия в северо-западном направлении, в сторону Советского Союза, сопряжена с неизмеримо большим риском для Японии, чем экспансия на юг, в сторону Индонезии, Малайи и Индо-Китая. Продвижение Японии в эти районы и дальнейшее расширение агрессии в Китае показали, что продолжительные попытки направить японскую агрессию против Советского Союза не увенчались успехом, и война между Японией и США стала фактом.

Во время войны на Тихом океане политика американских империалистов оставалась прежней — обеспечение господства на Дальнем Востоке, но достигнуть этого они собирались чужими руками, оставляя за собой роль «резервных игроков». «В данный момент, — говорил Рузвельт, — основные игроки — это русские, китайцы и, в меньшей степени, — англичане. Нам предназначена роль... игроков, которые вступят в игру в решающий момент... Еще до того, как наши форварды выдохнутся, мы вступим в игру, чтобы забить решающий гол. Мы придем со свежими силами»¹.

Одновременно с этим правящие круги США прибегали к рукам клику Чан Кай-ши, оказывая ей всяческую помощь для борьбы с китайским демократическим движением, возглавляемым Коммунистической партией Китая. Во время войны Китая с Японией гоминдановские войска, как это ни странно, целыми частями и соединениями переходили на сторону противника и вместе с японскими войсками вели боевые действия против 8-й и 4-й армий. Кроме того, в ходе войны американцы неизменно увеличивали свои силы в Китае, чтобы помочь реакционному гоминдану укрепить свои позиции

¹ Эллиот Рузвельт. Его глазами. М., Изд-во иностранной литературы, 1947, стр. 69.

и, вытесняя японцев, закрепить собственное господство в Китае. В 1945 г. численность американских войск в Китае превысила 100 тысяч человек, при этом сосредоточение сил на континенте неизменно увеличивалось. Уже после окончания войны американские империалисты сделали все от них зависящее для того, чтобы сохранить реакционный режим в Китае. Для борьбы против Народно-освободительной армии Китая, возглавляемой КПК, американцы в период с октября 1945 г. по июль 1946 г. помимо стрелкового и артиллерийского вооружения передали гоминдановской клике 800 самолетов, 200 военных судов, 12 тысяч броневых и пружинных автомашин, 48,5 тысячи тонн снарядов и других боеприпасов¹.

Американское правительство уже после второй мировой войны предоставило гоминдану для ведения контрреволюционной гражданской войны денежный заем, а также различного рода материальные ценности на сумму в 5914 миллионов американских долларов. Всего во время третьей гражданской войны с 1945 по 1948 г. американцы вооружили в общей сложности 106 гоминдановских дивизий для борьбы с Народно-освободительной армией Китая. Чтобы ускорить сосредоточение гоминдановских войск на границах освобожденных районов и войти в непосредственное соприкосновение с войсками Народно-освободительной армии, американцы предоставили гоминдану военные и транспортные самолеты, которые перевезли 41 дивизию и 8 отрядов транспортной полиции. Всего американским транспортом было перевезено 540 тысяч гоминдановских солдат и офицеров².

Вот здесь-то и вскрываются противоречия между тем, что пишут буржуазные авторы в современной военно-исторической литературе, и фактическими делами США во время войны. Буржуазные историки утверждают, что главной стратегической целью войны на Тихом океане был разгром империалистической Японии и для этого готовился десант на ее острова уже в ноябре 1945 г. В действительности же, как показывают факты, глав-

¹ См. Третья гражданская революционная война в Китае. М., Воениздат, 1957, стр. 12—13.

² См. там же, стр. 31—32.

ной стратегической целью войны на Тихом океане было установление и закрепление господства США в Китае. Но для этого нужно было одержать победу над Японией.

Или такой факт. Американская печать единодушно превозносит генерала Джорджа Маршалла как самого крупного военного специалиста в Америке. И когда решался вопрос о назначении верховного командующего американско-английскими войсками в Европе, то выбор пал на него. Но генерал Маршалл не был назначен на этот пост потому, что «очень нужен был в Вашингтоне». Однако, когда стал вопрос о том, быть Китаю демократическим или стать колонией США, американское правительство командировало Маршалла в Китай, полагая, что его военный опыт пригодится там. И вот этого крупного военного специалиста правительство США превратило в «дипломата» и 27 ноября 1945 г. назначило своим послом при гоминдановском правительстве в Китае.

Но военный опыт генерала Маршалла принес мало пользы правящим кругам США в их агрессивной войне в Китае. Прогнивший и разложившийся антинародный гоминдановский строй уже никак нельзя было гальванизировать. Китайский народ во главе с коммунистической партией сверг реакционный гоминдановский режим, прогнал из пределов своей страны американских империалистов. Многолетняя революционная война в Китае закончилась полной победой китайского народа.

Итак, факты говорят о том, что американские империалисты во время войны против империалистической Японии преследовали цель установления своего господства на Тихом океане и в Азии, стремились захватить Китай и превратить его в свою колонию, сделать его базой своего господства на Дальнем Востоке. Но так как этому плану не суждено было сбыться, то послевоенная печать США предпочитает умалчивать о нем. Вместо этого теперь весьма широко рекламируется так называемый план высадки десанта на острова собственно Японии. Шумиха о том, что американское командование осенью 1945 г. планировало высадку десанта на остров Кюсю и совершенно не думало о Китае, призвана скрыть истинное содержание политики американских империалистов, проводившейся ими в годы второй мировой войны. Но посмотрим, насколько осуществим подобный план с военной точки зрения.

Соотношение сил воюющих сторон и возможность десанта на острова собственно Японии осенью 1945 г.

Буржуазные военные историки изображают дело так, что высадка десанта на острова собственно Японии планировалась на ноябрь 1945 г. Дж. Эрман сообщает, что после овладения американцами островом Окинава президент США провел с военными специалистами ряд совещаний в период с 14 по 21 июня 1945 г.¹ Подробности этого совещания и его протоколы остаются пока неопубликованными. Исходя из некоторых данных, можно сделать вывод, что план десантной операции на острова собственно Японии был не единственной темой этого совещания.

Так, один из участников совещания адмирал Леги пишет, что 14 июня на совещании с президентом было принято решение «считать основной задачей высадку десантов на островах самой Японии и не обсуждать никаких других операций, не имеющих отношения к этой основной задаче, но полагать желательным освобождение любой территории, контролируемой японцами, ибо это может содействовать достижению главной цели»².

Что же это за главная цель и каково ее содержание? Об этом можно судить по высказываниям военных и политических деятелей США, а также по результатам действий американско-английских войск на Дальнем Востоке в 1945 г. Руководитель исследовательского отдела американской ассоциации внешней политики Вера Майклс Дин писала, что Соединенные Штаты приобрели такие стратегические позиции на Дальнем Востоке, которые в сочетании с нашими непревзойденными промышленными и финансовыми ресурсами дали США значительно большие потенциальные возможности определять судьбы азиатского материка, чем те, которыми располагала Япония в момент своих наивысших военных успехов.

Хорошо известно, что из всех территорий, которые занимала Япония, Китай для американских империалистов был наиболее желанной страной. Туда и были на-

¹ См. Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, стр. 249.

² W. Leahy. I Was There. Washington, 1950, p. 448.

правлены все усилия империалистов США на заключительном этапе второй мировой войны. Это признают сами американцы.

Военные и политические деятели США, как указывает Леги, считали, что высадка десанта на территории Китая может предотвратить или даже заменить вторжение на острова самой Японии. Наиболее подходящим районом для высадки десанта в Китае считался район Амоя.

Что же касается плана высадки десанта на остров Кюсю, то о нем говорится буквально в каждой американской или английской книге, так или иначе касающейся войны на Тихом океане. В частности, Дж. Эрман в работе «Большая стратегия» приводит следующую выдержку из памятной записки, которую 30 июня англичане получили от американцев:

«1. В соответствии с главной целью — в возможно более короткий срок принудить Японию к безоговорочной капитуляции — Комитет начальников штабов вооруженных сил США принял следующий общий план основных операций на Тихом океане:

а) базируясь на острова Окинава, Иводзима, Марианские и Филиппинские, усилить блокаду и воздушные бомбардировки Японии, чтобы создать благоприятные условия для

б) вторжения на остров Кюсю с целью дальнейшего ослабления обороноспособности Японии путем отвлечения и уничтожения ее главных сил, а также в целях усиления блокады и воздушных бомбардировок и создания благоприятных тактических условий для

в) решающего наступления через Токийскую равнину — основной промышленный район Японии»¹.

Далее в памятной записке говорится, что высадку на остров Кюсю приказано начать не позднее 1 ноября 1945 г. Овладение же Токийской равниной начать 1 марта 1946 г. Но вместе с тем подчеркивается: «Мы непрерывно следим за тем, когда нам представится возможность использовать разложение японских войск в Китае и попытки их отвода с китайской территории при затра-

¹ Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, стр. 249.

те минимальных усилий с нашей стороны и без ущерба для решающих операций против Японии»¹.

Следовательно, в документе речь идет не о плане десантной операции, а о директиве, на основе которой можно было приступить к разработке оперативных планов.

В заключении памятной записки указывается, что разработка планов вторжения на территорию собственно Японии и ее оккупации необходима для того, чтобы быть готовыми и немедленно воспользоваться такими благоприятными обстоятельствами, как внезапный крах или капитуляция противника².

Какой же можно сделать из всего этого вывод? 29 июня 1945 г. президент США подписал директиву начальникам штабов, чтобы они приступили к разработке плана высадки войск на острова собственно Японии, который был крайне необходим на случай внезапного краха противника.

По мере приближения победы над Германией правительства США и Англии прилагали весьма большие усилия, чтобы склонить Японию к капитуляции еще до вступления Советского Союза в войну на Дальнем Востоке. Но так как различного рода демарши в этом направлении не давали положительных результатов, то, начиная со второй половины 1944 г. и особенно в начале 1945 г., американское и английское правительства стали настойчиво добиваться согласия Советского правительства объявить войну империалистической Японии. В феврале 1945 г. на Крымской конференции Советское правительство приняло на себя обязательство вступить в войну против Японии по истечении двух-трех месяцев после окончания войны в Европе. И так как намеченный срок приближался, то следовало подумать и о решающем моменте войны на Тихом океане.

Американцы хорошо знали, что японское правительство уделяло исключительно большое внимание внешней политике Советского Союза. Вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке могло побудить Японию пойти на безоговорочную капитуляцию. Без

¹ Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944—август 1945, стр. 250.

² См. там же.

учета этого фактора не понятно, зачем правительствам США и Англии нужно было бы приглашать Советский Союз выступить против Японии через два-три месяца после окончания войны в Европе, т. е. как раз накануне высадки десанта, который будто намечался на острова собственно Японии. Вряд ли это делалось для того, чтобы разделить с Советским Союзом славу победителя над империалистической Японией. Не правильнее ли предположить другое? После вступления в войну Советского Союза могла последовать самая неожиданная реакция со стороны японского правительства, и, чтобы не быть застигнутым врасплох и не опоздать с вторжением на острова собственно Японии, необходимо было немедленно приступить к разработке плана десантной операции.

Чтобы наглядно показать несостоятельность разговоров о плане высадки американско-английских войск на остров Кюсю в ноябре 1945 г., без участия в войне Советского Союза, нам необходимо обратиться к фактам и рассмотреть соотношение сил на Дальнем Востоке.

К августу 1945 г. вооруженные силы Японии насчитывали 7 200 тысяч человек. Сухопутные войска империалистической Японии состояли из 5 500 тысяч человек (145 дивизий). Они были распределены так: в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), Корее и на южной части острова Сахалин было 36 дивизий (1 100 тысяч человек), в Китае — 38 дивизий (1 200 тысяч человек), в различных районах Тихого океана, на Тайване и др. было около 49 дивизий (2 200 тысяч человек) и в метрополии находилось 22 дивизии (свыше миллиона человек). Кроме того, японская армия располагала некоторыми резервами и в случае необходимости могла быть увеличена в метрополии до 3 миллионов человек.

В военно-воздушных силах империалистической Японии в середине 1945 г. было 500 тысяч человек. Самолетный парк ВВС Японии располагал 6 тысячами боевых самолетов наземной авиации и 700 самолетами военноморской авиации. Силы авиации империалистической Японии распределялись следующим образом: в Северо-Восточном Китае, в Корее и в Северном Китае было 1700 самолетов, в странах Юго-Восточной Азии — 1800 самолетов, на островах Тихого океана — 800 самолетов и в метрополии — 1700 самолетов. Кроме того, авиация

военно-морского флота (около 700 самолетов) находилась во внутренних водах Японии. Таким образом, для защиты островов собственно Японии японское командование могло использовать авиацию, находившуюся в метрополии, в Маньчжурии, в Корее и в Китае — свыше 4000 самолетов.

Основные силы военно-морского флота империалистической Японии в начале 1945 г. были сосредоточены во внутренних водах собственно Японии и состояли из 5 линейных кораблей, 12 крейсеров, 6 авианосцев, 41 эскадренного миноносца и 58 подводных лодок.

Кроме вооруженных сил в метрополии создавались отряды ополчения для отражения возможных десантов на острова собственно Японии. Правящие круги Японии выдвинули лозунг: сам погибай и тащи с собой врага. Решимость Японии к сопротивлению была большой.

Какими же силами располагали американцы и англичане на Тихом океане в 1945 г.? На Дальнем Востоке американцы имели две оперативные группы в составе четырех армий (6, 8, 10-я американские и 1-я австралийская), около 30 дивизий и два корпуса морской пехоты. Личного состава наземных союзных войск насчитывалось 505 000 человек. На Дальнем Востоке было три флота военно-морских сил (3, 5 и 7-й), которые имели в своем составе 22 линейных корабля, 40 крейсеров различных классов и 45 авианосцев. Кроме того, на Дальнем Востоке было три воздушные армии тактической авиации (5, 7 и 13-я) и одна (20-я) армия стратегических бомбардировщиков ВВС США. Всего там было 5000 самолетов. Эти силы были разбросаны на огромном пространстве Тихого океана — от Бирмы, Андоманских островов, Новой Гвинеи, Филиппинских островов, островов Иводзима и Окинава и до Алеутских островов. Всего американско-английское командование имело на Дальнем Востоке около 1 800 тысяч человек. В это число входили тыловые учреждения и обслуживающие организации, которые в американской армии составляют большой процент.

Таким образом, соотношение сил по личному составу без ВВС и ВМС было явно в пользу империалистической Японии. Кроме Квантунской армии и японской экспедиционной армии в Китае американско-английским си-

лам противостояло 72 дивизии, насчитывавшие 2,5 миллиона человек.

Соотношение по авиации было примерно один к одному (0,8 : 1). По флоту американо-английское командование имело превосходство: по линейным кораблям — более чем в 4 раза, по крейсерам — более чем в 3 раза и по авианосцам — в 7,5 раза.

Решающее превосходство военно-морских сил и качественное превосходство авиации позволяли американо-английским войскам создавать перевес в силах на том или ином участке огромного театра военных действий, что обеспечивало им возможность проведения довольно успешных наступательных операций против отдельных изолированных и не получающих поддержки гарнизонов японских войск. Но этого количества сил и средств было совершенно недостаточно, чтобы провести успешную десантную операцию на острова собственно Японии. Необходимо также иметь в виду, что американские войска проводили наступательные операции на Тихом океане только при наличии абсолютного господства в воздухе и на море и не менее 8—10-кратного превосходства в наземных войсках. По мере приближения военных действий к островам собственно Японии сопротивление японской армии неизменно усиливалось. После проведения десантной операции на остров Окинава (1 апреля — 22 июня 1945 г.) американское командование сделало вывод, что «хотя в военном отношении Япония была побеждена, но она все же, казалось, решила продолжать борьбу вплоть до самоуничтожения»¹.

Учитывая возможность военных действий в метрополии, японские правящие круги намеревались вооружить «...все живое на императорской земле».

Таким образом, реальное соотношение сил на Тихом океане и решимость японцев к сопротивлению были таковы, что американо-английское командование не имело основания рассчитывать на успех в проведении десантной операции на острова собственно Японии не только осенью 1945 г., но и в течение всего 1946 г. Для осуществления десантной операции на острова собственно Японии союзникам пришлось бы весьма существенно увеличить свои силы на Дальнем Востоке, и прежде

¹ Кампании войны на Тихом океане, стр. 424.

всего наземные войска. По расчетам самих американцев, для полного разгрома империалистической Японии им потребовалось бы сосредоточить на Дальнем Востоке армию численностью не менее 5—7 миллионов человек¹.

Но что значит увеличить американо-английские силы на Дальнем Востоке на 3—5 миллионов человек?

Чтобы представить трудности транспортировки войск по морю в период второй мировой войны, достаточно обратить внимание на расчет английского комитета по планированию перевозок войск, в котором говорится, что «транспортировка одной дивизии из Италии на северо-запад Европы с выходом на линию фронта должна была занять 2,5 месяца»².

Этот расчет очень показателен, так как он раскрывает трудности, с которыми сопряжена переброска войск с одного театра военных действий на другой. Но так как основные силы англичан и американцев в 1945 г. находились в Европе и новых формирований для войны на Тихом океане не производилось, то надо себе представить, сколько времени заняла бы подготовка десантной операции на острова собственно Японии, о которой с такой легкостью говорят после войны американские военные историки.

А сколько бы это стоило жизней объединенным силам! Об этом в настоящее время также умалчивают.

16 августа 1945 г. Черчилль в палате общин заявил, что вторжение на острова собственно Японии «стоило бы американцам 1 млн., а англичанам 250 тыс. жизней...»³.

В многочисленных книгах, брошюрах и монографиях американских и английских военных историков никто не отрицает, что при вторжении американо-английских войск на острова собственно Японии им пришлось бы преодолеть сопротивление не меньшее, а большее, чем сопротивление немецких войск в десантной операции, ко-

¹ См. Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944—август 1945, стр. 250.

² Там же, стр. 93.

³ Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 516.

торую провели американо-английские войска в июне 1944 г. в Северной Франции. Более того, определены даже вероятные потери при осуществлении десантной операции на острова собственно Японии, которые могли бы быть примерно равными силам американо-английских войск на Дальнем Востоке летом 1945 г., за два месяца до намечаемого дня высадки операции. Вот здесь и возникает вопрос: как же приступать к проведению крупнейшей десантной операции силами, равными вероятным потерям? Чем же закрепляться, чем удерживать занятый плацдарм, чем развивать успех? Ведь каждому ясно, что начинать десантную операцию, когда нет на театре военных действий сил и средств, при помощи которых можно было бы не только занять, но и удержать, закрепиться и развить успех, — это значит заведомо пойти на бессмысленное, бесполезное истребление людей. Из всего этого совершенно очевидно, что разговоры о планах проведения десантной операции на острова собственно Японии, причем не позже ноября 1945 г., являются очередной выдумкой, софизмом, рассчитанным на простаков.

Характер боевых действий и соотношение сил на Тихом океане в 1945 г. были таковы, что без усилий Советского Союза и его Вооруженных Сил война на Дальнем Востоке могла бы затянуться на длительный период и потребовала бы от народов США и Англии колоссальных усилий и немалых жертв. Кроме того, сосредоточение многомиллионной армии на Дальнем Востоке и высадка десанта на острова собственно Японии были сопряжены с огромными трудностями.

Для высадки десанта на острова собственно Японии у американо-английского командования летом 1945 г. было явно недостаточно средств. После овладения островом Окинава американцы не перебросили на Дальний Восток ни одной дивизии. С подготовкой десантных средств для осуществления десантных операций на Тихом океане дело обстояло также далеко не блестяще. Например, англичане, желая увеличить количество десантных средств на Дальневосточном театре военных действий, весной 1944 г. решили к марту 1945 г. направить туда десантные суда и корабли с тоннажем на три дивизии. Но уже в конце 1944 г. выяснилось, что к указанному сроку они смогут послать на Дальний Во-

сток десантных судов всего лишь на две дивизии. 110-льностью же план мог быть выполнен только в 1946 г.

Вывод очевиден. Американо-английское командование не имело возможности провести десантную операцию на острова собственно Японии в 1945 г., и эту версию буржуазных фальсификаторов следует отвергнуть.

Значение разгрома Квантунской армии для окончания войны в бассейне Тихого океана

Учитывая отказ японского правительства от безоговорочной капитуляции, правительства США и Англии обратились к Советскому Союзу, как своему союзнику во второй мировой войне, с предложением выполнить взятые на Крымской конференции обязательства и включиться в войну против Японии.

Верное своему интернациональному долгу перед международным пролетариатом и перед угнетенными империализмом народами, Советское правительство стремилось скорее покончить с войной и обеспечить установление всеобщего мира. Преследуя эту главную цель, оно присоединилось к Потсдамской декларации, содержащей требования о безоговорочной капитуляции Японии. Принимая это ответственное решение, Советское правительство заботилось о том, чтобы обеспечить полную безопасность дальневосточных границ Советского Союза и вместе с тем предоставить японскому народу возможность избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Германия и Япония, как известно, сообща готовили вторую мировую войну, в которой они преследовали весьма решительные цели — полный разгром не только Советского Союза, но и своих капиталистических соперников и установление безраздельного господства над миром.

27 сентября 1940 г. Япония, Германия и Италия подписали пресловутый Берлинский пакт, который, в оценке бывшего премьер-министра Японии Коноэ, был планом «превращения трёхстороннего антикоминтерновского пакта, который был в то время в силе, в военный союз, направленный в основном против СССР»¹.

¹ Международные отношения на Дальнем Востоке. 1840—1949. М., Госполитиздат, 1956, стр. 538.

В первых двух статьях этого пакта говорилось, что «...Япония признает и уважает руководящую роль Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе.

...Германия и Италия признают и уважают руководящую роль Японии в установлении нового порядка в великой Восточной Азии»¹.

Агрессоры договорились, что разграничительная линия между «новым порядком в Европе» и «новым порядком в великой Восточной Азии» должна проходить по Омскому меридиану.

На основе военно-политического союза между фашистской Германией и империалистической Японией разрабатывались оперативные планы войны против Советского Союза. Так, в совершенно секретной директиве от 5 марта 1941 г. за № 24 Гитлер писал, что «координация оперативных планов обеих держав возлагается на главное командование флота»².

Широко известно, что с нападением фашистской Германии на Советский Союз был разработан план империалистической Японии, зашифрованный под названием «Кантокуен» (особые маневры Квантунской армии).

К лету 1941 г., к моменту нападения фашистской Германии на нашу страну, империалистическая Япония заканчивала все основные мероприятия по подготовке войны против Советского Союза, и японские стратеги ожидали лишь благоприятного момента для нападения на советский Дальний Восток. Таким благоприятным моментом японские военные специалисты считали отвод советских войск с Дальнего Востока в связи с критическим положением, которое, по их расчетам, неизбежно должно было наступить на советско-германском фронте.

В то время японская разведка проявляла исключительную активность, обращая особое внимание на состав советских войск на Дальнем Востоке. И следует отметить, что она имела более или менее точное представление о наших силах и средствах на границе с Северо-Восточным Китаем (Маньчжурия). Основываясь на разведывательных данных своего генерального штаба, японское правительство не придало большого значения

¹ Нюрнбергский процесс, т. II, стр. 724.

² Там же, стр. 729.

информации немецкого министра иностранных дел Риббентропа, который 22 июня 1941 г. сообщал, что «русские войска уже отведены с Дальнего Востока». Хотя японские правящие круги верили в быструю и безусловную победу фашистской Германии над Советским Союзом, однако ход военных действий и вся обстановка на советско-германском фронте призывали их к осторожности.

2 июля 1941 г., т. е. на одиннадцатый день после нападения фашистской Германии на СССР, было проведено закрытое заседание военных и политических лидеров империалистической Японии в присутствии самого императора Хирохито. На этом заседании было принято решение, в котором говорилось: «Хотя наше отношение к советско-германской войне определяется духом оси Рим — Берлин — Токио, однако мы некоторое время не будем вмешиваться в нее, но примем по собственной инициативе меры к тайному вооружению для войны против Советского Союза. Тем временем мы будем продолжать дипломатические переговоры с большими предосторожностями, и если ход советско-германской войны примет благоприятный для Японии оборот, то мы применим оружие для решения проблем и этим обеспечим стабильность положения в северных районах»¹.

Этот документ красноречиво говорит о том, что правящие круги империалистической Японии считали себя союзниками фашистской Германии, но приурочивали свое нападение на СССР к наиболее благоприятному моменту в ходе войны.

Советский посол в Японии 25 июня спросил: намерена ли Япония сохранять нейтралитет согласно пакту, заключенному между Японией и Советским Союзом в Москве 13 апреля 1941 г.? Министр иностранных дел Японии дал уклончивый, но недвусмысленный ответ. Он подчеркнул, что пакт трех держав лежит в основе внешней политики Японии, а если данная война и пакт о нейтралитете вступят в противоречия с основами японской политики и с пактом трех держав, то пакт о нейтралитете «не будет оставаться в силе»².

¹ М. Ю. Рогинский, С. Я. Розенблит. *Международный процесс главных военных преступников*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 242.

² Там же, стр. 243—244.

Фашистская Германия и империалистическая Япония намеревались разбить Советский Союз и разделить его территорию между собой. «В результате краха России, — писал министр иностранных дел Германии Риббентроп послу Германии в Японии 10 июля 1941 г., — позиции держав оси на международной арене настолько гигантски возрастут, что вопрос о поражении Англии, т. е. полное уничтожение Британских островов, станет лишь вопросом времени»¹.

Разгром Советского Союза и раздел его территории, по замыслам агрессивного блока фашистских государств, были не конечной целью агрессоров, а всего лишь этапом на их пути достижения мирового господства. Следовательно, советский народ и его Вооруженные Силы, защищая свою Родину, спасали и другие народы Европы, Азии и Америки от фашистского порабощения.

Бывший начальник генерального штаба США генерал Маршалл откровенно писал военному министру в октябре 1945 года о том, что героическая стойкость советского народа была одним из важнейших факторов, спасших США от войны на их собственной территории.

Все это говорит о том, что Великую Отечественную войну Советского Союза, борьбу советского народа против фашистской Германии и империалистической Японии нельзя отрывать от второй мировой войны. Великая Отечественная война Советского Союза была главной, решающей, определяющей частью второй мировой войны.

Поскольку империалистическая Япония готовилась к вступлению в войну, но выжидала лишь благоприятного момента для нападения на Советский Союз, она держала на границе Советского Союза в полной боевой готовности армию, которая вместе с войсками марионеточного правительства Маньчжоу-Го превышала миллион человек. Постоянная угроза войны со стороны Японии заставляла правительство Советского Союза держать на Дальнем Востоке до 40 дивизий, которые так нужны были тогда на советско-германском фронте.

Но когда началась война на Тихом океане, наши 40 дивизий на Дальнем Востоке сковали в Северо-Восточном Китае примерно столько же японских войск и

¹ М. Ю. Рогинский, С. Я. Розенблит. Международный процесс главных военных преступников, стр. 244.

тем самым оказали большую помощь в войне с империалистической Японией не только китайскому народу, но и американо-английским войскам, сражавшимся на Дальневосточном театре военных действий.

Больше того, только потому, что основные силы фашистской Германии были скованы на советско-германском фронте, Англия и США могли выделить часть сил для военных действий против империалистической Японии на Тихом океане.

Верное своим союзническим обязательствам, Советское правительство 8 августа 1945 г. заявило, что с 9 августа СССР будет находиться в состоянии войны с империалистической Японией¹.

10 августа правительство дружественной СССР Монгольской Народной Республики также объявило войну Японии. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая, узнав о решении Советского правительства, призвал свой народ к решительной борьбе против японских интервентов. Народно-революционной армии Китая был отдан приказ перейти во всеобщее и повсеместное наступление.

Стратегическим планом Верховного Главнокомандования Советской Армии предусматривалось прежде всего разбить миллионную армию Японии, дислоцированную в Северо-Восточном Китае (Квантунскую армию). Разгром этой армии и освобождение Северо-Восточного Китая и Кореи нарушали связь японских войск, действовавших в Северном Китае, с островами собственно Японии, что обрекало эти войска на полную изоляцию и уничтожение.

Таким образом, Квантунская армия империалистической Японии была в то время тем уязвимым пунктом в стратегическом расположении японских войск, разгром которой решал исход войны.

Выполняя приказ своего правительства, войска Советской Армии начали наступление в 00 часов 10 минут 9 августа 1945 г., нанося по Квантунской армии сокрушительные удары с трех направлений — с востока, запада и севера. Пограничные укрепления противника с мощными опорными пунктами были повсеместно прорваны

¹ См. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. III, стр. 362—363.

за первые два дня боев, и войска Советской Армии развернули стремительное наступление в пределы Северо-Восточного Китая. Особенно стремительным было наступление войск Забайкальского фронта, механизированные войска которого в отдельные дни операции наступали с темпом до 180 километров в сутки. На второй день военных действий японское командование потеряло управление войсками.

Японские войска весьма упорно сопротивлялись, но действия их носили разрозненный характер, и поэтому они несли большие потери. Только одними убитыми войска Квантунской армии потеряли свыше 83 тысяч человек. В Северо-Восточном Китае, на южной части острова Сахалин и на Курильских островах наши войска взяли в плен 594 тысячи солдат и офицеров и 148 генералов.

Вступление Советского Союза в войну и поражение Квантунской армии развеяли надежды японского правительства избежать безоговорочной капитуляции, и правительство империалистической Японии вынуждено было пойти на безоговорочную капитуляцию. Церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии состоялась на американском военном корабле в Токийском заливе 2 сентября 1945 г., что означало конец второй мировой войны.

Таким образом, сокрушение Квантунской армии Советскими Вооруженными Силами сыграло решающую роль в полном разгроме империалистической Японии, капитуляция которой коренным образом изменила соотношение сил во всей Восточной и Юго-Восточной Азии. Оно ускорило окончание второй мировой войны. Сокращение сроков окончания войны спасло американскую, английскую и китайскую армии от колоссальных жертв, размеры которых даже трудно определить. Всего за два месяца до окончания войны военный министр США Стимсон в памятной записке президенту Трумэну 2 июля 1945 г. писал: «Имеются основания полагать, что последующие за высадкой десанта операции по овладению Японией могут оказаться длительными и потребуют с нашей стороны больших затрат и упорной борьбы...

Начав вторжение, нам придется, по моему мнению, завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оста-

вить Японию, причем наши войска окажутся даже в более ослабленном состоянии, чем после войны с Германией»¹. В связи с этим военный министр ставил перед президентом вопрос: «...Нельзя ли, не прибегая к насильственной оккупации Японии, принудить ее вооруженные силы к безоговорочной капитуляции?...»².

И такая возможность, по мнению военного министра США, была. В упомянутой выше памятной записке он писал, что после разгрома фашистской Германии Япония не имела уже союзников; но самое главное, «Японии противостоят не только англо-американские силы, но и растущие силы Китая. Над ней нависает не менее страшная угроза со стороны России...»³.

Таким образом, по мнению военного министра США, высадка десанта на острова собственно Японии до вступления Советского Союза в войну с Японией была совершенно невозможна, так как все равно после больших потерь в десантной операции американским войскам пришлось бы оставить Японию. Вот почему все усилия правительства США в 1945 г. были направлены к тому, чтобы вовлечь Советский Союз в войну с Японией. При этом даже вероятность вступления Советского Союза в войну с империалистической Японией рассматривалась как важнейший фактор, способный склонить Японию к капитуляции еще до вторжения союзных войск на острова собственно Японии.

Вступление Советского Союза в войну против империалистической Японии и разгром Квантунской армии Советскими Вооруженными Силами, как и следовало ожидать, решили исход дела. Сопrotивление империалистической Японии было сломлено в несколько дней, и война, которая могла продолжаться еще долгое время, была закончена в один месяц. Так обстоит истинное положение вещей. И как бы ни старалась послевоенная буржуазная печать доказать ныне, что Советский Союз не оказал влияния на ход войны в бассейне Тихого океана, ей это не удастся.

¹ Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945, стр. 271—272.

² Там же.

³ Там же, стр. 272.

Глава двенадцатая

СОВЕТСКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Миф о пассивности советского флота

Современные буржуазные военные теории огромное внимание отводят военно-морскому флоту, который в будущей войне должен служить средством нанесения ракетно-ядерных ударов по экономическим районам вражеской страны с авианосцев, подводных лодок и надводных ракетносцев. В связи с этим некоторые буржуазные стратеги стремятся доказать, что достойного противника у западных держав на морях нет и потому действия их флотов будут проходить безнаказанно. Но как же быть с советским Военно-Морским Флотом, имеющим внушительные силы и обладающим богатым опытом Великой Отечественной войны? По их мнению, нет ничего проще, как объявить его слабым, а для большей убедительности присовокупить, что и в минувшей войне он ничем себя не проявил и оставался пассивным.

Соответственно этой цели и ведутся все дальнейшие рассуждения. Исследователи типа Руге, Майстера, Ровера и др. начинают с того, что очень сильно преуменьшают состав немецко-фашистского флота и в такой же примерно пропорции преувеличивают силы советского флота. Взять хотя бы Балтийский театр военных действий.

При рассмотрении соотношения сил буржуазные авторы говорят только о тех силах гитлеровской Германии, которые находились непосредственно у линии фрон-

та. Создается впечатление на первый взгляд, что и впрямь соотношение не в пользу гитлеровцев. А дальнейшие рассуждения просты. Если, несмотря на большое превосходство в силах, советский флот не был способен нанести удар по небольшим силам гитлеровского флота, значит, это такой флот, который только «на бумаге... выглядел довольно внушительно»¹.

Попробуем разобраться в подсчетах.

Из материалов Нюрнбергского процесса известно, что в «плане Барбаросса» при подготовке войны с Советским Союзом учитывался только Краснознаменный Балтийский флот, к которому, как пишет Руге, «никто из офицеров флота, сражавшихся в 1914—1917 гг. против русских, не питал особого уважения...»².

Исходя из такого предвзятого и высокомерного мнения, фашистское командование в своих стратегических планах советскому Военно-Морскому Флоту отводило третьестепенное место. Борьбу с ним предполагалось осуществить путем блокирования кораблей в военно-морских базах: постановкой минных заграждений и занятием портов и баз сухопутными войсками³. Вместе с этим гитлеровцы рассчитывали, что Балтийский флот, потеряв базы, будет стремиться прорываться из Балтийского моря через проливы. Поэтому они сосредоточили крупные силы своего флота в портах южной Балтики. Но эти силы при подсчетах почему-то не учитываются.

В действительности на Балтийском театре советский флот превосходил немецко-фашистский только по подводным лодкам, а в остальном превосходство было на стороне противника⁴.

Что касается Северного флота, то в гитлеровском плане войны вообще «не учитывались возможности операций немецких или советских военно-морских сил в северных морях»⁵. Почему так произошло? Потому, что фашистское командование, переоценив свои наступа-

¹ Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 207.

² Там же.

³ См. Jürg Meister. Der Seekrieg in den Osteuropäischen Gewässern 1941—1945. München, 1957, S. 22.

⁴ Архив ИО ГШ ВМФ, д. 37093, л. 8.

⁵ Jürg Meister. Der Seekrieg in den Osteuropäischen Gewässern 1941—1945, S. 136.

тельные возможности, предполагало, что с началом войны удастся очень быстро овладеть Мурманском и тогда «этот военно-морской театр практически прекратил бы свое существование»¹. Тем не менее противник имел и на Севере примерно равное соотношение сил, уступая в начале войны только в количестве подводных лодок. Сосредоточение гитлеровского флота в водах Северной Норвегии Вильгельм Гесс объясняет необходимостью защиты морских перевозок от возможных ударов со стороны английского флота², не желая признать, что на этом театре гитлеровцы понесли огромные потери прежде всего от советского Северного флота.

Черноморскому флоту, несмотря на его явное превосходство над силами немецко-румынского флота, фашистское командование в своих планах войны также не отводило места, опять-таки полагаясь на то, что сухопутные войска, овладев военно-морскими базами с суши, заставят советский флот капитулировать.

Буржуазные историки не жалеют красок, чтобы изобразить советский Военно-Морской Флот как пассивный, безынициативный и т. п. Так, Маршалль в статье «Война на море» пишет: «Советский военно-морской флот с самого начала войны перешел к оборонительной тактике, избегая всякого риска и по возможности сохраняя имеющееся»³. И еще: «В течение всего 1941 года и нескольких месяцев 1942 года военно-морские силы стран «оси» на Черном море могли действовать активно, в сущности, только благодаря тому, что русские не проявляли никакой инициативы»⁴. События первых дней войны на Балтийском море представлены в его описании как победоносное движение гитлеровского флота. Он расхваливает действия своих «необыкновенных» торпедных катеров, якобы потопивших на Балтике лидер «Ташкент». Нельзя отрицать потерь на море. Война есть война. Но в данном случае следует отметить, что лидер «Ташкент» никогда не был на Балтике. Да и катера, о которых так восторженно говорит автор, также, очевидно, существуют только в его воображении. Дело в том,

¹ Wilhelm H e s s. Eismeerfront 1941. Heidelberg, 1956, S. 91.

² См. т а м ж е, стр. 86.

³ Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 331.

⁴ Т а м ж е, стр. 334.

что на торпедных катерах, даже если они «необыкновенные», никогда не было команды по 30 человек¹.

Ф. Руге старается превзойти своих коллег в нагромощении различного рода небылиц. Он утверждает, что русские моряки не умели быстро реагировать на «меняющуюся на море оперативную и тактическую обстановку»². Исходя из фальсифицированной истории первой мировой войны, Руге пишет: «Если в первую мировую войну небольшие отряды устаревших, плохо вооруженных судов действовали, можно сказать, перед самым носом русского флота, то теперь много раз испытанные в бою немецкие соединения не имели оснований особенно бояться советского военно-морского флота»³.

Вспомнив, по-видимому, что последующие события на Балтике никак не могут оправдать этого тезиса, Руге пускается в пространные объяснения о несоответствии армейских и морских планов, обвиняя в этом верховное командование Германии. Армия, пишет Руге, не подумала о том, чтобы облегчить выполнение своей трудной задачи путем организации взаимодействия с флотом. «...Флот при составлении планов оставался на оборонительной позиции...»⁴.

Пытаясь доказать, что русский Балтийский флот в первые дни войны действовал пассивно, Руге пишет, что «ни один надводный корабль не предпринял ни малейшей попытки выйти на просторы Балтийского моря»⁵. Здесь позволительно спросить: а для какой цели? Почему в конце своей книги автор, когда рассуждения идут о немецко-фашистском флоте, указывает, что «морские операции определялись здесь обстановкой на суше»⁶, а в отношении другой стороны не желает брать в расчет именно эту обстановку на суше.

Советское военно-морское искусство еще до начала войны имело четкое представление о характере боевых действий Военно-Морского Флота. Поэтому, когда враг внезапно напал на Советский Союз, Военно-Морской

¹ См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 331—332.

² Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 207.

³ Там же, стр. 207—208.

⁴ Там же, стр. 209.

⁵ Там же, стр. 210.

⁶ Там же, стр. 376.

Флот правильно и успешно решал задачи по содействию приморскому флангу своей армии. Советскому командованию не нужно было проходить через опыт всех лет войны, как это случилось с немецко-фашистским командованием, чтобы понять роль и место Военно-Морского Флота в боевых операциях. Активные и успешные действия флота обеспечили прикрытие стратегических флангов и не дали противнику ни на одном из них обойти наземные части. Это наиболее важная деталь при оценке действий флота.

Буржуазные историки не стесняются исказить суть дела даже там, где смысл событий совершенно ясен. Кому, например, не понятно, что оборона островов Рижского залива, полуострова Ханко, приморских районов Одессы, Севастополя, Ленинграда, Заполярья и др. не могла осуществляться без Военно-Морского Флота. И все же при описании данных операций они или вовсе не говорят о действиях флота, или изображают их в ложном свете. Так, Маршалль, рассматривая действия немецко-фашистских войск по овладению островами Моонзундского архипелага, пишет: «...В штурме острова Муху решающую роль сыграли эстонские рыболовные суда, на которые были посажены группы немецкой морской пехоты...

Немногочисленный военно-морской флот Финляндии сделал все от него зависящее, чтобы причинить как можно больший ущерб советскому флоту»¹. О боевых действиях советского флота совершенно не упоминается, как будто его и не было.

Руге также говорит о необычайной легкости, с которой гитлеровцы овладели островами Рижского залива². В связи с этим придется напомнить некоторые весьма существенные детали.

Оборона островов началась не в середине сентября, как пишет Руге, а в июле 1941 г. Немецко-фашистское командование было очень заинтересовано в овладении ими, так как это давало возможность использовать рижский порт для снабжения группы армий «Север». Несмотря на то что советские гарнизоны на островах остались в тылу противника, они продолжали успешно обо-

¹ Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 332.

² См. Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 210.

роняться, будучи поддержаны с моря кораблями Краснознаменного Балтийского флота. Руге умалчивает о том, что немецко-фашистский флот, несмотря на свое численное превосходство, не был введен в действие до тех пор, пока Балтийский флот основными силами не отошел в Кронштадт. Попытки же овладения островами Рижского залива путем высадки небольших парашютных десантов с одновременной высадкой морских десантов с небольших кораблей и различных высадочных средств приводили к их гибели. Таким образом, гитлеровцы вели боевые действия по овладению островами с июля по октябрь. И только когда Краснознаменный Балтийский флот, в силу сложной обстановки, не смог больше поддерживать оборонявшиеся гарнизоны, они были эвакуированы с острова Даго на полуостров Ханко.

Что же касается полуострова Ханко, то здесь враг сполна испытал на себе силу сопротивления советских войск, которые с начала войны до декабря 1941 г. удерживали полуостров, угрожая ударом во фланг противнику, действовавшему севернее Ленинграда. Высказываясь на протяжении многих страниц о бездействии, пассивности русского флота, Руге все же, хотя и в нескольких строках, но признает в конце концов, что «кампания на Балтийском море закончилась без взятия Кронштадта и полной ликвидации советского флота. В последующие годы это привело к большому напряжению немецких сил»¹. Доводя эту мысль до конца, следует только добавить, что кампания на Балтийском море, так же как и на других морях и сухопутных направлениях, закончилась провалом как армейских, так и военно-морских планов гитлеровцев. Немецко-фашистские вооруженные силы не достигли решения задач кампании, они понесли огромные потери и вынуждены были пересмотреть планы использования вооруженных сил, в том числе и военно-морского флота.

В этой кампании полностью подтвердилась правильность взглядов советской военно-морской теории на роль и задачи флота в континентальной войне. Советский Военно-Морской Флот на всех морях выполнил поставленную перед ним задачу по содействию приморскому флангу армии в оборонительных и наступательных опе-

¹ Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 212.

рациях. Немецко-фашистское командование не сумело в создавшихся условиях правильно оценить роль и место флота, и именно поэтому его действия были пассивными, выжидательными. Гитлеровцы ждали, когда Краснознаменный Балтийский флот выйдет в Балтийское море на «генеральное сражение».

При описании действий советского Балтийского флота в 1944—1945 гг. тон буржуазных исследователей становится уже иным. Маршалль даже признал, что с переходом русских войск в наступление увеличилась активность советского флота¹. Однако и здесь он старается принизить его роль ссылкой на то, что русским не удалось ликвидировать блокаду Финского залива. Маршалль отказывается от описания действительной роли Краснознаменного Балтийского флота в разгроме немецко-фашистских армий, оборонявшихся в 1944—1945 гг. на приморском направлении. Все события, происходившие на Балтике в течение двух лет, он осветил буквально в одном абзаце².

Руге в первых главах своей книги обрушивался на советский флот за то, что тот ограничивался поддержкой приморского фланга армии, а в разделе «Конец на Балтике»³ он такие же действия гитлеровского флота считает единственно правильными.

Стремясь умалить значение побед Советской Армии и роль Балтийского флота в разгроме стратегической группировки немецко-фашистских сил в Прибалтике, Руге выдает блокаду группы армий «Север» в районе Тукумс — Либава не как результат искусно осуществленной операции советских войск при содействии сил флота, а как специально задуманную гитлеровцами оборонительную операцию для прикрытия района испытаний подводных лодок в Данцигской бухте⁴. Но разве могла блокированная в районе Тукумс — Либава группировка немецко-фашистских войск в составе 37 дивизий и одной бригады прикрыть Данцигскую бухту? Да еще в то время, когда основные силы Советской Армии уже вели бои непосредственно на территории Восточной Пруссии?

¹ См. *Мировая война. 1939—1945 годы*, стр. 371.

² См. там же.

³ См. Ф. Руге. *Война на море. 1939—1945*, стр. 376—383.

⁴ См. там же, стр. 379.

Гитлеровскому командованию, безусловно, было бы весьма полезно перебросить свои дивизии из района Тукумс — Либава для обороны Восточной Пруссии. Но эти дивизии так и не были туда переброшены, так как силами подводных лодок, торпедных катеров и авиации Краснознаменного Балтийского флота они были блокированы с моря. До конца войны флот противника не мог полностью обеспечить переброску так необходимых ему дивизий из района Тукумс — Либава на другой участок фронта.

Если обратиться к Северному морскому театру, то здесь действия флота рассматриваются буржуазными историками исключительно в плане сопровождения транспортов, шедших из Англии и Америки в порты Советского Союза. Почти все авторы уходят от показа боев на суше и связи с ними боевых действий на море.

Правда, Типпельскирх¹ и Гесс вскользь отмечают, что снабжение немецкого горнострелкового корпуса на севере осложнялось «в значительной мере деятельностью флота и авиации русских и англичан...». На этом и заканчивается разговор о советском флоте. Но тот же Типпельскирх договаривается до смехотворного утверждения, указывая, что изменение соотношения сил в воздухе в Заполярье в 1942 г. произошло в связи с успехами англичан и американцев в Северной Африке². Он совершенно не говорит о влиянии успехов Вооруженных Сил Советского Союза на ход борьбы на морских театрах. Маршалль, сделав попытку показать десанты русских в октябре 1944 г., все их характеризует как неудачные³.

Остальное, что написано в книгах Типпельскирха, Руге, Маршалля, посвящено всецело показу так называемых «блестящих побед и мужественных поражений» фашистского военно-морского флота в бою с англичанами. Складывается впечатление, что никаких других сил в районе Заполярья не было. Таким методом пытаются умалить значение советского Северного флота.

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 457.

² См. там же, стр. 459.

³ См. Мировая война, 1939—1945 годы, стр. 372.

А ведь известно, что в течение войны гитлеровцы в результате боевых действий Северного флота потеряли 192 корабля разных классов и типов общим водоизмещением в 530 569 брутто-регистрационных тонн. Кроме того, 88 было повреждено¹.

Как и на других морских театрах, основной задачей Северного флота было содействие приморскому флангу армии. Отсутствие дорог в Заполярье и крайняя необходимость в обеспечении горнострелкового корпуса всеми видами довольствия заставило противника интенсивно использовать морские коммуникации. А это в свою очередь привело к активизации боевых действий авиации и подводных лодок Северного флота против морских соединений противника.

Таким образом, если объективно проанализировать факты истории, то аргументы относительно пассивности и бездействия скорее следовало бы отнести к действиям немецко-фашистского флота. Этот флот не выполнил своей задачи. Командование его только к концу войны начало понимать назначение морских сил в континентальной войне, но задача по содействию приморскому флангу армии в обороне так и не была решена, ибо наступил общий крах всех вооруженных сил Германии, в том числе и крах немецко-фашистского флота.

Крушение немецко-фашистских планов наступления на приморских направлениях

Попытка очернить действия советского Военно-Морского Флота приводит буржуазных авторов к большой путанице. Вот один из примеров. «На море, — пишет Руге, — русские держались так же, как в прежних войнах: не очень агрессивно, тактически неумело, в обороне — упорно, с артиллерийской точки зрения — хорошо»². Спрашивается, если русские воевали тактически неумело, то что же такое «с артиллерийской точки зрения хорошо»? Ведь хорошее использование артиллерии — это прежде всего хорошее боевое применение, а следовательно, хорошая тактика.

¹ См. Против фальсификаторов истории второй мировой войны, стр. 254.

² Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 212.

Слова о тактической неграмотности советских моряков нельзя считать за фразу, оброненную случайно. Руге пытается обосновать этот тезис.

Зная, например, о том, что русское минное оружие всегда занимало одно из первых мест в мире, Руге тем не менее вопреки фактам утверждает: «Даже и русское минное оружие стояло на более низком уровне, чем в годы первой мировой войны, но со временем стало более эффективным, так как у Советов хватило времени для минирования мелководных районов»¹.

Автора не смущает явное несоответствие в этом рассуждении. В самом деле, не надо быть особенным специалистом в военно-морском деле, чтобы сразу же заметить, что в начале фразы речь идет о технической стороне минного оружия, а затем о тактическом его применении, при этом все смешивается в одно понятие — низкий уровень минного оружия.

Тенденциозность тут настолько очевидна, что не требуется пояснений. Но обратимся все же к трофейным документам минувшей войны, которые в свое время были написаны самими гитлеровскими специалистами. Они свидетельствуют о том, что «для минирования противником были использованы различные материалы, отличающиеся хорошим качеством»². Это, так сказать, техническая оценка. Тактику же минирования лучше всего можно оценить по тому факту, что ни один немецко-фашистский корабль так и не решился за все время войны войти в Финский залив. А ведь необходимость в этом была, и немалая.

Рассуждения о тактической неграмотности русского флота буржуазные авторы стремятся распространить на все виды боевой деятельности советского флота. Так, десантные действия, которые причинили много неприятностей гитлеровцам в ходе войны, они почти не описывают. Говоря о десанте, высаженном черноморцами под Одессой в сентябре 1941 г., Руге ограничился утверждением, что «у румын было много хлопот с русской морской пехотой, высаженной в тылу их войск...»³. Следует напомнить, что, во-первых, морской десант под

¹ Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 210.

² Архив ИО ГШ ВМФ, д. 18276, л. 268.

³ Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 216.

Одессой был высажен не в тылу румынских, а в тылу немецко-фашистских дивизий, изготовившихся вместе с румынскими для наступления на Одессу. А во-вторых, разгром этих дивизий войсками Восточного сектора во взаимодействии с морским десантом сорвал замысел противника по овладению Одессой и заставил его перейти к обороне. Подготовка указанного десанта была произведена с соблюдением всех мер маскировки, что привело к внезапности высадки десанта. Это ли не убедительный пример высокого тактического мастерства советских моряков!

Ну, а Керченско-Феодосийская операция, — ее никак невозможно замолчать. По способу выполнения она признана лучшей из операций того времени. Юрг Майстер, упоминая о Керченско-Феодосийской десантной операции, пишет: «Советские десанты в декабре 1941 г. ...заставили, наконец, немецкое командование усилить военно-морские силы на Черном море с тем, чтобы помешать последующей высадке десантов и помешать подвозу довольствия в Крым»¹. Вот и все. Если хотите, то можете даже рассматривать данный десант как определенную услугу гитлеровской армии, ибо десант заставил немецко-фашистское командование позаботиться об усилении своего флота на Черном море. Руге в данном случае весьма краток, но не менее выразителен: «В декабре 1941 и январе 1942 г. Советы произвели десанты в Керчи, Феодосии, Евпатории и Балаклаве — всякий раз ночью, большей частью при сильном холоде и ветре, не считаясь с потерями среди десантников». И еще: «При этом крупные корабли и здесь держались днем очень далеко от берега, так что операция, имевшая целью снять осаду с Севастополя, привела лишь к отвоевыванию Керченского полуострова»².

Несостоятельность подобных рассуждений слишком очевидна. Однако в то время, когда война еще шла, противник реально оценивал действия советского Черноморского флота. В отчете штаба румынского королевского флота давалась следующая оценка феодосийскому десанту: «Десант в Феодосии является классическим па

¹ Jürg Meister. Der Seekrieg in den Osteuropäischen Gewässern 1941—1945, S. 254.

² Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 216—217.

своему замыслу и выполнению... Операция осуществлялась хорошо подготовленными и вооруженными войсками»¹. В этом же отчете указывались и причины, благодаря которым крупная десантная операция увенчалась успехом:

«— Был широко и успешно использован принцип внезапности. Высадка имела место в ночное время суток, под покровом темноты и тумана...

— Противнику была прекрасно известна обстановка.

— Первые высадившиеся части начали немедленно и непрерывно получать подкрепление.

— Корабельная артиллерия поддерживала сильным огнем действия первых ударных групп и полностью подавила огонь нашей обороны...»².

Высокая оценка Керченско-Феодосийской десантной операции давалась в то время и в американских военных обзорах. Известный военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Болдуин писал: «Неукротимые русские» заняли Керчь и Феодосию. Это, возможно, является бóльшей победой, чем занятие Ростова или чем наступление Красной Армии на центральном фронте, ибо высадка десанта на побережье, занятое противником, принадлежит к труднейшим военным проблемам...» В другом отзыве зарубежной печати тех дней отмечалось, что «освобождение Керчи и Феодосии от немцев произвело большое впечатление. Весьма знаменательно, что эта операция была проведена во взаимодействии с советским Черноморским флотом, который немцы уже давно объявили уничтоженным»³.

Советский Военно-Морской Флот за время войны осуществил в общей сложности 95 оперативных и тактических десантов⁴, большое количество диверсионных и разведывательных десантов, которые закончились успешным выполнением поставленной задачи. Этот факт как нельзя лучше показывает активность и тактическую его зрелость в годы минувшей войны.

С самого начала войны Военно-Морской Флот СССР

¹ Архив ИО ГШ ВМФ, д. 18276, л. 271.

² Там же.

³ «Красный флот», 6 января 1942 г.

⁴ Архив ИО ГШ ВМФ, д. 37093, л. 79.

удерживал в своих руках инициативу военных действий в борьбе на море. Морские силы противника не смогли своими действиями сорвать решение задач, возлагавшихся на Советский Флот. Минные постановки, осуществленные гитлеровским флотом на всех морских театрах, не смогли сковать действий советских моряков. Подводные и надводные корабли сразу же вышли в море для выполнения боевых задач. В то время как надводные корабли ставили оборонительные минные заграждения для прикрытия военно-морских баз и портов от возможного воздействия со стороны морских сил противника, подводные лодки выставляли минные поля непосредственно у его военно-морских баз с целью затруднения выхода в море его кораблей. Одновременно с этим подводные лодки Северного, Краснознаменного Балтийского и Черноморского флотов развернулись у вражеских берегов, чтобы действовать на морских путях сообщений. На всех морских театрах были развернуты силы противолодочной обороны для борьбы с фашистскими подводными лодками.

Несмотря на внезапность нападения, противнику не удалось ослабить советский Военно-Морской Флот и ударами с воздуха. Ни один из кораблей не был выведен из строя воздушными налетами в первые дни войны. Расчеты на пассивность советского флота сразу сорвались.

Даже Руге вынужден признать, что уже в 1941 г. гитлеровская Германия потеряла 25 кораблей, причем 20 из них затонули¹. Чтобы сгладить впечатление по поводу этих потерь, он сразу же оговаривается, указав, что три тральщика и три заградителя затонули от собственных, а также от шведских мин.

Активность противолодочной обороны в Финском заливе и в районе Моонзундского архипелага заставила противника 5 июля вернуть финские подводные лодки в базу-убежище в шхерах. Были отозваны под предлогом отсутствия целей к своим берегам и немецкие подводные лодки².

Хотя гитлеровские армии, наступавшие по побережью,

¹ См. Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 212—214.

² См. Jürg Meister. Der Seekrieg in den Osteuropäischen Gewässern 1941—1945, S. 17.

овладели военно-морскими базами Лиепая и Рига, тем не менее флот противника не получил свободы действий на море. Удержание советскими войсками островов Моонзундского архипелага сковывало его действия и затрудняло снабжение армии. «Германское командование сухопутных сил предлагало сразу же после начала войны захватить Моонзундские острова, однако командование военно-морского флота вынуждено было отклонить это предложение, так как советский флот был еще очень силен»¹.

Это признание Майстера говорит о многом. Действия эсминцев, торпедных катеров, авиации и подводных лодок КБФ на путях сообщения противника на Балтийском и Северном морских театрах привели к тому, что командование сухопутных войск начало предъявлять претензии военно-морскому флоту, требуя от него «как можно скорее установить движение конвоев вдоль побережья...»².

Огромная зависимость от путей сообщения заставила гитлеровское командование выделить значительное количество корабельных сил для их защиты. Так, на Черном море на оборону конвоев были направлены все боевые корабли, в состав которых входили четыре эсминца, три миноносца, три канонерские лодки и значительное количество катеров различного назначения³. На Севере «ввиду того что в течение августа проблема снабжения и подвоза подкреплений на заполярный фронт приобретала все большую остроту, оставшиеся три эсминца (два из пяти были повреждены советской авиацией. — И. М.) использовались для охраны важнейших конвоев»⁴. Что же касается Балтийского театра, то здесь все силы флота противника были брошены на противолодочную оборону.

Несмотря на огромное напряжение, которое испытывал немецко-фашистский флот, пытавшийся защитить свои коммуникации, противник понес тяжелые потери. Только за 1941 г. было потоплено 54 торговых судна общим водоизмещением в 129 тысяч брутто-регистрационных тонн и повреждено 31 торговое судно общим водоизме-

¹ См. Jürg Meister. Der Seekrieg in den Osteuropäischen Gewässern 1941—1945, S. 28.

² Там же, стр. 23.

³ См. там же, стр. 289.

⁴ Wilhelm Hess. Eismeerfront 1941, S. 87—88.

щением в 60 тысяч брутто-регистравых тонн¹. Если учесть, что на этих судах перевозилось не сырье, а войска и различного рода довольствие, то станет очевидной значимость указанных потерь для армий, наступавших на приморском направлении.

Особенно упорные бои на морских путях сообщения разыгрались в 1942 г., когда противник, чтобы воспрепятствовать проход советских подводных лодок в Балтийское море, выставил сильное минное и сетевое заграждение. Противолодочные мины были выставлены настолько плотно, что расстояние между ними составляло менее 25 метров. Однако и это не остановило советских подводников. Искусно управляемые командирами, подводные лодки выходили в море, продолжая топить торговые и боевые корабли. «И если при этих обстоятельствах русским подводным лодкам удалось совершить 22 прорыва в открытое Балтийское море, причем отдельные лодки насчитывали до трех прорывов, то это является достойным внимания успехом, который свидетельствует о высоком уровне боевой подготовки и стойкости команд советских подводных лодок»². Такова оценка, которую вынужден дать Юрген Ровер.

Ни на одном театре военных действий гитлеровцам не удалось обеспечить свои коммуникации. Особенно тяжелыми для них были последние годы войны, когда прижатые к морю группировки противника полностью зависели от морских путей сообщения. Если в 1941 и в 1942 гг. основным средством борьбы на морских путях сообщения были подводные лодки, то в последующие годы к ним присоединились торпедные катера и авиация. Особенно ярко оперативное искусство в этом виде деятельности флота проявилось в Крымской операции, а также в блокаде с моря курляндской группировки и при разгроме немцев в Заполярье.

Значение морских путей сообщения для противника на Черном море в 1944 г. было очень большим, так как с выходом советских войск к Перекопскому перешейку это был единственный путь снабжения армии, находившейся в Крыму. Если учесть, что месячная потребность

¹ См. Против фальсификаторов истории второй мировой войны, стр. 238—254.

² «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1956, X, № 10, S. 547—568.

только армии, имевшей в своем составе 200 тысяч человек, выражалась в 18 354 тонны, то станет понятным решение гитлеровского командования привлечь для перевозок все силы транспортного и военного флота. В эвакуации крымской группировки противника приняло участие 190 военных и торговых судов¹.

Для нарушения морских путей сообщения командование Черноморского флота выделило 404 самолета, более 30 торпедных катеров и 13 подводных лодок. Несмотря на небольшое количество сил, умелое и своевременное их развертывание обеспечило успешное решение задачи. Так, для ближней блокады Севастополя торпедные катера были перебазированы в Скадовск и частично в Феодосию. После освобождения Советской Армией Евпатории и Ялты катера были перебазированы в эти порты, что дало возможность усилить ближнюю блокаду противника в Севастополе в период штурма города. Подводные лодки были развернуты в северо-западном районе Черного моря для перекрытия всех возможных путей движения конвоев. Одновременно на путях сообщения действовало до 9 подводных лодок. Авиация нанесла удары по всей глубине коммуникаций противника.

8 апреля 1944 г. началась операция по освобождению Крыма. К 19 апреля войска 4-го Украинского фронта вышли непосредственно на подступы к Севастополю. Видя безнадежность своего положения, противник принял решение эвакуировать остатки разгромленной 17-й армии в порты северо-западного района Черного моря. На морских путях сообщения между Крымом и портами Румынии началась напряженная борьба. Авиация, подводные лодки и торпедные катера, взаимодействуя между собой, нанесли противнику большой материальный урон. По явно заниженным данным, приводимым Майстером, за время Крымской операции было потоплено 38 военных и торговых судов². Только с 3 по 13 мая, по признанию командования 17-й армии, потонуло или пропало без вести во время эвакуации по морю 37 тысяч немецких и около 5 тысяч румынских солдат и

¹ См. Jürg Meister. Der Seekrieg in den Osteuropäischen Gewässern 1941—1945, S. 276, 281.

² См. там же, стр. 281.

офицеров¹. По данным, установленным путем сопоставления документов обеих сторон, противник в период Крымской операции потерял 59 боевых кораблей и торговых судов².

Не менее активно действовал в 1944—1945 гг. Краснознаменный Балтийский флот, который использовал авиацию, подводные лодки и торпедные катера. Усиление действий флота на морских путях сообщения вызывалось складывающейся под воздействием Советской Армии обстановкой на приморском направлении. Разгром противника в Прибалтике и изолирование его группы армий «Север» в Курляндии ставили перед флотом задачу по блокаде войск противника с моря.

Успешная деятельность кораблей и авиации Краснознаменного Балтийского флота нанесла противнику в 1944—1945 гг. огромный материальный и моральный урон. Юрген Ровер указывает, что при огромном масштабе перевозок, особенно в 1945 г., на суда брали по 8 тысяч человек, а это при гибели транспортов приводило к очень большим людским потерям. Он называет три гитлеровских транспорта, потопленные 30 января, 10 февраля и 15 апреля 1945 г. На них погибло 5200, 3000 и 7000 человек соответственно³.

За годы минувшей войны было потоплено на Балтике 329 различных транспортов общим водоизмещением около 1 миллиона брутто-регистрационных тонн⁴.

Действия советских летчиков, моряков подводных лодок и надводных кораблей в ходе войны неизменно вызывали восхищение тех, кто следил за борьбой на море, на этом сложном театре военных действий.

Несмотря на общую тенденцию искажения действительных фактов, Юрген Ровер, описывая действия советских подводных лодок на Балтийском театре, пишет: «Команды советских подводных лодок представляли собой, как и на других флотах, избранную часть флота, состоящую из добровольцев. Наблюдения 1942—1943 гг.

¹ См. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 567.

² См. Против фальсификаторов истории второй мировой войны, стр. 237.

³ См. «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1956. X, № 10, S. 547—568.

⁴ См. Против фальсификаторов истории второй мировой войны, стр. 246—247.

показали, что сила русского подводника состоит в его готовности к самопожертвованию и в его стойкости»¹.

Моряки Северного флота действовали на морских путях сообщения не менее успешно. Противник за всю войну не мог ни разу подготовить здесь необходимое количество сил для наступления. Мешал этому Северный флот, успешно нарушавший его морские пути сообщения. Только в течение 1944 г. на Баренцевом море в результате успешных атак авиации, подводных лодок и торпедных катеров, действовавших самостоятельно и во взаимодействии друг с другом, противник потерял 77 транспортных судов общим водоизмещением около 190 тысяч тонн, не считая потопленных в это же время 38 боевых кораблей и вспомогательных судов².

С самого начала войны, когда враг стал угрожать нашим военно-морским базам, из кораблей флота были созданы отряды корабельной артиллерийской поддержки, которые на всех флотах успешно решали поставленные перед ними задачи. Обладая большой дальностью и разрушительной силой, корабельная артиллерия явилась хорошим средством поражения резервов и скопления живой силы и техники. В защите Одессы, Севастополя, Таллина и Ленинграда корабельная артиллерия не только усиливала оборону, но и служила средством по созданию условий для эвакуации своих сил. Так, в обороне Одессы и Таллина правильное и успешное использование корабельной артиллерии дало возможность отвести армейскую артиллерию и погрузить ее на транспорты. Массированное использование корабельной артиллерии в обороне Севастополя при первом и втором штурмах противника оказало обороняющимся большую услугу.

В обороне Ленинграда корабельная и береговая артиллерия сыграла особенно заметную роль. Она решала задачи контрбатареиной борьбы, уничтожая вражескую артиллерию и воспрещая ему обстрел города. Юрг Майстер в своей книге крайне сожалеет о том, что немцам не удалось уничтожить береговую и корабельную артиллерию, которая действовала согласованно.

Действия кораблей артиллерийской поддержки в те-

¹ «Wehrwissenschaftliche Rundschau», 1956.X, № 10, S. 547—568.

² См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 4, стр. 464.

чение всей войны обеспечивали прикрытие фланга Советской Армии, и противнику так и не удалось нанести серьезный удар с моря по советским войскам.

Содействие приморскому флангу наземной армии занимало главное место в боевой деятельности советского Военно-Морского Флота. Оборона приморских районов была немыслима без поддержки кораблями флота с моря, без снабжения войск оборонительных районов. Оборона гарнизонов, не имевших связи с тылом на суше, была возможной только при хорошо организованном обеспечении морских путей сообщения. Бесспорно, что оборона Одессы, Севастополя, Ханко, островов Моонзундского архипелага не могла осуществляться длительное время без снабжения войск.

Чтобы показать, какую огромную работу по снабжению и перевозкам проделал только один Черноморский флот в период обороны Одессы, достаточно привести следующие цифры. Всего по трассе Одесса — Севастополь — Одесса с июля до середины октября прошло 911 транспортов общим тоннажем 4 173 тысячи тонн. Когда же было принято решение об эвакуации Одессы, Черноморский флот перебросил в Крым войска, армейские тылы и управление Приморской армии, всего до 80 тысяч человек. Кроме того, было перевезено более 1000 автомашин, около 500 орудий, 163 трактора и пр. За период обороны Одессы было эвакуировано 350 тысяч человек гражданского населения, раненых и больных и более 200 тысяч тонн грузов промышленного оборудования, металлов, боевой техники и др.¹.

Еще сложнее было организовать снабжение гарнизона в Севастополе. Но и эту задачу Черноморский флот выполнил с честью.

Уместно напомнить, что небольшой по численности гарнизон Севастополя почти целый год сдерживал многочисленного, до зубов вооруженного врага и нанес ему огромный урон в людях и боевой технике. 250 суток понадобилось вражеским войскам, чтобы преодолеть 16 километров, отделявших первую полосу обороны от окраины города.

¹ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2, стр. 118.

Ф. Руге считает обстрел нефтехранилища и поезда с боеприпасами в Констанце в начале войны единственной настоящей морской операцией¹. Боевые же действия при поддержке приморского фланга армии, высадку морских десантов, нарушение морских путей сообщения и обеспечение воинских перевозок он и многие другие западногерманские военные историки стараются не замечать.

Между тем именно содействие приморскому флангу армии было основной задачей советского Военно-Морского Флота в ходе всей Великой Отечественной войны. И конечно, при желании современные буржуазные историки могли бы найти немало примеров из его деятельности, достойных внимания. Взять хотя бы морской десант в районе Григорьевки (под Одессой) в 1941 г. Он был осуществлен Черноморским флотом во взаимодействии с частями Приморской армии, наносившими контрудар по противнику. В результате был сорван план врага по прекращению снабжения Одессы путем артиллерийского обстрела порта и оказано содействие Приморской армии в контрударе по изготовившимся к наступлению частям противника. Командование армии Антонеску после этого было вынуждено отказаться от наступления на Одессу на неопределенный срок. Проведение контрудара во взаимодействии с морским десантом дало возможность в последующем организовать эвакуацию Приморской армии без потерь.

Зарубежные авторы книг по истории второй мировой войны или умалчивают, или искажают смысл десантных действий и на театре действий Северного флота. А ведь североморцы за время войны высадили большое количество морских десантов с различными задачами. Так, например, когда в июле 1941 г. противник подходил к Западной Лице, моряки Северного флота высадили несколько десантов в тылу наступающей группировки противника, которые во взаимодействии с частями армии, действовавшей на приморском направлении, сорвали наступательные планы врага и заставили его остановиться.

Высадка десанта Северным флотом в апреле — мае 1942 г. сорвала готовившееся весеннее наступление врага. Противник вынужден был израсходовать на борьбу с

¹ См. Ф. Руге. Война на море. 1939—1945, стр. 216.

десантом, высаженным в тактической зоне обороны, значительные силы и отказался от наступления.

Когда готовился разгром немецко-фашистских войск в Заполярье в октябре 1944 г., то помимо задач по нарушению морских путей сообщений, Северному флоту была поставлена задача высадкой морских десантов содействовать наступлению Советской Армии на приморском направлении. Эта задача была выполнена. Морской десант, высаженный на южном побережье губы Малая Волоковая, вместе с морской бригадой, действовавшей с перешейка полуострова Средний, прорвали оборону противника и, создав угрозу отсечения его западнолицевой группировки, заставили быстро отступать к Печенге.

Противник пытался задержать Советскую Армию, наступавшую на приморском направлении, заняв оборону по реке Печенга и Печенгскому заливу, но высадкой морского десанта непосредственно в порт и военно-морскую базу Лиинахамари в составе двух морских бригад его план был сорван. Советское командование осуществило очень дерзкий замысел. Для того чтобы высадить десант, необходимо было прорваться через узкий, тщательно охранявшийся врагом, проход в Печенгский залив.

Неожиданность, дерзость, отвага и тактически грамотное решение всех вопросов десанта позволили в короткий срок преодолеть сопротивление врага, высадить десант в Лиинахамари и ударом на Триффона — Печенга во взаимодействии с армией, наступавшей с фронта, овладеть последним узлом сопротивления в Заполярье — портом Печенга.

* * *

Буржуазные фальсификаторы истории второй мировой войны сознательно умалчивают или искажают смысл боевых действий на советско-германском фронте, стремясь всеми средствами навязать читателю мысль о слабости и тактической неграмотности советского Военно-Морского Флота. В то же время они стремятся обелить планы использования и действия немецкого военно-морского флота. Однако факты истории неопровержимы.

Глава тринадцатая

РОЛЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ В РАЗГРОМЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

Советская авиация надежно поддерживала наземные войска с воздуха

В будущей войне против социалистических стран милитаристские круги западных государств возлагают большие надежды на военно-воздушные силы и поэтому безапелляционно заявляют о своем превосходстве в воздушной мощи над странами социалистического лагеря. Английский автор Эшер Ли по этому поводу пишет: «Существует много причин, объясняющих то положение, что Запад сохраняет свое превосходство над Россией в области авиации...»¹.

Подобные утверждения представляют собой одну из попыток обосновать возможность победы империалистических государств над социалистическими странами в новой мировой войне. Многие буржуазные военные историки пытаются ныне доказать, что Советский Союз в годы второй мировой войны не располагал мощными Военно-воздушными силами и поэтому советская авиация не оказала существенного влияния на ход военных действий по разгрому вооруженных сил фашистской Германии.

Фальсификация роли советских ВВС во второй мировой войне проводится по разным направлениям. И все

¹ Эшер Л и. Воздушная мощь. Изд-во иностранной литературы, 1958, стр. 36.

это подчинено одной цели — попытаться убедить читателей в слабости советской авиации.

В ряде книг, изданных на Западе после второй мировой войны, содержатся высказывания о том, что советские Военно-воздушные силы были уничтожены в основном в первые дни войны. Бывший командующий 2-м немецким воздушным флотом А. Кессельринг пишет: «Первый сокрушительный удар по русской авиации способствовал тому, что она смогла оправиться только к концу войны»¹. Этим самым он хочет доказать, что советская авиация почти на протяжении всей войны не представляла собой серьезной силы.

Немецко-фашистское командование действительно намеревалось уничтожить советскую авиацию в первые дни нападения на Советский Союз. В директиве верховного командования германских вооруженных сил от 18 декабря 1940 г. № 21 о нападении на СССР перед немецко-фашистской авиацией была поставлена задача — сосредоточить силы для удара по советской авиации, чтобы по возможности парализовать ее и ликвидировать ее противодействии².

22 июня 1941 г. 66 советских аэродромов подверглись внезапному нападению немецко-фашистской авиации. В результате ударов по аэродромам и воздушных боев наши потери к полудню составили 1200 самолетов (из них более 800 на земле)³.

Потери советской авиации в первые дни войны изменили воздушную обстановку в пользу противника. Однако уничтожить советскую авиацию одним ударом гитлеровцы не смогли. Так, Типпельскирх вынужден отметить, что уничтожить советскую авиацию, «как это удалось сделать с авиацией противника в Польше и во Франции, немецкая авиация не сумела...»⁴.

С первых же часов войны авиация западных военных округов вступила в ожесточенные схватки с врагом, уничтожая его в воздухе и на земле. 22 июня 1941 г.

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 206.

² См. Нюрнбергский процесс, т. II, стр. 564.

³ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2, стр. 16.

⁴ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 180.

авиация Западного фронта нанесла удары по группировкам противника в ряде районов. 22 и 23 июня советские летчики бомбили танковые колонны противника¹. По неполным данным, Военно-воздушные силы Западного фронта за период с 22 по 30 июня 1941 г. произвели 2963 самолето-вылета, сбросив на врага 107 тонн бомб². С большой активностью боевые действия вела также авиация других фронтов. За период с 10 по 31 июля 1941 г. военно-воздушные силы Юго-Западного фронта произвели более 6000 самолето-вылетов и нанесли врагу большой урон в живой силе и технике³.

Летом и осенью 1941 г. нашей авиации приходилось действовать в самых неблагоприятных условиях. Тяжелые потери в начале войны привели к уменьшению самолетного парка. Авиационная промышленность сократила производство самолетов в связи с перемещением ряда авиационных заводов в восточные районы. Враг имел на фронте больше самолетов и захватил господство в воздухе. К 30 сентября 1941 г. на центральном участке советско-германского фронта противник имел превосходство по самолетам в 2,6 раза⁴. Обстановка действительно сложилась очень тяжелая для советской авиации. И все же она продолжала героическую борьбу с врагом, хотя буржуазные авторы и стараются не говорить об этом.

Коль скоро ими выдвинута версия о том, что советская авиация была уничтожена в первые дни войны, то в дальнейшем приходится преднамеренно не замечать ее действий. Именно так и поступает Блюментрит, когда он заявляет, что в июне и первых числах июля 1941 г. советской авиации почти не было видно. Продвижению немецких танков к Днепру и Западной Двине препятствовала лишь болотистая местность⁵. Бывший начальник штаба 4-й армии, описывая действия группы армий «Центр», умалчивает об активных действиях военно-воздушных сил Западного фронта против 3-й танковой группы Гота, наступавшей на Вильнюс — Минск. А ведь

¹ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2589, д. 93, лл. 11—12.

² Там же.

³ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2, стр. 99.

⁴ См. там же, стр. 235.

⁵ См. Роковые решения, стр. 84—85.

известно, что с утра 25 июня 1941 г. ударами советских бомбардировщиков под прикрытием истребителей было замедлено движение танковых колонн в районе Вильнюса. 26 июня 1941 г. бомбардировщики произвели свыше 500 самолето-вылетов по танковым колоннам 3-й танковой группы. В итоге противник потерял более 150 танков. Совместными действиями авиации и наземных войск танковые части 3-й танковой группы были остановлены на подступах к Минску¹. Авиация Западного фронта активно действовала по войскам противника и в последующие дни.

Этот же фашистский генерал отрицает активные действия советской авиации под Москвой: «До сих пор мы еще мало видели русских самолетов, хотя в то время (речь идет о 6 декабря 1941 г. — *Е. В.*) линия фронта проходила всего в нескольких минутах полета от московских аэродромов»².

Но если дело обстояло именно так, то как же тогда объяснить срыв планов немецко-фашистского командования о разрушении Москвы с воздуха? Разве не советские истребители совместно с войсками ПВО отразили 122 воздушных налета в июле — декабре 1941 г.? И почему же, несмотря на все усилия гитлеровского командования, к городу прорвались только 7 процентов бомбардировщиков, участвовавших в налетах, а 950 самолетов врага превратились в груды обгоревших обломков на подступах к Москве?³

Ответить на эти вопросы невозможно, если не признать того неопровержимого факта, что в битве под Москвой советское командование, несмотря на крайне тяжелые условия, сумело создать перелом в воздушной обстановке в пользу советских ВВС. В конце оборонительного периода Московской битвы на Западном направлении удалось достичь превосходства над противником в силах и завоевать господство в воздухе⁴. Это явилось одним из важнейших условий, обеспечивших переход советских войск в контрнаступление.

В дальнейшем советская авиация наращивала удары по врагу. Это наглядно видно на примере боевых дейст-

¹ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2589, д. 99, лл. 16—27.

² Роковые решения, стр. 101.

³ См. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 234.

⁴ См. т а м же.

вий авиационной группы под командованием генерал-майора авиации Н. А. Сбытова. Во взаимодействии с войсками Западного фронта она наносила удары по врагу в районе Волоколамска, Клина, Солнечногорска, Истры. Летчики этой группы содействовали войскам 5-й армии в освобождении Можайска и войскам 43-й армии в овладении Малоярославцем¹. Таким образом, советская авиация сыграла свою роль в разгроме фашистских войск под Москвой.

Особенно много внимания буржуазные историки уделяют битве на Волге. При этом почти каждый из них старается дать объяснение провала снабжения по воздуху окруженных немецко-фашистских армий. Обычно они стремятся обосновать этот провал просчетами Геринга и его штаба в возможностях немецкой транспортной авиации, сложными метеорологическими условиями, суровостью русской зимы, большими пространствами и т. д. Манштейн, например, пишет, что «недостатки снабжения были вызваны неблагоприятной метеорологической обстановкой и нехваткой транспортных самолетов»². Для подтверждения этого он называет дни, когда «метеорологическая обстановка исключала всякую возможность снабжения войск по воздуху»³.

Если верить подсчетам этого автора, для снабжения окруженных войск требовалось ежедневно 225 самолетов-вылетов транспортных самолетов Ю-52⁴. Это должно было составить за 70 дней, в течение которых немецко-фашистские войска находились в окружении, 15 750 самолетов-вылетов.

В декабре 1942 г., по данным западногерманского военного автора Греффрата, немцы имели для этих целей 320 самолетов Ю-52, 40 транспортных самолетов Ю-86, 190 самолетов Хе-111, имелись также крупные транспортные самолеты Ю-90 и Ю-290⁵. Выходит, что самолетов для транспортировки грузов было достаточно.

Предположим, что транспортные самолеты, как в этом уверяют буржуазные военные авторы, не могли

¹ Архив МО СССР, ф. 35, оп. 30809, д. 27, лл. 65—66.

² Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 383.

³ Там же, стр. 385.

⁴ См. там же, стр. 347.

⁵ См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 479.

производить полеты из-за плохой погоды. Но чем тогда можно объяснить 20 334 самолето-вылета авиации 16-й и частично 8-й воздушных армий Сталинградского и Донского фронтов (преимущественно истребителей и штурмовиков), которые были произведены с 23 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. в районе окружения? ¹ К этому нужно еще добавить, что в период второй мировой войны для полетов в сложных метеорологических условиях наиболее удобны были именно транспортные самолеты. По сравнению с истребителями, штурмовиками и бомбардировщиками они имели меньшую скорость полета, были проще в управлении и хорошо оснащались навигационным оборудованием. Облачная погода в известной мере даже благоприятствовала транспортной авиации, т. к. представлялась возможность ухода от атак истребителей в облака. Очевидно, дело не в сложных метеорологических условиях, а в том, что гитлеровцы оказались не в состоянии прорвать воздушную блокаду, которую организовало советское командование.

Воздушная блокада осуществлялась авиацией и зенитной артиллерией. Для борьбы с самолетами противника были привлечены соединения трех воздушных армий и часть авиации дальнего действия. За время воздушной блокады советские летчики и артиллеристы уничтожили 1160 боевых и транспортных самолетов врага. Изолировав крупную группировку противника с воздуха, советская авиация оказала большую помощь сухопутным войскам в разгроме и пленении немецко-фашистских армий.

Принижая ударную мощь советской бомбардировочной и штурмовой авиации, буржуазные авторы стараются доказать, что советские ВВС не могли причинить существенного урона наземным войскам противника. Из всего опыта советской авиации во второй мировой войне наиболее ценным в поддержке сухопутных войск английский историк Эшер Ли видит применение устаревших самолетов ночью для беспокоящих ударов. По мнению автора, это «один из самых ценных уроков, полученных из опыта русских по оказанию войскам тактической авиационной поддержки в ходе второй мировой войны» ².

¹ Архив МО СССР, ф. 35, оп. 30811, д. 4, л. 127.

² Эшер Л и. Воздушная мощь, стр. 160.

Опыт боевых действий советских бомбардировщиков и штурмовиков, стало быть, никакой ценности не представляет? Почему? Разве советские бомбардировщики и штурмовики не принимали активного участия в военных действиях по разгрому фашистской армии?

Ночная бомбардировочная авиация сыграла свою положительную роль в операциях советских войск по разгрому немецко-фашистских захватчиков. Но главную задачу в нанесении ударов с воздуха по войскам противника выполняли штурмовики и дневные бомбардировщики. Чтобы напомнить об ударной силе советских бомбардировщиков и штурмовиков, приведем один из многих примеров боевых действий советской авиации в Великой Отечественной войне.

В ходе Бобруйской наступательной операции войск 1-го Белорусского фронта крупная группировка немецко-фашистских войск из 9-й полевой армии попала в окружение юго-восточнее Бобруйска. Враг стремился вырваться из окружения таранным ударом на север через боевые порядки танковых войск, образовавших внутренний фронт окружения. Для этой цели фашистское командование 27 июня 1944 г. сосредоточило артиллерию и пехоту на автомашинах в одну колонну на шоссе на дороге Жлобин — Бобруйск. Во главе колонны находилось 150 танков.

При сложившихся обстоятельствах командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский принял решение разгромить вражескую группировку силами 16-й воздушной армии. Командующий 16-й воздушной армией генерал-полковник авиации С. И. Руденко и его штаб проявили большую оперативность. Через 1 час 15 минут после постановки задачи командующим фронтом первые группы бомбардировщиков прибыли в район цели. По врагу был нанесен массированный удар 526 самолетами (из них 175 бомбардировщиков и 217 штурмовиков). За полтора часа на врага было сброшено более 11 300 бомб и израсходовано 572 реактивных снаряда, 71 тысяча снарядов и патронов. Группировка была рассеяна. Солдаты и офицеры противника пытались спастись бегством, оставляя горящую технику. В результате массированного удара авиации было уничтожено около 1000 вражеских солдат и офицеров, до 150 танков и штурмовых орудий, около

1000 орудий, до 6000 автомашин и много другой боевой техники¹.

Это ли не опыт боевых действий советской авиации! О нем, безусловно, следует почаще вспоминать тем, кто планирует новое вооруженное нападение на Советский Союз.

Буржуазные авторы пытаются утверждать, что советская авиация не смогла в годы минувшей войны добиться хорошего взаимодействия с наземными войсками. По мнению английского историка Эшера Ли, английские и американские ВВС достигли превосходных результатов во взаимодействии с сухопутными войсками, а вот Военно-воздушные силы СССР так и «не смогли добиться такой же эффективной и тесной связи с наступающими сухопутными войсками». Автор утверждает, что лишь в конце войны в Россию попали гитлеровские специалисты, которые «научили русских более быстрому налаживанию взаимодействия между сухопутными войсками и авиацией»².

Кого же Эшер Ли определяет в наставники советской авиации? Оказывается, тех битых «специалистов», о способностях которых сам же пишет следующее: «Немецкие ВВС не могут похвалиться особыми успехами в отношении взаимодействия с сухопутными войсками...»³

Восхваление успехов американских и английских ВВС, якобы превосходно взаимодействовавших с наземными войсками, является настолько же нескромным, насколько и несоответствующим действительности. Даже на пятом году второй мировой войны при проведении Нормандской десантной операции и наступлении в Северо-Западной Франции во взаимодействии американских и английских ВВС с сухопутными войсками было немало казусов. Так, например, 25 июля 1944 г. во время авиационной подготовки ударам своей же авиации подверглись соединения 7-го корпуса американцев, поэтому войска перешли в наступление с опозданием⁴. Ряд аналогичных примеров приводит и Дж. Фуллер, указывающий, что авиация американцев и англичан наносила удары по ты-

¹ Архив МО СССР, ф. 360, оп. 6476, д. 405, лл. 6—14.

² Эшер Л и. Воздушная мощь, стр. 154—155.

³ Там же, стр. 154.

⁴ См. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 652.

лам своих же наступающих войск в 5—7 милях от переднего края, что приводило к большим жертвам¹.

Советские ВВС в годы Великой Отечественной войны добились высоких результатов во взаимодействии с сухопутными войсками. Это вынужден признать даже западногерманский историк Г. Фойхтер, который пишет: «Ни в одной из армий стран — участниц второй мировой войны взаимодействие (автор имеет в виду авиацию и сухопутные войска. — *Е. В.*) не играло такой решающей роли, как в Советском Союзе»².

Советская авиация успешно взаимодействовала с наземными войсками в оборонительных и наступательных операциях. Примером взаимодействия советских ВВС в оборонительной операции является авиационное обеспечение танковых войск под Прохоровкой в оборонительный период Курской битвы. 12 июля 1943 г. в районе Прохоровки произошло крупнейшее в истории танковое сражение. В этом танковом сражении наша авиация обеспечивала контрудар 5-й гвардейской танковой армии.

В обеспечении контрудара участвовала 2-я воздушная армия, а также часть сил 17-й воздушной армии и авиации дальнего действия. Советская авиация провела непосредственную авиационную подготовку и поддержку войск. Бомбардировщики и штурмовики сосредоточенными ударами и эшелонированными действиями уничтожали танки и пехоту врага. В ходе контрудара истребительная авиация отражала налеты вражеских бомбардировщиков, которые пытались оказать поддержку своим танкам. Советская авиация изолировала район боевых действий от притока свежих сил противника, нанося удары по его резервам.

Всего на обеспечение контрудара советская авиация произвела около 1000 самолето-вылетов. Эти действия имели важное значение в победе советских танковых войск под Прохоровкой.

Авиационное обеспечение сухопутных войск в наступательных операциях осуществлялось в виде авиационного наступления. Авиационное наступление слагалось

¹ См. Дж. Ф. С. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг., стр. 399—400.

² Г. Фойхтер. История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем. М., Воениздат, 1956, стр. 160.

из авиационной подготовки и авиационной поддержки. В период авиационной подготовки бомбардировочная и штурмовая авиация совместно с артиллерией подавляла вражескую оборону, разрушая оборонительные сооружения и уничтожая боевую технику и живую силу противника. В период авиационной поддержки бомбардировочная авиация наносила удары по опорным пунктам, резервам и коммуникациям противника в тактической и оперативной глубине. Штурмовая авиация переключалась на поддержку пехоты и подвижных войск.

Истребители в авиационном наступлении выполняли задачи по прикрытию наземных войск и обеспечению других родов авиации. При слабом противодействии противника в воздухе истребители использовались для штурмовых действий по наземным войскам. В операциях сухопутных войск советские Военно-воздушные силы выполняли также задачи по воздушной разведке и борьбе за господство в воздухе. Авиационное наступление совершенствовалось по пути увеличения силы удара по врагу, непрерывности действий на всю глубину операции, более тесного взаимодействия с подвижными войсками.

Примером большого массирования сил и средств, в том числе и авиации, является Берлинская операция. В ней принимали участие четыре воздушные армии общей численностью свыше 8 тысяч самолетов. Советская авиация во взаимодействии с сухопутными войсками массированными ударами днем и ночью взламывала глубоко эшелонированную и заблаговременно занятую войсками оборону противника.

Образцы взаимодействия советской авиации с подвижными войсками были продемонстрированы в Висло-Одерской операции. Эта операция выделяется стремительными темпами наступления советских войск. Танковые армии продвигались до 70 километров в сутки. Взаимодействие танковых и воздушных армий обеспечило высокие темпы наступления подвижных войск в Висло-Одерской операции.

Авиация 2-й и 16-й воздушных армий обеспечивала командование фронтов разведывательными данными, необходимыми для принятия решений на использование подвижных войск в оперативной глубине. Бомбардировщики и штурмовики совместно с танками уничтожали отходящие колонны войск противника. Советская авиа-

ция ударами по мостам, переправам, железнодорожным узлам и перегонам замедляла отход войск противника. Это благоприятствовало прорыву с ходу тыловых оборонительных рубежей нашими подвижными войсками. Специально выделенные в танковых армиях передовые отряды захватывали вражеские аэродромы и удерживали их до посадки самолетов поддерживающей авиации¹. Этим создавались условия для непрерывного авиационного обеспечения танковых войск в ходе операции. Хорошее взаимодействие танковых и воздушных армий в Висло-Одерской операции обеспечивало прорыв в высоких темпах многополосной обороны противника и выход подвижных войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов к реке Одер.

Советские Военно-воздушные силы накопили огромный опыт по взаимодействию с наземными войсками. За годы Великой Отечественной войны советская авиация выполнила 46 процентов всех самолето-вылетов на обеспечение действий сухопутных войск².

И если говорить об обмене опытом по взаимодействию авиации с сухопутными войсками, то в годы второй мировой войны его можно было позаимствовать прежде всего у советских Военно-воздушных сил. Американские и английские военные делегации неоднократно приезжали в Советский Союз для изучения нашего опыта. Так, например, летом 1944 г. с группой офицеров приезжал командующий тактическими ВВС США на средиземноморском театре генерал Джон К. Кеннон «для изучения русского метода авиационной поддержки наземных войск»³.

Советская авиация обладала большой ударной силой и умело осуществляла взаимодействие с наземными войсками. Это определило важную роль советских Военно-воздушных сил в разгроме немецко-фашистских войск в годы Великой Отечественной войны.

Военно-воздушные силы СССР доказали в боях превосходство над врагом

В западной литературе содержится много высказываний о том, что немецко-фашистская авиация в основном

¹ Архив МО СССР, ф. 368, оп. 517082, д. 4, л. 109.

² См. Военная стратегия. М., Воениздат, 1962, стр. 183.

³ «Красная звезда», 20 июня 1962 г.

была уничтожена на Западе в борьбе с американцами и англичанами. Буржуазные военные идеологи решающую роль в уничтожении немецкой авиации приписывают авиации США и Англии.

Бывший гитлеровский генерал В. Крейпе утверждает, что немецкие ВВС в битве за Англию понесли настолько большие потери, что их так и не удалось восполнить до конца войны¹. Это утверждение опровергается другими источниками западной литературы. По данным авторов книги «Мировая война. 1939—1945 годы», немецкие ВВС за период с 1 июля 1940 г. по 1 апреля 1941 г. на Средиземном море, Балканах и в битве за Англию потеряли 4085 самолетов. Германской промышленностью в 1941 г. было выпущено 12 401 самолет². Выходит, что за 1941 г. было выпущено значительно больше самолетов, чем потеряно в битве за Англию.

Английский военный писатель Эшер Ли утверждает, что самые серьезные потери военно-воздушным силам Германии были нанесены американской и английской авиацией в воздушных сражениях начала 1944 г.³

Американский военный публицист А. Брофи уверяет, что нацистские военно-воздушные силы были фактически уничтожены в результате бомбардировочных ударов американской авиации по объектам Германии⁴. Однако у буржуазных авторов не сходятся концы с концами. Они вынуждены признать, что основные силы немецко-фашистской авиации находились на советско-германском фронте⁵. В этих условиях основные ее потери не могут быть отнесены за счет боевых действий на других фронтах. Немецко-фашистская авиация свои самолеты и летные кадры потеряла в боевых действиях на советско-германском фронте. В высказываниях буржуазных историков проявляется реакционная сущность американских и английских правящих кругов, которые стремятся все победы во второй мировой войне приписать вооруженным силам США и Англии.

¹ См. Роковые решения, стр. 57.

² См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 514, 516.

³ См. Эшер Ли. Воздушная мощь, стр. 228.

⁴ См. А. Брофи. Военно-воздушные силы США. М., Воениздат, 1957, стр. 71—72.

⁵ См. Г. Фойхтер. История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем, стр. 159—160, 192, 225, 226, 228.

Скрыть тот факт, что германские ВВС несли потери на советско-германском фронте, буржуазные авторы не в состоянии. Чтобы придать правдоподобность своим доводам, они вынуждены признать, что потери гитлеровской авиации на восточном фронте все-таки были, но при этом они оперируют заведомо преуменьшенными данными. Греффрат, например, указывает, что к 21 июня 1941 г. для войны с Россией было подготовлено 1830 самолетов, из которых около 1280 были боееспособными¹. Уменьшая данные, западногерманский автор старается подчеркнуть, насколько слабой была советская авиация, если немцы сумели добиться значительных результатов в начале войны, обладая таким небольшим количеством самолетов. Вместе с тем Греффрат, естественно, уменьшает и возможные потери немецко-фашистских ВВС.

В действительности для нападения на Советский Союз гитлеровское командование привлекло около 5000 самолетов, из них 1000 самолетов стран-сателлитов фашистской Германии².

Бывший гитлеровский генерал Э. Манштейн утверждает, что наступление ударной группировки на орловско-курском направлении в операции «Цитадель» должно было поддерживаться одной авиадивизией³. Какие уж здесь могут быть потери при действиях примерно сотни самолетов?! На самом же деле для поддержки 9-й немецкой армии был выделен 6-й воздушный флот, насчитывавший в своем составе около 900 самолетов⁴. Кроме того, действия ударных группировок поддерживались бомбардировочной авиацией, базировавшейся на аэродромах глубокого тыла.

Называя заведомо заниженные цифры потерь гитлеровской авиации на советско-германском фронте, буржуазные авторы боятся, как бы и эти данные не насторожили читателя. Поэтому материал обычно излагается так, чтобы невозможно было разобраться, где же гитлеровцы потеряли основную массу своих самолетов. В книге «Мировая война. 1939—1945 годы» указывается, что ВВС

¹ См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 471.

² См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2, стр. 9.

³ Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 486.

⁴ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 3, стр. 243.

Германии за вторую половину 1943 г. в отступательных операциях в России и наступлении под Орлом потеряли 10 180 самолетов¹. Авторы книги здесь же добавляют, что эти потери относятся и к военным действиям в Италии. В этой же книге несколькими страницами раньше сказано, что в 1943 г. боевые действия в Италии «были уже настолько ограниченными, что их вряд ли можно было назвать серьезной войной в воздухе»². Ну, а раз это так, то зачем же сваливать в одну кучу потери на советско-германском фронте и в Италии?

Что же касается потерь гитлеровской авиации на Западе, то тут наблюдается безудержное стремление к явным преувеличениям. Г. Фойхтер, например, приводит данные, по которым немецкая авиация на Западном фронте в годы войны потеряла 57 500 бомбардировщиков и истребителей³. По данным другого западногерманского автора, за годы 2-й мировой войны в Германии было произведено 86 311 истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков⁴. Если из этого количества отнять указанные потери, получим 28 811 самолетов. Из оставшегося числа нужно вычесть небоевые потери, которые имели место в авиачастях и школах. Если верить западногерманским авторам, они составляют довольно значительную величину. Так, например, за февраль 1944 г. немецкие ВВС без вмешательства противника потеряли 1300 самолетов⁵. Это только за один месяц из шестидесяти восьми.

О количестве небоевых потерь можно судить по числу погибших немецких летчиков. За годы второй мировой войны в школах и авиачастях не в боевой обстановке погибло 23 800 человек летного состава⁶. Поскольку указана такая цифра, закономерно предположить, что самолетов при этом было потеряно еще больше, так как не всякое летное происшествие с потерей самолета приводит к гибели экипажа. Если заняться всеми этими несложными арифметическими подсчетами, то окажется, что фашистская

¹ См. Мировая война. 1939—1945 годы, приложение 3, таблица 5.

² Там же, стр. 492.

³ См. Г. Фойхтер. История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем, стр. 263.

⁴ См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 514.

⁵ См. там же, стр. 459.

⁶ См. там же, приложение 3, таблица 4.

авиация на советско-германском фронте воевала вообще без потерь. Вот до какой нелепости докатываются недобросовестные исследователи.

Но от фактов нельзя отмахнуться так просто. Вот и получается, что один буржуазный автор нагромождает небывлицы, а другой, сам того не желая, вскрывает, чего они стоят в действительности.

«Зимой 1941 года, — пишет Греффрат, — немецкой бомбардировочной авиации был нанесен первый сокрушительный удар, а в 1944 году ее окончательно загубили в России»¹.

Заявление вполне определенное в том смысле, что версия относительно решающих потерь на Западе рассыпается как картонный домик. Однако и в этом заявлении содержатся недомолвки, причем преднамеренные. Кем уничтожена авиация? Это очередной прием искажения фактов. Высказываясь в таком духе, можно попытаться потери немецко-фашистской авиации на советско-германском фронте объяснить различного рода причинами, только не боевыми действиями советских Военно-воздушных сил. Вот и начинаются многословные рассуждения о недостаточной «морозостойчивости» фашистской авиации, о суровых зимних условиях, трудностях подвоза предметов снабжения, неправильных методах руководства авиацией и т. д. и т. п. — о чем говорится во всех случаях, когда нужно хоть как-то объяснить, почему же в конце концов столь разрекламированная прусская военщина потерпела такой сокрушительный военный разгром, по всем пунктам. А стоит только задуматься над тем, что происходило в действительности, все встает на свои места.

Разве не ясно, что немецко-фашистская авиация была разгромлена в напряженной борьбе за господство в воздухе советскими Военно-воздушными силами при взаимодействии с Сухопутными войсками и Флотом! За годы войны советские ВВС произвели 35 процентов всех самолетов-вылетов на борьбу с вражеской авиацией². Советские летчики уничтожали врага в воздушных боях и ударами по аэродромам.

С первых же дней войны в воздухе завязались ожесто-

¹ Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 475.

² См. Военная стратегия, стр. 183.

ценные бои. Даже по уменьшенным данным Грэффрата, за период с 22 июня по 19 июля 1941 г. гитлеровцы потеряли в боях 1284 самолета¹.

О потерях немецко-фашистской авиации можно судить по директиве командующего немецкой истребительной авиацией № 127/42 от 26 февраля 1942 г. В ней сказано следующее: «Вследствие неслыханно больших потерь истребительной авиации в истекшем году во время наступления на Восточном фронте, обороны против Англии на Западе, усиленных операций в Африке и вследствие огромных потерь на Востоке во время зимы, полностью израсходована продукция авиапромышленности, напряженной до предела»².

В битве на Волге советская авиация уничтожила в воздушных боях свыше 600 самолетов противника и около 800 на аэродромах³. Особенно больших масштабов борьба за господство в воздухе достигла весной и летом 1943 г. в воздушных сражениях на Кубани и под Курском. Над Кубанью состоялось более половины всех воздушных боев, происшедших в апреле и мае на всем советско-германском фронте. В воздушных боях и на аэродромах было уничтожено более 1100 самолетов врага⁴.

Еще более ожесточенные бои и сражения развернулись в Курской битве. За 50 дней боевых действий под Курском враг потерял свыше 3700 самолетов⁵. Летчики четырех воздушных армий на южном крыле советско-германского фронта в летние месяцы 1943 г. провели 3650 воздушных боев, в ходе которых сбито 4559 немецко-фашистских самолетов⁶.

Советские Военно-воздушные силы летом 1943 г. окончательно завоевали господство в воздухе и удерживали его до конца Великой Отечественной войны⁷.

В борьбе за господство в воздухе на советско-германском фронте немецко-фашистская авиация понесла невосполнимые потери. За 1943 г. на советско-германском

¹ См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 472.

² Архив МО СССР, ф. 35, оп. 92801, д. 20, л. 79.

³ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 3, стр. 388.

⁴ См. там же, стр. 394.

⁵ См. там же, стр. 403.

⁶ Архив МО СССР, ф. 35, оп. 23364, д. 8, л. 35.

⁷ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 3, стр. 403.

фронте было уничтожено 20 тысяч немецких самолетов, что составляло более 80 процентов всех самолетов, выпущенных в том году промышленностью Германии¹.

Авиационная промышленность Германии не успевала восполнять потери на фронтах. Авторы книги «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.» отмечают: «...Несмотря на рост производства самолетов в целом, и в первую очередь истребительной авиации, несмотря на ускорившийся ремонт, проходивший все в больших масштабах, общая численность наличных военных самолетов не росла, а количество истребителей даже уменьшилось»².

Огромный урон на восточном фронте потерпели авиационные кадры Третьей империи. Многие фашистские асы закончили свою карьеру в России (Гаан, Коганек, Иоппенен, Бек, Гоффман и др.). За 2,5 года войны — с 22 июня 1941 по 31 декабря 1943 гг. — боевые потери в летном составе немецко-фашистских военно-воздушных сил составили 33 380 человек³. Уничтожение летных кадров фашистской авиации на советско-германском фронте сыграло решающее значение в разгроме немецко-фашистских военно-воздушных сил, так как подготовка летчиков сопряжена с гораздо большими трудностями, чем строительство самолетов.

Борьба за господство в воздухе на советско-германском фронте завершилась поражением немецко-фашистской авиации. Успехи советских Военно-воздушных сил в борьбе за господство в воздухе явились важным вкладом в общее дело победы над врагом.

Вполне понятно, что одержать столь решительную победу над сильным воздушным противником Военно-воздушные силы СССР могли благодаря тому, что располагали хорошо обученными кадрами летного состава, первоклассной боевой техникой и высоким уровнем военного искусства. Однако буржуазные идеологи отрицают и эту непреложную истину. Боевые действия на советско-германском фронте они преподносят как нечто застывшее, лишенное развития. Г. Фойхтер, например, пи-

¹ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 3, стр. 404.

² Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг., стр. 115.

³ См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 515.

шет: «...Война против Советского Союза может рассматриваться как единое целое, так как в ней невозможно выделить отдельные события, определяющие развитие собственно воздушной войны»¹.

В противовес боевым действиям на советско-германском фронте буржуазные авторы более детально и в гораздо большем объеме рассматривают действия авиации на второстепенных театрах военных действий. Западногерманские авторы Кессельринг, Фойхтер, Греффрат, выступившие со статьями и книгами, посвященными боевым действиям авиации во второй мировой войне, военным событиям на советско-германском фронте отводят всего лишь 6—16 процентов объема своих работ. Они стараются доказать, что военное искусство авиации развивалось только на Западном фронте, где, по их утверждениям, развертывались главные военные события и происходили важнейшие изменения в области авиации.

Особенно большая роль в развитии военных событий отводится действиям стратегической авиации американцев и англичан. Действия авиации рассматриваются как самостоятельные и имеющие более важное значение, чем военные действия сухопутных войск. С этой целью применены такие термины, как «война в воздухе» или «воздушная война», не имеющие научного обоснования. Образчиком таких рассуждений может служить высказывание Г. Фойхтера: «...Англия теперь могла перейти к стратегической воздушной войне против Германии, которую она и начала со своих островов, используя их в качестве «авианосца против Европы». Позднее к ней присоединились США, и воздушная война была доведена до своей конечной цели — полного разгрома Германии»².

Известно, что во второй мировой войне боевые действия велись на суше, на море и в воздухе. В войне с Германией, как с сухопутной державой, решающее значение имели действия сухопутных войск. Попытки решающим образом повлиять на исход второй мировой войны действиями стратегической авиации не оправдали себя.

В годы второй мировой войны соотношение между разрушительной силой стратегической авиации и жизнеспособностью промышленности экономически развитого круп-

¹ Г. Ф о й х т е р. История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем, стр. 159.

² Там же, стр. 144—145.

ного государства было в пользу последней. Победа над фашистской Германией была достигнута разгромом ее вооруженных сил. Исход второй мировой войны был решен на советско-германском фронте, где совместными действиями Сухопутных войск, Aviации и Флота была уничтожена большая часть вооруженных сил фашистской Германии.

Вопрос о роли и месте военно-воздушных сил в ведении военных действий успешно разрешен советской военной наукой. Ввиду того что исход войны решался прежде всего на полях сражений, где главная роль принадлежала сухопутным войскам, основные пути развития советских Военно-воздушных сил были направлены на решение задачи по обеспечению сухопутных войск. Их организационная структура наиболее полно отвечала требованиям эффективного взаимодействия авиации с сухопутными войсками.

В Советском Союзе наиболее успешно была решена проблема по созданию самолета, предназначенного для поддержки войск на поле боя, — самолета Ил-2. Он отличался простотой и надежностью управления, хорошей защитой и большой ударной мощностью. Самолет был защищен броней от пуль и мелких осколков снарядов. В 1942 г. на нем была установлена кабина стрелка для защиты задней полусферы от атак вражеских истребителей.

Советские конструкторы создали эффективные средства поражения войск и техники противника на поле боя (противотанковые бомбы, реактивные снаряды, крупнокалиберные авиационные пушки и др.). Для поражения объектов на поле боя Ил-2 имел бомбовую нагрузку, равную 600 килограммам, четыре 23-мм пушки и восемь реактивных снарядов РС-82. Такое вооружение делало советский штурмовик эффективным средством борьбы с танками, артиллерией и пехотой противника. В свете всего этого утверждение Эшера Ли о том, что советский штурмовик не имел хорошего оружия для поражения танков и против них в основном применялись якобы авиационные пушки, свидетельствует либо о незнании автором излагаемого вопроса, либо об умышленном искажении фактов.

В буржуазной литературе приводятся заниженные данные также и при описании советских бомбардировщиков и истребителей. Г. Фойхтер, рассматривая самолет Пе-2, определяет его максимальную бомбовую нагрузку до

600, вместо 1000 килограммов, как это было в действительности¹. Признавая высокие тактико-технические данные советского бомбардировщика Ту-2, Г. Фойхтер относит время поступления этого самолета на вооружение к 1944 г., т. е. на два года позже, чем это было в действительности.

Тот же Фойхтер старается показать советские истребители «на хорошем среднем уровне». В связи с этим максимальную скорость полета советских истребителей последних модификаций он в приведенных данных снизил с 710—675 до 580 километров в час². Сделано это с определенной целью, чтобы показать, будто они уступали наиболее распространенным немецким истребителям ФВ-190А и Ме-109Г, имевшим соответственно максимальную скорость 620 и 640 километров в час.

Стремление показать низкое качественное состояние самолетного парка советских ВВС привело буржуазных авторов на путь искажения фактов. На самом же деле советская авиация в годы Великой Отечественной войны в кратчайший срок была перевооружена на новую, первоклассную авиационную технику, имевшую высокие боевые качества. Это явилось одним из важнейших условий победы советских ВВС в Великой Отечественной войне.

Невозможно дать полную характеристику состояния военно-воздушных сил, ограничиваясь описанием только самолетного парка. Судьбу боя, операции и войны в целом решает человек, управляющий техникой. Буржуазные идеологи весьма щепетильны в описании боевых достоинств фашистских летчиков. Но когда речь заходит о советских ВВС, они обычно ограничиваются разговорами об авиационной технике, предпочитая молчать о морально-политических и боевых качествах советских летчиков. Некоторые же из них откровенно высказываются в том духе, что гитлеровские летчики, дескать, превосходили советских. «Советские ВВС в период второй мировой войны, — пишет Эшер Ли, — в тактических воздушных боях с ВВС Германии имели только количественное, но не качественное превосходство»³.

¹ См. Г. Фойхтер. История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем, стр. 166.

² Там же, стр. 165.

³ Эшер Ли. Воздушная мощь, стр. 152.

А что было на самом деле?

В советской авиации в годы Великой Отечественной войны выросли и закалились замечательные летные кадры, превосходившие по своим морально-политическим и боевым качествам летный состав фашистской Германии. И это превосходство обуславливалось не какими-то врожденными свойствами, а социальной структурой социалистического общества, советским патриотизмом, непоколебимой верой в победу, справедливыми и благородными целями Советского Союза в Великой Отечественной войне. Высокие моральные качества порождали массовый героизм советских летчиков, взаимную выручку в бою, ненависть к врагу, презрение к смерти и готовность к самопожертвованию во имя своей любимой Родины.

Моралью капиталистического общества определяются качества тех, кто служит этому обществу. Эгоизм, пренебрежение общественными интересами, презрение к другим народам и т. д. — вот чем определялись моральные качества немецко-фашистских летчиков в бою. Самопожертвование было им чуждо. Жестокость для них была характерна. Их действия не ограничивались никакими моральными нормами и международными соглашениями. И напрасно Кессельринг старается представить немецко-фашистских летчиков в выгодном для них свете. Он осмеливается даже утверждать о стремлении гитлеровцев «не допускать нарушений норм международного права, запрещающих ведение воздушной войны против гражданского населения...»¹.

Но кому из людей, переживших вторую мировую войну, не известно, с каким изуверским хладнокровием фашистские летчики расстреливали и бомбили беженцев — стариков, женщин и детей — на дорогах, с какой беспощадной жестокостью совершали они бандитские налеты на санитарные поезда и госпитали. Сплошь и рядом они старались расстреливать советских летчиков, спускавшихся на парашютах. Они были нагмы, когда обстановка складывалась в их пользу, но трусливо избегали боя, если не имели каких-либо преимуществ.

Советские летчики проявили в боях за Родину безупречное боевое мастерство. В авиационных частях была проделана огромная работа по освоению новых типов

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 202.

самолетов и вводу в строй молодых летчиков. В годы войны выросли замечательные мастера воздушного боя, превосходившие противника как в технике пилотирования, так и в тактике действий.

21 февраля 1943 г. Герой Советского Союза П. Л. Гражданинов сбил в воздушном бою гитлеровского аса Ганса Гаана, а затем в той же схватке и еще два фашистских самолета. 6 июля 1943 г. летчик-истребитель А. К. Горовец в одном воздушном бою уничтожил девять вражеских самолетов. Такого не знает история авиации ни одной страны мира! Неувядаемой славой покрыли себя в воздушных боях трижды Герои Советского Союза А. И. Pokрышкин; И. Н. Кожедуб, дважды Герои Советского Союза Н. Д. Гулаев, Г. А. Речкалов, А. В. Ворожейкин, Д. Б. Глинка и многие другие. С появлением любого из них в воздухе в эфир неслись тревожные команды станций наведения противника, предупреждавших своих летчиков об опасности.

Родина высоко оценила заслуги советских летчиков, их самоотверженность и великолепное боевое мастерство. За героизм, мужество и отвагу, проявленные в боях в годы Великой Отечественной войны, Советское правительство присвоило звание Героя Советского Союза 2119 летчикам¹. Все это говорит о том, что Военно-воздушные силы СССР были укомплектованы высококвалифицированными летными кадрами, обладавшими высокими морально-политическими и боевыми качествами. Превосходство советских летчиков над летным составом немецко-фашистских ВВС явилось одним из важнейших условий победы над врагом советских Военно-воздушных сил.

Советская авиация внесла большой вклад в дело разгрома вооруженных сил фашистской Германии. Об этом говорят свыше трех миллионов боевых вылетов, произведенных ею в годы минувшей войны. Это количество почти в два раза превосходит число боевых полетов авиации США в военных действиях против фашистской Германии. Таким образом, все попытки буржуазных историков представить советскую авиацию слабой опровергаются фактами. Сколько бы они ни тужились, правду о могуществе советских Военно-воздушных сил скрыть невозможно.

¹ См. «Военно-исторический журнал», 1961, № 16, стр. 33.

Глава четырнадцатая

**ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ РЕАКЦИОННЫЕ
ИСТОРИКИ
О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ
ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ**

У реакционных историков и мемуаристов всех империалистических государств общие цели. В этом смысле военная историография ФРГ¹ ничем существенным не отличается от всей западноевропейской и американской историографии второй мировой войны. И те и другие стремятся приукрасить прошлое империализма и, в частности, историю порожденной им второй мировой войны, снять с империалистов ответственность за войну и связанные с ней бедствия народов, извратить внешнюю политику СССР и его решающую роль в разгроме фашизма, объяснить военную победу свободолобивых сил случайным стечением обстоятельств.

Однако следует считать бесспорным, что буржуазным историкам ФРГ принадлежит ведущая роль в

¹ К реакционному направлению принадлежит подавляющее большинство западногерманских историков и мемуаристов. Среди них Ганс-Адольф Якобсен и некоторые другие отказались от наиболее грубых фальсификаций (Н. А. Jacobsen. 1939 — 1945. *Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten*. Darmstadt, 1961 и др.)

Лишь весьма немногие историки ФРГ отличаются известной объективностью. В их числе Г. Хальгартен, показавший, в частности, связи нацистов с монополиями и генералитетом (G. F. W. Hallgarten. *Hitler, Reichswehr und Industrie*. Frankfurt a/M., 1955); Г. Глазер — автор сравнительно правдивой книги о „бесчеловечной системе“ и „антидемократической идеологии“ германских фашистов и их преступлениях (H. Glaser. *Das Dritte Reich. Anspruch und Wirklichkeit*. Freiburg im Breisgau, 1961).

фальсификации событий минувшей войны. И это понятно. Западногерманский империализм, как указывается в Программе КПСС, «цинично проповедует реваншистские, захватнические цели, подготавливает войну против социалистических государств и других европейских стран»¹.

Вот почему в боннском государстве фальсификация истории войны приняла наибольший размах.

Немецкая буржуазная историография всегда отличалась сильными реакционными традициями, обусловленными исключительной агрессивностью германского империализма. Современные западногерманские историки восприняли не только богатый опыт фальсификации истории, к которой издавна прибегали немецкие милитаристы², но и все методы и аргументы военной пропаганды фашистов. По своим идейным убеждениям немецкие реакционные историки и мемуаристы, как правило, являются нацистами. Не случайно поэтому в буржуазной историографии ФРГ одновременно с возрождением реваншизма усиливаются открыто фашистские тенденции. Сейчас там господствуют миф о «коммунистической опасности» и теория «превентивной войны», с помощью которых обосновывается «необходимость» новой агрессии против СССР, подвергается резким нападкам антифашистская коалиция и всемерно прославляется империалистический блок Вашингтон — Бонн, осуждаются решения Потсдамской конференции и Международного военного трибунала, восхваляется военная диктатура.

Западногерманские военные историки как апологеты немецкого генерального штаба выполняют также особый заказ боннских магнатов финансового капитала. Они призваны реабилитировать германский генералитет, проигравший две мировые войны, и доказать пригодность немецкой военной касты для новых войн. В этой связи наибольшее внимание западногерманские историки уделяют объяснению, точнее, фальсификации причин разгрома Германии в минувшей войне.

¹ Материалы XXII съезда КПСС, стр. 343.

² Известно, что начальник германского генерального штаба фельдмаршал Мольтке рекомендовал своим военным историкам писать «правду, только правду, но не всю правду...».

Поражение гитлеровцев носило закономерный характер. Оно было исторически обусловлено тем, что немецко-фашистский империализм ставил себе авантюристические цели: стремился к порабощению и истреблению народов, к завоеванию мирового господства. Это поражение явилось следствием недооценки германскими империалистами политических, экономических и военных возможностей своих противников, в первую очередь Советского государства. Сокрушительный разгром наиболее агрессивных сил мирового империализма подтвердил основную закономерность нашей эпохи — превосходство социализма над капитализмом.

Западногерманские историки и мемуаристы отрицают закономерность поражения гитлеровской Германии, преувеличивают роль случайностей или объясняют поражение предначертаниями судьбы¹.

Гитлеровские генералы в своих мемуарах в особенности нажимают на то, что Советский Союз добился победы якобы из-за ошибок Гитлера и других непредвиденных обстоятельств. Следуя известной концепции Клаузевица: «война — область случайности», большинство немецких историков и генералов пытается представить историю войны как цепь недоразумений и произвольных катастроф. Часть историков объясняет поражение нацистов фатальной неизбежностью. По мнению Г. Риттера, историю Германии определяет «загадочный фатум», проявившийся в личности Гитлера; К. Ассман, З. Вестфаль, Г. Блюментрит, Э. Манштейн пишут о «роковых годах Германии», «роковых решениях», «роковом промедлении» и т. п.

Искажая подлинные причины военного краха гитлеризма, реакционные историки и мемуаристы ФРГ выдвигают многочисленные версии. Наибольшее распространение получил тезис о Гитлере как единственном виновнике войны и поражения.

Легенда о непогрешимости немецко-фашистского генералитета

Западногерманскими реакционными историками и генералами искусственно сконструирована «проблема»: Гитлер — генералы. Стремясь скрыть коренную противоположность между целями нацистской террористической

¹ См. Итоги второй мировой войны, стр. 59.

диктатуры и интересами народных масс Германии, они пытаются преувеличить и выдвинуть на первый план разногласия между Гитлером и его генералами. На Гитлера и других фашистских лидеров возлагается вся ответственность за просчеты рурских пушечных королей и германской милитаристской клики, за военные преступления вермахта и за поражение Германии.

В западногерманской исторической и мемуарной литературе восстановлена в новом ее варианте легенда о «непогрешимости» немецкого генерального штаба. Возникшая после поражения германской военщины в первой мировой войне, эта легенда объясняла провал планов германского генштаба «кинжальным ударом в спину вермахта, не побежденного на поле боя»¹. Поражение вермахта немецкие милитаристы объясняли Ноябрьской революцией 1918 г. и «изменой тыла», хотя в действительности, наоборот, военный крах кайзеровской империи в значительной степени ускорил революцию.

После своего тотального поражения в 1945 г. германские милитаристы были вынуждены прибегнуть к более утонченным приемам. В наши дни главным методом оправдания обанкротившегося фашистского генштаба является тезис о всесии Гитлера и, одновременно, о его политической и военной некомпетентности и помешательстве. Следуя своим идеалистическим убеждениям, подавляющее большинство историков проявляет чрезмерный интерес к личности Гитлера, занимается «психопатологическими исследованиями»² его характера. Генералы Типпельскирх, Манштейн, Вестфаль и другие называют Гитлера «фанатиком» и «трусом», «преступным сумасбродом» и «дилетантом в политике и военном деле». В то же время эти авторы, несомненно, находятся в плену нацистской теории о «всемогуществе» Адольфа Гитлера³ и фактически отводят «фюреру» исключительную роль в истории войны. Бесспорно, что Гитлер, как «фюрер» и рейхсканцлер, несет ответственность и за развязывание войны, и за фашистские преступления. Он оказал значительное влияние на ход событий. Но это влияние было обусловлено тем, что Гитлер выражал интересы германских монополистов и юнкерства, в част-

¹ «Dolchstoßlegende».

² S. Westphal. Heer in Fesseln. Bonn, 1952, S. 81.

³ См. Нюрнбергский процесс, т. I, 1957, стр. 569—570.

ности, генералитета. Личные пороки Гитлера, его характер «азартного игрока», его «жажда власти и уничтожения» вполне соответствовали преступным целям германского монополистического капитала, поставившего у власти фашистов для подавления рабочего движения внутри Германии и для завоевания мирового господства германским империализмом.

Пытаясь доказать «непогрешимость» генерального штаба, западногерманские авторы выдвигают тезисы об ответственности политического руководства Германии за поражение, о борьбе, которую будто бы вели генералы против развязывания Гитлером мировой войны, о мнимом бесправии генералитета и о генштабе, как центре сопротивления Гитлеру во время войны.

Реакционные историки и мемуаристы ФРГ стремятся показать, что немецкий солдат не был побежден и что война проиграна «лишь в сфере руководства»¹. Г. Фришнер, всячески подчеркивая примат политики, считает, что «потерянные победы являются кровавым и мучительным итогом ...неудачной политики»².

Авантюристость фашистских планов объясняется не только «просчетами политики», но и порочностью военной доктрины. Гитлер вместе со своими генералами пытался избежать длительной войны на два фронта. Но их общие расчеты бить противника поодиночке были сорваны Красной Армией. Вообще, длительная война на несколько фронтов неизбежно вытекала из самой политической концепции германского империализма, стремившегося к мировому господству. Ответственность за «главное роковое решение» о нападении на СССР наряду с Гитлером несет и генеральный штаб. Об этом свидетельствуют вынужденные признания таких немецких военных деятелей, как Гальдер, Гот и Эрфурт³. В основе «плана Барбаросса» лежала авантюристиче-

¹ P. Вог. Gespräche mit Halder. Wiesbaden, 1950, S. 108; Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 40.

² H. Friessner. Verratene Schlachten, S. 221; H. A. Jacobson. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, S. 499.

³ F. Halder. Hitler als Feldherr. München, 1949, S. 28; H. Hoth. Panzer-Operationen. Heidelberg, 1956, S. 25. W. Erfurth. Die Geschichte des deutschen Generalstabes 1918—1945. Göttingen—Frankfurt—Berlin, 1957, S. 265.

ская теория «блицкрига». Гитлеровские стратеги следовали старой концепции «скоротечной войны», порочность которой показало поражение Германии в первой мировой войне. Об этой концепции даже открытым апологет германского милитаризма Х. Риттер говорил, что «расчет был построен на зыбкой почве»¹. Переоценив возможности своих танковых и моторизованных соединений и военной авиации, которые являлись, по мнению Гитлера и его генералов, особым оружием молниеносной войны, они вновь вернулись к теории внезапного и молниеносного удара, но старая доктрина снова оказалась негодной.

История минувшей войны знает многочисленные примеры коренных просчетов, за которые вместе с Гитлером несет ответственность германский генералитет².

Само по себе положение о примате политического руководства по отношению к военному руководству не вызывает возражений. Политика определяет не только подготовку войны, но и руководство ею. «Класс, который господствует, — писал В. И. Ленин, — определяет политику и в войне»³. Широко распространенные в военных мемуарах попытки искусственно обособить «политика» (Гитлера) от «солдата» (генералов) являются спекуляцией, обычной для милитаристов, ибо и Гитлер, и его генералы служили одному и тому же господствующему классу, который осуществлял и политическое и военное руководство.

В тех же целях реабилитации милитаристов выдвинута легенда о «кризисе», вызванном отставкой генералов Бломберга, Фрича, Бека, якобы выступавших в 1938—1939 гг. против развязывания Гитлером мировой войны. На этом основании мемуаристы П. Бор, З. Вестфаль, Г. Фриснер и другие делают вывод о «миролюбии» и «антифашизме» немецкого генералитета. Отдельные генералы действительно опасались войны на два фронта. Несколько военных руководителей было отстра-

¹ Х. Риттер. Критика мировой войны. Перевод с нем., Петроград, 1923, стр. 58.

² Например, начальник генштаба Цейтцлер в октябре 1942 г. утверждал, что «русские... больше неспособны провести наступление крупного масштаба». («Из личного архива фельдмаршала Паулюса». «Военно-исторический журнал», 1960, № 2, стр. 93).

³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 19.

нено Гитлером. Однако сущность этих разногласий в реакционной историографии грубо искажена.

Решающая роль рейхсвера¹ в становлении фашистской диктатуры и формировании агрессивного вермахта свидетельствует о полном единстве политических целей нацистской партии и генералитета. Задолго до прихода Гитлера к власти руководитель рейхсвера Сект заявил: «Как только мы опять будем иметь силу, мы, разумеется, возьмем назад все, что потеряли»². Ф. Гальдер показывает, что офицерский корпус шел вместе с фашистами, ибо одной из главных целей гитлеровцев было превращение стотысячного рейхсвера в массовую армию³. Но эта цель Гитлера одновременно была ставкой германских милитаристов. Нацистский гросс-адмирал Дёниц прямо признает, что «рейхсвер приветствовал назначение Гитлера рейхсканцлером»⁴, т. е. захват власти фашистами. В период Веймарской республики генеральный штаб рейхсвера, по мнению Черчилля, был «действительной политической силой... и устойчивым элементом государства. Это он назначал и смещал президентов и кабинеты»⁵. Именно генеральный штаб, представлявший интересы господствующего класса Германии, открыл дорогу фашизму и войне.

Согласно версии, распространенной в западногерманской литературе, германский генеральный штаб и во время войны представлял собой «центр сопротивления» Гитлеру. Ф. Гальдер, Г. Гёрлиц, Р. Лут, Ф. Меллентин, К. Типпельскирх, Г. Фёрч, В. Эрфурт пытаются доказать, что верховное командование вермахта (ОКВ) и сухопутных сил (ОКХ) во время войны были лишь техническими исполнительными органами, не связанными с фашистской партией и далекими от политики, а гене-

¹ Так назывались вооруженные силы, сохранные в Германии после ее поражения в первой мировой войне.

² H. Otto. Waldemar Erfurth. Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1959, Н. 3, S. 690.

³ См. P. Vor. Gespräche mit Halder, S. 98, 101.

⁴ K. Dönitz. Zehn Jahre und zwanzig Tage. Bonn, 1958, S. 300.

⁵ W. S. Churchill. The Second World War, vol. 1, London, 1949, p. 52—53.

ралы — простыми «приказополучателями»¹, что Гитлер все военные решения принимал единолично, что генералитет «сопротивлялся» его «неразумным» приказам, но вследствие «упрямства» Гитлера и его военной безграмотности войска терпели одно поражение за другим.

В действительности же ОКВ и ОКХ были весьма влиятельными учреждениями. Роль генштаба в период второй мировой войны, несмотря на его подчинение Гитлеру, чрезвычайно возросла. Он был решающим органом планирования и руководства военными действиями на главных — сухопутных театрах войны. Генеральный штаб по-прежнему оставался мозгом германского милитаризма. Немецкий генеральный штаб никогда, и тем более в период господства фашизма, не был «чисто военным» учреждением, стоящим вне партий и политики. С момента его возникновения он осуществлял планирование и руководство агрессивными войнами, воспитание руководящих военных кадров и строительство вермахта, военно-теоретическую и идеологическую подготовку военных авантюров. Наряду с этим его внутренней функцией всегда было подавление демократических сил народа и прежде всего рабочего класса.

Зная факты истории, вряд ли можно всерьез говорить о борьбе между Гитлером и его генералами. Отставка некоторых из них не означала кризиса военного руководства. В фашистском вермахе вплоть до окончания войны руководящий состав оставался почти без изменений. Известны случаи, когда генералы, попавшие в опалу в начале войны, впоследствии назначались Гитлером даже на более высокие посты. Так, бывший командующий танковой группой генерал Гудериан был назначен на должность начальника генерального штаба. Истинный смысл генеральской «оппозиционности» виден из некоторых высказываний самих мемуаристов. П. Бор пишет о немецких генералах: «В борьбе с Гитлером мы никогда не шли на действия, которые могли бы причинить какой-либо вред нашим войскам на фронте»². К. Типпельскирх считает, что всякий саботаж планов Гитлера главнокомандующим сухопутными войсками

¹ А. Kesselring. Gedanken zum zweiten Weltkrieg. Bonn, 1955, S. 26.

² Р. Бор. Gespräche mit Halder, S. 131.

Браухичем «заранее исключался. Покушение не входило в его расчеты по соображениям морального порядка»¹.

Попытки мемуаристов объяснить ошибками Гитлера все поражения немцев на Востоке несостоятельны. Это делается с целью принизить заслуги Советских Вооруженных Сил, разгромивших опытного и сильного противника. Серьезные просчеты Гитлера и его ставки, разумеется, имели место. Однако они неотделимы от ошибок самих немецких генералов, поставивших свой опыт и знания на службу гитлеризму. При решении военных вопросов мнение Гитлера действительно было решающим, но лишь потому, что его неизменно поддерживало подавляющее большинство военных специалистов.

Так же несостоятельно утверждение о «непричастности» немецких генералов к злодеяниям фашизма. Учитывая антифашистские настроения народов, Г. Гудериан, А. Кессельринг, Г. Латернзер, Х. Мантейфель, В. Пихт и многие другие осуждают Гитлера и его окружение за то, что они допустили «просчеты» во взаимоотношениях с населением завоеванных стран². Такая «критика» фашизма, по существу, является его реабилитацией, ибо, не вскрывая его классовой сущности, они пытаются объяснить нацистские преступления «ошибками» отдельных лиц. К тому же эти историки оправдывают нацистов с помощью ссылок на «жестокость» противников Германии, на действия партизан.

Многочисленные факты свидетельствуют, что преступления фашистов в минувшей войне — не результат «психологических ошибок немецкой администрации», а заранее продуманная, точно разработанная и сплани-

¹ К. Тилпельскирх. История второй мировой войны, стр. 35.

² В этом историки видят одну из причин поражения Германии. Причем они исходят из возможности какой-то иной оккупационной политики, которая сделала бы «германское руководство» приемлемым для поработанных народов. Андреас Хиллгрубер и Ганс-Адольф Якобсен пишут, например, в своем предисловии к книге Б. С. Тельпуховского «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945», изданной во Франкфурте на Майне в 1961 г. (S. 3-Е): Гитлер «ликвидировал... всякую возможность проведения конструктивной (разрядка авт. — А. М.) оккупационной политики». Но фашистские методы не могли быть какими-то другими — более гуманными. Они полностью соответствовали разбойничьим целям германских монополий. Кроме того, народы отвергают любое империалистическое господство, в какие бы одежды оно ни рядилось.

рованная система истребления десятков миллионов людей. Германские генералы вместе с Гиммлером были инициаторами и руководителями массового уничтожения населения. Непосредственная виновность Кессельринга, Манштейна, Гудериана и других генералов в этих злодеяниях установлена документально. Пороки, инкриминируемые одному Гитлеру, присущи всей немецкой милитаристской клике. Каннибальской установкой Кейтеля руководствовался весь фашистский генералитет; эта доктрина уходит своими корнями в прусско-германскую военную теорию конца XIX в. и начала XX в. Преступные методы ведения войны, примененные фашистами в 1939—1945 гг., намного превзошли злодеяния, совершенные прусско-германской военщиной прежде¹.

Политическим содержанием тезиса о единоличной ответственности Гитлера является стремление оправдать главных виновников войны и военной катастрофы — немецких монополистов — и скрыть прямую связь между ними и генералитетом.

Все попытки отделить генералитет от империалистов и их ставленника Гитлера поистине нелепы. Германская финансовая олигархия в услугах военных специалистов была заинтересована ничуть не меньше, чем в услугах других чиновников нацистской диктатуры. Без военных кадров Гитлер не мог бы осуществить агрессию. Милитаризм дал фашистской империи эти кадры. Справедливо указывается в приговоре Международного военного трибунала, что без военного руководства со стороны германских генералов «агрессивные стремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными»². Сами немецкие милитаристы в не меньшей степени, чем германские пушечные короли, были лично заинтересованы в войне. Она приносила им высокие звания и посты, ордена и почести, а главное, огромные материальные выгоды — новые поместья, акции промышленных предприятий.

¹ Ныне в духе чело­веконена­вистнических традиций вос­питывается в ФРГ аг­рессивный вермахт, вос­становленный под на­зва­нием «бундесвер» (фе­деральная охрана). Реакционные историки, как и все боннские милитаристы, неизменно подчеркивают необходимость продолжать и развивать «славные прусско-германские традиции».

² Нюрнбергский процесс, т. VII, М., Госюриздат, 1961, стр. 434.

Как учит марксизм-ленинизм, экономической основой милитаризма является капитализм. Высшая его стадия — империализм — отличается «наибольшим и повсеместным развитием военщины»¹, — писал В. И. Ленин. Германский фашизм, порожденный империализмом, исторически является дальнейшим развитием прусско-германского милитаризма. Все основные идеи фашизма взяты из арсенала милитаристской идеологии. Агрессивная и авантюристическая военная доктрина германского генштаба наряду с расизмом, геополитикой и социальной демагогией составила основу фашистской идеологии. «Любимое детище» генералов — восстановленный вермахт — явилось главным орудием захватнических войн. Милитаризм подготовил самую благоприятную почву для наступления фашизма. Классовое назначение фашизма и милитаризма одно и то же: служить монополистическому капиталу. Нацистская партия и немецко-фашистская военная клика — это ударные силы разбойничьего германского империализма, в равной степени виновные в развязывании войны и военном поражении.

Что скрывается за утверждениями о «слабости союзников» фашистской Германии и о «гибельном расколе противников большевизма»

В исторической литературе ФРГ широко распространены версии, связанные с просчетами нацистской дипломатии. Реакционные историки считают, что причиной поражения была «немецкая внешняя политика», вследствие которой Германия воевала якобы один на один против всего остального мира. Они сводят к нулю роль фашистских союзников и всемерно подчеркивают единство противников гитлеризма. Обвиняя Гитлера, Рузвельта и Черчилля в том, что их действия привели к созданию антифашистской коалиции, эти историки чрезмерно преувеличивают вклад западных держав в разгром агрессивного блока и пытаются обойти молчанием решающую роль СССР.

Авторы многих исследований и мемуаров тенденциозно преуменьшают вклад сателлитов Германии в общие усилия государств-агрессоров. По мнению З. Вестфаля, слабый союзник «означает больше колодку на ногах,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 219.

чем реальную помощь»¹. Г. Шпейдель утверждает, что «Гитлер не принимал в расчет влияния японских вооруженных сил на Европейском театре военных действий против советского противника»². В самых мрачных тонах они описывают качества итальянских, румынских, венгерских войск. У итальянцев «устаревшая техника», «низкий уровень подготовки младших командиров», «итальянские части буквально разваливались» и «все бремя боев выносили на себе крайне усталые немецкие дивизии», — читаем мы в книге Ф. Меллентина³.

Действительно, войска сателлитов по уровню своей боеспособности, технической оснащенности, боевой выучке стояли ниже германской армии, которая была сильнейшей не только в фашистском блоке, но и вообще в капиталистическом мире. Народным массам Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии были чужды захватнические цели антисоветской войны, навязанной им реакционными режимами⁴. Не случайно Г. Фриснер говорит о «политической неблагонадежности» союзных войск, сказавшейся «самым роковым образом», А. Кессельринг — о «моральной неподготовленности» Италии к войне. Э. Манштейн замечает, что «мысль о необходимости продвигаться дальше в глубь грозной России не вызывала (у румынских солдат. — А. М.)... особого энтузиазма», и признает «большое уважение, которое питали румыны к русским»⁵.

Тем не менее военная помощь сателлитов в значительной мере увеличивала силы германского империализма и затрудняла его разгром. В нападении на СССР участвовало около 29 дивизий и 16 бригад войск союз-

¹ S. Westphal. Heer in Fesseln, S. 303—304.

² H. Speidel. Invasion 1944. Tübingen und Stuttgart, 1952, S. 19.

³ Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 42, 49, 50, 54, 83, 87, 126—127, 130, 134—135, 149, 155, 288—289; К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 257, 261, 361.

⁴ Война была чужда и коренным интересам немецкого народа. Но вследствие раскола рабочего класса по вине правых социал-демократов, резкого ослабления коммунистической партии, беспомощности буржуазной оппозиции, нацистского террора, демагогии и подкупа и других причин фашизм в Германии имел более глубокие корни.

⁵ Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 212.

ников фашистской Германии¹. Румыния и Финляндия выделили в распоряжение гитлеровской ставки по 500 самолетов. К 1 мая 1942 г. Красной Армии противостояли 39 дивизий, 12 бригад и воздушные силы союзников фашистской Германии².

В ноябре 1942 г. их соединения составляли свыше 27 процентов всех войск Восточного фронта. Даже после разгрома на Волге четырех армий сателлитов в июле 1943 г. их войска составляли около 16 процентов³.

По данным Г. Фриснера, к началу августа 1944 г. из 654 километров фронта фашистской группы войск «Южная Украина» 267 были заняты румынской армией; из 44 дивизий этой группы 23 дивизии были румынские и лишь 21 немецкая⁴. То же самое можно сказать о хорватской Венгрии и Финляндии Маннергейма.

Милитаристская Япония в ходе войны держала на советских дальневосточных границах свои подготовленные для нападения на СССР вооруженные силы.

«Враждебный Советскому Союзу курс японского правительства был с его стороны реальной помощью фашистской Германии, так как отвлекал с советско-германского фронта до 40 дивизий»⁵.

В агрессивной войне фашистского блока большую роль сыграли также экономические ресурсы государств-сателлитов. Достаточно сослаться на пример Румынии, превращенной в результате германо-румынского соглашения 1939 г. в полуколонию германского империализма. По данным К. Типпельскирха, Плоешти поставлял Германии около половины всего горючего, необходимого для военных нужд⁶. Только с июня 1941 г. по ноябрь 1943 г. из Румынии было вывезено более 8 миллионов тонн нефти⁷. О решающем значении румынской нефти для вермахта свидетельствуют признания Кейтеля, бла-

¹ См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 1, стр. 384.

² Там же, т. 2, стр. 398.

³ См. там же, т. 3, стр. 248.

⁴ См. Н. Friessner. Verratene Schlachten, S. 46—48.

⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 1, стр. XXVII.

⁶ См. К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 325, 465.

⁷ См. Нюрнбергский процесс, т. II, стр. 505.

годарственные письма Гитлера в адрес Антонеску и показания последнего¹.

Преднамеренно умаляя роль сателлитов в военных действиях, многие историки объясняют поражения вермахта ударами Советской Армии именно по союзническим войскам, которые всегда будто бы или отступали, или сдавались в плен. Одной из главных причин своей катастрофы на Волге немецкие генералы считают успешный прорыв советскими войсками германского фронта якобы на тех участках, где располагались венгерская, итальянская и румынская армии. Явно тенденциозно описаны действия союзных армий в мемуарах Э. Манштейна. В этой книге катастрофа 3-й и 4-й румынских армий в ноябре 1942 г. чередуется с декабрьской «катастрофой итальянской армии», вслед за ней идет «катастрофа венгерской армии на Дону»² в январе 1943 г.

В действительности решающие участки фронта занимали не союзнические, а немецкие войска. Участки союзников были усилены немецкими подвижными соединениями. По свидетельству самого Манштейна, Советская Армия 19 ноября 1942 г. перешла «в наступление на левом фланге 6-й (немецкой. — А. М.) армии, а также на 3-ю румынскую армию» и одновременно «против 4-й (немецкой. — А. М.) танковой армии генерал-полковника Гота, державшей фронт вместе с 4-й румынской армией»³. На фронте 3-й румынской армии в момент прорыва его Советской Армией, по утверждению Ф. Меллентина и Э. Манштейна, сразу же был введен в действие 48-й немецкий корпус⁴. Но это, как известно, не смогло изменить обстановки. В ходе зимнего наступления 1942—1943 гг. был взломан весь южный фланг Восточного фронта, при этом сокрушительное поражение потерпели и германские войска и войска сателлитов. Например, 4-я танковая армия немцев (не говоря уже о 6-й армии, окруженной и полностью уничтоженной), не сумевшая вместе с 4-й румынской армией сдерживать натиск советских войск, была наголову разбита еще в начале наступления, часть ее была окружена вместе с

¹ См. Нюрнбергский процесс, т. II, стр. 500, 697—699, 704—709.

² См. Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 377.

³ Там же, стр. 327.

⁴ См. там же, стр. 329; Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 153.

6-й армией Паулюса и уничтожена. Повествуя об этом, Э. Манштейн впоследствии несколько раз вспоминает лишь об «остатках 4-й танковой армии».

Большими противоречиями отличается западногерманская оценка взаимоотношений между участниками фашистского блока и причин его развала. Одна группа авторов (Г. Фриснер, Э. Манштейн, А. Кессельринг) склонна выдвигать на первый план слабость блока и измену союзников Германии.

Другая группа (В. Гёрлицц, К. Г. Пфедфер) представляет взаимоотношения внутри блока в идиллических тонах¹. При этом те и другие стремятся извлечь соответствующие уроки для современных последователей Гитлера.

Непрочность блока агрессоров западногерманские историки и генералы объясняют идеалистически. Они утверждают, что если бы не «вредительство итальянских ответственных лиц», не «проанглийские симпатии Хорти и Михая», не беспечность немецких дипломатов, вовремя не заметивших интриг в высших сферах Румынии, Венгрии, Италии, то можно было бы избежать и развала фашистской коалиции и самого поражения.

На самом деле в основе гитлеровского блока лежала объективная закономерность, сформулированная В. И. Лениным. Вскрывая причины провала всех походов империалистов против Советской России, он говорил, что, несмотря на формальную общность врагов СССР, капиталистическая собственность «бросала их друг против друга... превращала из союзников в диких зверей...»². Эту закономерность, действие которой проявилось и в ходе второй мировой войны, не хотят и не могут понять буржуазные историки.

Военный крах гитлеризма западногерманские реакционные историки и генералы объясняют также недалекостью буржуазных лидеров, «внешнеполитические просчеты» которых якобы обусловили образование «противоприродного союза» Запада с СССР³. С одной стороны, эти авторы скрывают многочисленные попытки

¹ К этой группе примыкает и б. венгерский диктатор М. Хорти, перу которого принадлежат претенциозно названные мемуары «Жизнь за Венгрию».

² В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 418.

³ Так они называют антифашистскую коалицию.

империалистов расколоть антифашистскую коалицию, а с другой — предают забвению объективные факторы, которые обеспечили создание и упрочение антифашистского союза народов и государств.

Буржуазные историки и мемуаристы утверждают, что «война на Западе никогда не была популярной в Германии»¹, но неуравновешенность Гитлера, как и просчеты англо-американских деятелей, привели-де к печальному разрыву. При этом генералы-мемуаристы проводят мысль о их непричастности к ошибкам Гитлера. Они пишут, что германский генералитет после возникновения войны всегда выступал за сепаратный мир с англо-американцами. Г. Шпейдель утверждает, в частности, что Рундштедт, Роммель и другие генералы в 1944 г. боролись за создание предпосылок для перемирия с Эйзенхауэром без участия Гитлера с тем, чтобы после сокращения фронта на Востоке продолжать войну против СССР².

Исторические факты показывают, что не только эти генералы, но и германские империалисты вообще в ходе всей войны не прекращали попыток создания единого антисоветского блока. 1 октября 1939 г. один из магнатов германского империализма Тиссен в своем меморандуме выступил против Гитлера, поскольку тот не обеспечил единого фронта с западными державами. Гитлер учитывал это недовольство монополистов и никогда не забывал их главной цели — уничтожение СССР. Уже в условиях войны между собой империалисты искали путей для новых сделок против СССР, что явилось закономерным продолжением их мюнхенской политики.

Как проводил эту политику Гитлер, хорошо иллюстрирует история «дюнкеркского чуда» в мае 1940 г., когда Гитлер «подарил» англичанам возможность эвакуировать их экспедиционный корпус, сосредоточенный во французском порту Дюнкерк³. При этом Гитлер рассчитывал «предложить Британской империи любую помощь, в которой она нуждается в борьбе против большевиз-

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 572.

² См. Н. Speidel. Invasion 1944, S. 91, 93.

³ Эта точка зрения принята большинством советских историков (История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 1, стр. 223—224; см. также статью В. Дашничева. «Военно-исторический журнал», 1962, № 6).

ма»¹. Эту же цель преследовала известная миссия гитлеровского эмиссара Гесса в мае — начале июня 1941 г.

Политика единого антисоветского блока проводилась гитлеровцами и после нападения на СССР. Военные действия немцев на Западе фактически были прекращены, не считая ограниченных действий в Северной Африке. В этом направлении действовала и фашистская пропаганда. Гитлер обвинял Черчилля в том, что, вступая в союз с большевизмом, он «занимается преступной игрой». Ведомство Геббельса, стремясь к расколу антифашистской коалиции, все действия западных держав против гитлеризма объясняло их «зависимостью» от СССР. «Московские вассалы должны были начать вторжение», — писала 7 июня 1944 г. об открытии второго фронта «Völkischer Beobachter», важнейшая правительственная газета и официальный орган нацистской партии.

После поражения на берегах Волги расчеты на разрыв между западными державами и Советским Союзом становились не только главной политической линией гитлеровцев, но и единственной их надеждой на сохранение германского империализма. На совещании, проведенном Национальным комитетом «Свободная Германия» летом 1944 г., пленные немецкие генералы признали войну проигранной. По их мнению, она велась лишь для того, чтобы выиграть время в расчете на «предстоящее столкновение русских с Западом». До самого окончания войны правящие круги Германии не прекращали попыток заключить с Западом антисоветскую сделку². Такие же цели преследовали и союзники Германии.

В полном согласии с англо-американской реакционной историографией западногерманские историки и генералы обвиняют в «расколе противников большевизма» наряду с Гитлером и руководящих деятелей США и Англии. «Трагическая вина Рузвельта в том, что он не оказался своевременно от этого противоестественного союза»³, — утверждает К. Типпельскирх. «В то время, — пишет В. Пихт, — как немец был убежден, что защищает

¹ К. Assmann. Deutsche Schicksalsjahre, S. 169—170.

² Достаточно вспомнить маневры так называемого «правительства» Дёница в мае 1945 г.

³ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 571.

дело Запада, Запад нанес ему удар в спину»¹. В. Гёрлицц пишет о «наивном идеализме», «нереалистичности» Рузвельта².

Э. Манштейн считает, что на Ялтинской конференции руководители двух великих англосаксонских наций пол-Европы отдали во власть Советов³.

Попытки буржуазных историков представить руководящих деятелей Запада совсем наивными людьми и прямо обвинить их в невыгодном для империалистов исходе войны явно несостоятельны. Политика западных держав, несмотря на их участие в коалиции на стороне СССР, в значительной степени определялась их антисоветской стратегической линией. «Их главная цель состояла в том, чтобы ослабить Германию как своего конкурента... сделать ее безопасной для западных держав в политическом и военном отношении; вместе с тем они стремились к тому, чтобы сохранить в Германии экономические и политические основы господства реакционных и милитаристских сил, имея в виду использовать их в будущем для осуществления враждебных Советскому Союзу политических и военных планов»⁴.

В предвоенные годы антисоветская стратегия получила свое наиболее яркое выражение в позорном мюнхенском соглашении и в срыве англо-французскими представителями летом 1939 г. переговоров с СССР о коллективных действиях против агрессоров. Вынужденные вступить в войну против Германии западные державы продолжали свою мюнхенскую политику в новых ее вариантах. В сентябре 1939 г. они предали своего польского союзника. Антисоветская стратегия проявилась в весьма ограниченном и выжидательном характере военных действий, которые вели западные союзники, в незначительных размерах экономической помощи союзников Советскому Союзу, во враждебном отношении к национально-освободительному движению европейских народов, в переговорах деятелей США и Англии с нацист-

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 65.

² W. Görlich. Der zweite Weltkrieg 1939—1945, Bd. I, S. 295, 302—303.

³ См. Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 232.

⁴ Правда о политике западных держав в германском вопросе. Об ответственности западных держав за нарушение Потсдамского соглашения и возрождение германского милитаризма (Историческая справка). М., Госполитиздат, 1959, стр. 7.

скими лидерами о превращении антифашистской войны в войну объединенных сил империалистов против СССР. Политику западных держав ярко характеризует саботаж в открытии второго фронта. Действительные мотивы, побудившие их открыть боевые действия в Западной Европе, очень далеки от стремления выполнить свои обязательства перед СССР. Второй фронт был открыт только после коренного изменения хода войны. Правящие круги США и Англии преследовали при этом главную цель — «не дать народам стран Западной Европы самим, с помощью Советской Армии разгромить войска оккупантов»¹, спасти в этих странах реакцию.

Подобные намерения западных союзников во время войны вынуждены признать даже многие реакционные историки и мемуаристы. З. Вестфаль, А. Кессельринг и другие описывают «чрезмерную осторожность союзников и удивительно пассивные действия» англо-американских войск после высадки их на европейском материке, хотя они и достигли «полного господства в воздухе и имели огромное количество техники» и свежие резервы². Зельмайр полагает, что англичане после их высадки в 1944 г. в Греции «не спешили преследовать немцев»³.

Непреложным фактом остаются многочисленные попытки империалистов заключить антисоветскую сделку.

Что же явилось причиной создания антифашистского союза и провала главных антисоветских планов империалистов?

Среди причин, обусловивших возникновение антифашистской коалиции, важное место занимают противоречия между двумя империалистическими группировками. Германский империализм стремился создать грандиозную колониальную империю. Монополии США и Англии, готовые пойти на некоторые уступки своему конкуренту, решительно противились планам его «мирового владычества» и стремились направить захватнические устремления фашистов против СССР. Острейшие экономиче-

¹ Речь Н. С. Хрущева на девятой общегерманской рабочей конференции в городе Лейпциге 7 марта 1959 г. «Правда», 27 марта 1959 г.

² См. Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 106—121; К. Тилпельскирх. История второй мировой войны, стр. 293, 339, 342.

³ Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 130.

ские противоречия привели к военному столкновению двух групп империалистов. Вследствие исключительной агрессивности германо-фашистского империализма его победа в войне означала бы не только потерю «сфер влияния» западных держав, но и их национальное порабощение. В этих условиях их правящие круги были вынуждены пойти на коалицию с СССР.

Поэтому суть вопроса не в субъективных желаниях буржуазных деятелей. Борьба англо-американских монополистов со своими германо-японскими конкурентами заставила их пойти значительно дальше того, что допускали их классовые интересы. В первую очередь это относится к их вынужденному участию в антифашистской коалиции, которая сыграла важную роль в разгроме фашистского блока.

Важнейшим фактором, обусловившим провал расчетов на международную изоляцию Советского государства, явилась внешняя политика СССР. От советско-германского договора о ненападении до Потсдамской конференции все внешнеполитические шаги СССР обеспечивали наиболее благоприятные условия для победы над агрессорами и демократического устройства послевоенного мира. Главной целью советской внешней политики во время войны явилось всемерное ослабление вражеского лагеря, создание и укрепление мощного антифашистского союза народов. При этом Советское правительство исходило из известного указания В. И. Ленина о том, что «надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами»¹. Наряду с этим срыв антисоветских империалистических планов был обусловлен величайшей активностью народных масс, этой важной особенностью второй мировой войны, и сокрушительными ударами Красной Армии по германскому фашизму и его союзникам.

Гитлеровцы допустили в минувшей войне существенные просчеты: недооценку могущества Советского Союза и антифашистского движения народов, игнорирование силы межимпериалистических противоречий. Не осуществился расчет на восстановление их сотрудничества с западными державами после нападения Германии на СССР. Так же позорно провалились и планы англо-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 410—411.

американских империалистов, рассчитанные на максимальное ослабление СССР, насильственное восстановление реакционных режимов в европейских странах и антисоветского «санитарного кордона». Все эти просчеты связаны прежде всего с непониманием природы и преимуществ социалистического строя. Однако в период упадка капитализма это характерно не только для отдельных буржуазных лидеров, но и для всей империалистической буржуазии. «...Нельзя рассчитывать правильно, — говорил В. И. Ленин об империалистах, — когда стоишь на пути к гибели»¹.

Сознательно извращая сущность антифашистской коалиции, причины ее образования и политические цели ее участников, западногерманские реакционные историки оказываются не в состоянии показать действительную роль в войне всех государств — членов антифашистского союза. В ФРГ господствует общая для всех буржуазных историков тенденция к принижению вклада СССР в разгром гитлеризма². Многие западногерманские авторы стремятся доказать, что без помощи союзников СССР не смог бы устоять в 1941—1942 гг. и был бы не в состоянии в 1943—1945 гг. провести свои наступательные операции. При этом они намеренно преувеличивают удельный вес ленд-лиза в военных усилиях Советского Союза, объясняя американскую военную помощь СССР какой-то мифической любовью руководителей США к советским людям. Наряду с этим они игнорируют операции Советской Армии и свое главное внимание концентрируют на действиях западных держав и на победах вермахта. В книге З. Вестфаля, например, помещена хронологическая таблица второй мировой войны. Из 172 дат, приведенных в таблице, лишь 6 дат в той или иной степени связаны с Советскими Вооруженными Силами³.

Вслед за англо-американскими реакционными историками западногерманская историография распространяет «теорию поворотных пунктов», призванную обосно-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 128.

² Советской исторической наукой уже опровергнута эта версия фальсификаторов и доказано, что на советско-германском фронте решалась судьба всех стран антифашистской коалиции. См. Поражение германского империализма во второй мировой войне. М., Воениздат, 1960.

³ См. S. Westphal. Heer in Fesseln.

вать «определяющее» влияние «битвы за Англию», боев под Эль-Аламейном, высадки союзных войск во Франции в 1944 г. и др. Автор «Истории Германии в рамках всемирной истории» Г. Е. Штир хотя и отмечает, что «Сталинград — это не потерянная битва, а потерянная война», но пытается убедить читателя в том, что на Волге русские победили благодаря успехам англо-американцев в Северной Африке¹. В книге «Решающие битвы второй мировой войны», изданной в 1960 г. во Франкфурте-на-Майне, решающие сражения мировой войны — операции Советской Армии — поставлены наравне со второстепенными событиями: поражением англичан под Дюнкерком, операцией немцев на острове Крит, военными действиями на Средиземном море, неудачным контрнаступлением немцев в Арденнах, подводной войной 1943 г. и др.²

Однако история войны, как сказал Н. С. Хрущев, неопровержимо свидетельствует о том, что Советский Союз внес «гораздо больший вклад в разгром гитлеризма, чем все остальные, вместе взятые, участники антигитлеровской коалиции»³. Фальсификаторы истории бесцельны предать забвению этот неоспоримый факт. Многие историки ФРГ в той или иной степени признают решающее значение советско-германского фронта. Так возникают многочисленные противоречия, характерные для этой литературы.

Почти все западногерманские историки и мемуаристы (с большими или меньшими оговорками) поворотным пунктом второй мировой войны справедливо считают битву на Волге. В. Бёмерт полагает, что для Гитлера Сталинград был таким же «великим поворотным пунктом», как для Карла XII и Наполеона I — Полтава и Москва⁴. Другие подчеркивают исключительное значение битвы под Москвой, Курской битвы, битвы за

¹ См. H. E. Stier. Deutsche Geschichte in Rahmen der Weltgeschichte. Frankfurt am Main, 1959, S. 988—991.

² См. Entscheidungsschlachten des zweiten Weltkrieges.

³ Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войн, т. 1, М., Госполитиздат, 1960, стр. 116.

⁴ V. Böhmer. Zentralisation und politischer Machtverfall (Karl XII, Napoleon und Hitler). Welt als Geschichte. 1958, H. 1, S. 26.

освобождение Белоруссии. Кроме того, многие авторы отмечают незначительное влияние на исход войны стратегических бомбардировок Германии англо-американской авиацией и ограниченное значение второго фронта в Европе. Они признают слабость германского Западного фронта, войска и боевая техника которого были, по их мнению, второразрядными. В этом западногерманские историки расходятся с реакционной англо-американской историографией.

Противоречивая оценка роли СССР и его союзников в западногерманской исторической и мемуарной литературе объясняется тем, что, наряду с классовой ненавистью к СССР, буржуазные историки руководствуются и другими соображениями. Вследствие усиливающихся межимпериалистических противоречий и агрессивной политики монополистов ФРГ, их идеологи пытаются обосновать претензии германского милитаризма на руководящую роль в НАТО. Восхваляя вермахт, они отнюдь не склонны признавать военное превосходство англо-американцев над немцами и всемерно подчеркивают победы вермахта над армиями США и Англии, а его поражение на Западе не без оснований объясняют тем, что еще до 1944 г. вермахт был крайне обессилён боями на Восточном фронте. Кроме того, прямое отрицание решающей роли СССР в разгроме гитлеризма невозможно, ибо население ФРГ познало войну на собственном опыте. Наконец, в целях более «рационального», с их точки зрения, военного строительства буржуазные деятели стремятся извлечь из истории практические выводы. Это вынуждает их исследовать действительную историю войны и делать в какой-то степени правдивые признания.

Утверждение о «внешнеполитических просчетах» как причине поражения Германии находится в прямой зависимости от политической ситуации. И тезис о «гибельном расколе противников большевизма», и попытки объяснить поражение «слабостью союзников» Гитлера, и преднамеренное преуменьшение роли СССР — все эти аргументы преследуют одну цель — обосновать нынешние расчеты западногерманских милитаристов на «сильных союзников», на «военное превосходство Запада» и доказать необходимость создания антисоветского блока всех империалистических государств.

Измышления о неблагоприятных условиях войны

Среди таких легенд особенно в ходу сейчас «теория» естественных факторов, заимствованная современными историками у дворянской и буржуазной историографии наполеоновских войн.

Рассматривая историю второй мировой войны вне социальных отношений, эти историки умышленно уводят читателя в XIX и даже в XVIII век, пытаясь провести параллель между Гитлером, Наполеоном I и Карлом XII¹. Х. Мантейфель, К. Рикер, Г. Теске и другие говорят о каких-то неизменных особенностях России на протяжении последних 250 лет². Гитлер встретил-де те же препятствия на своем пути в Россию, что и Наполеон I и Карл XII: географические условия, благоприятные только для русских, выносливость, неприхотливость и невероятную стойкость русского солдата. Редкий западногерманский автор не вспомнит, что советский солдат воевал за «матушку-Русь», что были возрождены старые военные традиции (учреждение гвардии, офицерских званий и погон, орденов Суворова, Кутузова и т. д.). Разумеется, нельзя отрицать определенного влияния прогрессивных русских военных традиций на воспитание личного состава Советских Вооруженных Сил. Однако умышленное преувеличение роли такой пропаганды, как и значения «неизменных» факторов, преследует политическую цель — завуалировать моральные качества советских людей, рожденные Октябрьской революцией и воспитанные Коммунистической партией.

Все западногерманские историки в той или иной степени объясняют поражение фашистских войск отрицательным влиянием «русского лета с его пылью, зноем и жаждой», «осени с ее дождями, заставляющими захлебнуться в грязи всякое передвижение», «невероятно ранней и суровой зимы». При этом они часто теряют всякое чувство меры.

К. Рикер, например, полагает, что советские войска могли будто просто отступить, а «бескрайние россий-

¹ См. Роковые решения, стр. 64—113.

² См. Итоги второй мировой войны, стр. 114—115, 121, 605; Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 201, 242.

ские дали» и без них измотали бы противника¹. Группа философствующих милитаристов стоит на позициях фашистской «геополитики». Х. Леверкюн и другие объясняют влиянием географической среды и агрессивности Германии и исход военных действий. Мировые события, пишет Греффрат, не определяются «ни настроениями масс, ни талантом или бездарностью руководителей...

Успех или неудача в... борьбе между народами зависят от географических условий...»².

Целые трактаты о «русских пространствах» и «нечеловеческом климате России», написанные генералами, имеют главную цель — свести на нет героические усилия советского народа и его Вооруженных Сил.

Разумеется, нельзя не учитывать значения географических условий театра военных действий. Но нельзя и преувеличивать эти факторы. Советским и немецким войскам приходилось воевать в совершенно равных условиях. Об этом иногда пишут сами авторы мемуаров: «Кончился период распутицы, давший обеим сторонам некоторую передышку»³.

Географическая среда как одно из условий ведения войны сама по себе никогда не решала исхода войн. Исход войны может решить только активная деятельность людей, т. е. решительные действия армии и народа. В. И. Ленин говорил, что «война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации»⁴. История войны СССР против гитлеровской Германии ярко подтверждает этот вывод.

Пытаясь реабилитировать вермахт и обойти молчанием классовую природу Советской Армии, ее героизм и негибемую волю к победе, стремясь принизить воинское мастерство советских воинов, западногерманские историки утверждают, будто бы немцы воевали умением, а русские — числом. «Масса была козырем русских»⁵, — пишет А. Кессельринг. «Советы с их людскими массами просто затопляли нашу (немецко-фашистскую. — А. М.) артиллерию и танки», мы вели «войну

¹ K. Rieker. Ein Mann verliert einen Weltkrieg, S. 18.

² Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 493—494; см. также Итоги второй мировой войны, стр. 286.

³ Итоги второй мировой войны, стр. 82.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 133.

⁵ A. Kesselring. Gedanken zum zweiten Weltkrieges, S. 128.

бедного человека» против превосходящего противника¹, вторит ему Г. Фриснер. Г. Гудериан, К. Типпельскирх и другие, как мы уже видели, говорят о том же.

Советская Армия добилась побед благодаря своему качественному превосходству. В сражениях первых лет войны общее численное превосходство было на стороне вермахта. В 1941 г. численность Вооруженных Сил СССР составляла 4 207 тысяч человек², в то время как в вооруженных силах Германии было 7 234 тысячи человек³. Значительная часть советских войск была сосредоточена на Дальнем Востоке. Германия лишь небольшую часть (по данным Б. Мюллер-Гиллебранда, 13 процентов) своей армии оставила на Западе. Кроме того, в нападении на СССР приняли участие войска государств-сателлитов.

Часто немецкие войска на направлениях главных ударов имели четырех-пятикратное превосходство в силах и средствах. Определенного численного превосходства Красная Армия достигла в ходе войны. Но «фантастического перевеса в силах», о котором говорят фальсификаторы, она не имела никогда.

Буржуазные историки пишут о численном превосходстве Советских Вооруженных Сил совершенно бездоказательно. К 1941 г. население Германии вместе с территориями, включенными в состав Третьей империи, и ее европейских союзников составляло 183 миллиона. Население всех контролируемых гитлеровцами стран равнялось 333 миллионам человек. Эти авторы сбрасывают со счетов и тот факт, что в военном хозяйстве Германии работали миллионы иностранных рабочих. В конце 1944 г. их число равнялось 13 миллионам. Кроме того, к лету 1942 г. в руках фашистов оказалась часть советской территории с населением около 88 миллионов человек. Освобождение этих районов было закончено лишь к концу 1944 г. Тем не менее отрицательное влияние всех этих факторов было сведено к минимуму, благодаря победившему в нашей стране социализму.

Численность армии зависит от количества населения,

¹ См. Н. Friessner. Verratene Schlachten, S. 231, 61.

² См. Н. С. Хрущев. Доклад на IV сессии Верховного Совета СССР. М., 1960, стр. 30.

³ См. Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухонутная армия Германии 1933—1945 гг., т. II, стр. 140.

но она зависит и от характера общественного и государственного строя. Численность армии связана и с уровнем производительности труда, и с отношением трудящихся масс к войне, и с ростом населения, и состоянием его здоровья.

Советское государство в труднейших условиях войны сумело выставить многочисленные вооруженные силы, достаточные для отпора, а впоследствии и для разгрома врага.

Тезис о численном превосходстве обычно сопровождается грязной клеветой на Красную Армию. Буржуазные военные историки говорят о «несообразительности, природной лени и стадном инстинкте» русского солдата, которые якобы заставляли советское командование сводить войска в огромные «толпы».

История войны показывает, что Красная Армия, воспитавшая миллионы находчивых, инициативных, смелых и прекрасно владеющих боевой техникой солдат, сержантов и офицеров, добивалась побед благодаря незаурядному уменью своих полководцев, высоким морально-политическим и боевым качествам личного состава. КПСС, создавая и укрепляя армию, всегда помнила указания В. И. Ленина о том, что современная война «так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса, — писал В. И. Ленин, — невозможен успех в современной войне»¹.

Решительная победа Советского Союза над гитлеризмом явилась результатом и в то же время неопровержимым доказательством огромного превосходства наших Вооруженных Сил. М. Торез говорил на встрече с трудящимися Москвы 8 ноября 1957 г.: «Вторая мировая война показала не только экономическое и техническое превосходство СССР: она продемонстрировала несомненное моральное и политическое превосходство солдата Красной Армии, нового человека, выковавшегося в огне революции; превосходство Советской Армии, созданной и руководимой Коммунистической партией».

Своими высокими гуманными качествами, своим упорством, воодушевлением, духом самопожертвования,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 35.

благодаря которым Советская Армия, преодолев неслыханные трудности, наголову разбила грозную военную машину фашизма, — всем этим она исключительно обязана проводимой партией воспитательной работе и осуществляемому ею руководству»¹.

Преимущества Советского Союза и его Вооруженных Сил вынуждены иногда признавать даже сами реакционные историки. К. Рикер пишет о решительности и организаторских способностях советского руководства, политической устойчивости Советского государства². Ф. Меллентин сообщает об удивительном изменении России с 1917 г. благодаря умелой и настойчивой работе «коммунистов. Индустриализация, продолжает он, дала Красной Армии новую технику и большое число высококвалифицированных специалистов. Русские быстро научились использовать новые виды оружия и... вести боевые действия с применением сложной военной техники». «Партия и ее органы обладают в Красной Армии огромным влиянием»³. Часть западногерманских историков вынуждена также признать высокий уровень советского военного искусства и замечательные способности наших полководцев, по существу отрицая этим «тезис о числе». Даже убежденный гитлеровец Дитмар подчеркивает, что в состязании военных искусств СССР и Германии «выиграли принципы прогрессивного значения, противопоставленные русской стороной»⁴. Ф. Меллентин подтверждает, что «русское высшее командование знает свое дело лучше, чем командование любой другой армии»⁵.

Тезис о численном превосходстве, выдвинутый еще гитлеровцами, охотно принят сейчас на вооружение поборниками «холодной войны». Разговоры о «численном превосходстве» Советских Вооруженных Сил над силами НАТО призваны оправдать ту гонку вооружений, которую ведут в наши дни империалисты.

¹ «Правда», 9 ноября 1957 г.

² См. К. Rieker. Ein Mann verliert einen Weltkrieg, S. 70.

³ Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 243; см. также К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 256.

⁴ К. Rieker. Ein Mann verliert einen Weltkrieg, S. 8.

⁵ Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 244.

В отличие от вымыслов о внешних условиях войны версии, связанные с внутренними условиями («неподготовленность» немецкой военной экономики и др.), имеют среди западногерманских авторов незначительное число сторонников.

Г. Керль и некоторые другие утверждают, что «к мировой войне Германия во всех отношениях была неподготовленной»¹ (недостаток сырья, минимальные размеры военного производства, неудовлетворительное положение с рабочей силой). Это утверждение не соответствует действительности. Его опровергают признания многих мемуаристов. Гитлеровские чиновники Крозиг и Рике пишут о хорошо организованном военном производстве и запасах продовольствия, рассчитанных на длительную войну²; Манштейн признает, что германское «командование готовило реванш с первых дней после Компьена»³; Дёрр говорит об армии, «прекрасно подготовленной к войне»⁴; Меллентин заявляет, что «германская военная промышленность не несет ответственности за... поражение»⁵. Блюментрит пишет о самой тщательной подготовке к войне: «Все, что можно было сделать перед началом кампании, было сделано»⁶.

Нельзя не согласиться с банкиром Шахтом, когда он говорит, что «Германия создала непревзойденную военную машину». В 1939 г. вермахт был наиболее хорошо оснащенной и мобильной армией в капиталистическом мире. Перегнав по уровню производства Англию и Францию, Германия в военном отношении значительно опередила все капиталистические страны мира. В 1933—1939 гг. ее военные расходы составили 90 миллиардов марок⁷, что в 4—5 раз превышало военные ассигнования США. Германские империалисты резко увеличили производство металлов, химических продуктов, синтетического каучука и горючего. Они накопили большие

¹ Итоги второй мировой войны, стр. 363—368.

² См. Итоги второй мировой войны, стр. 425, 445—448.

³ Erich v. Manstein. Verlorene Siege, S. 148.

⁴ Г. Дёрр. Поход на Сталинград, стр. 55.

⁵ Ф. В. Меллентин. Танковые сражения 1939—1945 гг., стр. 292.

⁶ Роковые решения, стр. 71.

⁷ См. Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг., стр. 23—31.

запасы цветных металлов и вышли на первое место в мире по производству алюминия.

Разумеется, Германия по своим ресурсам была значительно слабее возникшего впоследствии союза великих держав. Даже Англия и Франция (без колоний) в 1939 г. по людским и материальным ресурсам не уступали Германии. Германия не могла рассчитывать на успех в длительной войне с великими державами. Однако одни ресурсы, как показал, например, ход военных действий на Западе в 1939—1940 гг., не могут решить исход войны. Ресурсы США и Англии были введены в действие в основном лишь в конце войны, когда ее исход был уже определен событиями на Восточном фронте. Поэтому при исследовании вопроса о степени военно-экономической подготовки Германии необходимо сравнение экономических потенциалов фашистского блока и его главного противника — Советского Союза.

«План Барбаросса» был поддержан мощной экономикой всей Западной Европы. К лету 1941 г. страны фашистского блока добывали почти в 2,5 раза больше угля, выплавляли примерно в 1,5 раза больше стали, в 1,3 раза больше чугуна, чем СССР. В условиях капиталистической Германии нацисты сделали все возможное для подготовки к войне. Они располагали такой могучей военной машиной, какой никогда не имел ни один агрессор за всю историю человечества.

И даже при такой невиданной концентрации военных сил империалисты не добились преимущества над социалистически организованным экономическим и военным потенциалом Советского Союза. Это обстоятельство подчеркивает огромное значение экономической победы СССР над гитлеровской Германией. В. Ульбрихт, имея в виду коренной просчет фашистов, мечтавших о легкой победе над Советским государством, говорил фельдмаршалу Паулюсу: «В своих расчетах вы учитывали только тонны, количество боеприпасов и количество имеющихся танков. Но политические и экономические силы Советского Союза и народов, поднявшихся против фашизма, вы не смогли правильно оценить»¹.

Таким образом, отнюдь не «экономическое истощение» Германии привело ее к поражению. Почти до са-

¹ «Правда», 20 июня 1959 г.

мого окончания войны немецкая экономика, всесторонне подготовленная к войне, обеспечивала вермахт всеми средствами, необходимыми для ведения военных действий. Капитуляция гитлеровской Германии произошла не вследствие экономических затруднений, а в результате разгрома ее войск вооруженными силами СССР и других стран антифашистской коалиции.

Наиболее реакционные мемуаристы (Г. Фриснер и некоторые другие) и западногерманские солдатские газеты открыто фашистского толка, следуя нацистской пропаганде военных лет, обвиняли заговорщиков 20 июля 1944 г. в клятвопреступлении и объясняли военный крах Германии покушением на Гитлера.

Оппозиция Гёрделера — Бека, организовавшая это покушение, не оказала на исход войны никакого влияния. Наоборот, поражения вермахта на Восточном фронте были причиной буржуазно-генеральского путча. Фашистская фронда 20 июля преследовала реакционные цели — сохранить господство германо-фашистского империализма ценой устранения Гитлера. В этих целях заговорщики рассчитывали, не прекращая антисоветской войны, заключить сепаратную сделку с западными державами. Анализ планов заговорщиков показывает их глубокую внутреннюю общность с фашистами: политические взгляды тех и других, по существу, не отличались друг от друга. Пытаясь устранить Гитлера, «люди 20 июля» отнюдь не добивались ликвидации фашизма и поражения Германии.

После 20 июля 1944 г. тезис об «измене» был широко использован нацистами для объяснения военных поражений вермахта. Они полностью восстановили легенду о «кинжальном ударе» применительно ко второй мировой войне. Тем не менее подавляющее большинство современных реакционных немецких авторов, и в их числе ведущие историки ФРГ Г. Ротфельс, Г. Риттер, В. Гёрлицц, находят политически более выгодным противоположный этому миф о «единстве немецкой нации во время второй мировой войны» и «абсолютной преданности Гитлеру народа и армии».

Пытаясь представить «опозицию 20 июля» в виде единственного в Германии центра сопротивления, историки и мемуаристы отрицают, однако, ее стремление нанести «удар в спину сражающегося вермахта» и про-

славляют мнимый «антифашизм» и «миролюбие» заговорщиков. Г. Ротфельс выступает против созданной гитлеровской пропагандой «легенды о разлагающем влиянии заговора 20 июля». Он утверждает, что «заговорщики не имели никакого отношения к саботажу и что сам по себе саботаж был незначительным»¹. Г. Якобсен ставит себе цель разрушить легенду об ударе в спину. Он обвиняет Гитлера в «саботаже-психозе», считает, что в действительности измены и саботажа не было, что «Dolchstoßlegende» (применительно к последней войне) является следствием «недостатка самокритичности» и «привычки Гитлера перекладывать вину на других»². Военный преступник К. Дёниц выступает в своих мемуарах в качестве «принципиального противника измены, при любых обстоятельствах», но он также отвергает «легенду о том, что измена покушавшихся привела к поражению»³.

В последнее время вследствие возрождения милитаризма в ФРГ произошло примирение между западногерманскими апологетами «героев 20 июля» и неофашистами, обвинявшими путчистов в измене. Причем это примирение произошло на основе признания полной пассивности немецкого народа во время войны.

В противоположность буржуазной историографии первой мировой войны, возлагавшей вину за поражение Германии на ее рабочий класс, западногерманские реакционные историки стремятся умалить значение немецкого антифашистского движения, рисуют трудящихся Германии «безвольным орудием осуществления фанатичной идеи Гитлера», который якобы являлся «рупором всех их неоформленных желаний»⁴. В. Гёрлиц открыто заявляет, что ответственность за злодеяния фашизма несут не военные монополии, а народные массы, ибо гитлеризм якобы стихийно возник из движения масс. Р. Дикс вопреки широко известным и неопро-

¹ H. Rothfels. Zeitgeschichte. Betrachtungen. Vorträge und Aufsätze. Göttingen, 1959, S. 164.

² H. A. Jacobsen. 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, S. 496—498.

³ K. Dönitz. Zehn Jahre und zwanzig Tage, S. 402—403; см. также Итоги второй мировой войны, стр. 582; Мировая война. 1939—1945 годы, стр. 279.

⁴ W. Görlich, H. Quint. Adolf Hitler. Stuttgart, 1952, S. 651.

вержимым фактам заявляет, что «Гитлера выбрали массы, главным образом рабочие, в то время как тяжелая индустрия (монополисты. — А. М.) его отклонила»¹. Г. Риттер, В. Флике, Д. Даллин пишут о немецких коммунистах как о «платных иностранных агентах» и отрицают народный характер движения Соппротивления.

Приращение борьбы немецких антифашистов является главной тенденцией реакционной историографии движения Соппротивления. Весьма характерен в этом смысле сборник «Национал-социализм. Документы 1933—1945 г.», составленный В. Хофером. В этой книге все материалы раздела «Движение Соппротивления» касаются лишь путча 20 июля, названного здесь «важнейшей и выдающейся акцией германского движения сопротивления»². О немецком антифашистском движении, руководимом коммунистами, сказано лишь несколько ничего не значащих слов. В сборнике нет ни одного документа о деятельности КПГ — единственной последовательно антифашистской силы в Германии. Но здесь нашли место гёрделеровский «план мира», предсмертное письмо иезуитского священника, связанного с заговором, многочисленные приговоры так называемого «народного суда», чинившего расправу над противниками Гитлера.

Попытки извратить и умалить самоотверженную борьбу немецких коммунистов против гитлеровского режима так же несостоятельны, как и попытки изобразить заговор 20 июля 1944 г. в качестве великой антифашистской акции. Если заговорщики стремились изменить лишь форму господства империалистов, то движение Соппротивления во главе с коммунистами имело целью не только устранить Гитлера, но и создать подлинно демократическую миролюбивую Германию. Это движение имеет выдающееся значение. Хотя ему и не удалось свергнуть нацистскую диктатуру, оно заложило прочные основы единого антифашистского фронта и привело к созданию СЕПГ и возникновению ГДР — первого в истории Германии государства рабочих и крестьян.

Вымысел о «единстве немцев во время войны» повторяет нацистский тезис о «неразрывной общности гитле-

¹ W. F. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie, S. 87.

² Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945. Frankfurt am Main und Hamburg, 1957, S. 314.

ризма и немецкого народа» и служит обоснованию современного мифа о «социальном согласии» всех классов ФРГ. Разоблачение этого мифа, направленного против ГДР и против КППГ, будет способствовать сохранению и развитию в Германии славных антифашистских традиций, приобретающих особую роль в борьбе против милитаризма и неофашизма.

* * *

Западногерманские историки и генералы по своему мировоззрению являются идеалистами. Идеализм в истории, отрицающий существование закономерностей общественного развития и возможность объективного исторического знания, служит теоретической основой их исторических изысканий. Субъективистское истолкование событий второй мировой войны и прямые извращения ее истории буржуазными авторами приводят к возникновению в их трудах многочисленных противоречий. Историки и мемуаристы этого направления крайне противоречиво трактуют роль Гитлера. С одной стороны, они обвиняют Гитлера в маниакальном стремлении к «руководству миром»; с другой стороны, они отводят ему исключительную роль в истории войны. Объясняя поражение Германии «некомпетентным вмешательством» Гитлера в военное руководство, они одновременно утверждают, будто «воля фюрера» неоднократно спасала положение на фронтах. Критикуя авантюристический характер «плана Барбаросса», многие авторы обосновывают тезис о его запоздалости; в основе этого тезиса лежит тот же авантюризм германских милитаристов. Легенда о «принципиальной борьбе» генштаба с Гитлером сопровождается оговорками о нежелании генералов «нанести вред» усилиям вермахта. Нелепые рассуждения о «вермахте-освободителе» чередуются с вынужденным признанием человеконенавистнических целей германского империализма, орудием осуществления которых являлся вермахт. Большой противоречивостью отличается оценка западногерманскими реакционными историками взаимоотношений внутри фашистского блока, роли СССР и его союзников в войне, а также оценка морально-политических и боевых качеств Советской Армии.

Главным побудительным мотивом западногерманских фальсификаторов истории является стремление монопо-

листической буржуазии подчинить историографию современной империалистической политике. Немецкий империализм — главный виновник двух мировых войн — вновь ставит себе разбойничьи военные цели. В этих условиях западногерманская историография второй мировой войны, как и вся немецкая буржуазная идеология в целом, имеет главное назначение — обосновать захватнические цели империалистов ФРГ и осуществить подготовку новой войны. Все версии причин поражения, распространяемые в военных мемуарах и в исторических исследованиях, тесно связаны с агрессивным курсом внешней политики западногерманских монополий. Характерно, что все эти версии, за исключением тезиса об ответственности Гитлера, заимствованы из арсенала фашистской военной пропаганды. Обвинение Рузвельта и Черчилля в «измене западной цивилизации», третирование союзников Германии по агрессивному блоку, «теория естественных факторов», миф о «численном превосходстве», принижение роли немецкого движения Сопротивления — все эти аргументы в свое время применялись Геббельсом и его пропагандистами.

Политический заказ империалистов, вызвавший фальсификацию истории, обуславливает и недобросовестность методов, к которым прибегают реакционные авторы. Главной характерной особенностью буржуазной фальсификации причин военного краха гитлеризма является стремление буржуазных историков обойти молчанием важнейший источник победы СССР в Великой Отечественной войне — превосходство социализма над капитализмом. Отсюда их порочный метод исследования событий войны в отрыве от социально-экономических условий, их приверженность к версиям, внешне не связанным с политикой (тезисы о «естественных условиях», «численном превосходстве»). Основными приемами западногерманских историков являются подтасовка и извращение фактов, замалчивание событий, объективное освещение которых политически невыгодно буржуазии, апологетика милитаризма, сочетание полуправды с ложью и прямой подлог. Вопреки заверениям буржуазных историков «служить правде» и «способствовать объективному пониманию истории войны»¹, их книги носят ярко

¹ S. Westphal. Heer in Fesseln, S. 7, 8.

выраженный пропагандистский и тенденциозный характер.

Немецкая реакционная историография издавна выступала в качестве служанки империалистов и неизменно прибегала к фальсификации истории. Но никогда еще фальсификация истории не достигала таких громадных размеров, как в настоящее время. Напуганная грандиозными успехами социализма, империалистическая буржуазия стремится ослабить революционизирующее влияние СССР и всего социалистического лагеря на трудящиеся массы капиталистического мира. Западногерманская реакционная историография, являясь орудием империалистической пропаганды, пытается реабилитировать немецких империалистов, ответственных за последнюю войну, и оправдать их современную агрессивную политику.

Однако тщетны усилия империалистов и их идеологов. Им не повернуть вспять колесо истории, не изменить столь невыгодных для буржуазии результатов войны. Главный урок событий 1941—1945 гг. — могущество великой Страны Советов неоспоримо, социализм несокрушим. «Победа советского народа в этой войне, — подчеркивается в Программе КПСС, — подтвердила, что в мире нет сил, которые могли бы остановить поступательное развитие социалистического общества»¹.

¹ Материалы XXII съезда КПСС, стр. 331.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Глава первая. Причины и характер второй мировой войны	24
Замалчивание в буржуазной литературе истинных причин и характера войны	—
Искажение исторической действительности в трудах идеологов империализма	34
Глава вторая. Первый период войны — период легких успехов гитлеровцев	50
О событиях в Польше осенью 1939 г.	—
Вторжение в Западную Европу летом 1940 г.	60
Глава третья. О роли «битвы за Англию»	72
Причины истинные и мнимые	—
Преувеличение значения боевых действий на море и в воздухе	86
Глава четвертая. Провал плана «молниеносной войны» против СССР	91
Порочность гитлеровской стратегии	—
Срыв Советской Армией „плана Барбаросса“	97
Измышления относительно причин краха „блицкрига“	104
Глава пятая. Первое поражение Германии во второй мировой войне	116
Что означал разгром гитлеровских полчищ под Москвой?	—
Буржуазные историки уходят от рассмотрения действительных причин	118
Глава шестая. Коренной перелом в ходе войны	126
Сокрушительное поражение немецко-фашистских войск в битве на Волге	—
Урок преподан советским военным искусством	136

Глава седьмая. Понятие «второй фронт» и причины срыва его открытия в 1942—1943 гг.	147
Союз для совместной борьбы или „печальная необходимость“?	—
В полном соответствии с планами оттяжек и проволочек „Недостаток сил и средств“, который существовал только на бумаге	152
163	163
Глава восьмая. Завершение коренного перелома в ходе войны. Битва под Курском	173
Расчеты и просчеты гитлеровских генералов	—
Крушение наступательной стратегии вермахта	189
Глава девятая. 1944 год — год выдающихся побед Советских Вооруженных Сил	201
Центр военных событий остается на Восточном фронте	—
Исход мировой войны предreshен победами Советской Армии	208
Выискивание того, чего не было, и замалчивание действительных причин	214
Глава десятая. Разгром фашистской Германии в 1945 г.	224
Заключительный этап войны в Европе	—
Враг капитулировал под ударами Советских Вооруженных Сил	240
Глава одиннадцатая. Роль Советского Союза в разгроме империалистической Японии	253
Империалистическая Япония продолжает войну	—
Соотношение сил воюющих сторон и возможность десанта на острова собственно Японии осенью 1945 г.	264
Значение разгрома Квантунской армии для окончания войны в бассейне Тихого океана	272
Глава двенадцатая. Советский Военно-Морской Флот в Великой Отечественной войне	279
Миф о пассивности советского флота	—
Крушение немецко-фашистских планов наступления на приморских направлениях	287
Глава тринадцатая. Роль советских Военно-воздушных сил в разгроме гитлеровской Германии	300
Советская авиация надежно поддерживала наземные войска с воздуха	—
Военно-воздушные силы СССР доказали в боях превосходство над врагом	310

	<i>Стр.</i>
Глава четырнадцатая. Западногерманские реакционные историки о причинах поражения фашистской Германии	322
Легенда о непогрешимости немецко-фашистского генералитета	324
Что скрывается за утверждениями о „слабости союзников“ фашистской Германии и о „гибельном расколе противников большевизма“	332
Измышления о неблагоприятных условиях войны . . .	345

УРОКИ ИСТОРИИ НЕОПРОВЕРЖИМЫ

М., Воениздат, 1964, 360 с.

Редактор кандидат исторических наук подполковник *Киселев А. Н.*

Художник *Иванов Б. С.*

Технический редактор *Кузьмин И. Ф.*

Корректор *Романова М. В.*

Сдано в набор 8.6.63 г.	Г-12202	Подписано к печати 18.4.64 г.
Формат бумаги 84×108 ¹ / ₃₂ — 11 ¹ / ₄ печ. л. = 18,45 усл. печ. л. = 18,986 уч.-изд. л.		
	Тираж 6500 экз. ТП 64 г. № 61	
Изд. № 2/5463	<i>Цена 1 р. 5 к.</i>	Зак. 1062

1-я типография
 Военного издательства Министерства обороны СССР
 Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 1 р. 5 к.

• УРОКИ ИСТОРИИ НЕОПРОВЕРЖИМЫ •